

Г 67

16888

№3

История
Государства Российского

СПб., 1830

И С Т О Р І Я
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

Изданіемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1830.

Г 67
16888
w 3

П Е Ч А Т А Н О

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

925³
67

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Гос. Публ. Библ. - рад.
Библиотека

СВЕТЛО
2000

И С Т О Р І Я ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ГЛАВА I.

Великій Князь Андрей.

Г. 1169 — 1174.

Областни Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новогородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Гляба. Смерть въроломнаго Владимира. Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Сайганъ или шрофенъ Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новогородъ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Роспиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мѣтежъ въ землѣ Суздальской. Печаль къ Андрею. Свойства его. Первая срьсѣ. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вязьмы.

Андрей властвовалъ тогда въ четырехъ вышеуказанныхъ Губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской; *отчасти* въ Новгородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагалъ областію Кіевскою; по- Г. 1169. Облас-ти Ан-дрея.

Томъ III

1

ведѣвалъ Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими; но Черниговскіе и Галицкій оставались независимы: Новгородъ также.

Мстиславъ Андреевичъ, утвердивъ лядо на престолѣ Кіевскомъ, спѣшилъ поздравить отца съ симъ важнымъ завоеваніемъ. Оставленный союзниками, Глѣбъ съ безпокойствомъ услышалъ о множествѣ Половцевъ, вступившихъ въ область Днѣпровскую. Изъявляя миролюбіе, Послы ихъ говорили: «Мы не хотимъ спрашивать васъ; не хотимъ и васъ спрашиваться. Присягнемъ же другъ другу въ любви и согласіи!» Но когда Глѣбъ осыпалъ дарами Половцевъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, чтобы скорѣе удалить опасность отъ двѣнадцатилѣтняго сына своего, Владиміра, княжившаго въ Переяславѣ: въ то самое время другія толпы сихъ варваровъ, бывшія у Корсуня, жгли и грабили церковныя села, приписанныя къ Десятинному храму Богоматери. Глѣбъ, не имѣя готоваго войска, хотѣлъ съ малымъ числомъ гнаться за разбойниками, которые уже бѣжали къ степямъ своимъ; но Берендѣи не пустили его. «Государь Кіевскій (сказали они) не выходитъ въ поле безъ сильной рати и безъ союзниковъ. У тебя есть

«меньшій братъ и мы, вѣрные слуги.» Князь Михаилъ Георгіевичъ, взявъ 100 Переяславцевъ и 1500 Берендѣевъ, наспигъ Половцевъ; умерщвилъ ихъ спражу, и началъ битву. Берендѣи и пущь оказали усердіе: схватили за узду коня Михаила и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идутъ впередъ, оставляя его за собою какъ швердую опору. » Враги (по словамъ Лыпописца) превосходствовали числомъ, а наши мужествомъ: на всякое копье Русское было десять Половецкихъ.» Знаменосецъ Михаилъ палъ въ рядахъ, и непріатели сорвали его хоругвь съдревка. Воевода Княжескій, напикнувъ на оное шлемъ свой, бросился впередъ и сразилъ знаменосца непріательскаго. Михаила ранили двумя копьями въ бедро, а претѣмъ въ руку: Князь не думалъ о своихъ ранахъ, побѣдилъ и привелъ въ Кіевъ 1500 плѣнныхъ, освободивъ великое число Русскихъ невольниковъ.

Еще Глѣбъ не могъ княжить спокойно. Изгнанный изъ Кіева Мстиславъ Изяславичъ, гордый, воинственный подобно родинелю, считалъ свое изгнаніе мигновеннымъ безвременьемъ и думалъ пакъ же управиться съ сыновьями Долгорука-

Возвращение Мстислава въ Кіевъ.

На-
бывъ
По-
лов-
цевъ.

го, какъ Изяславъ II управлялся съ нхъ опцемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Галицкаго, онъ вступилъ съ его полками въ область Дорогобужскую, чтобы наказать ея Князя, Владимира Андреевича, ему измѣнившаго. Владиміръ лежалъ на смертномъ одрѣ: города пылали, жищелей тысячами отводили въ плѣнъ; въ числѣ ихъ попался въ руки непріятелю и знаменитый пѣсунъ Княжескій, Бояринъ Пукъ. Напрасно ждавъ общающаго вспоможенія отъ Глѣба, несчастный Владиміръ умеръ, и разоренная область его досталась Владиміру Мстиславичу, столь извѣстному въроломствомъ. Сей недостойный внукъ Мономаховъ, ознаменованный спыдомъ и презрѣніемъ, отверженный Князьями и народомъ, долго спрашивалъ изъ земли въ землю, былъ въ Галичѣ, въ Венгріи, въ Рязани, въ степяхъ Половецкихъ; наконецъ приѣхнулъ къ великодушію своего гонителя, Мстислава; вымолилъ прощеніе, и съ его согласія въѣхалъ въ Дорогобужъ, давъ обѣщъ вдовствующей Княгинѣ и тамошнимъ Боярамъ не касаться ихъ имѣнія. На другой же день онъ преступилъ клятву, опилъ у нихъ все, что могъ, и выгналъ гореспуню невѣстку, которая, взявъ шѣло супруга,

Г.
1170.

повезла оное въ Кіевъ. Туда шелъ и Мстиславъ, усиленный дружинами Князей Городнешскихъ, Туровскою и Владиміра Мстиславича; а нерадивый Глѣбъ, въ одно время свѣдавъ о кончинѣ Владиміра Андреевича и приближеніи Мстислава, отправилъ Игумена Поликарпа вспрѣпить гробъ перваго и сѣвшихъ уѣхать въ Переяславль, ибо сомнѣвался въ вѣрности Кіевлянъ. Но Давидъ бодрствовалъ въ Вышегородѣ. Къ нему привезли шѣло Дорогобужскаго Князя, оставленное Боярами, копорые не смѣли явиться въ Кіевъ, гдѣ они не давно злодѣйствовали вмѣстѣ съ Суздальцами. Игумень Лавры, Поликарпъ, пребывалъ воиновъ у Давида, чтобы вести за гробомъ коней Княжескихъ и держащъ знамя надъ онымъ. „Мершвымъ нѣтъ нужды ни въ чесни, ни въ знаменахъ, «отвѣщивалъ Князь: «непріятель идетъ; «моя дружина готовится къ битвѣ: даю тебѣ только Игуменовъ и Священниковъ.» Зная, что Мстиславъ уже близко, и что народъ волнуется въ Кіевѣ, Давидъ не пустилъ шуда горестной супруги Владиміровой, для ея безопасности; самъ выжегъ окрестности своего города, и ждалъ непріятеля.

Мстиславъ безъ сопротивленія во-

шелъ въ Кіевъ. Граждане столицы и Берендѣи встрѣтили его какъ друга: первые искренно, вторые лицемѣрно, доброхотствуя Глѣбу. Не теряя времени, Мстиславъ приступилъ къ Вышегороду; спалъ предъ Злапными вратами, въ садахъ; бился съ утра до вечера, не жалѣя крови; хотѣлъ непременно взять крѣпость. Но союзники измѣнили ему. Воевода Галицкій объявилъ мнимое повелѣніе своего Князя щадить людей и не споять долго подъ Вышегородомъ. Другіе также охладѣли въ усердіи; а Берендѣи и Торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшеніе войска, силу непріятеля, и слыша, что Глѣбъ идетъ съ Половцами къ Кіеву, Мстиславъ снялъ осаду; удалился въ Волынію съ горестію, однакожь не безъ надежды быть впредъ счастливымъ. Онъ дѣйствительно не замедлилъ снова ополчиться, узнавъ, что его племянникъ, Василько Ярополковичъ, разбитый Половцами, пѣснимый въ Михайловѣ (близъ Кіева), и принужденный искать мира, выѣхалъ въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу (дѣду своему по матери); что Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основанія городокъ Михайловъ, испребляя всѣ памят-

ники Мстиславова княженія въ спрѣвахъ Дитровскихъ. Но внезапная болѣзнь ^{Копчича Мстислава.} обезоружила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть, онъ поручилъ сыновей брату Ярославу, взялъ съ него кляшву не касаться ихъ Удѣловъ, и преставился въ Владимірѣ съ именемъ Властиміела умнаго, бодрого. Лѣтописцы Польскіе, согласно съ нашими, называютъ Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустаго.

Россія сѣверная въ то же время была театромъ важнаго происшествія. Могущественный Андрей, покоривъ древнюю ^{Война на Апдеева съ Новгородомъ.} южную столицу Государства, думалъ смирить Новгородцевъ и везежилъ ихъ чиновниковъ, которые ѣздили собирать подати за Онегою. Первые непріятельскія дѣйствія еще болѣе возгордили сихъ надменныхъ друзей вольности: они съ малымъ числомъ разбили на Бѣлѣозерѣ сильный опрѣдъ Суздальскій и взяли лань съ Андреевой области. Тогда Великій Князь рѣшился однимъ ударомъ сразить ихъ гордыню. Князя Смоленскій, Рязанскій, Муромскій, Полоцкій, впрочемъ соединили свои дружины съ его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная лѣтами, уже не пылала воинскимъ сла-

волюбіємъ: онъ не хотѣлъ самъ предводительствоваць ратню, и въ надеждѣ на счастье или мужество сына своего, Мстислава, снова ввѣрилъ ему начальство³. Вся Россія съ любопытствомъ ожидала слѣдствій предпріятія грознаго, справедливаго по мнѣнію современниковъ безпристрастныхъ. «Правда» (говорили они) «что Ярославъ Великій, желая изъяснить Новгородцамъ вѣчную благодарность за ихъ усердіе, даровалъ имъ свободу избирать себѣ Князей изъ его достойнѣйшихъ потомковъ; но сей Князь безсмертный предвидѣлъ ли всѣ злоупотребленія свободы? предвидѣлъ ли, что народъ, упоенный самовластіемъ, будетъ ругаться надъ священнымъ саномъ Государей, внуковъ и правнуковъ своего незабвеннаго благопоставителя; будетъ давати клятву съ намѣреніемъ преслупить оную; будетъ заключать Князей въ темницу, изгонять ихъ съ безчестіемъ? Злоупотребленіе уничтожаетъ право, и Великій Князь Андрей былъ избранъ Небомъ для наказанія вѣроломныхъ»⁴. Читая въ летописяхъ такіа разсужденія, можемъ заключить, что современники желали успѣха Андрею: одни по уваженію и любви къ достоинству Князей Россійскихъ,

уничижаемыхъ тогда Новгородцами; другіе, можетъ быть, отъ зависти къ избытку и благосостоянію сего народа торговаго. Паденіе Кіева предвѣщало гибель и Новгородской независимости: шло тоже войско; топъ же Мстиславъ велъ оное. Но Кіевляне, приученные мѣнять Государей и жертвовати побѣдѣмъ побѣжденнымъ, сражались только за честь Князя; а Новгородцы за права собственности, за уставы отцовъ, которые бывають не всегда мудры но всегда священны для народа.

Вмѣсто того, чтобы грозить казнью однимъ главнымъ виновникамъ послѣдняго мятежа (ибо цѣлый народъ никогда самъ собою не дѣйствуетъ) или врагамъ изгнаннаго Святослава, за коего Великій Князь вступался: Мстиславъ Андреевичъ въ области Новгородской жегъ села, убивалъ земледѣльцевъ¹, бралъ женъ и дѣтей въ рабство. Слухъ о такихъ злодѣйствахъ, вопль, опечаленіе невинныхъ жертвъ воспламенили кровь Новгородцевъ. Юный Князь ихъ, Романъ Мстиславичъ, и Посадникъ Якутъ взяли всѣ нужныя мѣры для защиты⁵: укрѣпили городъ тыномъ; вооружили множество людей. Непріатели, на прехъ спяхъ верстахъ оставивъ за собою одинъ пепелъ

Фе-
враля
25.

и трупы, обступили Новгородъ, пре-
буя, чпобы мясежники сдалися. Нѣ-
сколько разъ съ обѣихъ сторонъ съѣзжа-
лись чиновники для переговоровъ и не
могли согласиться; въ четвертый день
началася битва, кровопролитная, ужа-
сная. Новгородцы напоминали другъ другу
о судьбѣ Кіева, опустошеннаго союзнымъ
войскомъ: о церквахъ разграбленныхъ,
о святыняхъ и древностяхъ по-
хищенныхъ; клялися умереть за воль-
ность, за храмъ Софіи, и бились съ о-
спервененіемъ. Архіепископъ Іоаннъ, про-
вождаемый всѣмъ Клиросомъ, вынесъ и-
кону Богоматери и пославилъ на выш-
немъ деревянномъ укрѣпленіи или оспро-
гѣ: Игумены, Іереи пѣли святыя пѣсни;
народъ молился со слезами, громогласно
воскликая: *Господи помилуй!* Снѣжы сы-
пались градомъ: рассказываютъ, что од-
на изъ нихъ, пущенная воиномъ Суздаль-
скимъ, ударила въ икону; что сія ико-
на въ то же мгновеніе обратилась ли-
цемъ къ городу; что слезы капали съ
образа на фелонъ Архіепископа, и что
гнѣвъ Небесный навелъ внезапный ужасъ
на полки осаждающихъ. Новгородцы одер-
жали блестящую, совершенную побѣду,
и приписавъ оную чудесному заступленію

Маріи, установили ежегодно торжество-
вать ей 27 Ноября праздникъ благодар-
ности⁶. Чувство живой Вѣры, возбу-
жденное общимъ умиленіемъ, святыми цер-
ковными обрядами и ревностнымъ содѣй-
ствіемъ Духовенства, могло весьма естес-
ственнымъ образомъ произвести сіе чу-
до, то есть, вселить въ сердца муже-
ство, которое, изумляя врага, одолеваетъ
его силу. Новгородцы видѣли въ
Андреевыхъ воинахъ не только своихъ
злodeвъ, но и святопапцевъ богопро-
тивныхъ: мысль, что за насъ Небо, дѣ-
лаетъ храбраго еще храбрѣе. Побѣдители,
умершавъ множество непріятелей, взя-
ли столько плѣнныхъ, что за гривну от-
давали десять Суздальцевъ (какъ сказано
въ Новгородской лѣтописи), болѣе въ
знакъ презрѣнія, нежели отъ нужды въ
деньгахъ. — Бѣгуцій Мстиславъ былъ на-
казанъ за свою люпость: воины его на
возвратномъ пути не находили хлѣба въ
мѣстахъ опустошенныхъ ими, умирали
съ голода, отъ болѣзней, и древній Лѣ-
тописецъ говоритъ съ ужасомъ, что они
тогда, въ Великій постъ, ѣли мясо ко-
ней своихъ.

Казалось, что Новгородцы, столь
озлобленные Боголюбскимъ, должны были

вали навѣки оспашься его врагами; но (къ удивленію современниковъ), чрезъ нѣскольکو мѣсяцевъ изгнавъ Князя своего,

Миръ. Романа, они вошли въ дружелюбное сношеніе съ Андреемъ: ибо перешли недосяпаюкъ въ хлѣбъ и другихъ вещахъ необходимыхъ, получаемыхъ ими изъ сосѣдственныхъ областей Россійскихъ. Четверть ржи стоила тогда въ Новѣгородѣ около рубля сорока-пяти копеекъ нынѣшними серебряными деньгами. Довольные славою одержанной побѣды, не желая новыхъ бѣдспвій войны и щадя народъ, чиновники, Архіепископъ, люди нарочитые предложили миръ Боголюбскому, по тогдашнему выраженію, *на всей волѣ своей*, то есть, не уступая правъ Новгородскихъ: Великій Князь принялъ оный, съ тѣмъ условіемъ, чѣобы, вмѣсто умершаго Святослава, княжилъ въ Новѣгородѣ братъ его, Рюрикъ Ростиславичъ, который господствовалъ въ Овручѣ, не хотѣлъ перемѣны, и единственно въ угодиность Андрею выѣхавъ опшуда, приказалъ сей Удѣлъ Волынкій брату Давиду.

Сѣверныя области успокоились: въ южныхъ снова свирѣпствовали Половцы, которые на сей разъ пришли изъ за-рѣки

Буга, отъ береговъ Чернаго моря. Глѣбъ Навѣки Киевскій, ослѣпленный болѣзнію, не могъ ^{быть} защищать бѣдныхъ земледѣльцевъ; но ^{Половцы} храбрый Михаилъ и юный братъ его, Всеволодъ Георгіевичъ, съ Торками и Берендѣями разбили хищниковъ. Воевода Михайловъ, Володиславъ, далъ Князю совъѣтъ умершвины плѣнныхъ: ибо другія толпы непріятелей были еще впереди. Сіа жестокость казалась тогда спасительною мѣрою безопасности. Освободивъ 400 Россіянъ, сыновья Георгіевы ^{Кончина} возвратились оплакать кончину Глѣба, ^{Глѣба} благонравнаго (по сказанію Лѣтописцевъ), вѣрнаго въ словѣ и милосердаго.

Еще Андрей не имѣлъ времени назначить преемника Глѣбова, когда Ростиславичи, Давидъ и Мстиславъ, послали въ Волынію за дѣдою своимъ, Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чѣобы онъ, какъ старшій въ родѣ Мономаховомъ, господствовалъ въ Кіевѣ, или въ самомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ нихъ, господствуя только именемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Луцкаго и сыновей его брата, Владиміръ, не сказавъ имъ ни слова, уѣхалъ изъ До- ^{Г.}рогобужа, и былъ возведенъ племянника ^{1171,} ^{Фев.}ми на Кіевскій престолъ, къ неудоволь- ^{рада} ^{15.}ствію гражданъ и Боголюбскаго, копо-

рый хотя унизилъ сію столицу, однакожь думалъ, что Князь, славный только въроломствомъ, не достоинъ именоваться наслѣдникомъ ея древнихъ Самодержцевъ⁹. Досадуя внипенно и на Ростиславичей, самовольно призвавшихъ дядю, Андрей велѣлъ ему немедленно выѣхать изъ Кіева; но Владиміръ, княживъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, умеръ, памятный криводушіемъ и всѣми презираемый: ибо не имѣлъ блестящихъ свойствъ, смѣлости и мужества, конми другіе Князья, споль часто ему подобные въ вѣроломствѣ, закрашивали свои преступленія. Тогда Андрей, соединяя честолюбіе съ благороднымъ безкорыстіемъ, и какъ бы желая великодушіемъ усыпить Росни-слаичей, объявилъ имъ, что они, давъ слово быть ему послушными какъ второму опцу, имѣють право жданія отъ него милости, и что онъ уступаетъ Кіевъ брату ихъ, Роману Смоленскому. Довольный сею особенною благосклонностію Великаго Князя, Романъ поручилъ Смоленскъ сыну Ярополку и въѣхалъ въ столицу Кіевскую при изъясненіяхъ всеобщей радости жителей, любившихъ въ немъ добродѣтели отца его: справедливость и незлобіе. Онъ торжествовалъ

10
Маія.
Смерть
вѣро-
лом-
ваго
Вла-
димі-
ра.

Кіевъ
отданъ
Смо-
лен-
скому
Кня-
зю.
1 Юль.

вмѣстѣ и свое восшествіе на престолъ и побѣду, одержанную Игоремъ Святославичемъ Стѣверскимъ (близъ урочища Олпавы и рѣки Ворсклы) надъ Кобыкомъ и Кончакомъ, Ханами Половцкими. Юный Игорь самъ вручилъ ему *сайгатъ* или *профеи*, въ знакъ уваженія; былъ одаренъ Ростиславичами и весело праздновалъ съ ними въ Вышегородѣ день Святыхъ Бориса и Глѣба¹⁰.

Сай-
гатъ
или
Ю. про-
феи
Поло-
вцкіе.

Не уважая Кіева, Андрей старался подчинить себѣ Новгородъ, уже не силою, но дружбою и справедливостію. Рюрикъ не долго былъ тамъ Княземъ: выгнавъ Посадника Жирослава (ушедшаго къ Боголюбскому), онъ не могъ жить съ гражданами въ мирѣ, и скоро уѣхалъ къ братьямъ. На его мѣсто Андрей съ удовольствіемъ далъ Новгородцамъ юнаго сына своего, Георгія, и самъ рѣшилъ ихъ важнѣйшія дѣла гражданскія, по коимъ Архіепископъ Іоаннъ ѣздилъ на совѣтъ къ нему въ Владиміръ. Народъ, въ угодность Великому Князю, снова призналъ Жирослава главнымъ своимъ чиновникомъ; а Великій Князь, въ угодность народу, согласился чрезъ годъ на избраніе другаго Посадника.

Сынъ
Ан-
дрея
въ Но-
вго-
родѣ.

Въ то время Андрей имѣлъ опять

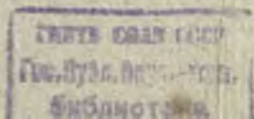
Война войну съ Болгарами, желал ли опмещини-
съ Бол- имъ за какія обиды, или обогатиться
гара- добычею въ странѣ шорговой. Рязанцы
ми. и Муромцы соединились съ его сыномъ,
Мстиславомъ, на успѣи Оки и зимою
пришли къ берегамъ Камы, но въ маломъ
числѣ: ибо люди опытали онъ зимняго
похода, пруднаго въ мѣснахъ большаю
частью ненаселенныхъ, гдѣ лежатъ глу-
бокіе снѣга и часно свирѣпствуютъ мя-
тели. Главный Воевода Андреевъ, Бо-
рисъ Жидиславичъ, взявъ шестъ Болгар-
скихъ деревень и седьмой городокъ, умерш-
вивъ жипелей, плѣнивъ женъ и дѣтей,
совѣщавалъ Князьямъ ипши назадъ. 6000
Болгаровъ гнались за ними и едва не на-
спихли Мстислава близъ границы, вер-
спяхъ въ 20 онъ успѣи Оки. Сей Князь,
возвращаясь въ столицу, кончилъ жизнь
въ юности. Пользуясь довѣренностью
онца въ дѣлахъ рапныхъ, онъ безъ со-
мнѣнія опмичался мужеснвомъ.

Горестный Андрей, оплакивалъ смерть
достоинаго сына, не терялъ бодрости
въ дѣлахъ государственныхъ, ни власно-
любия. Върошно, что Рюрикъ, прину-
с- жденный опказаться онъ Новгорода,
ти сла- винилъ въ помъ не одну спрощивоснъ
ви ча- его жипелей, но и хипроснъ Великаго
ми.

Ссора
Ан-
дрея
съ Рос-
тисла-
ви ча-
ми.

Князя, столь охотно взявшаго на себя
быть ихъ Главою. Върошно, что и Ве-
ликій Князь, извѣдавъ гордость Роспи-
славичей, въособенности Давида и Мстисла-
ва, искалъ случая унижить оную безъ
явнаго нарушенія справедливости. По
крайней мѣрѣ счастливое согласіе между
ними не продолжилось. Въря, искренно или
пришворно, какому-то ложному внуше-
нію, Андрей далъ знать Ростиславичамъ,
что Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ не естествен-
ною смертію, и что тайнымъ убійцею
его былъ Вельможа Григорій Хотовичъ,
кого они, вмѣстѣ съ другими участни-
ками сего злодѣянія, должны прислать
къ нему въ Владиміръ для казни. Романъ
не сдѣлалъ того изъ жалости къ людямъ
невиннымъ, безсовѣстно оклеветаннымъ;
а гнѣвный Андрей, вельвъ Ростислави-
чамъ выѣхавъ изъ обласпей южныхъ,
опдалъ Кіевъ храброму Михаилу, кня-
жившему въ Торческѣ. Тихій Романъ не
спорилъ и возманился въ Смоленскъ; но
его братья, Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ,
жаловались на сію несправедливость, и
видя, что Великій Князь презираетъ ихъ Г.
жалобы, вступили ночью въ Кіевъ, за- 1173.
хватили тамъ Всеволода Георгіевича вмѣ-
стѣ съ племянникомъ Андреевымъ, Яро-

9253/67

полкомъ¹²; осадили Михаила въ Торческѣ, и заключили съ нимъ особенный миръ, уступивъ ему Переяславль, а себѣ взявъ столицу Кіевскую, гдѣ Рюрикъ, возведенный братьями на ея престолъ, хотѣлъ господствовать независимо отъ Андрея. Въ сіе время жилъ у Михаила юный Князь Галицкій, Владиміръ Ярославичъ, сынъ его сестры, Ольги Георгіевны. Ярославъ, имѣя слабость къ одной злонравной женщинѣ, именемъ Анастасіи, не любилъ супруги, и такъ грубо обходился съ нею, что она рѣшилась бѣжать съ сыномъ въ Польшу. Многіе Бояре Галицкіе, доброхотствуя имъ, дерзнули на явный бунтъ: вооружили народъ, умертвили нѣкоторыхъ любимцевъ Княжескихъ, сожгли Анастасію, заповили ея сына и невольнo примирили Ярослава съ супругою. Миръ, вынужденный угрозами и злодѣйствомъ, не могъ быть искреннимъ: усмиривъ или обуздавъ мятежныхъ Бояръ, Ярославъ новыми знаками ненависти къ Княгинѣ Ольгѣ и къ Владиміру заставилъ ихъ вторично уйти изъ Галича. Владиміръ искалъ покровительства Ярослава Изяславича Луцкаго и его племянниковъ, обѣщая имъ со временемъ возвращить Волынскіе города, Бужскъ

и другіе; но Князь Галицкій требовалъ, чтобы они выдали ему сего несчастнаго, и грозился опустошить пламенемъ всю область Луцкую¹³. Тогда Владиміръ прибѣгнулъ къ своему дядѣ Михаилу; а Михаилъ, не пустивъ его ни къ Святославу Черниговскому (племяннику Владимірову), ни къ Андрею, велѣлъ ему, въ угодность Ростиславичамъ, друзьямъ Князя Галицкаго, возвратиться къ отцу, готовому простить сына. За то Рюрикъ освободилъ Всеслода Георгіевича, удержавъ одного Ярополка плѣнникомъ въ Кіевѣ: ибо Ростиславичи, предвидя неминуемую войну съ Андреемъ, хотѣли имѣть важнаго альянса въ рукахъ своихъ. Братъ Ярополковъ, посланный ими изъ Триполя, долженъ былъ уѣхать въ Черниговъ¹⁴.

Святославъ Черниговскій и всѣ Олеговы внуки радовались междоусобию Мономахова потомства. «Не уже ли не вступишься за честь свою!» говорили ихъ Послы Великому Князю: «враги твои суть «наши; мы всѣ готовы къ войнѣ.» Андрей, еще болѣе подвигнутый ими на злобу, отправилъ Княжескаго Мечника, именемъ Михна, сказать Ростиславичамъ: «Вы мятежники. Область Кіевская есть мое «достояніе. Да удались Рюрикъ въ Смо-

Свой-
ство
Мстис-
слава
Хра-
браго.

«Испекъ къ брату, а Давидъ въ Берладъ:
«не хочу терпѣть его въ землѣ Русской,
«ни Мстислава, главнаго виновника злу.»
Сей послѣдній, какъ пишутъ современни-
ки, навѣкъ опъ юности не боялся ни-
кого, кромѣ Бога единого. Въ пылкой
досадѣ онъ велѣлъ опстричь голову и бо-
роду Послу Андрееву. «Теперь иди къ сво-
ему Князю,» сказалъ Мстиславъ: «повпо-
ри ему слова мои: доселѣ мы уважали
тебя какъ опца; но когда ты не усты-
дился говорить съ нами какъ съ пво-
ими *подружниками* и людьми простыми,
«забывъ нашъ Княжескій санъ, то не
«спрашимся угрозы; исполни онъ: идемъ
«на судъ Божій.» Свѣдавъ безчестіе свое-
го Посла и сей гордый опвѣсть, Андрей,
по выраженію Лѣтописца, омрачился гнѣ-
вомъ, и собравъ 50,000 воиновъ Суздаль-
скихъ, Бѣлозерскихъ, Новгородскихъ, Му-
ромскихъ, Рязанскихъ, вручилъ предводи-
тельство юному Георгію Новгородско-
му, тогда уже единственному его сыну,
и Вельможѣ Борису Жидиславичу. Онъ ве-
лѣлъ имъ изгнать Рюрика съ Давидомъ,
а дерзкаго Мстислава привести въ Вла-
димиръ. Рать, столь многочисленная, бы-
ла еще усилена дружинами всѣхъ иныхъ
Князей, подчиненныхъ Андрею: Крив-

скихъ или Полоцкихъ, Туровскаго, Город-
ненскаго, Пинскаго, даже и Смоленскаго:
ибо Романъ не смѣлъ послушаться Вели-
каго Князя, сколь ни любилъ братьевъ.
Всѣ полки соединились въ Черниговской
области, и спаршіи изъ Князей, Свято-
славъ, внукъ Олеговъ, принялъ главное
начальство. Михаилъ и Всеволодъ Геор-
гѣвичи, вмѣстѣ съ тремя племянника-
ми, встрѣтили ихъ на берегу Днѣпра.
Они вступили въ Кіевъ безъ сопротив-
ленія: ибо Рюрикъ удалился опшуда въ
Бѣлгородъ, а Мстиславъ съ Давидовымъ
полкомъ заключился въ Вышегородъ; самъ
же Давидъ уѣхалъ въ Галичъ претоватъ
вспоможенія опъ Ярослава Владимірови-
ча. Взявъ съ собою еще множество Кіев-
лянъ, Берендѣевъ, Торковъ, Святославъ
Черниговскій и болѣе двадцати Князей ^{Осада}
осадили Вышегородъ. Шумный, необозри- ^{Вы-}
мый станъ ихъ былъ предметомъ удив- ^{шего-}
ленія для жителей Днѣпровскихъ. Ни-
чтожная крѣпость, обороняемая горстію
людей, казалась цѣлю недостойною та-
кого великаго ополченія, которое могло
бы разрушить или завоевать сильную Дер-
жаву; но въ сей ничтожной крѣпости
бодрствовалъ Герой, а въ станѣ осажда-
ющихъ не доставало ни усердія, ни со-

гласія. Одни Князья не любили самовластія Андреева, другіе коварства Свято-славова; нѣкоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичамъ. Стояли девять недѣль, отъ 8 Сентября до самой глубокой осени; бились ежедневно, съ обѣихъ сторонъ теряя не мало людей. Вдругъ показались вдали знамена: Мстиславъ ожидалъ Галичанъ; но пришелъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій, также союзникъ Андреевъ. Сей Князь рѣшилъ судьбу осады. Думая только о собственной пользѣ, онъ хотѣлъ столицы Кіевской; узнавъ же, что Ольговичи намѣрены присвоить оную себѣ, вступилъ въ тайные переговоры съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, которые охотно согласились на всѣ его требованія. Когда же Ярославъ явно взялъ ихъ сторону и съ полками своими двинулся къ Бѣлугороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ, станъ осаждающихъ представилъ зрѣлище удивительной тревоги и наконецъ всеобщаго бѣгства. Не слушая ни Воеводъ, ни Князей, малодушные вопили: »мы гибнемъ! Ярославъ измѣнилъ, Берендѣи измѣнили, Галичане и-дущъ; будемъ окружены, побиты на голову!« и ночью бросались полпами въ рѣку. Герой Мстиславъ стоялъ на спѣ-

нѣ: при свѣтѣ упрепней зари видя сіе непонятное бѣгство войска многочисленнаго, какъ бы сверхъестественною силою гонимаго, низвергаемаго во глубину Днѣпра, онъ едва вѣрилъ глазамъ — поднималъ руки къ небу; восхвалялъ святыихъ заступниковъ Вышегорода, Бориса и Глѣба; съѣлъ на коня и спѣшилъ довершить ударъ; попилъ, плѣнялъ людей; взялъ станъ непріятельскій, обозы — и съ того времени считался храбрѣйшимъ изъ Князей Россійскихъ. Лѣтописцы, осуждая надменность Андрея и союзъ его съ Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносятъ хвалами Мстислава, ознаменованнаго чудеснымъ покровительствомъ Неба въ рапоборствѣ съ сильными.

Ярославъ Луцкій вѣхалъ въ Кіевъ, а сынъ Андреевъ возвратился въ Суздальскій Владиміръ съ неописаннымъ стыдомъ, безъ сомнѣнія весьма чувствительнымъ для отца; но умѣя повелѣвать движеніями своей души, Андрей не изъявилъ ни горести, ни досады, и снесъ униженіе съ кротостію Христіанана, приписывая оное, можетъ быть — равно какъ и бѣдственную осаду Новгорода — гнѣву Божию на Суздальцевъ за опустошеніе святыихъ церквей Кіевскихъ въ 1169 году.

Сія мысль смирила, кажется, его гордоспѣ. Онъ не хотѣлъ упорствовать въ злобѣ на Ростиславичей, недумалъ мстить Ярославъ за измѣну и не мѣшалъ ему спокойно властвовать въ Кіевѣ, къ прискорбію Святослава Черниговскаго, коего искусство государственное состояло въ томъ, чтобы ссорить Мономаховыхъ потомковъ. Сей Князь, не имѣя надежды вооружить Андрея, началъ требовать Удѣла опѣ Ярослава, говоря: »Ты обѣщаль подѣ Вышегородомъ данъ мнѣ областъ, когда сидѣшь на престолѣ Святаго Владиміра; нынѣ, сидя на ономъ — право ли, *криво* ли, не знаю, — исполни обѣщаніе. У насъ одни предки: я не Ляхъ, не Угринъ.« Ярославъ сухо отвѣщивалъ, что онъ господствуетъ въ Кіевѣ не по милости Ольговичей, и что родъ ихъ долженъ искашь Удѣловъ только на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князь Черниговскій замолчалъ; но въ тишинѣ собралъ войско, внезапно изгналъ Ярослава, плѣнилъ его жену, сына, Бояръ, и ограбивъ дворецъ, ушелъ назадъ. Кіевляне оспивались равнодушными зрителями сего разбоя, въ ожиданіи, кто захочетъ быть ихъ Княземъ. Ярославъ возвратился; и думая, что они сами тайно призывали Свя-

Г.
1174.
Ко-
вар-
ство
Чер-
нигов-
скаго
Князя

послава, обложилъ данію всѣхъ гражданъ, даже Поповъ, Монаховъ, иноземныхъ купцевъ Капюликовъ¹⁶. »Мнѣ надобно серебро,« чтобы выкупить жену и сына,« говорилъ озлобленный Князь, и наказавъ Кіевлянъ, виновныхъ единственно своею къ нему холодностію, заключилъ миръ съ Святославомъ, который жегъ тогда область брата, Олега Сѣверскаго.

Сей миръ казался Ростиславичамъ малодушіемъ, а шлющная дань, возложенная на Кіевъ, несправедливостію. Огорченные Андреемъ, по внутренно уважая въ немъ старѣйшаго изъ Князей, доспюйнаго быть ихъ Главою, они изъявили ему желаніе забыть прошедшее и взаимнымъ искреннимъ согласіемъ успокоить южную Россію: для того хотѣли, чтобы Великій Князь, какъ ея законный покровитель, снова уступилъ Кіевъ Роману Смоленскому, и брали на себя выслать опшуда Ярослава, не любимаго народомъ и неспособнаго блюсти древнюю споліцу Государства. Андрей, довольный ихъ уваженіемъ, обѣщаль посовѣтоваться съ братьями, Михаиломъ, Всеволодомъ; писалъ къ нимъ въ Торческъ, и не дождался отвѣста, кончивъ жизнь опѣ руки своихъ любимцевъ.

Толи III

Убі-
ше Ап-
дрея.

Великій Князь, жепатый—по извѣ-
стію новѣйшихъ Лѣтописцевъ¹⁷—на до-
чери убіеннаго Боярина Кучка, осыпалъ
милостіями ея братьевъ. Одинъ изъ нихъ
приличился въ какомъ-то злодѣйствѣ, и
заслужилъ казню. Другой, именемъ Іоакимъ,
возненавидѣлъ Государя и благопорише-
ля за сіе похвальное дѣйствіе правосудія;
внушалъ друзьямъ своимъ, что имъ бу-
детъ со временемъ такая же участь; что
надобно умереть или умертвить Князя,
ожесточеннаго старостію; что безопа-
сность есть законъ каждаго, а мщеніе
должность¹⁸. Двадцать человекъ вступи-
ли въ заговоръ. Никто изъ нихъ не былъ
лично оскорбленъ Княземъ; многіе поль-
зовались его довѣренностію: зять Іоаки-
мовъ, Вельможа Пепръ (у коего въ домѣ
собирались заговорщики), Ключникъ Ан-
балъ Ясинъ, чиновникъ Ефремъ Моизовичъ.

29.
Юл.

Въ глубокую полночь они пришли ко
дворцу въ Боголюбовѣ (нынѣ селѣ въ 11
верстахъ отъ Владиміра), ободрили себя
виномъ и крѣпкимъ медомъ въ Княже-
скомъ погребѣ, зарѣзали стражей, вломи-
лись въ сѣни, въ горницы, и кликали Ан-
дрея. Съ нимъ находился одинъ изъ его
Опроковъ. Услышавъ голосъ Великаго
Князя, злодѣи отбили дверь *ложницы*

или спальни. Андрей напрасно искалъ ме-
ча своего, тайно унесеннаго Ключникомъ
Анбаломъ: сей мечъ принадлежалъ вѣко-
гда Святому Борису¹⁹. Два человека бро-
сились на Государя: сильнымъ ударомъ
оный сшибъ перваго съ ногъ, и поваричи
въ шепноутъ умертвили его вмѣсто Кня-
зя. Андрей долго боролся; уязвляемый ме-
чами и саблями, говорилъ извергамъ: »за-
»что проливаете кровь мою? рука Все-
»вышняго казнитъ убійцъ и неблагодар-
»ныхъ!« . . . наконецъ упалъ на землю.
Въ страхѣ, въ замѣшательствѣ, они схва-
тили шѣло своего поварица и спѣшили
удалиться. Андрей въ безпамятствѣ вско-
чилъ, бѣжалъ за ними, громко стелая.
Убійцы возвратились; зажгли свѣчу, и
слѣдомъ крови Андреевой дошли въ сѣ-
няхъ до сполна лѣсницы, за коимъ си-
дѣлъ несчастный Князь. Пепръ опрубилъ
ему правую руку; другіе вонзили мечи въ
сердце: Андрей успѣлъ сказать: »Госпо-
»ди! въ руки Твои предаю духъ мой!« и
скончался.

Умертвивъ еще перваго любимца
Княжескаго, Прокопія, заговорщики овла-
дѣли казною государственною, золотомъ,
драгоценными камнями; вооружили мно-
гихъ Дворянъ²⁰, пріятелей, слугъ, и по-

сжали объявить Владимірской дружину или тамошнимъ Боярамъ о смерти Великаго Князя, называя ихъ своими единомышленниками. »Нѣтъ,« отвѣщивали Владимірцы: »мы не были и не будемъ участниками вашего дѣла.« Но граждане Боголюбскіе взяли сторону убійцъ; расхищали дворецъ, серебро, богатые оджды, ткани. — Тѣло Андреево лежало въ огородѣ: Кіевлянинъ, именемъ Козма, усердный слуга несчастнаго Государя, стоялъ надъ онымъ и плакалъ. Видя Ключника Анбала, онъ требовалъ ковра, чибобы прикрыть обнаженный трупъ. Анбалъ отвѣчалъ: »мы гопповимъ его на снѣденіе псамъ.« *Извергъ!* сказалъ сей добродушный слуга: *Государь взялъ тебя въ рубицъ, а нынѣ ты ходишь въ бархатъ, оставляя мертваго благодѣтеля безъ покрова.* Ключникъ бросилъ ему коверъ и мапию. Козма отнесъ тѣло въ церковь, гдѣ кривошане долго не хотѣли оппереть дверей: на третій день опцѣли его и вложили въ каменный гробъ. Чрезъ шесть дней Владимірскій Игуменъ Осодуль привезъ оное въ Владиміръ и погребъ въ Златоверхомъ храмѣ Богоматери.

Неустройство, смятеніе господствовало въ обласіяхъ Суздальскихъ. Народъ, какъ

бы обрадованный убіеніемъ Государя, вездѣ грабиль домы Посадниковъ и Тіуновъ, Опроковъ и Мечниковъ Княжескихъ; умерщвилъ множество чиповниковъ, предавался всякаго рода неистовству, пакъ, чпо Духовенство, желая возстановить нищину, прибѣгнуло наконецъ къ священнымъ обрядамъ: Игумены, Іерей, облаченные въ ризы, ходили съ образами по улицамъ, моля Всевышняго, чибобы Онъ укропиль мнѣжъ. Владимірцы оплакивали Андрея, но не думали о наказаніи злодѣйства, и гнусные убійцы торжествовали.

Однимъ словомъ, казалось, чпо Государство освободилось отъ пирана: Андрей же, нѣкогда вообще любимый, по сказанію Лыписцевъ, былъ не только набоженъ, но и благонвоишелень; щедръ не только для Духовныхъ, но и для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ: слуги его обыкновенно развозили по улицамъ и темницамъ медъ и брашна сполна Княжескаго. Но въ самыхъ упрекахъ, дѣлаемыхъ Лыписцами народу легкомысленному, не благодарному, мы находимъ объясненіе на сію странность: *вы не разсудили* (говоря о современникахъ), *что Царь, сатый добрый и мудрый, не въ силахъ искоренить зла человѣческаго; что гдѣ законъ,*

тали и многія обиды. Слѣдственно общее неудовольствіе происходило отъ худаго исполненія законовъ или отъ несправедливости судей: споль нужно въдасть Государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ строгаго, бдительнаго правосудія; что народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидитъ Царя, самаго добродушнаго и милосердаго! Убийцы Андреевы знали сію ненависть, и дерзнули на злодѣяніе.

Свой-
ства
его.

Впрочемъ Боголюбскій, мужественный, презвѣй и прозванный за его умъ *вторымъ Соломономъ*, былъ конечно однимъ изъ мудрѣйшихъ Князей Россійскихъ въ разсужденіи Полипики, или пошнауки, которая утверждаетъ могущество государственное. Онъ явно стремился къ спасительному Единовластію, и могъ бы скорѣе достигнуть своей цѣли, если бы жилъ въ Кіевѣ, унялъ Донскихъ хищниковъ, и водворилъ спокойствіе въ мѣстахъ облагодѣлительствованныхъ Природою, издавна обогащаемыхъ торговлею испособнѣйшихъ къ гражданскому образованію. Господствуя на берегахъ Днѣпра, Андрей шѣмъ удобнѣе подчинилъ бы себѣ знаменитые сосѣдственные Удѣлы: Черниговъ, Волынію, Галичъ; но ослабленный пристра-

стіемъ къ сѣверо-восточному краю, онъ хотѣлъ лучше основать тамъ *новое* сильное Государство, нежели возстановить могущество *древняго* на Югѣ²¹.

Лѣтописцы всего болѣе хвалятъ Андрея за обращеніе многихъ Болгаровъ и Евреевъ въ Христіанскую Вѣру, за его усердіе къ церквамъ и монастырямъ, за уваженіе и любовь къ сану Духовныхъ. Подражая Святому Князю, крестившему Россію, онъ надѣлилъ въ Владимірѣ новую *Епископскую* Соборную церковь Богоматери (имѣ въ 1158 году заложенную) помѣстьями и купленными слободами²²; отдалъ ей также десятую часть изъ торговыхъ доходовъ своихъ и Княжескихъ спадъ; призвалъ художниковъ изъ разныхъ земель, чпобы украсить оную великолѣпно; и драгоценные сосуды ел, злапыя двери, паникадила, серебряный амвонъ, живопись, богатыя оклады иконъ, осыпанныхъ жемчугомъ, были тогда предметомъ удивленія для Россіянъ и купцевъ иностранныхъ. Въ семъ новомъ Десятиинномъ храмѣ спольлъ Палладіумъ Великаго Княженія Суздальскаго: образъ Богоматери, съ коимъ Андрей прибылъ изъ Вышегорода на берега Клязьмы и побѣдилъ въ 1164 году Болгаровъ. Не менѣе

славилась великолѣбіемъ церковь Боголюбская, украшенная золотомъ и финифтью. Такую же хотѣлъ Андрей соорудить и въ Кіевѣ, на *Дворѣ Ярославѣ* — въ память, какъ говорилъ онъ, древнему отечеству его предковъ; уже опирались стѣны зодчихъ, спротившихъ Владимірскаго Злашылъ врата, но не успѣлъ исполнить своего пажожнаго обѣща. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что сей Великій Князь думалъ учредить Митрополию въ Владиміръ, но что Патриархъ Цареградскій отказалъ ему въ томъ, желая оставить Кіевскаго Митрополита единственныиъ въ Россіи.

Со времени Владиміра Святаго до Георгія Долгорукаго миръ и тишина царствовали въ нѣдрахъ Россійской благословенной Церкви. При Изяславѣ II сей миръ былъ нарушенъ несогласіемъ Епископовъ о посвященіи Митрополита Климента: при Великомъ же Князѣ Боголюбскомъ открылась первая ересь въ нашемъ отечествѣ, важная по мнѣнію тогдашнихъ Христіанъ. Ростовскій Епископъ Леонъ, изгнанный народомъ за его корыстолюбіе и грабежъ, утверждалъ, что ни въ какіе Господскіе праздники, буди они случашся въ Среду или Пятницу, не

Первая ересь.

должно есть мяса²⁵. Новый Епископъ Суздальскій, Теодоръ, въ присутствіи Великаго Князя опровергалъ Леона, который рѣшился искашь суда въ Греціи. Послы Кіевскій, Андреевъ, Перелеславскій и Черниговскій опирались въ слѣдъ за нимъ, и въ стѣнѣ Императора Мануила, бывшаго тогда на Дунаѣ, съ великимъ благоговѣніемъ слушали, какъ Святитель Болгарскій, Адрианъ, уличалъ Леона въ заблужденіи. Императоръ думалъ согласенъ съ Адрианомъ; но Леонъ проповѣдовалъ, и споль дерзко, что Вельможи Греческіе схватили нескромнаго ерепника и хотѣли утопить въ рѣкѣ. Митрополитъ Россійскій и Черниговскій Епископъ Антоній держались мнѣнія Леонова: за что Князь Святославъ Всеволодовичъ изгналъ Антонія изъ Чернигова. Сіе странное рѣшеніе нѣсколько лѣтъ волновало умы и совѣсти людей простодушныхъ.

Гораздо удивительнѣе и важнѣе то, что Лѣтописцы рассказываютъ намъ о другомъ Ростовскомъ Епископѣ. Великій Князь, признавъ Монаха Теодора достойнымъ Священительскаго сана, посылалъ его спавшійся въ Кіевъ²⁶; но Теодоръ, уже принявъ на себя званіе Епископа, не хотѣлъ ѣхать къ Митрополиту. Сего мало: бу-

Зло-Епископъ.

лучи корыстолобивъ и злобенъ, опъ мучилъ людей въ подвластныхъ Епископу селахъ, Инокѣвъ, Игуменовъ, Священниковъ; брилъ имъ головы и бороды; даже распиналъ нѣкопѣрыхъ, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, единственно для того, чпобы присвоить себѣ ихъ доспоаніе. Князь перпѣлъ изверга, довольствуясь, можетъ быть, однѣми угрозами. Еще болѣе тѣмъ озлобленный, лженаспѣрь вздумалъ наконецъ запереть всѣ церкви въ Владиміръ, и взялъ опъ нихъ ключи. Народъ взволновался. Великій Князь, низвергнувъ Теодора, предалъ его на судъ Митрополиту, который велѣлъ опрѣзать ему языкъ, опсѣчь правую руку и выколоуъ глаза: «ибо сей ерешникъ» (прибавляющъ Лѣтописцы) «злословилъ Богомаперъ!» Такія происшествія могутъ быть изъяснены однимъ погдашнимъ невѣжесивомъ и грубостію нравовъ.

Къ послѣднему году княженія Андрея опносятся любопытное извѣстіе *Хлыновскаго Лѣтописца* о первомъ населеніи Вятки Россіянами²⁵. Въ 1174 году нѣкошорые житеди области Новгородской, опчаспи накучивъ внутренними раздорами, опчаспи пѣснымие возрастающимъ многолудспвомъ въ ихъ предѣ-

Насе-
леніе
Вят-
ки.

лахъ, рѣшились выѣхать изъ опечесива, и Волгою доплывъ до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, чпо далѣе къ Сѣверу обитающъ народы дикіе въ спрагѣ лѣсной, изобильной дарами Природы, многіе изъ сихъ выходцевъ опсправились вверхъ до успья Осы; обратились къ Западу; дошли до Чепцы, и плыва ею внизъ, покорили бѣдныя жилища Вошяковъ; наконецъ вошли въ рѣку Вятку, и на правомъ берегу ея, на горѣ высокой, увидѣли красивый городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ. Мѣспю полюбилось Россіянамъ: они захоуѣли овладѣть имъ и навсегда тамъ оспавиться; нѣсколько дней говѣли, молились, и призвать въ помощь Свяспыхъ защитниковъ своего опечесива, Бориса и Глѣба, на память ихъ, Іюля 24, взяли городъ²⁶. Жители скрылись въ лѣсахъ. Сіе укрѣпленное селеніе называлось *Болванскимъ* (въ-ролшно, опъ капища, тамъ бывшаго): завоеватели дали ему имя Никулицына и построили въ немъ церковь Бориса и Глѣба. Между тѣмъ оспавленные на Камѣ товарищи — можетъ быть, опасаясь сосѣдспвенныхъ Болгаровъ — рѣшились также искать другаго жилища; пришли на судахъ къ успью Вятки, плыли сего рѣ-

кою вверхъ до Черемисскаго города Кокшарова (нынѣ Конопельнича), и завладѣли онымъ. Ушвердясь въ спранѣ Вятской, Россіяне основали новый городъ близъ устья рѣчки Хлыновицы, назвали его *Хлыновымъ*, и съ удовольствіемъ принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жипелей, составили маленькую Республику, особенную, независимую въ печеніе двухъ сотъ семидесяти-осми лѣтъ, наблюдая обычаи Новгородскіе, повинувъ сановникамъ избираемымъ и Духовенству. Первобынные обитатели земли Вятской, Чудь, Вотяки, Черемисы, хотя набѣгами беспокоили ихъ, но были всегда отражаемы съ великимъ урономъ, и память сихъ бѣдъ долго хранилась намъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова съ образомъ Св. Георгія носили въ Вятку *жельзные стрѣлы*, кои были оружіемъ Чуди или Вотяковъ, и напоминали побѣду Россіянъ¹. Новгородцы также опъ времени до времени спарались дѣлать зло Хлыновскимъ поселенцамъ, именовали ихъ своими бѣглецами, рабами и не могли простить имъ того, что они хотѣли жить независимо.

ГЛАВА II.

Великій Князь Михаилъ II.

Г. 1174 — 1176.

Въче въ Владиміръ. Добродушіе Михаила. Гордостіе Ростовцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князл. Между-собіе въ южной Россіи.

Скоро по кончинѣ Великаго Князя Г. съѣхались Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и всѣ люди воинскіе въ городъ Владиміръ на Въче, слѣдуя примѣру Новгородцевъ, Кіевлянъ и другихъ Россійскихъ знаменитыхъ гражданъ, которые, по словамъ Лѣтописцевъ, издревле обыкли рѣшивъ дѣла государственныхъ въ собраніяхъ народныхъ, и давали законы жипелямъ городовъ уѣздныхъ². »Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ мы лишились »Князя,« говорили Болре на Въчѣ: »онъ не »оставилъ дѣтей кромѣ сына, княжащаго »въ Новгородѣ. Братья Андреевы въ южной Россіи. Кого же изберемъ въ Государи? Кто защититъ насъ опъ сосѣдственныхъ Князей, Рязанскаго и Муромскаго, да не будемъ жертвою ихъ ковар-

»спва или силы? Обращимся къ зятю
 »Роспислава Георгіевича, Глѣбу Рязанско-
 »му; скажемъ ему: *Богъ взялъ нашего Кня-*
»зя: зовемъ шурьевъ твоихъ на престолъ
»Андреевъ; отецъ ихъ жилъ съ нами и
»пользовался любовію народною.» Сія
 мысль была внушена Боярамъ Послами
 Рязанскими²⁹: граждане одобрили оную;
 упвердили выборъ крестнымъ цѣловані-
 емъ, и согласясь съ Глѣбомъ, отправили
 посольство въ Черниговъ, гдѣ находились
 тогда Ярополкъ и Мстиславъ Росписла-
 вичи³⁰, племянники Андреевы. Обрадова-
 нные честію такого избранія, но желая
 быти великодушными, сіи два Князя пред-
 ложили дядямъ своимъ, Михаилу и Все-
 володу Георгіевичамъ, господствовать
 вмѣстѣ съ ними; признали Михаила стар-
 шимъ, увѣрили другъ друга клятвою въ
 искренности союза и цѣловали крестъ
 изъ рукъ Епископа Черниговскаго. Обрядъ
 безполезный! Ярополкъ, по совѣту Рос-
 повцевъ, недовольныхъ прибытіемъ Ми-
 хаила, оставивъ его въ Москвѣ, тайно
 уѣхалъ въ Переславль Залѣскій, собралъ
 Бояръ, воиновъ, и взялъ съ нихъ клятву
 вѣрности. Росповцы призвали шуда и
 1150 Владимірцевъ; но сограждане сихъ
 послѣднихъ, которые оставались дома,

отворили ворота Михаилу и съ радостию
 назвали его Княземъ своимъ, помня, что
 Георгій Долгорукій хотѣлъ ошдани Суз-
 далское Княженіе ему и Всеволоду. На-
 чалось междоусобіе. Ярополкъ осадилъ
 Владиміръ; союзники его, Муромцы, Рязанцы, жгли села въ окрестностяхъ. Семь
 недѣль граждане крѣпко спояли за Ми-
 хаила и мужественно оборонялись; на-
 нецъ, изнуренные голодомъ, объявили
 Князю, чтобы онъ далъ имъ миръ или
 самъ удалился. Храбрый, добродушный
 Михаилъ не думалъ укорять ихъ. »Вы до-
 »правы,« сказалъ онъ: »могу ли желати броду-
 »вашей гибели?« и немедленно выѣхалъ. ^{ше}Миха-
 Граждане, проводивъ сего достойнаго ^{ила.}
 Князя съ искренними слезами, вступили
 въ переговоры съ Ярополкомъ и Мсти-
 славомъ; увѣряли ихъ въ своей покорно-
 сти, но боялись злобы Росповцевъ, ко-
 торые, завидуя новой знаменитости Вла-
 димира, желали его унизить. Города
 считались тогда между собою въ лѣ-
 пахъ, какъ роды дворянскіе въ поколѣні-
 яхъ: Росповцы славилась древностию; ^{Гор-}
 именовали Владиміръ *пригородомъ*, его ^{доси}
 жители своими *каменьщиками*, слугами, ^{Рос-}
 недостойными имѣти Князя, и хотѣли ^{спов-}цевъ.
 дать имъ Посадника. Владимірцы напро-

пивъ того утверждали, что ихъ городъ, основанный Владиміромъ Великимъ, имѣетъ право на знаменитость. Обнадеженные Ярополкомъ и братомъ его въ справедливой защитѣ, они встрѣтили ихъ со крестами и ввели торжественно въ храмъ Богоматери, гдѣ Ярополкъ былъ объявленъ Княземъ Владимірскимъ, а Мстиславъ Ростовскимъ и Суздальскимъ. Народъ успокоился, однакожь не надолго.

Мстиславъ и Ярополкъ, неопытные въ дѣлѣ государственнаго правленія, скоро утратили любовь народную. Опроки, Коры-
столю-
біе Бо-
ляръ. пришедшіе съ ними изъ южной Россіи, сдѣлались Посадниками; отягощали гражданъ судебными налогами; думали о корысти гораздо болѣе, нежели о расправѣ. Князья завистливы отъ Болръ и во всемъ исполняли ихъ волю; а Болре, наживаясь сами, совѣщивали и Князьямъ обогащаться. Ярополкъ отнялъ у Соборной церкви волости и доходы, данные ей Андреемъ; въ самый первый день княженія своего взявъ ключи отъ сего богатаго храма, присвоилъ себѣ казну онаго, серебро, золото, и дерзнулъ наконецъ самую побыдоносную Вышегородскую икону Маріи отпасть зяпю, Глѣбу Рязанскому. Общее негодование обнаружилось. »Мы не

»рабы« (говорили Владимірцы) »и приняли Князей добровольно; они же грабящѣ насъ какъ иноплемennыхъ, опустошашъ не только дома, но и святыя храмы. И »пакъ *промышляйте*, братья!» Слово важное: оно значило, что надобно Князей унять или сбить съ рукъ. Видя же, что всѣ Болре держатъ сторону слабыхъ Государей — видя, что Ростовцы и Суздальцы нечувствительны къ народнымъ обидамъ или перпѣливы до излишества — граждане Владимірскіе тайно призвали Михаила изъ Чернигова. »Ты внукъ Мономаховъ и старшій изъ Князей его рода,« говорили ему Послы: »иди на престолъ Боголюбскаго; а ежели Ростовъ и Суздаль не захотятъ тебѣ, мы на все готовы, и съ Божіею помощію никому не уступимъ.« Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и сыномъ Князя Черниговскаго³¹ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ ожидали ихъ усердные Владимірцы и сынъ Андрея Боголюбскаго (скоро по смерти отца принужденный выѣхать изъ Новгорода): тогда Ярополкъ свѣдалъ о грозящей ему опасности; хотѣлъ встрѣтить Георгіевичей, но разошелся съ ними въ дремучихъ лѣсахъ, и написалъ къ брату Мстиславу Суздальскому: »Михалко боленъ; его

»несушъ на носилкахъ: спѣши опразити
 »малочисленныхъ непріятелей отъ Вла-
 »диміра; я плѣню ихъ задній опрядъ.«
 Михаилъ, будучи дѣйствительно весьма
 нездоровъ, приближался къ Владиміру,
 когда полкъ Суздальскій, выпустивъ изъ-
 за горы въ блестящихъ лапахъ и рас-
 пущивъ знамя, съ воплемъ усеремился
 на его дружину. Успроенная Михаиломъ,
 она изготовилась къ сраженію; спрѣлки
 съ обѣихъ сторонъ начали битву; но
 Суздальцы — изумленные спройнымъ опол-
 ченіемъ непріятелей — вдругъ обратили
 тылъ, бросивъ хоругвь Княжескую. Лѣ-
 тописцы говорятъ, что ни пѣ, ни дру-
 гіе воины не отличались никакимъ осо-
 беннымъ знакомъ, и что сіе обспояпель-
 ство спасло многихъ Суздальцевъ: ибо по-
 бѣдители не могли распознавать своихъ
 и непріятелей. Михаилъ съ поржеспвомъ
 въѣхалъ въ городъ Владиміръ: предъ нимъ
 вели плѣнниковъ. Духовенство и всѣ жи-
 тели встрѣтили его съ живѣйшею ра-
 доспю. Ярополкъ ушелъ къ зяпкю сво-
 ему въ Рязань, а Мспиславъ въ Новго-
 родъ (гдѣ княжилъ юный сынъ его, Свя-
 тославъ, послѣ Георгія Андреевича); но
 машъ и жены ихъ оспались плѣнницами
 въ Владиміръ³².

Юнл
 15.
 Тор-
 же-
 спво
 Мнха-
 ила.

Скоро Послы отъ Суздаля и Ростова
 явились во дворцѣ Михайловомъ и сказали
 именемъ всѣхъ гражданъ: »Государы! мы
 »пвои душею и сердцемъ. Одни Бояре,
 »преданные Мспиславу, были тебѣ врага-
 »ми. Повелѣвай нами какъ ошецъ добродуш-
 »ный!« Такимъ образомъ Михаилъ наслѣдо-
 валь Великое Княженіе Андреево; объѣхалъ
 разныя обласпи; вездѣ учредилъ поря-
 докъ; вездѣ пекся о народномъ спокой-
 ствіи. Осыпанный дарами Суздальцевъ и
 Ростовцевъ, награжденный за свой трудъ
 благословеніями довольныхъ гражданъ, онъ
 возвратился въ Владиміръ, оспавивъ Все-
 волода княжить въ Переславѣ Залѣс-
 комъ.

Народъ требоваль мспи: Глѣбъ Ря-
 занскій пользовался слабоспю шурьевъ,
 обиралъ ихъ, обогатился драгоцѣнноспя-
 ми и святынею храмовъ Владимірскихъ.
 Михаилъ шель наказать его: но Глѣбъ,
 не дерзая оправдываться, требоваль ми-
 лосердія; прислалъ Вышегородскую икону
 Богоматери, всѣ драгоцѣнности, даже
 книги, имъ похищенныя, и пѣмъ обезо-
 ружилъ Великаго Князя. Народъ, съ вос-
 хищеніемъ встрѣтивъ образъ Маріи, сно-
 ва пославилъ его въ соборной церкви
 Владимірской: Михаилъ возвратилъ ей по-
 мѣспья, оброки и десятину.

Торжество Владиміръ было совершенно: городъ ихъ сдѣлался опять столицею, и Князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцемъ Неба, ибо счастье ему благопріиспывало. Они хвалились своимъ выборомъ, и говорили, что Богъ, унизивъ гордость *древляго* Ростова, прославилъ *новый* Владиміръ, ознаменовавъ его жишелей мудростію въ совѣтъ и мужествомъ въ дѣлѣ; что они, вопреки Болграмъ, даже вопреки народу Суздальскому и Ростовскому, единственно въ надеждѣ на свою правду, дерзнули изгнать злыхъ Князей и выбрать Михаила, благошворителя земли Русской³³. Къ несчастію, сей Государь властвовалъ только одинъ годъ, и скончался, оставивъ въ лѣтописяхъ память своей храбрости и добродѣтели. Живъ въ вѣкъ суровомъ, мятежномъ, онъ не записалъ себя на жестокостію, ни вѣроломствомъ, и любилъ спокойствіе народа болѣе власти. Новѣйшіе Лѣтописцы увѣряютъ, что Михаилъ казнилъ многихъ убійцъ Андреевыхъ³⁴; но современные не говорятъ о томъ. Нѣкогда изгнанный Боголюбскимъ, онъ могъ еще писать въ сердцѣ своемъ непріятное воспоминаніе сей обиды; и пѣлъ

Г.
1176,
Юня
20.
Коп-
чина
и свой-
ства
Миха-
ила.

болѣе доспѣвать хвалы, ежели дѣйствительно наказалъ злодѣевъ.

Михаилъ, занимаясь единственно благомъ Суздальскаго или Владимірскаго Княженія, не хотѣлъ или не имѣлъ времени думать о Россіи южной, гдѣ господствовало междоусобіе. Олегъ Сѣверскій, зипъ и союзникъ Ростиславичей, вмѣстѣ съ ними воевалъ область Черниговскую, осаждалъ Стародубъ, и самъ осажденный Святославомъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, долженъ былъ молить о мирѣ. Кіевъ болѣе и болѣе унижался. Видя нечаянное прибытіе Романа Смоленскаго, и догадываясь, что братья намѣрены возвести его на Кіевскій престолъ, слабый Ярославъ Изяславичъ не захотѣлъ подвергнуть себя стыду изгнанія и добровольно уѣхать въ Луцкъ. Романъ также не могъ утвердиться на семъ престолѣ, опъ зависелъ и козней Святослава. Имѣя шайныя сношенія съ Кіевлянами и съ Черными Клобуками, волнуя умы ласкою, злословіемъ, и скоро обрадованный несчастіемъ бившею сыновей Романовыхъ съ Половцами, въ коей легло на мѣстѣ мвожесиво лучшихъ воиновъ, Святославъ началъ погрѣшительно жаловаться на Давида. »Я ничего не требую кромѣ спра-

жадоу-
собоіе
въ юж-
ной
Рос-
сіи.

»ведливости,« говорилъ онъ Роману: »Братъ
»пвой, помогая Олегу, жегъ города мои.
»Согласно съ древнимъ уставомъ Бояринъ
»въ винѣ отвѣтствуетъ головою, а Князь
»Удѣломъ. Изгони же безпокойнаго Давида
»изъ областей Днѣпровскихъ.« Не получивъ
удовлетворенія, Святославъ прибѣгнулъ
къ оружію и къ измѣнникамъ. Зяпъ его,
сынъ Владиміра Мстиславича, внука
Мономахова, именемъ Мстиславъ, жилъ въ
Триполь съ Ярополкомъ Романовичемъ, и
предалъ сей городъ плетю. Узнавъ еще
измѣну Берендѣевъ, Романъ удалился въ
крѣпкій Бѣлгородъ и ждалъ братьевъ.
Хопя Князь Черниговскій, болѣе власто-
любивый, нежели храбрый, занявъ Кіевъ,
малодушно бѣжалъ отъ нихъ и перespo-
пилъ часть своего войска въ Днѣпръ;
однакожь Ростиславичи, свѣдавъ о впаде-
ніи Половцевъ, призванныхъ Святосла-
вомъ, добровольно уступили ему древнюю
столицу, уже незавидную. »Господствуй
»въ ней« — сказали они — »но съ согласія
»нашего: не насиліемъ и не обманомъ; мы
»не хопимъ плѣнны иноплеменныхъ вар-
»варовъ междоусобіемъ.« Романъ возвратил-
ся въ Смоленскъ³⁵.

ГЛАВА III.

Великій Князь Всеволодъ III Георгіевичъ.

Г. 1176 — 1212.

Вѣроломство Ростиславцевъ. Война съ Княземъ Рязан-
скимъ. Ослабленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстис-
слава и кончина его. Раздоръ Великаго Князя съ Чер-
ниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Все-
володу. Великодушіе Мономахова попомства. Осада
Торжка. Полѣника Новгородцевъ. Браки. Война
съ Болгарами. Народъ Липовскій. Война съ По-
ловцами. Огнестрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря.
Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и
Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели
Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Вла-
диміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля
Венгерскаго. Благородство сына Берладникова.
Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаіе Венгровъ
изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіе-
ва. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокой-
ства въ Смоленскѣ и Новгородѣ. Ссора съ Варя-
гами. Военскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ
Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ
Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царе-
вичемъ. Пиръ въ Кіевѣ. Миротлюбіе Духовенства.
Гнѣвъ Романа. Выпва въ Польшѣ. Мятежный духъ
Ольговичей. Неблагодарность Романова. Полѣника
Всеволодова. Строгость и веледушіе Давида. Вой-
на съ Половцами. Всеволодъ подчинилъ себя Нов-
городъ. Слава и пираство Романа. Опустошеніе

Кіева. Поспиріженіє Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Описаніє Романовъ. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на пресполѣ. Происшествія въ Галичѣ. Конспіаніинъ въ Новгородѣ. Князя Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романаова семейства. Коварство Всеволода Чермлаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хищность Всеволода. Жестокость Вели. Князя. Смыслъ Мстислава. Миръ съ Ольговичами. Мятежи въ Галичѣ. Неповиновеніе Конспіаніинна. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Поспиріин. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятіе Царяграда. Пѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власть въ Новгородѣ.

Г.
1176.

Въро-
лом-
ство
Ро-
снор-
цевъ.

Владиміръцы, еще не осушивъ слезъ о кончинѣ Государя любимаго, собрались предъ Златыми вратами и присягнули его брату, Всеволоду Георгіевичу, исполняя шѣмъ волю Долгорукаго, который назначалъ область Суздальскую въ Удѣлъ меньшимъ сыновьямъ³⁶. Но Бояре и Ростовцы не хотѣли Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали къ себѣ Мстислава, его племянника, изъ Новгорода, и сей Князь, оставивъ шамъ сына своего, уже находился въ Ростовѣ; собралъ многочисленную дружину, Бояръ, Грідней, инакъ называемыхъ *Пасынковъ* или *Опроковъ* Болрекихъ, и шелъ съ ними ко Владимиру³⁷. Жители сего города

пылали ревностію сразиться; но Всеволодъ, умѣренный, благоразумный, предлагалъ миръ. » За себя Ростовцы и Бояре, » говорилъ онъ Мстиславу: » за меня Богъ » и Владимиръцы. Будь Княземъ первыхъ; а » Суздальцы да повижутся изъ насъ, ко- » му хотяшъ. » Но Вельможи Ростовскіе, надменные гордостію, сказали Мстиславу: » мирися одинъ, если тебѣ угодно; мы » оружіемъ управимся съ чернію Владимир- » скою. » Присоединивъ къ себѣ въ Юрьевѣ дружину Переяславскую, Всеволодъ объявилъ войнамъ о непримиримой злобѣ ихъ врага общаго. Всѣ единодушно описывали: » Государь! ты желалъ добра » Мстиславу, а Мстиславъ шѣпелъ головы » шивой, и не давъ еще исполниться девя- » тин днѣмъ по кончинѣ Михайловой, жаж- » дель кровопролитія. Иди же на него съ » Богомъ! Если будемъ побѣждены, то » пусть возмунтъ Ростовцы женъ и дѣ- » шей нашихъ. » Всеволодъ, оставивъ за собою рѣку Кзу, среди Юрьевского поля ударилъ на непріятеля, разсѣялъ его и съ шоржествомъ возвратился въ Іюня столицу. Дружина Княжеская и Владимиръцы вели связанныхъ Вельможъ Ростовскихъ, виновниковъ междоусобія; за ними гнали множество коней и скопа, вѣща-
Толк. III.

го въ селахъ Боярскихъ. Суздаль, Ростовъ, покорились Всеволоду.

Мстиславъ напрасно желалъ бытъ впо-
рично Княземъ Новгородскимъ. »Нѣтъ!«
сказали ему жипели: »ты ударилъ плъ-
»тотю Новгородъ: иди же опть насть вмѣ-
»спѣ съ сыномъ!« Они искали дружбы по-
бѣдителя, и требовали себѣ Князя онѣ
Всеволода, который отправилъ къ нимъ
племянника своего, Ярослава³⁸. Мспи-
славъ, уѣхавъ къ зяблю, Глѣбу Рязанско-
му, склонилъ его къ несчастной войнѣ,
бѣдственной для нихъ обоихъ. Ся война
началась въ концѣ лѣта пожарами: Глѣбъ
обратилъ въ пепелъ Москву и всѣ окрест-
ныя слободы. Зимой пришли союзники
ко Всеволоду: племянникъ его, Владиміръ
Глѣбовичъ, Князь южнаго Переяславля, и
сыновья Святослава Черниговскаго³⁹. Но-
вгородцы обѣщали ему также дружину
вспомогательную, называя его своимъ
опцемъ и Властипелемъ; однакожь не
сдержали слова. Будучи въ Коломнѣ, Ве-
ликий Князь свѣдалъ, что Глѣбъ Рязан-
скій, нанявъ Половцевъ, съ другой спо-
роны вступилъ въ область Суздальскую,
взялъ Боголюбовъ, ограбилъ тамъ цер-
ковь, богато украшенную Андреемъ,
жжетъ селенія Боярскія, плаваешъ въ

Война
съ
Кня-
земъ
Рязан-
скимъ.

крови беззащитныхъ, опдаешъ женъ и
дѣтей въ плѣнъ варварамъ. Такимъ обра-
зомъ междоусобіе Князей открыло пупъ
симъ иноплеменнымъ хищникамъ и въ
сѣверныя земли Россіи . . . Всеволодъ со-
шелся съ непріятелями; но тѣ и другіе
спояли праздно цѣлый мѣсяць въ ожи-
даніи мороза: рѣка Колокша находилась
между ими и не перепускала ихъ; ледъ
ея былъ слишкомъ понокъ. Раздражен-
ный злодѣйскими Глѣба, Великий Князь
отказался опть мирныхъ его предложеній,
и наконецъ—видя, что рѣка замерзла—
отправилъ на другую сторону обозъ свой
съ частію войска. Мстиславъ первый на-
палъ на сей опрядъ, и первый обратилъ
въ бѣгство: Глѣбъ также, смѣлый
полкомъ Всеволода. Дружина Великаго
Князя гналась за малодушными, и плѣ-
нивъ самаго Глѣба, сына его Романа,
Мстислава, множесиво Бояръ, истребила
Половцевъ. Въ числѣ плѣнниковъ нахо-
дился старый Воевода Андрея Боголюб-
скаго, Борисъ Жидиславичъ, который дер-
жалъ сторону Мстислава. Всѣ они были
предметомъ народной ненависти, и гра-
ждане Владимірскіе, посвятивъ два дни
на общую радость, хопѣли ознаменоваль
третій злобною местию: обступили дво-

Г.

1177.

рець Княжескій и говорили Всеволоду: »Государь! мы рады положить за тебя свои головы; но казни злодѣевъ, или ослѣпи, или выдай намъ въ руки.« Изъявляя человеколюбіе, Всеволодъ желалъ спасти несчастныхъ и велѣлъ заключить ихъ въ темницу, чѣобы успокоить народъ. Глѣбъ имѣлъ заступниковъ. Будучи ему зятемъ, храбрый Мстиславъ, братъ Романа Смоленскаго, вмѣстѣ съ горестною своею щецею убѣждалъ Святослава Черниговскаго, какъ Всеволодова союзника, освободить плѣнниковъ усерднымъ ходатайствомъ. Порфирій, Черниговскій Епископъ, ѣздилъ для того въ Владиміръ. Глѣбу предложили свободу, съ условіемъ отказать навсегда отъ княженія и ѣхать въ южную Россію. Онъ гордо отвѣтствовалъ: »лучше умру въ неволѣ« — и дѣйствительно умеръ черезъ нѣсколько дней⁴⁰. Когда же Рязанцы, устрашенные бѣдствіемъ ихъ Князя, въ угодность Всеволоду взяли подъ спражу Ярополка Ростиславича въ Воронежъ и привезли въ городъ Владиміръ, тогда мятежъ возобновился. Бояре, купцы пришли съ оружіемъ на дворъ Княжескій, разметали темницу, и, къ горести Великаго Князя, ослѣпили его племянниковъ,

Ослѣпленіе
двухъ
Князей.

Ростиславичей. Онъ только уступилъ народному осервенію, по словамъ Лѣтописца Владимірскаго, не имѣвъ никакого участія въ семъ злодѣйствѣ (которое древніе Россіане заимствовали отъ просвѣщенныхъ Грековъ); другіе же Лѣтописцы обвиняютъ въ томъ Всеволода, можетъ быть несправедливо⁴¹; но Великій Князь, не наказавъ злодѣевъ, заслужилъ подозрѣніе, безславное для его имени. Чѣобы оправдать себя великодушіемъ въ глазахъ всей Россіи, онъ выпустилъ изъ темницы Глѣбова сына, Романа. Несчастные слѣпцы были также освобождены, и на пути въ южную Рос-^{Сен-15.}сію, къ общему удивленію, прозрѣли въ Смоленскѣ, съ усердіемъ молясь въ Смядынской церкви Св. Глѣба, по извѣстію Лѣтописцевъ.

Чудо разгласилось и благопріятствовало властолюбію сихъ Князей: Новгородцы призвали ихъ какъ мужей богоугодныхъ; оставили Мстислава начальствовать въ сполницѣ, Ярополку дали Торжекъ, а бывшаго Князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волокомъ Ламскимъ. ^{1178, Апрель, 20.} Мстиславъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ: Ярополкъ заступилъ его мѣсто,

но скоро былъ изгнанъ народомъ, въ угодность Великому Князю, который захватилъ многихъ купцевъ Новгородскихъ, съ неудовольствіемъ видя злодѣя своего Главою сей области. Всеволодъ еще не былъ обезоруженъ: приступилъ къ Торжку и прѣбывалъ дани. Граждане общались заплачивать оную; но войны сказали Великому Князю; «мы пришли сюда не за пѣмъ, чтобы цѣловать ихъ и слушать пустыя кляшвы;» сѣли на коней и взяли городъ; зажгли его, палили жилищей. Всеволодъ съ ополчною дружиною спѣшилъ къ Волоку Ламскому, уже оставленному гражданами; нашелъ тамъ одного племянника своего, Ярослава⁴²; испребилъ огнемъ пустые дома, самый хлѣбъ въ окрестностяхъ, и сею безразсудною жестокостію такъ озлобилъ Новгородцевъ, что они рѣшились не имѣть съ нимъ никакого дружелюбнаго сношенія, призвавъ къ себѣ Романа Смоленскаго. Потомки Св. Владиміра все еще вѣрили ихъ ненадежнымъ обѣщанъ, и прельщались знаменитостію древнѣйшаго въ Государствѣ Князевія.

Романъ власноровалъ тамъ не долге многихъ своихъ предмѣспниковъ; по крайней мѣрѣ выѣхалъ добровольно и съ че-

спію. Тогда Новгородцы, желая имѣть Князя извѣстнаго воинскою доблестію, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитаго мужескимъ, что ему въ цѣлой Россіи не было имени кромѣ Храбраго. Онъ колебался, оповѣстивъ ихъ Посламъ, что не можетъ расстаться ни съ вѣрными братьями, ни съ южною своею опчиною; но братья и дружина сказали Мстиславу: «Новгородъ есть также пвое опечеснво» — и сей бодрый Князь поѣхалъ искать славы на иномъ театръ: ибо душа его, какъ пишутъ современники, занималась одними великими дѣлами⁴³. Весь Новгородъ, чиновники, Бояре, Духовенство съ Мстиславомъ вышли къ нему на встрѣчу. Возведенный на престолъ въ Софійской церкви, Мстиславъ далъ слово ревностно блюсти честь, пользу Новгорода, и сдержалъ оное. Узнавъ, что Эстонцы (въ 1176 году) дерзнули осаждать Псковъ и не престають беспокоить границы, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20,000 воиновъ, и веселяся предводительствомъ рати столь многочисленной, неперпѣливо хотѣлъ битвы; но Эстонцы, думая только о спасеніи жизни, скрывались. Опустошивъ ихъ землю до самаго моря, взявъ

Славо-
любіе
Мсти-
слава.
Ноя.

Дека-
бря 8.

г.
1179.

Г.
1180. въ добычу множество скоша, плѣнниковъ, Мстиславъ на возвращеніи пупи умиралъ во Исковъ мятежныхъ чиновниковъ, не хотѣвшихъ повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и готовился къ инымъ предпріятіямъ. Еще въ 1066 году праѣдъ Всеслава Полоцкаго ограбилъ Софійскую церковь въ Новѣгородѣ и захватилъ одинъ изъ его уѣздовъ: Мстиславъ, какъ ревностный выпязъ Новгородской чести, вздумавъ отмстить за то Всеславу, своему зяню, уже шелъ къ Полоцку. Едва Романъ Смоленскій могъ обезоружить брата, представляя ему, что сей Князь, супругъ ихъ сестры, не долженъ опвѣстивать за праѣда, давно исплѣвшаго во гробѣ; что воспоминаніе обидѣ древнихъ не достойно ни Христіанина, ни Князя благоразумнаго. Мстиславъ уважилъ братній совѣтъ и возвратился изъ Великихъ Лукъ, обѣщая себѣ, гражданамъ и дружинѣ новымъ походомъ навсегда смирить Ливонію. Но среди блестящихъ надеждъ пылаго славолюбія и въ силѣ мужества сраженный внезапною болѣзнію, онъ увидѣлъ суешу гордости человѣческой, и живъ Героемъ, хотѣлъ умереть Христіаниномъ: велѣлъ нести себя въ церковь, причастился Св.

пныхъ Таинъ послѣ Литургіи, и закрылъ Коп- глаза навѣки въ объятіяхъ неуплѣнной чина его. супруги и дружины, поручивъ дѣшей, въ 14. особенноти юнаго Владиміра, своимъ братьямъ. Такимъ образомъ Новгородцы въ два года погребли у себя двухъ Князей: чего уже давно не бывало: ибо непрестанно мѣняя Властителей, они не давали имъ умирать на прогнѣ. Бояре и граждане изъявили прогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храбраго, всѣми любимаго, величая его красоу мужественную, побѣды, великодушныя намѣренія для славы ихъ отечества, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкою гордостью сердца благороднаго. Сей Князь, по свидѣльствую современниковъ, былъ украшеніемъ въка и Россіи. Другіе воевали для корысти: онъ только для славы, и презирая опасноти, еще болѣе презиралъ золото, отдавая всю добычу Церкви или воинамъ, конхъ всегда ободрялъ въ битвахъ словами: *за насъ Богъ и правда; умремъ нынѣ или завтра: умремъ же съ честью.*— »Не было пакой земли въ Россіи (говорить Лѣтописецъ), которая не хотѣла бы ему повиноваться, и гдѣ бы объ немъ не плакали.« Народная любовь къ сему

Князю была столь велика, что граждане Смоленскіе въ 1175 году единогласно объявили его, въ опсуспівіе Романа, своимъ Государемъ, изгнавъ Ярополка Романовича⁴⁴; но Мстиславъ согласился властвовать надъ ними единспвенно для того, чтобы умирить ихъ и возвратить престолъ старшему брату. Новгородцы погребли Мстислава въ гробницѣ Владиміра Ярославича, строителя Софійской церкви. Надлежало избрать преемника: въ досаду Всеволоду Георгіевичу они призвали къ себѣ княжить Владиміра, сына Святославова, изъ Чернигова.

Сей юноша не за-долго до того времени госпиль у Всеволода и женился на его племянницѣ, дочери Михайловой⁴⁵. Святославъ имѣлъ случай оказывать услуги Великому Князю, когда онъ жилъ въ южной Россіи: не имѣя Удѣла, и не дерзая претоватъ онаго отъ брата, Андрея Боголюбскаго, своего бывшаго гонимца. Между тѣмъ, какъ Михаилъ и Всеволодъ съ помощію Святослава искали престола Владимірскаго, супруги ихъ оставались въ Черниговѣ. Сія дружба, основанная на одолженіяхъ, благодарности и свойствѣ, не успояла противъ обоюднаго властолюбія. Святославъ, охотно пославшій сына го-

Август
17.

Раздоръ
Великаго
Князя съ
Черниговскимъ.

сподспвовать въ Новгородѣ, могъ предвидѣть, что Всеволодъ имѣлъ оскорбился, считая сію область законнымъ достояніемъ Мономахова рода. Новыя неудовольствія ускорили явное начало вражды. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба Рязанскаго жаловались Всеволоду на старшаго брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что онъ, слѣдуя внушенію шестя, отнимаетъ ихъ Удѣлы и презираетъ Великаго Князя. Всеволодъ, уже не доброхотспивуя Князю Черниговскому, вступилъ за нихъ; встрѣченный ими въ Коломнѣ, плѣнилъ мать Святославова сына, Глѣба⁴⁶ разбилъ передовый опрядъ Романовъ на берегахъ Оки, взялъ городъ Борисовъ, осадилъ Рязань и заключилъ миръ. Романъ и братья его признали Всеволода общимъ ихъ покровителемъ, довольные Удѣлами, которые онъ назначилъ для каждаго изъ нихъ по верховной волѣ своей.

Князь Черниговскій, раздѣленный плѣненіемъ сына, хотѣлъ не только отплатить за то, но и присвоить себѣ, счастливимъ успѣхомъ оружія, лестное первенство между Князьями Россійскими. Еще Всеволодъ не имѣлъ правъ Андреевыхъ, утвержденныхъ долговременною славою;

не имѣлъ и силы Боголюбскаго: ибо Смоленскъ, область Кривская и Новгородъ не помогали ему. Святославъ надѣялся смириши его, но желалъ прежде выпѣснить Рюрика и Давида изъ области Кіевской, чѣобы господствовать въ ней единовластно. Смерть Мстислава Храбраго и Олега Сѣверскаго, ихъ зяпцъ, казалась ему случаемъ благопріятнымъ⁴⁷: увѣренный въ дружелюбіи Олеговыхъ братьевъ, Игоря и Всеволода; выдавъ племянницу за Князя Переяславскаго, Владиміра Глѣбовича, и называясь покровителемъ сего юноши, онъ дерзнулъ на гнусное коварство, рассуждал, чѣо всѣ способы вредить Мономаховымъ потомкамъ согласны съ уставомъ праведной мести, и чѣо ближайшіе изъ нихъ должны быть ея первымъ предметомъ. Не имѣя въ самомъ дѣлѣ никакихъ причинъ жаловаться на Ростиславичей — копорые жили съ нимъ мирно и вмѣстѣ опразили набѣгъ Хана Половецкаго, Кончака — Святославъ вздумалъ схватить Давида на звѣриной ловлѣ въ окрестностяхъ Дитира; сказать о томъ единственно женѣ и главному изъ любимцевъ, именемъ Кочкарю; тайно собралъ воиновъ и нечаянно ударилъ на спань Давидовъ. Сей Князь, изумленный злодѣй-

Виро-
лом-
ство
Свято-
слава.

ствомъ, бросился въ лодку съ супругою, и едва могъ спастись, осыпaeмый съ берега стрѣлами. Онъ ушелъ въ Бѣгородъ къ Рюрику; а Святославъ, неудачно обнаруживъ свой умыселъ, призвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣтъ въ Черниговъ.

»Вижу теперь горестную необходи-
мость войны.« сказалъ ему Игорь Сѣверскій: »но ты могъ бы прежде сохранить миръ. Впрочемъ мы готовы повиноваться тебѣ, какъ нашему опцу, желая усердно пвоего блага.« Между тѣмъ Рюрикъ, слыша, чѣо Святослава нѣтъ въ Кіевѣ, занялъ сію столицу, пребовалъ помощи отъ Князей Волынскихъ, и велѣлъ Давиду ѣхать въ Смоленскъ къ Роману, чѣобы вмѣстѣ съ нимъ взять нужныя мѣры для безопасности сего Княженія. Но Давидъ уже не засталъ брата живаго: Романъ скончался, извѣстный болѣе мирными, кроткими свойствами, нежели воинскимъ духомъ. Лѣтописцы сказываютъ, чѣо онъ имѣлъ наружность величественную и рѣдкое милосердіе; перпѣлъ отъ гражданъ Смоленскихъ многія досады и мспилъ имъ только благодѣяніями; не обманывалъ Князей, нѣжно любилъ братьевъ, славился набожностію: соорудилъ великолѣпную церковь Св. Іоанна, украсилъ оную

золопомъ и финифтью. Давидъ наследовалъ престолъ Смоленскій.

Г. 1181. Въ надеждѣ управиться и съ Ростиславичами и съ Великимъ Княземъ, Святославъ, напавъ множество Половцевъ, оставилъ часть войска съ брапомъ своимъ Ярославомъ въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать противъ Рюрика и Давида; а самъ съ главною силою вступилъ въ область Суздальскую, соединился съ Новгородцами на устьѣ Тверцы, опустошилъ берега Волги и шелъ къ Переславлю⁴⁸. За 40 верстъ отъ сего города стоялъ Всеволодъ съ полками Суздальскими, Рязанскими, Муромскими, въ спанѣ укрѣпленномъ Природою: между крутоберегою Вленою, ущельями и горами. Непріатели видѣли другъ друга, и пустили черезъ рѣку стрѣлы. Войны Святославовы желали битвы, Суздальскіе также: послѣдніе были удерживаемы Великимъ Княземъ, а первые неприспужно-стію мѣста. Прошло болѣе двухъ недѣль. Чтобы сдѣлать прерывъ въ спанѣ Черниговцевъ, Всеволодъ послалъ Князей Рязанскихъ ударить на нихъ съ боку. Внезапною нападеніемъ имѣла успѣхъ только мгновенный: братъ Игоря Сѣверскаго принудилъ Рязанцевъ бѣжать, и взялъ у нихъ

не малое число плѣнниковъ. Напрасно ожидая новаго нападенія, Святославъ отправилъ къ Великому Князю своего Духовника съ такими словами: »Братъ и сынъ мой! имѣвъ искреннее удовольствіе слу-^{Упре-}жить тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, могъ ли^{ки} я ожидать сполнѣ жеспокой неблагодар-^{Всего-}ности? Въ возмездіе за сіи услуги ты^{лоду.} не успѣдился злодѣйствованіемъ мнѣ и схватилъ моего сына. Для чего же медлишь? я близъ тебя: рѣшимъ дѣло судомъ Божиимъ. Выступи въ поле и сразимся, на той или другой сторонѣ рѣки.« Всеволодъ не отвѣтствовалъ, задержалъ Пословъ и велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, желая, чтобы Князь Черниговскій въ досадѣ своей опважился на битву, для себя невыгодную, и перешелъ за рѣку. Святославъ не прогася съ мѣсна Весна наступила: боясь распутия, онъ рѣшился оставить часть обоза и спанъ въ добычу непріателю, впрочемъ не хотѣвшему за нимъ гнаться; сжегъ Дмитровъ, мѣсто Всеволодова рожденія, и прибылъ воевать въ Новгородъ, гдѣ жители воспрѣтили его какъ побѣдителя, называя именемъ *Великаго*. Ярополкъ, прежде изгнанный ими въ удовольствіе Всеволоду, находился съ Черниговскимъ Княземъ: они вторично приняли

его къ себѣ и дали ему въ Удѣль Торжекъ, чтобы охранять ихъ восточныя области.

Святославъ, извѣдавъ воинскую осторожность Всеволода, уже не хотѣлъ возобновить непріятельскихъ дѣйствій въ Великомъ Княженіи Суздальскомъ: онъ велѣлъ брату, Ярославу, выступить изъ Чернигова, и соединился съ нимъ въ областяхъ Кривскихъ, гдѣ Васильковичи, Все-славъ Полоцкій и Брячиславъ Вишескій вмѣстѣ съ другими Князьями волею или неволею объявили себя друзьями Святослава⁴⁹; каждый привелъ къ нему свою дружину, а Всеславъ Липиву и Ливонцевъ. Ростиславичи и Кіевъ были предметомъ сего ополченія. Одинъ Князь Друцкій, Гибъ, сынъ умершаго Рогволода, не измѣнилъ Давиду Смоленскому, который думалъ защитить его, но видя превосходную силу враговъ, удалился опъбытвы. Святославъ обратилъ въ пепелъ вѣншія укрѣпленія Друцка и, не теряя времени, шелъ къ Кіеву, сопровождаемый толпами Половцевъ. Сіе-потребное обыкновеніе, въ войнахъ междуособныхъ дружинъ съ иноплемени-ми хищниками и призывать ихъ для ужасныхъ злодѣйствъ въ нѣдра Государства, всего болѣе обезславило Князей

Черниговскихъ въ нашей древней Истории, и было одною изъ причинъ народной любви къ Мономаховымъ потомкамъ, ко-^{Вели}порые ^{кodu-}дотолъ гиушались онимъ (если ^{шіе}исключимъ Георгія Долгорукаго), и слѣ-^{Моно-}дую наслѣдственнымъ правиламъ, оплача-^{потом-}лись великодушіемъ. Такъ поступилъ и Рюрикъ. Не имѣя способовъ защитить Кіевъ, онъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ, умѣлъ внезапно разбить Половцевъ, предводи-мыхъ Игоремъ Сѣверскимъ, и воспользо-вался робостію Святослава для заключенія мира: призналъ его старѣйшимъ; опъказался опъ Кіева, удержавъ за собою весь другіе города Днѣпровскіе, и клялся искренно быть вѣрнымъ другомъ Черниговскихъ Князей, съ условіемъ, чтобы они, подобно ему, служили щипомъ для южной Россіи и не давали варварамъ пѣвлять Христіанъ.

Вѣроятно, что Рюрикъ старался примирить Святослава съ Великимъ Княземъ: Новгородъ, бывъ основаніемъ ихъ вражды, подалъ имъ и способъ прекратитъ оную. Ярополкъ, ненавидя Всеволода, не могъ жить спокойно въ Торжкѣ и без-Осада преспання превозилъ границы Суздаль-Торж-скія. Всеволодъ осадилъ его. Предвидя свою участь, граждане оборонились му-

жественно долѣе мѣсяца; не имѣя хлѣба, пицались копиною : наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Ярополкъ, раненный стрѣлою во время осады, былъ заключенъ въ цѣпи, а городъ сожженъ вморично; жипелей опвели плѣнниками въ Владиміръ. Войско Новгородское находилось тогда съ Святославомъ въ землѣ Кривской: оно спѣшило назадъ, защитишь собственную. Но чиновники и граждане, перемѣнивъ мысли, уже хотѣли искашь милосши Всеволодовой. Разсуждая, что дружба Государя сосѣдственнаго, юнаго, могущественнаго, твердаго душою, выгоды дружбы Черниговскаго Князя, слабодушнаго, легкомысленнаго и припомъ удаленнаго ошъ предѣловъ Новгородскихъ, они выслали Святослава сына и пребывали, чтообы Всеволодъ, оставивъ вражду, далъ имъ Правилеля. Онъ немедленно возвращилъ свободу плѣннымъ жипелямъ Торжка, и своихъ его, Ярославъ Владиміровичъ, внука Мстислава Великаго, пріѣхалъ изъ Суздаля княжишь въ Новгородъ. Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своей — шо есть, присоединивъ область Новгородскую ко владѣніямъ Мономахова Дому — Всеволодъ съ честію оппустилъ Глѣба Святославича къ опцу, не мѣшалъ

Полипи-
жа Но-
вого-
род-
цевъ.

последнему господствовать въ Кіевѣ, и возобновивъ старую съ нимъ дружбу, выдалъ своячину, Книжну Яскую, за его меньшаго сына; а Глѣбъ Святославичъ женился на дочери Рюриковой.

Г.
1182.
Бра-
ки.

Внутреннее междоусобіе прекратилось: начались войны внѣшнія. Подобно Андрею смотря съ завистію на цвѣтущую художествами и шорговлею Болгарію, Всеволодъ желалъ овладѣшь ею, и звалъ другихъ Князей къ содѣйствію. Война съ невѣрными казалась тогда во всякомъ случаѣ справедливою⁵¹: Святославъ прислалъ сына своего Владиміра, къ Великому Князю, радуясь, что онъ замыслилъ дѣло столь благопріятное для честы Россійскаго оружія. Князя Рязанскіе, Муромскій и сынъ Давида Смоленскаго также участвовали въ семъ походѣ. Рать союзниковъ плыла Волгою до Казанской Губерніи, оставила ладіи близъ устья Цывили, подъ спражею Бѣлозерскихъ воиновъ, и шла далѣе сухимъ путемъ. Передовой опрядъ, увидѣвъ вдали конницу, готовился къ бипвъ; но мнимые непріатели оказались Половцами, которые также воевали Болгарію, и хотѣли служишь Всеволоду. Вмѣстѣ съ ними Россіане осадили шакъ, называемый

Г.
1183.
Вой-
на съ
Болга-
рами.

Великій городъ въ землѣ *Серебряныхъ* Болгаровъ, какъ сказано въ лѣтописи⁵². Юный племянникъ Всеволодовъ, Изяславъ Глебъвичъ, братъ Князя Переславскаго⁵³, не хотѣлъ ждати общаго приступа, и между тѣмъ, какъ Болгаре совѣтовались въ шатрѣ у Великаго Князя, одинъ съ своею дружиною ударилъ на Болгарскую пѣхоту, стоявшую въ укрѣпленіи предъ городомъ; пробился до воротъ, но уязвленный стрѣлою въ сердце, палъ на землю. Войны принесли его въ шатръ едва живаго. Сей случай спасъ городъ: ибо Великій Князь, видя спрѣданіе любимаго, мужественнаго племянника, не могъ ревностно заниматься осадою, и въ десятидневный день, заключивъ миръ съ жителями, отступилъ къ ладіямъ, гдѣ Бѣлозерцы до его прибытія одержали побѣду надъ соединенными жителями трехъ городовъ Болгарскихъ, хотѣвшихъ испребишь суда Россіянъ. Тамъ Изяславъ скончался, и Всеволодъ съ горестію возвратился въ столицу, отправивъ конницу въ Владиміръ чрезъ землю Мордвы (нынѣшнюю Симбирскую и Нижегородскую Губерніи).

Въ сіе время Россія западная узнала новыхъ враговъ, опасныхъ и жестокихъ.

Народъ Литовскій, въ теченіе спа-папи-Надесяти лѣтъ подвластный ея Князьямъ, рохъ дикий, бѣдный, плашилъ имъ дань шкурами, даже лыками и вѣвниками⁵⁴. Непреспанная наша междоусобія, раздѣленіе земли Кривской и слабость каждаго Удѣла въ особенности дали способъ Литовцамъ не только освободиться отъ зависимости, но и превозмочь набѣгами области Россійскія. Трубы въ длинныя свои трубы, они садились на борзыхъ лѣсныхъ коней и какъ люпытые звѣри стремились на добычу: жгли селенія, палили жителей, и насипаемые опрядами воинскими, не хотѣли битися спѣшно: разсылаясь во все стороны, пускали стрѣлы издали, метали дротики, исчезали и снова являлись. Такъ сіи грабители, не сморя на зимній холодъ, ужасно опустошили Псковскую область. Новгородцы, не успѣвъ защищить ее, винили въ томъ своего Князя, Ярославъ Владиміровича, и на его мѣсто — кажеся, съ согласія Всеволодова — призвали къ себѣ изъ Смоленска Давида сына, Мстислава.

Г.
1184.

Въ Россіи южной Князя соединили силы, чтобы смирить Половцевъ: Свято-славъ Кіевскій, Рюрикъ съ двумя племянниками⁵⁵, Владиміръ Переславскій (внукъ

Война (Долгорукаго) Глѣбъ Юрьевичъ Туровскій съ Половцами (правнукъ Святослава - Михаила) съ братомъ Ярославомъ Пинскимъ, Всеволодъ и Мстиславъ, сыновья Ярослава Луцкаго, Мстиславъ Всеволодовичъ Городненскій и дружина Галицкаго. Они пять дней искали варваровъ за Днѣпромъ. Князь Владиміръ, начальникъ передоваго опрѣда, вступилъ въ битву съ Половцами. »Мнѣ должно наказати ихъ за разореніе моей Переяславской области,« сказалъ онъ спарѣйшему изъ Князей, Святославу Кіевскому, и смѣло устремился на многочисленныя толпы непріятелей, которые заранее объявили его и всѣхъ нашихъ Воеводъ своими плѣнниками; но устрашенные однимъ грознымъ видомъ полку Владимірова, бѣжали въ степи. Россіяне на берегахъ Угла или Орели взяли 7000 плѣнныхъ (и въ томъ числѣ 417 Князьковъ), множество коней Азіатскихъ и всякаго оружія. Славный свирѣпостію Ханъ Половецкій, Кончакъ, былъ также разбитъ ими близъ Хороля, не смотря на его самострѣльные, необыкновенной величины луки, (едва натягиваемые пятидесятью воинами) и на искусство бывшаго съ нимъ *Бесерменина* или Харазскаго Турка, стрѣлявшаго *жизелью* огнемъ, какъ сказано въ лѣто-

30
Юл.

Огис-
сп-
ръ.

писи⁵⁶: вѣрояно *Грехескимъ*, а можетъ быть и порохомъ. Кіевляне догнали сего хитреца въ бѣгствѣ и представили Святославу со всѣми его снарядами, но, кажется, не воспользовались оными.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ торже-Бѣдсво Россіяны обратилось въ горестъ. Князя Сѣверскіе, Игорь Новгородскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, и племянникъ ихъ⁵⁷, не имѣвъ участія въ побѣдахъ Святослава, завидовали имъ, и хотѣли еще важнѣйшихъ; взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго плъкъ называемыхъ *Кочевъ* — единоплеменныхъ, какъ вѣрояно, съ Черными Клобуками—и пошли къ Дону. Случившееся тогда затмѣніе солнца казалось ихъ Боярамъ предзнаменованіемъ несчастнымъ. »Друзья и братья!« сказалъ Игорь: „пайны Божественныя никому не свѣдомы, а намъ не миновать своего рока.« Онъ переправился за Донецъ Всеволодъ, братъ Игоревъ, шелъ изъ Курска инымъ путемъ: соединясь на берегахъ Оскола, войско обратилось къ Югу, къ рѣкамъ Дону и Салу, вѣспру блестящихъ побѣдъ Мономаховыхъ⁵⁸. Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о сей новой грозѣ, представляя имъ, что Россіяне, дерзнувъ зайти споль-

Апрѣ-
13,
1185 г.

1.

далеко, безъ сомнѣнія хопятъ совершенно испребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись, и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона на встрѣчу смѣлымъ Князьямъ. Люди благоразумные говорили Игорю: „Князь! непріятели многочисленны; удалимся: теперь не наше время.» Игорь оповѣстествовалъ: „Мы будемъ осмѣяны, когда не обнаживъ меча, возвратимся; а спыдъ ужаснѣе смерти.» Въ первой битвѣ Россіяне оспались побѣдителями, взяли спанъ непріятелей, ихъ семейства; ликовали въ завоеванныхъ вежахъ и говорили другъ другу: »Что скажутъ теперь наши братья и Свято-славъ Кіевскій? Они сражались съ Половцами еще смотря на *Переславль*, и не смѣли итти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро будемъ за Дономъ и далѣе въ спранахъ приморскихъ, гдѣ никогда не бывали опцы наши; испребимъ варваровъ и пріобрѣтемъ славу вѣчную.» Сія гордость выпязей мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя слѣдствія. Разбитые Половцы соединились съ новыми толпами, отрѣзали Россіянъ отъ воды, и въ ожиданіи еще большей помощи, не хотѣли сразиться *копьями*, при дни дѣйствуя *одними*

стрѣлами. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ войско нашихъ Князей открыло себѣ путь къ водѣ: тамъ Половцы со всѣхъ сторонъ окружали его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ рабленный Игорь всталъ на конѣ, ободряя ихъ, и снѣлъ съ себя шлемъ, чинобы они видѣли его лице и итѣмъ великодушнѣ умирали. Всеволодъ, браня Игоревъ, оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, изломивъ свое копье и мечъ. Почти никто не могъ спастися: всѣ легли на мѣстѣ или съ Князьями были отведены въ неволю. Въ Россіи узнали о семъ бѣдствіи, случившемся на берегахъ Каялы (нынѣ Кагальника), отъ нѣкоторыхъ купцевъ, тамъ бывшихъ. »Скажице въ Кіевъ« (говорили имъ Половцы), чино мы теперь можемъ обмѣляться плѣнниками.» Князья, Вельможи, народъ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, опцевъ, ближнихъ сродниковъ. Святославъ Кіевскій всталъ тогда въ Карачевѣ⁵⁹: на возвратномъ пути услышавъ печальную вѣсть, залплся слезами и сказалъ: »я жаловался на легкомысліе Игоря: теперь еще болѣе

»жалуюсь на его злосчастіе.« Онъ собралъ Князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, болѣе сего ополченія, удалились отъ границъ Россіи. Не хотѣвъ иппи по слѣдамъ Владыцелей Сѣверскихъ, чинобы не имѣть той же участи, Свято-славъ былъ причиною новыхъ бѣдсвій: ибо варвары, успокоенные его робостію, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы, осадили Переславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичъ вспрѣ-пилъ ихъ подъ стѣнами и бился какъ Герой; кровь текла изъ ранъ его; дружина ослабѣвала. Видя опасность Князя любимаго, все граждане вооружились и едва спасли Владиміра, увлеченнаго преме копьями⁶⁰. Половцы, взявъ городъ *Риль* или нынѣшній Ромень, опустошивъ множество селъ близъ Пупивля и напомнивъ Россіянамъ бѣдсвенныя времена Всеволода I или Святополка-Михайла, ушли, обремененные плѣнниками, въ свои вежи. Но, къ утѣшенію Сѣверянъ, Игорь Святославичъ возвратился. Онъ жилъ въ неволѣ подъ надзираніемъ благосклоннаго къ нему Хана Кончака; имѣлъ при себѣ слугъ, Священника, и могъ забавляться ястребиною охотою. Одинъ изъ Половцевъ, именемъ Лаверь, вызвался бѣжать съ нимъ въ Рос-

Му-
жес-
твенно
Вла-
димі-
ра.

сію. Князь Игорь отвѣщивалъ: »я могъ уйппи во время битвы, но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.« Однакожъ убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего Конюшаго, Игорь воспользовался темнотою ночи и соимъ варваровъ, упоенныхъ крѣпкимъ кумысомъ; сѣлъ на коня, и въ 11 дней пріѣхалъ благополучно въ городъ Донецъ⁶¹. Сынъ его Владиміръ, оставленный имъ въ плѣну, женился тамъ на дочери Хана Кончака и возвратился къ отцу черезъ два года, вмѣстѣ съ лядою Всеволодомъ (кого называютъ Лѣпописцы Героемъ, или, по ихъ словамъ, *удалѣйшимъ* изъ всехъ Ольговичей, величественнымъ паружностію, любезнымъ душою). Сія гибель дружины Сѣверской, плѣнъ Князей и спасеніе Игоря описаны со многими обстоятельствомами въ особенной древней, исторической повѣсти украшенной цвѣтами воображенія и языкомъ Спиховорства.

Герой
Всево-

Въ теченіе слѣдующихъ осьми лѣтъ Половцы по мирились, по воевали съ Россіянами, имѣя успѣхъ и неудачи⁶². Сіи маловажныя сшибки не представляютъ ничего достопамятнаго для Исторіи. Одинъ сынъ Рюриковъ, юный Ростиславъ, опличался въ оныхъ мужествомъ и былъ

Торки
и Бе-
реп-
дзи.

грозою варваровъ, предводительствуя Торками и Берепдѣями, иногда вѣрными спутниками обласней Кіевскихъ, иногда измѣнниками: шакъ ихъ знаменитый чиповникъ или Князекъ, именемъ Куншудѣй, оскорбленный Святославомъ, ушелъ къ Половцамъ, и долго грабилъ съ ними села Днѣпровскія. Чтобы обезоружить сего храбраго наѣздника, Рюрикъ далъ ему городокъ Дверенъ на берегахъ Роси. Народъ благословлялъ согласіе Рюрика съ Святославомъ, которые единодушно дѣйствовали для его вѣншей безопасности. Первый, женатый на сестрѣ Князей Пинскихъ или Туровскихъ, правнукъ Святполка-Михаила, старался быть защитникомъ и сего края: онъ ходилъ съ войскомъ на Литву, какъ бы предвидя, что она будетъ для нашего опечества еще опаснѣе Половцевъ.

Г. Ме-
жду-
собіе
въ Рязан-
и

Междоусобіе Князей Рязанскихъ нарушило внутренній миръ и спокойствіе въ Россіи восточной. Глѣбовичи Романъ, Игорь, Владиміръ, умышляли на жизнь меньшихъ братьевъ, Всеволода и Святослава, сперва тайно, а наконецъ осадили ихъ въ Пронскъ⁶³. Великій Князь былъ занятъ тогда новымъ походомъ рати своей на Болгаровъ; когда же Воеводы его

возвратились опшуда съ добычею и съ плѣнниками, онъ рѣшился прекратить вражду злобныхъ братьевъ. Напрасно Послы его благоразумно представляли имъ, что добрые Россіяне и единокровные должны извлекать мечъ только на враговъ иноплеменныхъ. Романъ, Игорь, Владиміръ опшѣтснвовали гордо, что они не имѣютъ нужды въ совѣтахъ и хопятъ быть независимы. Обольщенный ими, Святославъ измѣнилъ меньшему брату, Всеволоду, бывшему у Великаго Кнззз, и сдалъ имъ Пронскъ, гдѣ находилось 300 человекъ дружины Владимірской. Романъ взял ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми, Болами Всеволода Глѣбовича. Сн безразсудные мятежники скоро увидѣли опасность, и спарались умилоспивить Великаго Кнззз. Они склонили Черниговскаго Епископа Порфирія (коего Епархія заключала въ себѣ и Рязанскую обласнь), быть ихъ ходатаемъ; Послы Святослава Кіевскаго и брата его также находились въ Владимірѣ для сего дѣла. Но Порфирій худо исполнилъ священную обязанность мирошворца; дѣйсповалъ какъ перевѣшникъ, раздражилъ Всеволода Георгіевича коварспвомъ своимъ и плѣмъ умножилъ зло: ибо Великій Князь огнемъ и мечемъ

Г. 1187. опустошилиъ землю Рязанскую, держа съ правила, какъ говорятъ Лѣтописцы, что «война славная лучше мира поспыднаго»⁶⁴.

Добродѣтели Ярослава Владиміровича Галицкаго и важными ея слѣдствіями. Подобно оному господствуя опть горъ Карпатскихъ до устья Серета и Прута, онъ имѣлъ обширныя государственныя добродѣтели, рѣдкія въ тогдашнія времена: не искалъ завоеваній, но, довольствуясь своею немалою областію, некая о благоденствіи народа, о цвѣтущемъ состояніи городовъ, земледѣлія; для того любилъ тишину, вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ Болграми, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для Государя; занималъ полки иноземниковъ, и спасая тѣмъ подданныхъ опть кровопролитій, не жалѣлъ казны. Въ 1173 году онъ нанялъ у Поляковъ войско за 3000 гривенъ серебра: успѣхи торговли и мирной промышленности доставляли ему способъ быть щедрымъ въ такихъ случаяхъ. Союзникъ Греческаго Императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей

своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по которому Россіяне прозвали его *Осломомысломъ*. Сей миролюбивый Князь не находилъ мира шолько въ нѣдрахъ семейства и не могъ жить въ согласіи ни съ супругою, ни съ сыномъ: первая рѣшилась навсегда съ нимъ разсѣпаться и (въ 1181 году) скончалась Монахиною въ Владимірѣ Суздальскомъ у Всеволода, ея брата⁶⁵; а сынъ Ярославъ, въ претій разъ изгнанный опцемъ, напрасно искавъ пристанища у Князей Волынскихъ, Смоленскаго, даже у Великаго Князя, жилъ два года въ Пупивѣ у своего зятя, Игоря Сѣверскаго, и хоня наконецъ, посредствомъ Игорева спаранія, примирился съ опцемъ, но имѣлъ склонности развратныя, непрестанно огорчалъ его. Тѣмъ болѣе Ярославъ любилъ меньшаго, побочнаго сына, именемъ Олега, прижиатаго имъ съ несчастною Анастасією. Готовясь къ смерти, онъ при дни прощался со всѣми: Бояре, Духовные, граждане, самые нищіе пѣселись во дворцъ къ одру умирающаго. Изъявивъ чувствъ набожныхъ и Хрисіанскія, смиреніе предъ Богомъ и людьми; назначивъ богатыя вклады въ церкви. въ мо-

наспыри, и велѣвъ раздатьъ часнь казны бѣднымъ, Ярославъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Олега: Владиміра же награждалъ только Перемышлемъ, взявъ съ него и съ Болръ клятву исполнить сіе завѣщаніе. Но Болре, едва предавъ землѣ плѣю Государя, изгнали Олега (ушедшаго къ Рюрику въ Овручъ), и возвели Владиміра на пресполѣ.

Они раскаялись: ибо новый Государь, имѣя опивращеніе опъ дѣтъ, пилъ день и ночь, презиралъ уставы Церкви и нравственности, женился вторымъ бракомъ на Попадѣ; сверхъ того, удовлетворяя гнусному любохспраснію, безчестилъ дѣвицъ и супругъ Боярскихъ. Негодованіе сдѣлалось общимъ; въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ народъ жаловался громогласно. Въ сосѣдственной области Владимірской господствовалъ тогда Князь извѣстный мужеспвомъ, умомъ, дѣяпелъпостію, Романъ Мспиславичъ, который еще въ лѣпахъ нѣжной юности, подъ спѣвами Повагорода, смиривъ гордость Андрея Боголюбскаго, заслужилъ нѣмъ вниманіе Россіянъ. Многими блестящими свойспвами достойный своего предка Мономаха, онъ, къ несчастію, жерпвовагъ власполюбію правилами добродѣтели,

Г.
1188.
Слѣ-
боспи
и бѣд-
спвіе
Князя
Владі-
міра.

и будучи свапомъ Владиміру, веселился его распушпствомъ и народнымъ озлобленіемъ, ибо думалъ воспользоваться слѣдспвіями онаго. Имѣя тайную связь съ Галицкими Вельможами, Романъ хотѣлъ опкрыпъ себѣ путь къ пмошнему пресполу и совѣшовагъ имъ свергнути Князя споль порочнаго. Сія внушенія не остались безъ дѣйспвія. Волненіе и шумъ въ споліцѣ пробудили уснпленного нѣгою Владиміра. Дворъ Княжескій наполнился людьми; но заговорщики, не увѣренныя въ согласіи добрыхъ, перцѣливыхъ гражданахъ, опасались возложитъ руку на Государя, и зная его малодушіе, послали сказапъ ему, чпобы онъ избралъ супругу dospойнѣйшую, выдалъ имъ Попадью для казни, правипельспвовагъ какъ должно или готовился къ слѣдспвіямъ весьма несчастнымъ. Ихъ желаніе исполнилось: по еспъ, уснпашенный Владиміръ бѣжалъ въ Венгрію съ женою, двумя сыновьями и наслѣдспвенными сокровищами. Болре призвали Романа княжитъ въ Галичѣ.

Вла-
спю-
любіе
Романа.

Плоды лѣспивыхъ внушеній и коварспва оказались непрочными для сего власполюбиваго Князя. Бела, Король Венгерскій, не уступая ему въ коварспвѣ,

осыпалъ Владиміра ласками, дружескими увѣреніями, и немедленно выступилъ къ Галичу со всѣми силами, чѣмъбы смирилъ мятежныхъ подданныхъ, какъ говорилъ онъ, и возвратитъ престолю изгнаннику. Давно Короли Венгерскіе, бывъ и друзьями и непріятелями мужесквенныхъ, умныхъ Князей Галицкихъ, отъ Василька до Ярослава, завидовали ихъ силѣмъ плодотворной, богатой также минералами и въ особенності солью, которая издревле шла въ южную Россію и въ соседственныя земли. Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область къ Венгріи. Еще Романъ не утвердился на новомъ престолѣ; многіе граждане и Вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крушаго нрава и гордаго самовластія. Свѣдавъ, что Венгры сходятъ съ горъ Карпатскихъ, онъ успѣлъ только захватить казну и выѣхать изъ Галича съ Боярами, ему преданными. Король безъ сопротивленія вошелъ въ столицу. Уже Владиміръ, изъявляя благодарности добрымъ союзникамъ, думалъ, что они могутъ иными образами; но вѣроломный Бела вдругъ объявилъ своего сына, Андрея, *Королемъ Галицкимъ*, съ согласіемъ легкомысленныхъ Бояръ, обольщен-

Вѣроломство Короля Венгерскаго.

ныхъ его увѣреніями, что Андрей будетъ царствовать по ихъ уславамъ и волѣ. Сего не довольно: Бела, опираясь у Владиміра и сокровища и свободу, возвратился съ нимъ въ Венгрію какъ съ плѣнникомъ.

Коварство Бела порожествовало: Романово было наказано. Сей Князь, опираясь господствовать въ Галичѣ, уступилъ всю область Волынскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, который уже не хотѣлъ впускать его въ городъ Владиміръ: заговорилъ вораха и сказалъ: «я здѣсь Князь, а не ты!» Изумленный Романъ — лишась такимъ образомъ и пріобрѣтенной и наследственной области — искалъ защиты у Рюрика и Ляховъ. Первый былъ ему шестемъ, а Государь Польскій, Казимиръ Справедливый, дядею по матери. Братъ Казимировъ, Мечиславъ Смѣлый, безъ успѣха приступилъ къ Владиміру, желая возвратиться сей городъ любимому имъ племяннику. Безъ успѣха также ходилъ Романъ съ дружиною шестя въ землю Галицкую: жилили и Венгры опирали его. Наконецъ Рюрикъ угрозами принудилъ Всеволода Мстиславича отдать Владимірское Княженіе старшему брату.

Князя наши не думали вступиться

г.
1189.

за несчастнаго Владиміра Галицкаго — посаженнаго Королемъ Белою въ каменную баню, — но съ прискорбіемъ видѣли ино-племенниковъ господами прекраснѣйшей изъ областей Россійскихъ. Между тѣмъ хипрѣй Бела, имѣя дружелюбныя сношенія съ Святославомъ Кіевскимъ, старался увѣрить его въ своемъ безкорыстїи, и даже обѣщалъ со временемъ отдать ему Галичъ; а Святославъ, вопреки условіямъ тѣснаго союза, заключеннаго имъ съ Рюрикомъ, тайно послалъ одного изъ сыновей къ Королю для переговоровъ. Рюрикъ свѣдалъ и досадовалъ. Принявъ совѣтъ Милупополипа, они согласились было изгнать Венгровъ изъ Галича; но Святославъ, уступая Рюрику сіе Княженіе, требовалъ Овруча, Бѣлгорода и всѣхъ другихъ областей Днѣпровскихъ. Рюрикъ не хотѣлъ того, и Галичъ оспался за Венграми, впрочемъ не надолго.

Сынъ Князя Іоанна Берладника, умершаго въ Фессалоникѣ, двоюродный племянникъ Ярослава Галицкаго, именемъ Ростиславъ, подобно отцу скипался изъ земли въ землю и нашелъ пристанище въ Смоленскѣ. Онъ имѣлъ друзей въ опечеснѣ, гдѣ народъ, неохотно повинувъ иноземнымъ властителямъ, и тѣкоторые

Бояре желали видѣть его на пресполѣ. По согласію съ ними Ростиславъ, уѣхавъ опѣ Давида Смоленскаго, съ малымъ числомъ воиновъ явился предъ стѣнами Галича, въ надеждѣ, что всѣ граждане къ нему присоединятся. Но Андрей оградилъ себя полками Венгерскими, взялъ съ жителей, волею и неволею, присягу въ вѣрности и вообще такіа мѣры, что сыны Берладниковъ, вмѣсто друзей, встрѣтили тамъ однихъ враговъ многочисленныхъ. Видя неудачу, измѣну или робость Гали-Благочанъ, Ростиславъ не думалъ спасаться ^{род-ство} бѣгствомъ; сказалъ дружинѣ: «лучше умѣ-^{сына} рѣшъ въ своемъ опечеснѣ, нежели ски-^{Бер-}палъ по чужимъ землямъ; предаю су-^{ладни-}ду Божію тѣхъ, которые меня обману-^{кова.}ли» — и бросился въ средину непріятелей. Тяжело раненный онъ упалъ съ коня и былъ привезенъ въ столицу, гдѣ народъ, тронутый его жалостною судьбою, хотѣлъ возвращить ему свободу. Чтобы утишнить мятежъ, Венгры, какъ сказано въ лѣтописи, приложили *смертное зелье* къ язвѣ Ростислава, и сей несчастный Князь, достойный лучшей доли, скончался, имѣвъ только время удословѣриться къ народной къ нему любви; а граждане, изъяснивъ оную, раздражили своего Короля.

Правленіе Андреево, допоть блаторазумное, снисходительное, обрашилось въ насиліе. Венгры мстили Галичанамъ какъ измѣнникамъ, нагло и неистово: опнимали женъ у супруговъ, спавили коней въ домы боярскіе, въ самыя церкви; позволяли себѣ всякаго рода злодѣйства. Народъ вопилъ, съ непрерывнѣмъ ожидая случая избавишься оныхъ ига: онъ представился.

Владиміръ Галицкій, заключенный съ женою и съ дѣтьми у Короля Венгерскаго, нашелъ способъ уйти: изрѣзалъ шаптеръ, поставленный для него въ башнѣ, свилъ изъ холста веревки, спустился по онымъ внизъ и бѣжалъ къ Нѣмецкому Императору, Фридрику Барбаруссѣ. Такъ сынъ Ярослава Великаго искалъ нѣкогда покровительства Императора Генрика IV; но привезъ сокровища въ Германію, а Владиміръ могъ только обѣщать, и дѣйствительно вызвался ежегодно платить Фридрику 2000 гривенъ серебра, буде его содѣйствіемъ опниметъ Галичъ у Венгровъ. Императоръ — неизвѣстно, какимъ образомъ — зналъ Великаго Князя Суздальскаго и весьма ласково принялъ Владиміра, слыша, что онъ сынъ Всеволодовой сестры. Хотя, занятый тогда важнымъ намѣреніемъ рапоборствовать въ Пале-

К. Вла-
ди-
миръ
въ
Им-
перію.

стинѣ съ Героемъ Востока, Саладиномъ, Фридрихъ не могъ послать войска къ берегамъ Днѣстра, однакожь далъ Владимиру письмо къ Казимиру Справедливому, которое имѣло счастливое для изгнанника дѣйствіе: ибо сей Монархъ Польскій, завидуя Венграмъ въ приобрѣтеніи земли Галицкой, и вѣдая, сколь ихъ господство проотивно ея жишелямъ, не отказался опъ предлагаемой ему чести бытъ покровителемъ несчастнаго Князя, вѣромно обманунаго Белою; надѣялся на Галичанъ, и не обманулся⁶⁶. Бывъ недовольны правленіемъ Владиміровымъ, они еще гораздо болѣе ненавидѣли Венгровъ; и когда услышали, что сей Князь съ Во-^{1190.} еводою Краковскимъ, знаменитымъ Ни-<sup>Изгна-
ніе</sup> колаемъ, идетъ къ ихъ границамъ: то Вен-<sup>Вен-
гровъ
изъ Га-</sup> всѣ единодушно возснали, изгнали Андрея и встрѣтили Владиміра съ радостію; а Бель остался спыдъ и пишулъ *Короля Галицкаго*, съ 1190 года употреблемый въ его грамотахъ⁶⁷. Еще не миновались опасности для Владиміра: худо вѣря безкорыстію Поляковъ, боясь Венгровъ, Романа Вольшскаго и собственнаго народа, онъ прибѣгнулъ къ дядѣ, Великому Князю, не хопѣвъ допоть искапъ въ немъ милоспи; смиренно винился, обѣщалъ ис-

правиться, и писалъ къ нему: »Будь мо-
имъ опцемъ и Государемъ: я Божій и
любой со всѣмъ Галичемъ; желаю тебѣ
»повиноваться, но только тебѣ одному.«
Сіе покровительство, согласное съ дол-
гомъ родства, было лестно и для гор-
дости Всеволода, который, взявъ оное
на себя, извѣстилъ о томъ всѣхъ Князей
Россійскихъ и Казимира: послѣ чего Вла-
диміръ могъ безопасно господствовать до
самой смерти.

Чтимый внутри и вѣн Госсіи, Все-
володъ хотѣлъ искренняго взаимнаго дру-
желюбія Князей, и спарался утвердить
оное новымъ свойствомъ, выдавъ дочь
свою за племянника Святослава, — дру-
гую, именемъ Верхуславу, за Рюриковича,
мужественнаго Ростислава, а сына своего
Константина, еще десятилѣтняго же-
нивъ на внука умершаго Романа Смолен-
скаго⁶⁸. Юность лѣтъ не препятство-
вала брачнымъ союзамъ, коихъ требовала
польза государственная. Верхуслава такъ
же едва вступила въ возрастъ опротокови-
цы, когда родители послали ее къ жени-
ху въ Бѣлгородъ. Сія свадьба была одною
изъ великолѣпнѣйшихъ, о коихъ упоми-
нается въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ.
За невѣстою прѣзжали въ Владиміръ

Г.
1187
— 95.
Бра-
ки.

шуринъ Рюриковъ, Глѣбъ Туровскій, и
знаменнѣйшіе Бояре съ супругами, щедро
одаренные Всеволодомъ. Ошмѣнно любя
Верхуславу, отецъ и мать дали ей мно-
жество золота и серебра; сами прово-
дили милую, осмилѣтнюю дочь до прѣстѣ-
лаго снана и со слезами поручили сыну
Всеволодовой сестры, который долженъ
былъ, вмѣстѣ съ первыми Боярами Суз-
дальскими, везти невѣсту. Въ Бѣлго-
родѣ Епископъ Максимъ совершалъ обрядъ
вѣнчанія, и болѣе двадцати Килзейירו-
вали на свадьбѣ. Рюрикъ, слѣдуя древнему
обычаю, въ знакъ любви отдалъ снохѣ
городъ Брагинъ. Сей Князь, племъ Иго-
рева сына, жилъ въ мирѣ со всѣми Оль-
говичами, и въ случаѣ споровъ о грани-
цахъ или Удѣлахъ прибѣгалъ къ посред-
ству Всеволоду. Такъ Святославъ (въ
1190 году) желалъ присвоить себѣ часть
Смоленскихъ владѣній; но Рюрикъ и Да-
видъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ обо-
ружили его, предсказывая, что онъ взявъ
Кіевъ съ условіемъ не требовать ничего
болѣе и забыть споры, бывшіе при Ве-
ликомъ Князѣ Ростиславѣ; что ему
остается или исполнить договоръ или на-
чать войну. Святославъ далъ имъ слово
впредь не нарушать мира, и сдержалъ

Вре-
мен-
ная ис-
пан-
си-
моси
Кіева

оное, довольный честию первенства ме-
жду Князьями южной Россіи. Уступивъ
Черниговъ брану, Ярославу Всеволодовичу,
а Рюрику значную часть Кіевской обла-
сти, не имѣя ни Переяслава, ни Волы-
ни, онъ не могъ равняться силою съ
древними Великими Князьями, но подоб-
но имъ именовался Великимъ и возста-
новилъ независимость Кіева. Всеволодъ
Георгіевичъ уважалъ въ Святославъ опыт-
наго старца (власы сѣдые были тогда
правомъ на почтеніе людей); предвидя
его близкую кончину, удерживалъ до вре-
мени свое властолюбіе и шерилъ нѣко-
шорую зависимость могущественной об-
ласти Суздальской отъ Кіева по дѣламъ
церковнымъ. Выступъ съ народомъ или
знаменитыми гражданами избирая Еписко-
повъ для Ростова, Суздаля, Владиміра,
но посылая ихъ ставившися къ Митропо-
листу Никифору, преемнику Константи-
нову, онъ всегда отпиралъ Пословъ и
къ Святославу, требуя на то его Кня-
жескаго соизволенія⁶⁹: ибо власть духов-
ная была тѣсно связана съ гражданскою,
и Митрополисъ дѣйствовалъ согласно
съ желаніемъ Государя. Никифоръ хотѣлъ
нарушить сей уставъ въ Россіи, само-
властно посвятивъ въ Епископы Суздаля

одного Грека; но Всеволодъ не принявъ
его, и Митрополисъ поспавилъ иного,
назначеннаго Великимъ Княземъ и одобрен-
наго Святославомъ. — Между тѣмъ, желая
приблизиться къ древней столицѣ Все-
володъ возобновилъ городъ Осперь, раз-
рушенный Изяславомъ Мстиславичемъ⁷⁰:
Титу Суздальскій пріѣхалъ туда властво-
вать именемъ Князя. Южный Переяславъ
также зависѣлъ отъ Всеволода, который
отдалъ его, по смерти Владиміра Глѣбо-
вича, другому племяннику, Ярославу Мстис-
лавичу. Вся *Украина*, по словамъ Лѣто-До-
писца, оплакала сего мужественнаго Вла-
диміра, ужаснаго для Половцевъ, добраго, Влади-
безкорыстнаго, любившаго дружину и Глѣбо-
любимаго ею. <sup>бродъ-
исла
Влади-
міра
Глѣбо-
вича.</sup>

Когда почти вся Россія наслаждалась
мириною, Смоленская и Новогородекая <sup>Без-
покой-
ства</sup>
область представляють намъ ужасы мя-
тежа и каршину воинской дѣятельности. <sup>в.
Смо-
ленскъ
и</sup>
Давидъ Ростиславичъ, господствуя въ Смо-
ленскѣ, не былъ любимъ народомъ. Не имѣя
твердыхъ государственныхъ законовъ, <sup>Ново-
основанныхъ на опытъ вѣковъ, Князь и</sup>
подданные въ нашемъ древнемъ опеченіи
часто дѣйствовали по внушенію стра-
стей; сила казалась справедливою: по-
гда Государь, могущественный усердіемъ

и мечами дружины, угнеталъ народъ; иногда народъ презиралъ волю Государя слабаго. Неясность взаимныхъ правъ служила поводомъ къ мятежамъ, и Смолене, однажды изгнавъ Князя⁷¹, хотѣли и впорочно утвердить народную власть такъ же дѣломъ. Но Давидъ былъ смѣлъ, рѣшишеленъ; не уступилъ гражданамъ и не жалѣлъ ихъ крови; казнилъ многихъ и возсѣпановилъ порядокъ.

Сынъ Давидовъ, Мстиславъ, года два княжилъ спокойно въ Новгородѣ: вмѣстѣ съ опцемъ ходилъ воевать Полоцкую область и заключилъ миръ съ ея жителями, которые воспрѣтили ихъ на границѣ съ литами⁷². При семъ же Князь Новгорода, опустошавъ часть Финляндіи, привели оппуга многихъ плѣнниковъ. Но духъ раздора не замедлилъ обнаружиться въ Республикѣ: народъ возненавидѣлъ нѣкоторыхъ знатныхъ гражданъ, осудилъ на смерть, бросилъ съ моста въ Волховъ. Юный Мстиславъ не предупредилъ зла, и казался слабымъ. Въ вину ему пославша, можетъ быть, и гибель чиновниковъ, ѣздившихъ иногда для собранія дани въ Заволочье, въ страну Печорскую и Югорскую, гдѣ Новгородъ господствовалъ и давалъ законы народамъ полудикимъ, бога-

пымъ драгоценными звѣриными кожами: сіи чиновники и поварищи ихъ были убиты жителями, хотѣвшими освободиться отъ ига Россіянъ. Въ слѣдствіе шого и другаго происшествія Новгородцы изгнали Мстислава, прибѣгнули опять ко Всеволоду, и желали впорочно имѣть Княземъ свояка его, Ярослава Владиміровича. Тѣснѣйшая связь съ могущесивеннымъ Государемъ Суздальскимъ обѣщала имъ столь важныя выгоды для внутренней торговли, что они согласились забыть прежнюю досаду на Ярослава, и цѣлые девять лѣтъ терпѣли его какъ въ счастливыхъ, такъ и въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Первый годъ Ярославова княженія, или 1188, ознаменовался чрезвычайною хлѣбною дороговизною (чешвертъ ржи стоилъ болѣе двухъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и важною ссорой съ Варягами, Голландцами и другими народами Скандинавскими. Новгородцы задержали ихъ купцевъ, разослали по племницамъ; не пустили своихъ за море; опсправили назадъ Пословъ Варяжскихъ и не хотѣли съ ними договариваться о мирѣ. Шведскіе Лѣтописцы сказываютъ, что въ сей годъ Россіане, соединясь съ жителями Эстоніи и Корелами,

Ссора
съ Ва-
ряга-
ми.

приходили на судахъ въ окрестности Снопгольма, убили Архіепископа Упсальскаго, взяли 14 Юля древній торговый городъ Шведскій Сиггуну, опустошили его такъ, что онъ уже навѣки утратилъ свое прежнее цвѣтущее состояніе, и вмѣстѣ со многими драгоценностями похитили серебряныя церковныя врата, которыми украсилась Соборная церковь Новгородская⁷³. Недовольные тогда Варягами, Новгородцы могли возбудить Эстонцевъ къ опустошенію приморской Швеціи; могли дань имъ и нѣкоторыхъ воиновъ: но участіе Россіянъ въ семъ предпріятіи безъ сомнѣнія было не важно, когда современные Лѣтописцы наши о томъ не упоминають, описывая обстоятельно малѣйшія военныя дѣйствія ихъ

Вони- времени; на примѣръ, какъ Псковитяне (въ
скіе 1190 году) разбили сихъ самыхъ Эстонцевъ,
поди- которые на семи *инекахъ* или судахъ прихо-
ди. дили грабить въ окрестностяхъ шатоннаго озера; какъ Новгородцы съ Корелами (въ 1191 году) воевали бѣдную землю Финновъ, жгли тамъ селенія, истребляли скотъ. Тогда же Ярославъ Владиміровичъ, имѣвъ на границѣ свиданіе съ Князьями Кривскими или Полоцкими, согласился вмѣстѣ съ ними итти зимою на Липву или Чудь; богато

одаренный союзниками, возвратился въ Новгородъ, и по условію вступивъ въ Ливонскую землю, взялъ Дерпшъ, множество лѣтчиковъ и всякаго роду добычи. Въ слѣдующій годъ, лѣтомъ, сей Князь самъ оселся во Псковѣ, а Дворъ его, или дружина, съ опридомъ Псковичиныхъ завоевали *Медвежью Голоу* или Оденне, распространивъ огнемъ и мечемъ ужасъ въ ^{Бд- снвл} окрестностяхъ^{Чуд.}⁷⁴. Тогдашнее состояніе Чудскаго народа было самое несчастное: Россіяне, ссылаясь на древнія права свои, преобладали надъ него дани, а Шведы перемѣны Закона. Царя Александръ III торжественно объявлялъ сѣвернымъ Каполикамъ вѣчное блаженство, ежели язычники Эстонскіе признають въ немъ Апостольскаго Намѣстника: съ Латинскою Библіею и съ мечемъ Шведы выходили на восточные берега моря Бальтійскаго и наказывали идолопоклонниковъ за ихъ упорство въ заблужденіяхъ язычества. Россіяне — Новгородцы, Кривичи — изъявляли менѣе ревности къ обращенію невѣрныхъ и не хотѣли *насиліемъ* просвѣщать людей; но считали жителей Эстоніи и Ливоніи своими подданными, наказывая ихъ какъ мятежниковъ, когда они желали независимости. Въ сіе время, по

сказанію древнѣйшаго Лѣтописца Ливонскаго, славился могуществомъ *Князь Полоцкій Владиміръ*: онъ господствовалъ до самаго успія Двины, и власнѣ его надъ южною Чудскою землею была вообще споль извѣстна, что благочестивый синарецъ Меингардъ, усердный Нѣмецкій Каполикъ, пріѣхавъ около 1186 года съ купцами Нѣмецкими въ Ливонію, просилъ

Нѣм-
цы въ
Ливоніи.

у него дозволенія обращать тамошнихъ язычниковъ въ Христіанство⁷⁵: на что Владиміръ охотно согласился, и даже отпустилъ Меингарда съ дарами изъ Полоцка, не предвидя вредныхъ слѣдствій, которыми скоро надлежало открыться для Россіянъ отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго. Меингардъ имѣлъ успѣхъ въ важномъ дѣлѣ своемъ: основалъ первую Христіанскую церковь въ Икскулѣ вмѣстѣ съ небольшою крѣпостію (не далеко отъ нынѣшней Риги); училъ язычниковъ Закону и военному искусству для ихъ безопасности; крестилъ волею и неволею; однимъ словомъ, утвердилъ тамъ Вѣру Латинскую.

Новгородцы, желая отмститьъ народу Югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1193 году послали туда Воеводу съ дружиною довольно многочисленною. Жители, хотя свирѣпые обычаемъ

и дикіе правами, имѣли уже города. Воевода, взявъ одинъ изъ оныхъ, плпъ педѣль споль подъ другимъ, шерпя нужду въ съестныхъ припасахъ. Осажденные убѣряли его въ своей покорности, называли себя Новгородскими слугами, и нѣсколько разъ обѣщали вынести обыкновенную дань⁷⁶: *соболей, серебро* (что, какъ надобно думать, получали они мѣною отъ дамынѣшихъ народовъ Сибирскихъ). Неосторожный Воевода, приглашенный ими, вѣхалъ въ городъ съ двѣнадцатью чиновниками и былъ изрубленъ въ куски; такую же участь имѣли и другіе 80 Россіянъ, вошедшіе за ними. На прелій день, Декабря 6, жители сдѣлали вылазку и почти совсѣмъ испребили осаждающихъ, изнуренныхъ голодомъ. Спаслося мѣше спа человекъ, которые, долгое время скипаясь по снѣжнымъ пустынямъ, не могли дань о себѣ никакой вѣспи Новгородцамъ, безпокойнымъ о судьбѣ ихъ, и возвратились уже чрезъ 8 мѣслцевъ. Вмѣсто того, чтобы иппи въ храмъ и благодарить Небо, спасшее ихъ отъ гибели, сіи несчастные вздумали судишься предъ народомъ, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, въ тайномъ сношеніи со врагами во время осады города Югорскаго. Дѣло, весьма неласное, кончилось убіеніемъ прехъ

Сере-
бро
Си-
бир-
ское.

гражданъ и взысканіемъ пени съ иныхъ, мнимыхъ преступниковъ.

Г.
1194
— 95.

Всеволодъ Суздальскій и Святославъ Кіевскій держали равновѣсіе Государства: Новгородъ, Рязань, Муромъ, Смоленскъ, нѣкоторыя области Волынской и Днѣпровскія, подвластныя Рюрику, признавали Всеволода своимъ Главою: Ольговичи и владѣтели Кривскіе повиновались Святославу, который, не смотря на то, чувствовалъ превосходство силъ на споронѣ Великаго Князя, и слѣдуя внушеніямъ благоразумія, свойственнаго опытной старости, не дерзалъ явно ему противоборствовать. Такъ, имѣя ссору о границахъ съ Князьями Рязанскими, и горькій вмѣшъ съ другими Ольговичами объявить имъ войну, онъ не могъ начать ее безъ дозволенія Всеволодова⁷⁷: требовалъ онаго, не получилъ, и долженъ былъ мирно возвратиться изъ Карачева. На семъ пути Святославъ занемогъ: чувствуя сильную боль въ ногѣ, лѣптомъ ѣхалъ въ саняхъ до рѣки Десны, гдѣ сѣлъ въ лодку; изъ Кіева немедленно отправился въ Вышегородъ: облилъ слезами раку Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба; хотѣлъ поклониться тамъ гробу отца своего, но видя дверь сего придѣла запертую, спѣшилъ возвратиться къ супругѣ. Онъ жилъ

только недѣлю; могъ еще однажды выѣхать изъ дворца къ обѣднѣ; слабѣлъ, едва говорилъ и лежалъ наконецъ въ усыпленіи; за нѣсколько часовъ до смерти вдругъ поднялся на одрѣ и спросилъ у супруги: когда будешь Маккавей? день, въ который умеръ отецъ его. Въ Понедѣльникъ, оповѣстествовала Княгиня. »И такъ мнѣ не дожить!« сказалъ онъ. Княгиня думала, что ему привидѣлся сонъ, и хотѣла знать онъ. Святославъ не оповѣстествовалъ ей, громко чиная: *вѣрую во единого*; отправилъ гонца за Рюрикомъ, велѣлъ поспирить себя въ Монахи и представился... Непоспѣшный онъ юности, нѣкогда другъ и предатель Мстиславичей, Мономаховыхъ внуковъ; по врагъ, по союзникъ Долгорукаго и дядей своихъ, Черниговскихъ Владѣтелей; жертвуя истинными государственнымъ добродѣтелями, справедливостію, честію, выгодамъ Полицики личной; безсовѣстный въ отношеніи не только къ Момахову потомству, но и къ своимъ единокровнымъ, сей Князь имѣлъ однакожъ достоинства: умъ необыкновенный, цѣломудріе, презвостъ, всю наружность усерднаго Христіанина и щедрость къ бѣднымъ. Имя Государя Кіевского, напоминая знаменитость древнихъ Князей Великихъ, доставляло ему

уваженіе отъ Монарховъ сосѣдственныхъ. Бела Венгерскій искалъ его дружбы: с вѣ-
 ный Казимиръ также. Женивъ сына, име-
 нсмъ Всеволода Чермнаго, на дочери Казимировой⁷³, Маріи (скоро умершей Иноки-
 нею въ Кіевскомъ, ея основанномъ мона-
 стырѣ Св. Кирилла), Святославъ помол-
 вилъ внуку, Евфимію, дочь Глѣбову, за Гре-
 ческаго Царевича (можетъ быть, Исаакіева
 сына, Алексія IV), и не дожиль до ея брака,
 Царь-успѣвъ единственно выслать Боярѣ на
 встрѣчу къ Императорскимъ сановникамъ,
 ѣхавшимъ за невѣстою.

Вѣроятно, что Рюрикъ уступилъ Свя-
 тославу Кіевъ единственно по его смерти,
 и что Всеволодъ утвердилъ сей договоръ,
 извѣстный Князьямъ, Вельможамъ и гра-
 жданамъ. Любимый вообще за свою привѣт-
 ливость, Рюрикъ былъ встрѣченъ наро-
 домъ и Митрополитомъ со крестами; а Ве-
 ликій Князь прислалъ Боярѣ возвести его на
 протѣ Кіевскій, желая тѣмъ ознаменоватъ
 зависимость онаго отъ Государей Суздаль-
 скихъ, хотя Рюрикъ, подобно Святославу,
 также назывался *Великимъ Княземъ* и са-
 мовластно располагалъ городами Днѣпров-
 скими. Онъ звалъ къ себѣ брата, Давида Смо-
 лскаго, чіюбы вмѣстѣ съ нимъ назна-
 чить Удѣлы своимъ сыновьямъ и Владиміро-

Кня-
 жна
 Евфи-
 мій за
 Греч.
 Царь-
 ус-
 пѣвъ.

Г.
 1195.

вичамъ, внукамъ Мстислава Великаго. Да-
 видъ провелъ для того нѣсколько дней въ Кі-
 евѣ, посвященныхъ дѣламъ государствен-
 нымъ и весельямъ. Рюрикъ, сынъ его Росни-
 славъ Бѣлогородскій и Кіевляне давали
 ему пиры. Давидъ также угостилъ ихъ.
 Берендѣи, Торки, самые Монахи пировали
 у сего Князя; и между тѣмъ, какъ роскошь
 изливала свой шукъ на Княжескихъ пира-
 захъ, благотворительность не забывала и
 нищихъ. Обычай достохвальный: тогда не
 было праздника для богатыхъ безъ мило-
 стыни для бѣдныхъ. Вообще сіи народныя
 угощенія, обыкновенныя въ древней Рос-
 сіи, установленныя въ началѣ гражданскихъ
 обществъ и долго поддерживаемыя бла-
 горазуміемъ государственнымъ, представ-
 ляли карпину, можно сказать, восхити-
 тельную. Государь, какъ истинный хо-
 зяинъ, подчивалъ гражданъ, пилъ и ѣлъ
 вмѣстѣ съ ними; Вельможи, Тіуны, Во-
 еводы, знаменитыя духовныя особы смѣ-
 шивались съ безчисленными толпами го-
 стей всякаго сословія; духъ братства
 оживлялъ сердца, пиная въ нихъ любовь
 къ отечеству и къ Вѣщеносцамъ.

Признавъ Всеволода *старшимъ* и Гла-
 вою Князей, Рюрикъ имѣлъ въ немъ на-
 дежнаго покровителя; однакожь искалъ

Пиры
 въ Кіе-
 вѣ.

еще другой опоры, и будучи ишеснемъ Романа Мстиславича Вольинскаго, опдалъ ему пять городовъ Кіевскихъ: Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунъ и Богуславъ. Всеволодъ оскорбился. «Я старшій въ Мономаховомъ родѣ,» велѣлъ онъ сказати Рюрику: «кому обязанъ ты Кіевомъ? по забываа меня, опдаешь города инымъ младшимъ Князьямъ. Не оспориваю власти твоей: господствуй и дѣлись оною съ друзьями! Увидимъ, могутъ ли они защищати тебя!» Желая умиласивити Всеволода, сватъ его предлагалъ ему особенный Удѣлъ въ Кіевской области; но Великій Князь пререовалъ для себя городовъ опданныхъ Мстиславичу. Въ сомнѣніи и нерѣшимости Рюрикъ призвалъ на совѣтъ Никифора Митрополита; съ одной стороны не хотѣлъ нарушити слова своего въ разсужденіи зятя, а съ другой боялся Всеволода. «Мы поставлены отъ Бога мирити Государей въ землѣ Русской,» опѣившесовоалъ Митрополитъ: «всею ужаснѣе кровопролитіе. Исполни волю старѣйшаго Князя. Если Мстиславичъ назоветъ тебя клятвеннопресупникомъ, то я беру грѣхъ на себя; а ты можешь удовольствовати зятя иными городами.» Самъ Романъ изъавилъ согла-

Миро-
любіе
Духо-
вен-
ства.

сіе взять другую область или деньги въ замѣну Удѣла, и распрѣ прекратилась; но когда Всеволодъ, опправивъ Намѣстниковъ въ города Дѣлпровскіе, подарилъ Торческъ зятю своему, Рюрикову сыну: Гитѣ Вольинскій Князь вознегодовалъ на ишесня, считая себя обманутымъ; не хотѣлъ жить съ его дочерью⁷⁹; принуждать бѣдную супругу удалити въ монастырь, и вступи въ дружбу съ Ярославомъ Черниговскимъ, совѣтуя ему завоевать Кіевъ. Тогда Рюрикъ, обличивъ зятя въ умыслахъ непріятельскихъ и велѣвъ повергнуть предъ нимъ грамоты крестныя, обраиился къ Всеволоду Георгіевичу. «Государь и братъ!» сказали Послы его: «Романко измѣнилъ намъ и дружилися со врагами Мономахова племени. Вооружимся и сидемъ на коней!» Предвидя, что Великій Князь вступится за Рюрика, Мстиславичъ искалъ союзниковъ въ Польшѣ, гдѣ юные сыновья Казимировы гоповились опразити дядю, власполюбиваго Мечислава. Они сами имѣли пужду въ помощи, и мужественный Романъ за нихъ ополчился, говоря дружинѣ своей, что услуга даетъ право на взаимную услугу, и что побѣдивъ дядю, онъ будетъ располагать силами благодарныхъ племяни-

Гитѣ
Романа.

Битва ковь. Уже войска сполли другъ прошивъ
 друга. Мечиславъ перебувалъ мира, пред-
 лагая нашему Князю быти посредникомъ.
 Болре Россійскіе также не хотѣли кро-
 вопрошати; но пылкій Князь, вопреки
 ихъ совѣту, далъ знакъ битвы. Польскіе
 Историки пишутъ, что онъ повелѣвалъ
 только однимъ крыломъ, а Воевода Кра-
 ковскій, Николай, другимъ и серединою.
 Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ
 побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный,
 велѣлъ нести себя къ предѣламъ Волыніи.
 Знаменитый Епископъ Краковскій, Фуль-
 ко, ночью догналъ его и заклиналъ воз-
 вратиться, боясь, чтобы непріятель не
 взялъ столицы. «Не имѣя ни силы въ ру-
 кахъ, ни воиновъ, опчасни убитыхъ,
 опчасни разбѣженныхъ, могу ли быти
 вамъ полезенъ?» сказалъ ему Мечиславичъ;
 а на вопросъ Епископа: что жъ дѣлать?
 отвѣтствовалъ: «защищать столицу, по-
 ка соберемъ съ силами⁸⁰.» Романъ от-
 правилъ изъ Владиміра Пословъ въ Кіевъ;
 обезоружилъ плесня смиреннымъ призна-
 ніемъ вины своей, и чрезъ ходатайство
 Митрополита получилъ отъ Рюрика два
 города въ награжденіе.

Великій Князь, Рюрикъ и братъ его,
 Давидъ Смоленскій, требовали отъ Чер-

ниговскаго и всѣхъ Князей Олегова рода,
 чтобы они присягнули за себя и за дѣ-
 тей своихъ никогда не искаши ни Кіева,
 ни Смоленска, и довольствовались лѣ-
 вымъ берегомъ Днѣпра, отданнымъ ихъ
 праѣду, Святославу⁸¹. Ольговичи не хо-
 тѣли того. «Мы гошовы» — говори-
 ли они чрезъ Пословъ Всеволоду Ге-
 оргіевичу — «блоти Кіевъ за побою<sup>Мя-
 теж-
 вый</sup>
 или за Рюрикомъ; но если желаешь на-<sup>дѣль
 Оль-
 гови-
 чей.</sup>
 всегда удалитъ насъ отъ престола
 Кіевскаго, то знай, что мы не Веи-
 гры, не Ляхи, а потомки Государя
 единого. Властуйте, пока вы живы;
 когда жъ васъ не будетъ, древняя спо-
 лница да принадлежитъ достойнѣйшему
 по волѣ Божіей!» Всеволодъ грозилъ имъ:
 они на все согласились; а Рюрикъ отпу-
 стилъ наемныхъ Половцевъ, и въ дока-
 зательство своего миролюбія общалъ
 Ярославу Черниговскому исходатайство-
 ванъ ему у брата Витебскъ, гдѣ кня-
 жилъ Василько Брячиславичъ, зянь Дави-
 довъ, племянникъ Всеслава Полоцкаго.

Но Ольговичи нарушили клятвенный
 обѣтъ мира: не дождавшись Пословъ ни
 Всеволодовыхъ, ни Давидовыхъ, съ коими
 надлежало имъ во всемъ условишься, въ
 концѣ зимы выступили съ войскомъ къ

Витебску и начали грабишь Смоленскую область. Племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичъ, свать Великаго Князя, хотѣлъ опразити ихъ. Ольговичи имѣли время изгоповишъся къ бѣгъ, соединилъсь съ Князьями Полоцкими, Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ; заняли выгодное мѣсто, и *притоптали силъ* вокругъ себя, чпобы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать оружіемъ. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, началъ спремительно и смѣлъ рапъ Черниговскую, надъ коею начальствовалъ Олегъ Святославичъ; но Воевода Смоленскій, Михалко, въ тоже время бѣжалъ, не дерзнувъ сразитъся съ Полоцанами, копорые, видя Олега разбишаго, ударили съ пылу на полки Мстислава. Сей храбрый Князь, гнавъ Черниговцевъ, увидѣлъ себя окруженнаго новыми рядами непріятелей, и долженъ былъ сдаться⁸². Злиъ Давидовъ, юный Князь Рязанскій, и Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Мстислава Великаго, едва могли спастись. Они принесли Смоленскому Князю вѣсть о семъ несчастіи; а Ярославъ Черниговскій, обрадованный блестящимъ успѣхомъ своего племянника, и слыша, что жители Смоленска не любилъ Давида, хотѣлъ съ новы-

ми полками ипипи прямо къ сему городу. Рюрикъ ошановилъ его. »Ты не имѣешь совѣсти,« писалъ онъ къ нему изъ Овруча: »и такъ возвращаю тебѣ грамошы »крестныя, побою нарушенныя. Иди къ »Смоленску: я пойду къ Чернигову. Увидимъ, кто будетъ счастливей.« Ярославъ оправдывался, жалуюсь на Давида и Князя Витебскаго; обѣщалъ безъ выкупа освободити плѣннаго Мстислава Романовича, шребуя единственно того, чпобы Рюрикъ ошеснулъ онъ союза съ Великимъ Княземъ. »У насъ дѣла общія,« ошвѣщивовалъ Рюрикъ: »буде искренно желаешь мира, шо дай свободный »путь моимъ Посламъ презъ твою область ко Всеволоду и Давиду; мы все »гопovsky примиритъся.« Но Ярославъ, будучи коварнымъ, считалъ и другихъ таковыми; не вѣрилъ ему; занялъ все дороги; пренящивовалъ сообщенію между областями Кіевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство въ предѣлахъ Днѣпровскихъ. Ошвергнувъ великодушныя правила Мономаха а Дому, Рюрикъ не успѣлся нанять дикихъ Половцевъ для ошущенія Черниговскихъ владѣній и *полнилъ руки* варварамъ, какъ сказано въ лѣтописи.

Ольговичи имѣли союзниковъ въ Князьяхъ Полоцкихъ: иѣ и другіе считали себя угнетенными и спарѣйшими Мономаховыхъ послѣдниковъ. Они нашли друга и между послѣдними: мужественнаго Романа Вольнскаго, кошорый искалъ всѣхъ способовъ возвыситься; слѣдуя одному правилу *быть сильными*, не уважалъ никакихъ иныхъ, ни родства, ни призначительности. Обязанный благодарности, онъ забылъ ихъ: помнилъ только, что Рюрикъ взялъ у него назадъ города Днѣпровскіе. Опрохнувъ послѣ несчастной битвы съ Мечиславомъ Спарымъ, Романъ снова предложилъ союзъ Ольговичамъ и послалъ рать свою воевать область Смоленскую и Кіевскую. Сіе нечаянное нападеніе уменьшило на время затрудненіе Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бѣдствіямъ опустошенія: съ одной стороны Ростиславъ, сынъ Рюриковъ, а съ другой племянникъ его, Мстиславъ, сынъ Мстислава *Храбраго*, вмѣстѣ съ Владиміромъ Галицкимъ плѣнили множество людей въ окрестностяхъ Каменца и Перемиля. Самъ Рюрикъ остался въ Кіевѣ: ибо узнавъ, что Всеволодъ наконецъ рѣшительно дѣйствуетъ пропивъ Ольговичей,

соединился съ Давидомъ, съ Князьями Рязанскими, Муромскими, съ Половцами, — завоевалъ область Вятичей и думаетъ вступить въ Черниговскую. Ярославъ видѣлъ себя въ крайней опасности; но, скрывая болѣзнь, изгопвился къ сильному отпору: укрѣпилъ города, нанялъ степныхъ Половцевъ, оставилъ въ Черниговѣ двухъ Святославичей, и расположился станомъ близъ темныхъ лѣсовъ, сдѣлавъ вокругъ засѣки, подрубивъ всѣ мосты. Впрочемъ ему легче было поссорить враговъ своихъ хитростию, нежели силою одолѣть ихъ: такъ онъ и дѣйствовалъ.

Изъявляя вмѣстѣ и миролюбіе и неустрашимость, Ярославъ послалъ сказать Всеволоду: «Любезный братъ! ты взялъ нашу отчину и достояніе. Желаетъ ли загладить насиліе дружбою? Мы любви не убѣгаемъ и готовы заключить миръ согласно съ твоею верховною волею. Желаетъ ли битвы? не убѣгаемъ и этого. Богъ и Святой Спасъ разсудятъ насъ въ полѣ.» Всеволодъ хотѣлъ знать мнѣніе Князей Смоленскаго, Рязанскихъ и Бояръ. Давидъ проповѣдалъ миру, говоря: «Ты далъ слово моему брату соединиться съ нимъ подлѣ Черниговымъ, и станъ или разрушить власъ коварныхъ

«Ольговичей или заключить миръ общій; а теперь думаешь одинъ вступитъ въ переговоры? Рюрикъ не будетъ доволенъ ни обою. Ты велѣлъ ему начать войну; для себя онъ предалъ огню и мечу свою область. Можешь ли безъ него мириться?» То же говорили и Князья Рязанскіе; но Всеволодъ, недовольный ихъ смѣлыми предположеніями, велѣлъ сказать Ольговичамъ, что соглашается забыть ихъ вину, если они возвращаютъ свободу Мстиславу Романовичу, откажутся отъ союза съ Романомъ Волынскимъ, и выгонятъ мятежнаго *Ярополка*, сего славнаго чудеснымъ прозрѣніемъ сѣднца, который, будучи взятъ въ плѣнъ Великимъ Княземъ⁸³, ушелъ изъ неволи и жилъ въ Черниговѣ. Ярославъ не принялъ только одного условія, касавшагося Романа Волынского, желая быть и впредь его другомъ. Согласились во всемъ прочемъ, и съ обыкновенными священными обрядами утвердили миръ, къ великому огорченію Рюрика. Хотя Всеволодъ далъ ему знать, что Ольговичи клялись никогда не тревожить ни Киевскихъ, ни Смоленскихъ областей; но Рюрикъ осыпалъ его укоризнами. «Такъ поступаютъ одни вѣроломные», описывалъ сей Князь Всеволоду: «для тебя

я озлобилъ злѣя, опідавъ себя города его; ны же заспавилъ меня воеваніемъ съ Ярославомъ, который лично не сдѣлалъ мнѣ зла и не искалъ Кіева. Въ ожиданіи живого содѣйствія прошли лѣто и зима; наконецъ выступилъ въ поле и мириться самъ собою, оставивъ главнаго врага, Романа, въ связи съ Ольговичами чи господиномъ области, имъ отъ меня полученной.» Слѣдуя внушенію досады, Рюрикъ опіялъ у Всеволода города Киевскіе, и нѣмъ оскорбивъ его, приговорилъ для себя важныя несчастія, лишенный, Великокняжескаго кровоплисанства. Всеволодъ безъ сомнѣнія поступилъ въ семъ случаѣ несправедливо. Имѣя пайныя на-
Пол-
тика
Всево-
лода.
мѣренія, онъ не хотѣлъ совершеннаго паденія Черниговскихъ Князей, чтобы не усилить тѣмъ Киевскаго и Смоленскаго, равно пропавшихъ замышляемому имъ Единовластію. Равновѣсіе ихъ силъ казалось ему до времени согласіемъ съ его пользою.

Смиривъ Ольговичей и по видимому защитивъ союзниковъ, Великій Князь съ шоржесивомъ возвратился въ столицу, какъ Государь любимый народомъ и побѣдишель. Въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ<sup>Октя-
бра 6.</sup> сдѣлались важныя перемѣны, благопріятныя для его власнолюбія⁸⁴. Давидъ, бла-

городный, мужеспивенный, предчувспивуя свой конецъ, уступилъ пропъ племяннику, Мспиславу Романовичу, поспригелъ вмѣстѣ съ супругою, опсправилъ юнаго сына, именемъ Константина, на воспитаніе къ брату Рюрику, и велѣлъ нести себя, уже больнаго, изъ дворца въ Обищель Смядынскую, гдѣ и преставился въ молишвахъ (пятидесяти-семи лѣтъ опъ рожденіа), оплакиваемый дружиною, иноками, мирными гражданами (ибо спроптивые не любили его). Лѣтописцы, уважая дѣла набожности болѣе государспивенныхъ, сказывающъ, что никто изъ Князей Смоленскихъ не превзошелъ Давида въ украшеніи храмовъ; что церковь Св. Михаила, имъ созданная, была великолѣпнѣйшею въ странахъ полуночныхъ, и что онъ ежедневно посѣщалъ ее. Но сей Князь, Христіанинъ усердный, слылъ грозою мяшежниковъ и злыхъ: набожность не ослабляла въ немъ спирогости правосудія, ни веледушной гордости Княжеской, проптивной Андрею Боголюбскому, непріятной и Всеволоду, которъй пѣмъ болѣе любилъ Давидова наслѣдника, своего добродушнаго свата, ему преданнаго. — Въ Г. Черниговѣ умеръ Ярославъ, вѣрный по-

Г.
1197.

Апрѣ.
23.

Спро-
гостъ
и веле-
душнѣ
Дави-
да

Г.
1198.

и Великій Князь съ удовольспвіемъ свѣдаелъ, что Игорь Сѣверскій, спарѣйшій въ родѣ, сѣлъ на тамошнемъ знаменитомъ престолѣ: ибо сей внукъ Олеговъ менѣе другихъ славился козподѣйствомъ.

Не имѣя опасныхъ совмѣспниковъ внутри Россіи, Всеволодъ спарался утвердить безопасность границъ своихъ. Половцы за деньги служили ему, но въ тоже время, кочуя опъ нынѣшней Слободской Украинской до Саратовской Губерніи, беспокоили его южныя владѣнія, осо-Война бенно же предѣлы Рязанскіе: опъ силь-съ По- ловца- нымъ ополченіемъ успирашилъ варваровъ, ми. ходилъ съ юнымъ сыномъ, Константинъ, во глубину спепей, вездѣ жегъ зимовья Половецкія, и Хань, снявъ свои многочисленныя вежи, опъ береговъ Дона съ ужасомъ бѣжали къ морю.

Чего Андрей желалъ напрасно, по сдѣ- Г. лалъ хитрый Всеволодъ: онъ на нѣсколь-1196 ко лѣтъ совершенно подчинилъ себя мя-Всено- лодъ- тежную первобытнуну споллицу нашихъ подчи- Князей. Во время раздора его съ Ольго-плени- вичами, повинувся ему, лучшіе Новгород-Нов- цы, не только военные люди, но и са-городъ мые купцы, ходили съ Ярославомъ въ Великія Луки, чтобы удерживать Кривскихъ Владѣпелей и препяпспивовать ихъ

соединенію съ Черниговцами. Ярославъ Владиміровичъ уже имѣлъ тогда многихъ непріятелей въ Новгородѣ: Посадникъ, чиновники ѣздили ко Всеволоду, прося его, чѣшбы онъ вывелъ опъ нихъ сволка и далъ имъ сына. Великій Князь задержалъ сихъ Пословъ, а Новгородцы, пѣмъ оскорбленные, изгнали Ярослава, къ сожалѣнію добрыхъ, миролюбивыхъ людей, которыхъ сторона рѣдко бываешъ сильнѣйшею. Народъ, обольщенный безразсудными, хотѣлъ доказать свою независимость, и сынъ Князя Черниговскаго⁸⁵, избранный большинствомъ голосовъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, не господствовать, но бытъ игралищемъ своевольныхъ. Между пѣмъ Ярославъ, съ согласія жителей, осѣлся въ Торжкѣ; бралъ дань въ окрестностяхъ Мстѣ и за Волокомъ. Новгородцевъ вездѣ ловили какъ непріятелей, толпами приводили въ Владиміръ. Дѣйствуя оспорожниче Андрея, Всеволодъ не думалъ осаждашь ихъ столицы: мѣшалъ имъ только купечествовать въ Россіи и собирать налоги въ Двинской землѣ, зная, чѣю любостѣжаніе скоро одержитъ верхъ надъ упрямствомъ людей торговыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ сынъ Князя Черниговскаго долженъ былъ ѣхать

назадъ къ отцу: Сотники Новгородскіе явились во дворцѣ у Всеволода, извинялись, молили, обѣщали, и Ярославъ къ нимъ возвратился, провождаемый множествомъ ихъ освобожденныхъ согражданъ. Народъ торжесествовалъ прибытіе сего Князя какъ отца и благотворителя, удивляясь своему прежнему заблужденію. Тишина возстановилась: Князь властвовалъ благоразумно, судилъ справедливо, вѣлъ нужныя мѣры для защиты границъ и смирилъ Полочанъ, дерзнувшихъ вмѣстѣ съ Липвою злодѣйствовать вокругъ Великихъ Лукъ⁸⁶. Но Всеволодъ, недовольный сволкомъ, призвалъ его къ себѣ, и чего прежде не хотѣлъ сдѣлать въ угодность народу шо народъ сдѣлалъ въ угодность Великому Князю: Архіепископъ Марпірій и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повелѣніе Государя, ѣхать въ Владиміръ и шребовать Всеволодова сына на престолъ Новгородскій. Послы сказали: »Господинъ Князь Великій! обласнь наша есшъ липвою отчина⁸⁷: молимъ, да повелѣваешъ нами родный внукъ Долгорукаго, правнукъ Мономаховъ!« Всеволодъ изъясилъ притворную нерѣшимость; хотѣлъ ещесовѣтоваться съ дружиною, и какъ бы изспехожденія далъ Новгородцамъ сына,

именемъ Святослава-Гавріила, еще младенца, предписавъ имъ условія, согласныя съ честію Княжескою. Сей Государь, обласкавъ, угостивъ чиновниковъ, безъ сомнѣнія не могъ увѣришь ихъ, что славная воля *Новгородская* оспашется въ древней силѣ своей; однакожь хопя паружнымъ образомъ почтивъ успавъ ея, скрылъ дѣйствіе самовластія оныхъ простыхъ гражданъ Они думали, что Святославъ ими избранъ, и встрѣтили его съ радостію. Другіе видѣли повелителя, но молчали, ибо надѣялись жить спокойнѣе или боялись сильнаго Всеволода. Согласясь съ Посадникомъ, онъ далъ Новгороду и Архіепископа на мѣсто Мартирія, который, не доѣхавъ до Владиміра, умеръ близъ Осташкова. — Вѣроятно, что Великій Князь окружилъ юнаго Святослава опытными Болрами, и чрезъ нихъ управлялъ областію Новгородскою, такъ же, какъ и южнымъ Переяславлемъ, гдѣ другій, десятилѣтній сынъ Всеволодовъ, Ярославъ-Еоодоръ, властвовалъ по кончинѣ своего двоюроднаго брата, Ярослава Мстиславича⁸⁸.

Въ сіе время Романъ Волинскій обратился на себя общее вниманіе пріобрѣтеніемъ сильной области и тиранствомъ

удивительнымъ, если сказаніе Польскихъ <sup>и пи-
рап-
ство
Романа,</sup> Славя Историковъ справедливо. Знаменитый родъ Володаря Галицкаго пресѣкъся: сынъ Ярославовъ, Владиміръ, освободивъ насъ слѣдственную область свою отъ ига Венгровъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и не оставилъ дѣтей. Вся южная Россія пришла въ движеніе: каждый Князь хотѣлъ овладѣть землею богатою, торговою, многолюдною⁸⁹. Но Романъ Мстиславичъ предупредилъ совѣтниковъ: воспитанный при Дворѣ Казимира *Справедливаго*, связанный ближнимъ родствомъ съ его юными сыновьями и вдовствующею супругою, Еленою, дочерью Всеволода Мстиславича Бѣльскаго, которая участвовала въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, онъ прибѣгнулъ къ Ляхамъ, и съ ихъ помощію вступилъ въ страну Галицкую. Народъ уже зналъ и не любилъ сего Князя, жестокаго нравомъ. Вельможи, Болре, явились въ станъ Польскомъ, моля Казимира сына, Герцога Лешка, «чтобы онъ самъ управлялъ ими или чрезъ своего Намѣстника, и такимъ образомъ избавилъ бы ихъ отъ бѣдственной участи въ междоусобіи Князей Россійскихъ⁹⁰». Болре предлагали дары, серебро, золото, шкани драго-

цѣпныя; а граждане вооружались. Одна-
кожь Поляки силою возвели Романа на
престолъ Галицкій. Тогда сей Князь, озло-
бленный общемоу къ нему ненавистию Вель-
можъ, началъ свирѣпствовать какъ вто-
рый Бузирисъ въ своихъ новыхъ владѣ-
ніяхъ. Такъ пишесть современный Исто-
рикъ, Епископъ Кадлубекъ, повѣствуя,
что Романъ умертвилъ лучшихъ Бояръ
Галицкихъ, зарывалъ ихъ живыхъ въ зем-
лю, чепверилъ, разспрѣливалъ, изобрѣ-
шалъ неслыханныя муки. Многіе спаслися
бѣгствомъ въ другія земли: онъ старалъ-
ся возвратишь ихъ, обѣщая имъ всякія
милости, и не обманывалъ; но чрезъ нѣ-
сколько времени вымышлялъ клевету,
обвинялъ сихъ легковѣрныхъ во мнимомъ
злоумышленіи, казнилъ и присвоивалъ се-
бѣ ихъ достояніе, говоря въ пословицу:
»чтобы спокойно ѣсть медовый сонъ,
»надобно задавишь пчелъ.⁹¹«

Можетъ быть, злословіе, легковѣріе
или приспирасіе извѣстно очертили
свойство Государя ужаснаго для спро-
тивыхъ, мятежныхъ Галичанъ; когда же
онъ дѣйствительно, игралъ жизнью людей,
слѣдовалъ въ своемъ правленіи сей гну-
сной пословицѣ, сохраненной и въ на-
шихъ лѣтописяхъ: по Князя Россійскіе

могли сверженіемъ пирана услужить че-
ловѣчеству. Рюрикъ, Ольговичи, бывъ до-
полъ въ дружбѣ съ Романомъ, хотѣли
опиши у него Державу Галицкую, син-
сканную имъ помощію иноплемениковъ,
и соединились въ Кіевѣ, чинобы ипши къ
Днѣпру. Но дѣлательный Мстиславичъ <sup>Г.
1202.</sup>
не терялъ времени: они еще не вышли
въ поле, когда знамена Романовы уже раз-
вѣвались на берегахъ Днѣпра. Сей хип-
рый Князь, имѣвъ время спесился съ мо-
гущественнымъ Всеволодомъ, съ Черны-
ми Клобуками, съ Намѣстниками многихъ
южныхъ городовъ, удостовѣрился въ ихъ
доброжелательствѣ. Берендѣи, Торки при-
ѣхали къ нему въ спашъ; города не
оборонялись; жители прежде бившы
встрѣчали его какъ побѣдителя, и самые
Кіевляне безъ малѣйшаго сопротивленія
опворили Копыревскія ворота Подола.
Рюрикъ, Ольговичи препешали за камни-
ною стѣною въ верхней части города;
съ радостию припали миръ, и выѣхали
изъ Кіева: Рюрикъ въ Овручъ, Чернигов-
скіе въ ихъ наслѣдственную обласнь. —
По условію, сдѣланному съ Великимъ Кня-
земъ, опдавъ Кіевъ двоюродному брату
своему, Ингварю Ярославичу Луцкому⁹²,
Романъ спѣшилъ, ко славы нашего древ-

ного оружія, зацѣпишь Греческую Имперію. Половцы опустошали Фракію: Алексій Комнинъ III и Митрополитъ Россійскій молили его бысть спасителемъ Христіанъ единовѣрныхъ. Мужественный Романъ вступилъ въ землю Половецкую, завоевалъ многія вежи, освободилъ плѣнныхъ Россіянъ, отвлекъ варваровъ отъ Константинополя, и принудилъ ихъ оставить Фракію, съ порожешвомъ возвратился въ Галичь.

Спрашный Князь Галицкій ошибся, думалъ, что Ольговичи и Рюрикъ не дерзнутъ нарушить мира. Не жалѣя казны своей, не жалѣя опечеснва, они наняли множество Половцевъ и взяли приступомъ Кіевъ. Варвары опустошили домъ, храмъ Десятинный, Софійскій, монастыри; умертвили старцевъ и недужныхъ; оковали цѣпами молодыхъ и здоровыхъ; не щадили ни знаменитыхъ людей, ни юныхъ женъ, ни Священниковъ, ни Монахинь. Одни купцы иноземные обогнались въ каменныхъ церквахъ, споль мужественно, что Половцы вступили съ ними въ переговоры: удовольствовались частію ихъ поваровъ, и не сдѣлали имъ болѣе никакого зла. Городъ пылалъ; вездѣ стенали умирающіе; невольниковъ

Г.
1204,
Генва-
ря 1.
Опу-
сто-
шеніе
Кіева.

гнали толпами. Кіевъ никогда еще не видалъ подобныхъ ужасовъ въ снѣгахъ своихъ: былъ взятъ, ограбленъ сыномъ Андрея Боголюбскаго; но жилиши, лишены имѣній, оспались иногда по крайней мѣрѣ свободными. Всѣ добрые Россіане, самые опдаленные, оплакивали несчастіе древней столицы и жаловались на его виновниковъ. Мало по малу она снова наполнилась жившими, кошорые укрылись отъ меча Половцевъ и спаслись отъ неволи; но сей городъ, дважды разоренный, лишился своего блеска. Въ церквахъ не оспалось ни одного сосуда, ни одной иконы съ окладомъ. Варвары похищали и драгоценныя одѣжды древнихъ Князей Россійскихъ, Св. Владиміра, Ярослава Великаго и другихъ, кошорые на память себѣ вѣшали оныя въ храмахъ.

Рюрикъ и Черниговскіе Владышцы, довольные злодѣаніемъ, вышли изъ Кіева: судьба наказала перваго. Романъ пришелъ съ войскомъ къ Овручу, и сверхъ чаянія предложилъ тишину миръ, убѣждая его опказанъ отъ союза Ольговичей; склонилъ даже и Всеволода Георгіевича забыть досаду на Рюрика и снова опдалъ ему Кіевъ, какъ бы въ награду за разореніе оного. Такое удивительное великодушіе

Томъ III

6

Фев-
раля
16.

было одною хитростію: Князь Галицкій желалъ только отвлечь легковѣрнаго шестія опѣ Черниговскихъ Владѣтелей (которые тогда счастливо воевали съ Липвою); примирилъ ихъ со Всеслодомъ, и въ доказательство своей мнимой дружбы къ Рюрику ходилъ съ нимъ, въ жестокую зиму, на Половцевъ; взялъ не мало плѣнниковъ, скота—и вдругъ, будучи въ Триполѣ, безъ всякой извѣстной причины велѣлъ дружинѣ схватить сего несчастнаго Князя, отвезти въ Кіевъ, заключить въ монастырь. Рюрикъ, жена его и дочь супруга Романова, въ одно время были посприжены; а сынъ его, зяпъ Всеволодовъ, отвѣденъ плѣнникомъ въ Галичъ, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Наказавъ шестія, Романъ возвратился въ свою область, и хотя, въ угодиши Великому Князю, отпустилъ Рюриковыхъ сыновей, но бѣдный опецъ остался Монахомъ. Довольный освобожденіемъ зяпъ, Всеволодъ посадилъ его на престолъ Кіевскій.

Тогда пылкій, неупомимый Романъ уступивъ Великому Князю честь располагать судьбою Кіева, обратилъ свое вниманіе на Польшу, гдѣ коварный Герцогъ Мечиславъ, обманувъ юнаго Лешка, присвоилъ себѣ единовластіе. Князь Галиц-

По-
стри-
женіе
Рюри-
ка.

кій весною вступилъ въ область Сендомирскую, взялъ два города, и прекратилъ военныя дѣйствія, услышавъ о смерти стараго Герцога, врага своего и побѣдителя; но возобновилъ ихъ свѣдавъ, что сынъ Мечиславовъ объявилъ себя Государемъ въ Краковѣ. Беззащитныя села были жертвою пламени вокругъ Сендомира, и Послы Лешковы молили Романа спасти ихъ землю въ покой. Соглашавъ на миръ, онъ требовалъ денегъ за убытки, имъ понесенные, и за кровь Россіянъ, убитыхъ въ сраженіи съ Мечиславомъ; отсрочилъ платежъ, но хотѣлъ, чтобы ему отдали въ залогъ область Люблинскую. — Въ то же самое время прибылъ къ Галицкому Князю Посолъ Иннокентій III, власнолюбиваго Папы Римскаго⁹⁵. Уже давно ревностные проповѣдники Лапинской Вѣры желали отвратить нашихъ предковъ отъ Воспальной Церкви: знаменитый Епископъ Краковскій, Машей, около половины XII вѣка ипоржественно возлагалъ на Аббата Клервоскаго, Миссіонаря, именемъ Бернарда, обязанность вывести ихъ изъ мнимаго заблужденія, говоря въ письмѣ къ нему, что «Россіяне живутъ какъ бы въ особенномъ мирѣ, безчисленны подобно

соль-
ство
Папы
къ Ро-
ману

»звѣздамъ небеснымъ, и въ хладныхъ,
 »мрачныхъ сшраняхъ своихъ вѣдая Спаси-
 »теля единственнаго по имени, ожидающъ
 »теплошворнаго свѣта истинной Вѣры
 »отъ Намѣстника Апостольскаго; что
 »Бернардъ, смягчивъ ихъ грубыя сердца,
 »будетъ новымъ Орфеемъ, Амфіономъ⁹⁴,
 и проч. Сии усердныя домогательства
 Римскихъ Фанатиковъ не имѣли успѣха,
 и Папа, слыша о силѣ Мстиславича, гроз-
 наго для Венгровъ и Ляховъ, надѣялся
 обольстить его честолюбіе. Велерѣчивый
 Посолъ Иннокентія доказывалъ нашему
 Князю превосходство Закона Лапінскаго;
 но опровергаемый Романомъ, искуснымъ
 въ прѣніяхъ Богословскихъ, сказалъ ему
 наконецъ, что Папа можетъ его на-
 дѣлать городами и сдѣлать великимъ
 Королемъ посредствомъ меча Пешрова.
 Романъ, обнаживъ собственный мечъ свой,
 съ гордостію отвѣтствовалъ: «Такой ли
 »у Папы? Доколѣ ношу его при бедрѣ, не
 »имѣю нужды въ иномъ, и кровію поку-
 »паю города, слѣдуя примѣру нашихъ дѣ-
 »довъ, возвеличившихъ землю Русскую.»
 — Сей Князь умный скоро погибъ отъ
 еоспорожности⁹⁵: снова объявивъ вой-
 ну Ляхамъ, споялъ на Вислѣ; съ малою
 1205. дружиною ошѣхалъ отъ войска, встрѣ-

От-
вѣтъ
Роману.

пять непріятелей и палъ въ неравной
 битвѣ. Галичане нашли его уже мертвва-
 го. — Романъ, называемый въ Волынской
 Лѣтописи *Великимъ* и *Самодержцемъ* ^{Характеръ}
всей Руси, надолго оспавилъ память бле- ^{теть}
 снящихъ воинскихъ дѣлъ своихъ, извѣ- ^{сего}
 стныхъ отъ Констанціинополя до Рима. ^{Кня-зя}
 Жестокій для Галичанъ, онъ былъ лю-
 бимъ, по крайней мѣрѣ оплично уважа-
 емъ, въ наследственномъ Удѣлѣ Владимі-
 скомъ, гдѣ народъ славилъ въ немъ *умъ*
мудрости, дерзость льва, быстроту орли-
ную и ревность Мономахову въ усмире-
 нии варваровъ, подъ щитомъ Героя не
 боясь ни хищныхъ Япвяговъ, дикихъ о-
 бищателей Подляшя, ни свирѣпыхъ Ли-
 повцевъ, коихъ Ишорикъ пишетъ, что
 сей Князь, одерживая надъ ними побѣды,
 вырягалъ несчастныхъ плѣнниковъ въ со-
 ху для обрабатыванія земли, и что въ
 опечесивъ ихъ до самаго XVI вѣка гово-
 рили въ пословицу: *Романе! худымъ жи-*
*вещи, Литвою ореши*⁹⁶. Лѣтописцы Ви-
 зантійскіе упоминаютъ объ немъ съ по-
 хвалою, именую его *мужемъ крѣпкимъ,*
дѣлательнымъ. Однимъ словомъ, ему при-
 надлежитъ честь знаменитости между
 нашими древними Князьями. — Даніилъ и
 Василько, сыновья Романовы, *второго*

брака, оспались еще младенцами подъ надзираніемъ матери: Галичане волновались, однакожь присягнули въ вѣрности Данилу, имѣвшему не болѣе чотырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Рюрикъ снова на престолѣ.

Постриженный Рюрикъ, услышавъ о смерти зятя и врага, ободрился; скинулъ одежду инока и сѣлъ на престолѣ въ Кіевѣ; хотѣлъ разспричь и жену свою, которая, вмѣсто того, немедленно приняла Схиму, осуждая его легкомысліе. Онъ возобновилъ союзъ съ Князьями Черниговскими и спѣшилъ къ Галичу, въ надеждѣ, что младенецъ Данилъ не въ состояніи ему противиться, и что тамошніе Болре не захотятъ лишъ крови своей за сына, перпѣвъ много отъ жестокости отца. Но мать Данилова взя-

Пронесеніе въ Галичѣ.

ла мѣры. Андрей. Государь Венгерскій, все еще именовался *Королемъ Галицки*; не спорилъ объ ней съ мужественнымъ Романомъ и даже былъ его названнымъ братомъ: однакожь не преставаъ жалѣть о семъ упраченномъ Королевствѣ и бралъ живѣйшее участіе въ протесшествіяхъ онаго. Вдовствующая Княгиня видѣлась съ Андреемъ въ Санокѣ; напомнила ему дружбу Романову, представила Данила, говорила съ чувствительностію матери,

и сдѣлала въ немъ по видимому споль глубокое впечатлѣніе, что онъ искренно далъ слово бытъ ея сыну вторымъ нѣжнымъ отцемъ. Дѣйствія соопивѣствовали обѣщаніямъ. Сильная дружина Венгерская окружила дворецъ Книжескій, заняла крѣпости; повелѣвая именемъ малолѣтнаго Данила, грозила казню внутреннимъ измѣнникамъ, и распорядила защиту отъ непріятелей вѣнскихъ, такъ что Рюрикъ, вступивъ съ Ольговичами въ Галицкую землю, встрѣшилъ войско благоустроенное, сражался безъ успѣха, не могъ взять ни одного укрѣпленнаго мѣста и возвратился съ великимъ стыдомъ. Сынъ Рюриковъ, зять Великаго Князя, выгналъ только Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, изъ Вышегорода, и союзники распустили войско. Рюрикъ уступилъ Бѣлгородъ своимъ друзьямъ Черниговскимъ, которые опдали его Глѣбу Святославичу⁹⁷.

Между тѣмъ Всеволодъ Георгіевичъ спокойно господствовалъ на Сѣверѣ: опряды его войска тревожили Болгаровъ, Князя Рязанскіе опражали Донскихъ хищниковъ, а Новгородцы Лишву. Жители Великихъ Лукъ съ Воеводою, именемъ Неждилою, ходили въ Лешгалію, или въ южную часть нынѣшней Лифляндской Гу-

берни, и привели опшуда плъшниковъ. Новая ссора Россіянъ съ Варягами — втро-
янно по торговлѣ — не имѣла никакого
слѣдствія: послѣдніе должны были на все
согласиться, чѣобы мирно купечество-
вать въ нашихъ сѣверо-западныхъ обла-
стяхъ. Но Всеволодъ, будто бы желая
защипити Новгородъ отъ внѣшнихъ опас-
ныхъ непріятелей, велѣлъ объявить па-
мощнымъ чиновникамъ, что онъ дастъ
имъ старшаго сына своего, Конспанпи-
на, ибо опрокъ Святославъ еще не въ
силахъ бытъ ихъ покровителемъ. Надоб-
но думать, что Бояре Владимірскіе, пѣ-
стуны юнаго Святослава, не могли обуз-
дывать народнаго своевольтва, и что
Великій Князь хотѣлъ сею перемѣною
еще болѣе утвердить власть свою надъ
Новымгородомъ. Двадцати-лѣтній Кон-
спанпинъ уже славился мудроспко, велико-
душіемъ, Христіанскими добродѣтелями:
граждане Владимірскіе съ печалію услы-
шали, что сѣй любимый юноша, благо-
пворитель бѣдныхъ, долженъ ихъ оста-
вить. Отецъ вручилъ ему *крестъ и мечъ*.
»Иди управлять народомъ,« сказалъ Все-
володъ:» будь его судією и защитникомъ.
»Новгородъ *Великій* есть древнѣйшее Кня-
женіе въ нашемъ опчествѣ: Богъ, Госу-

Кон-
спан-
пинъ
въ По-
вѣге-
родѣ.

даръ и родитель пивой дають тебѣ
»спартійниство между всеми Князьями
»Русскими. Гряди съ миромъ; помни сла-
вное имя свое, и заслужи опое дѣлами.«
Братья, Вельможи, купцы, провожали Кон-
спанпина: полны народныя громогласно
осыпали его благословеніями. Новгородцы
также встрѣтили сего Князя съ изъяс-
леніемъ усердія: Архіепископъ, чиновники
ввели въ церковь Софійскую, и народъ
присягнулъ ему въ вѣрности. Угостивъ
Бояръ въ домѣ своемъ, Конспанпинъ рев-
ностно началъ заниматься правосудіемъ;
охраняя народъ, охранялъ и власть Кня-
жескую: хотѣлъ дѣйствительно господ-
ствовать въ своей области. Мирные гра-
ждане засыпали покойно: властолюбивые
и мнѣжные могли бытъ недовольны.

Всеволодъ не имѣлъ войны съ Черни-
говскими Князьями, однакожь не дозво-
лялъ друзьямъ своимъ искать ихъ союза.
Не смотря на то, сватъ его, Мстиславъ
Смоленскій, въ угожденіе Рюрику всту-
пилъ съ ними въ пѣсную связь, и хотя,
боясь ушрапитъ пріязнь Великаго Князя,
посылалъ къ нему Епископа Смоленскаго,
Игнація, съ дружескими увѣреніями⁹⁸, но
не хотѣлъ отспати отъ Князей Черни-
говскихъ. Главою ихъ, по смерти Игоря

Г.
1206.
Мар-
та 20.

и старшаго брата, Олега, былъ тогда Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава, подобный отцу въ козняхъ, гордый, властолюбивый: нанявъ племени Половцевъ, соединясь съ Рюрикомъ, Мстиславомъ Смоленскимъ и съ Берендѣями, онъ вѣпорично предпринялъ завоеваніе Галицкую область, и для вѣрнѣйшаго успѣха призвалъ Лиховъ. Увѣдомленный о томъ Король Венгерскій, Андрей, спѣшилъ защитить юныхъ сыновей Романовыхъ. Уже полки его спустились съ горъ Карпатскихъ; но Данилъ и Василько не дождались прибытія Андреева. Слыша, что съ одной стороны идутъ Россіяне, съ другой Лихи; видя также спрашное волненіе въ землѣ Галицкой, вдовствующая Княгиня бѣжала съ дѣтьми въ наследственный Удѣлъ ея супруга, Владиміръ Волынскій. Андрей не далъ соединиться Полякамъ съ Ольговичами: спалъ между ними, близъ Владиміра, и вступилъ съ первыми въ мирные переговоры, коихъ слѣдствіемъ было то, что Венгры, Лихи, Россіяне вышли изъ Галича; а жители, съ согласія Андреева, послали въ Переяславъ за сыномъ Великаго Князя, юнымъ Ярославомъ, желая, чтобы онъ въ ихъ землѣ господствовалъ. Можетъ быть, сама вдовствующая

супруга Романова убѣдила Короля Венгерскаго согласиться на сіе избраніе, въ надеждѣ, что отецъ Ярославовъ, сильный Всеволодъ Георгіевичъ, вообще уважаемый, обуздастъ тамъ народъ мятежный и со временемъ возвратитъ Данилу доспюліе его роднпеля. Но Черниговскіе Князья имѣли въ Галичѣ доброхошовъ, въ особенностн Владислава, знапшаго Вельможу, бывшаго изгнанникомъ въ Романово время. Онъ вмѣстѣ съ другими единомышленниками представлялъ согражданамъ, что Ярославъ слишкомъ молодъ, а Великій Князь слишкомъ удаленъ отъ ихъ земли; что имъ нуженъ защитникъ ближайшій; что Ольговичи безъ сомнѣнія не оставятъ Галицкой области въ покоѣ, и что лучше добровольно поддаться одному изъ нихъ. Галичане, тайно опираясь въ спанъ Россійскій, предложили Владиміру Игоревичу Сѣверскому быть ихъ Государемъ. Обрадованный Владиміръ ночью укрался отъ своихъ родныхъ, друзей, союзниковъ, не сказавъ имъ ни слова, и прискакалъ въ Галичъ премеями ранѣе Ярослава, копорый долженъ былъ съ досадою ѣхать назадъ въ Переяславъ.

Еще гоненіе на семейство Романово

Кня- тѣмъ не кончилось. Владиміръ Игоревичъ,
зья исполняя совѣтъ злопамятныхъ Галиц-
Ск- кихъ Бояръ, велѣлъ объявить гражданамъ
вер- Владимірекимъ, чтобы они выдали ему
ские гос- младенцевъ, Даниіла и Василька, приняли
под- къ себя княжины брата его, Святослава
спву- въ Га- Игоревича, или готовились видѣть раз-
юшъ личъ. рушеніе ихъ столицы. Усердный народъ
хотѣлъ убить сего Посла, спасеннаго толь-
ко заступленіемъ нѣкоторыхъ Бояръ; по
вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы
Галичанъ, измѣны собственныя Вельможъ
и легкомыслія народнаго, по совѣту Ми-
рослава, пѣснуща Даниілова, рѣшилась уда-
лившись, и представила прогнательное зрѣ-
Бѣг- лище непостоянной судьбы въ мірѣ. Лю-
снво Рома- бимая супруга Князя сильнаго, союзника
пова семей- Императоровъ Греческихъ, уважаемаго Па-
сства. пою, Монархами сосѣдственными, въ нем-
ную почъ бѣжала изъ дворца какъ пре-
сипунница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ
собою однихъ милыхъ сыновей. Мирославъ
велъ Даниіла, Священникъ Юрій и корми-
лица несли Василька на рукахъ; видя го-
родскія вороша уже запершыя, они про-
лѣзли сквозь опивреніе стѣны, шли во
мракѣ, не зная куда; наконецъ достигли
границъ Польскихъ и Кракова. Тамъ Леш-
ко Бѣлый, умиленный несчастьемъ сего

знаменищаго семейства, не могъ удер-
жаться опъ слезъ; осыпалъ ласками Кня-
гиню, и пославъ Даниіла въ Венгрію съ
Вельможею Вячеславомъ Лысымъ, писалъ
къ Андрею: Ты былъ другомъ его опца:
я забылъ вражду Романову. Вступимся
»за изгнанниковъ; введемъ ихъ съ честью
»въ области насѣдственные. Андрей такъ
же принялъ сего младенца со всеми зна-
ками искренней любви, но болѣе ничего
не сдѣлалъ, охлажденный, можетъ быть,
въ своемъ великодушномъ покровитель-
ствѣ дарами Владиміра Игоревича, коего
Послы, не жалѣя ни золота, ни льсти-
выхъ обѣщаній, усердно работали въ Вен-
гріи и въ Польшѣ⁹⁹. Сей бывший Князь
Удѣла Сѣверскаго, вдругъ облагодѣтель-
ствованный счастьемъ, едва вѣрилъ сво-
ему величію, опасному и ненадежному. Безъ
сопротивленія занявъ всю область Влади-
мірскую, онъ уступилъ ее Святославу
Игоревичу, а Звенигородъ другому брату,
именемъ Роману.

Хищрый Всеволодъ Чермный, имѣвъ
надежду самъ господствовать на плодо-
носныхъ берегахъ Дуѣстра и Сапа, безъ
сомнѣнія завидовалъ Игоревичамъ; одна-
кожь скрывалъ неудовольствіе, оспался
и хотѣлъ иначе удовлетво-
многа.

риниъ своему властолюбію. Всѣ способы казались ему позволенными: быть союзникомъ Рюрика и Мстислава, онъ спалъ ихъ врагомъ; вооруженною рукою занялъ Кіевъ и разослалъ своихъ Намѣстниковъ по всей области Днѣпровской. Рюрикъ ушелъ въ Овручъ; сынъ его зять Великаго Князя, въ Вышегородъ, а Мстиславъ Смоленскій заключился съ дружиною въ Бѣлгородъ. Они уже не имѣли права пребывать зацѣпы отъ Великаго Князя; но Чермный самъ дерзнулъ оскорбить его. «Иди къ отцу,» велѣлъ онъ сказать юному Ярославу Всеволодовичу: «Переяславъ да будетъ Княженіемъ моего сына! Если не исполнишь сего повелѣнія, или будешь домогаться Галича, гдѣ властвуетъ теперь родъ нашего славнаго предка, Олега: то я накажу дерзкаго, слабого юношу.» Ярославъ выѣхалъ изъ Переяслава; а Всеволодъ Чермный скоро бѣжалъ изъ Кіева, нечаянно увидѣвъ, предъ спѣнами онаго, знамена Рюрика и Мстислава Смоленскаго. Онъ напалъ Половцевъ: Рюрикъ сперва опразилъ его; но Чермный призвалъ союзниковъ, Г. Владиміра Игоревича Галицкаго и Князей

1207.

зятю. Ничто не могло имъ пропротивиться. Рюрикъ вторично удался въ Овручъ; Мстиславъ, осажденный въ Бѣлгородѣ, просилъ только свободы возвратиться въ Смоленскъ. Триполь, Торческъ сдались, и Святославичъ сѣлъ опять на престолъ Кіевомъ. Половцы поржесествовали счастливымъ успѣхъ союзника своего грабежемъ и злодѣйствами въ окрестностяхъ Днѣпра: бѣдный народъ, стоналъ, просилъ руки къ Великому Князю.

Всеволодъ Георгіевичъ наконецъ вооружился. «Южная Россія есть также мое отечество,» сказалъ онъ, и выступилъ къ Москвѣ, гдѣ ожидалъ его Константина съ войскомъ Новгородскимъ¹⁰⁰. На берегу Оки соединились съ нимъ Князья Муромскій и Рязанскіе. Всѣ думали, что цѣлю сего ополченія будетъ Кіевъ: случилось, чего никто не ожидалъ. Великому Князю довели, что Рязанскіе Владѣтели суть измѣнники и тайно держатъ сторону Черниговскихъ: онъ повѣрилъ, и сказавъ словами Давида: *ядый хлѣбъ мой возвеличилъ есть на мя препинаніе*, рѣшился наказъ ихъ снорого. Не предвидя своего бѣдствія, они собрались въ спавкѣ у Всеволода, чтобы веселиться за Княжескимъ столомъ его¹⁰¹. Всеволодъ въ

Бд-
ствіе
Рязан-
скихъ
Кня-
зей.

Сеп- знакъ дружбы обнявъ несчастныхъ, уда-
 тиб- ллся: тогда Бояринъ его и Давидъ Му-
 ря 22. ромскій явились уличающъ дѣйствитель-
 ныхъ или мнимыхъ измѣнниковъ, кошо-
 рые шепотомъ именемъ Бога клялися въ
 своей невинности: двое изъ Князей же
 Рязанскихъ, Олегъ и Глѣбъ Владиміро-
 вичи, пристали къ обвинителямъ или
клеветникамъ, по выраженію Новгород-
 скаго Лѣтописца, и Всеволодъ осудилъ
 Романа Глѣбовича, Святослава (брата его)
 съ двумя сыновьями и племянниками
 (дѣтьми Игоря), также нѣкоторыхъ Бо-
 яръ; вслѣлъ отъвезти ихъ въ Владиміръ,
 окованныхъ тяжкими цѣпями, и вступилъ
 съ войскомъ въ область Рязанскую.
 Жители Пронска, усердные къ своимъ
 Государямъ, ошвергнули миршья его пред-
 ложенія. Юный Князь ихъ, Михаилъ, бѣ-
 жалъ къ плещю, Всеволоду Чермному¹⁰²; но
 граждане, призвавъ къ себѣ другаго Кня-
 зя Рязанскаго, Изяслава Владиміровича,
 брата Олегова и Глѣбова, оборонялись
 мужественно. Непріятель стоялъ на бе-
 регу рѣки: не имѣя колодезей, изнемогая
 отъ жажды, они ночью выходили изъ
 города и въ шипящъ наполняли сосуды
 водою: узнавъ о томъ, Великій Князь по-
 славилъ спрѣжу предъ городскими воро-

тами. Кровь лилася ежедневно въ тече-
 ніе прѣхъ недѣль. Осипервененіе гра-
 жданъ успунило наконецъ крайности, ибо
 многіе люди умирали отъ жажды. Пронскъ
 сдался: Всеволодъ награждалъ имъ Олега
 Владиміровича, можеть быть за гнусную
 клевету его; взялъ множество добычи,
 и плѣнилъ жену Михайлову. Во время сей
 осады Рязанцы нападали на суда Всево-
 лодовы, подвозившія Окою стѣспные при-
 пасы войску; но бывъ опражены, изъя-
 вили покорность. Епископъ ихъ, Арсе-
 ній¹⁰³, встрѣтилъ Великаго Князя съ мо-
 лепіемъ. «Государи!» сказали онъ: «удержи
 «руку мести; пощади храмы Всевышняго,
 «гдѣ народъ приносилъ жертву Небу, и
 «гдѣ мы за тебя молимся. Верховная воля
 «шва будешь намъ закономъ.» Не имѣя
 надежды съ успѣхомъ противиться Все-
 володу, народъ Рязанскій прислалъ къ
 нему оспальныхъ Князей своихъ, съ ихъ
 дѣтьми и женами, въ Владиміръ, куда
 сей Государь возвратился, свѣдавъ, что
 Рюрикъ оная выгналъ Чермнago изъ
 Кіева.

Всеволодъ Георгіевичъ уже не хотѣлъ
 разстаться съ Констанциномъ; доволь- Хит-
 ный Новгородцами, милостиво одарилъ росль
 ихъ въ Коломнѣ, и вслѣлъ имъ плещи съ лода. Всево-

миромъ въ свою опічизну, сказавъ торжественно: «Исполняю желаніе народа до-браго; возвращаю вамъ всѣ права людей «свободныхъ, всѣ ушавы Князей древ-нихъ. Опичитѣ управлѣніе сами собою: «любите своихъ благотѣтелей и казнитѣ «злѣдѣевъ!» Сія удивительная рѣчь Кня-зя властолюбиваго была хитроспійно: онъ зналъ неудовольствіе гражданъ, которые жаловались на опяточипительныя подати и разныя дѣйствія Княжескаго самовла-стія. Современный Лѣтописецъ оказы-ваетъ одно изъ оныхъ: Всеволодъ, обма-нутый ложнымъ доносомъ, за нѣсколько времени до Рязанскаго похода прислалъ въ Новгородъ Боярина своего и велѣлъ, безъ всякаго изслѣдованія, умертвить знашнаго гражданина, Алексѣя Сбысла-вича, торжественно, на Вѣчѣ Двора Яро-славова. Сіе насиліе произвело всеобщее негодованіе: сожалѣли о невинной жер-твѣ; видѣли, что Конспіантивъ есипъ только орудіе самовластнаго опіца, и что истинный Государь Новгорода живенъ въ Владимірѣ. Опасаясь слѣдствій такого впечатлѣнія, Великій Князь хотѣлъ поль-спитѣ народу мнимымъ возстановлені-емъ прежней свободы; хотѣлъ казнить единспивенно великодушнымъ его покро-

вишелемъ, а въ самомъ дѣлѣ оспитѣся Государемъ Новгородцевъ; опичиспиль ихъ войско, но удержалъ въ Владимірѣ Посадника Димитрія раненнаго въ битвѣ) и семь знаменитѣйшихъ гражданъ въ залогъ вѣрносипи. Между тѣмъ народъ спѣшилъ воспользоваться древнею во-льносипію, ему обьявленной, и на шумномъ Вѣчѣ осудилъ Димитрія, доказывая, что онъ и братья его были виновниками мно-гихъ беззаконныхъ налоговъ. Судьи обра-щались въ мятежниковъ: разграбили, сожгли дома обвиняемыхъ; продали ихъ рабовъ, села; раздѣлили деньги: каждому гражданину пришлось по нѣсколько гри-вент¹⁰⁴; а Князю оспитѣли право взыска-вать платѣжъ съ должниковъ Димитрія по счечамъ и писемнымъ обязател-спвамъ. Многіе чиновники разбогатѣли, тайно присвоивъ себѣ большую часть взятаго имѣнія. Еще волненіе не утихло, когда привезли изъ Владиміра въ Новго-родъ тѣло умершаго Димитрія Посадника: озлобленный народъ хотѣлъ бросить его съ моста; но Архіепископъ Митрофанъ удержалъ неистовыхъ, и велѣлъ преданъ оное землѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ, подѣлъ могилы опіца Димитріева. Сынъ Великаго Князя, Святославъ, вторично

Г. 1208. прїѣхалъ управляиъ Новгородскаго обла-
стію; взялъ оставленную ему часиъ изъ
имѣній осужденныхъ, и согласился довер-
шивъ народную месиъ ссылкою ихъ дѣ-
шей и родственниковъ въ Суздаль¹⁰⁵. Не
достигнувъ еще и юношескаго возраста,
онъ повелѣвалъ только именемъ, и не
могъ предводительствовать войскомъ, ко-
торое сражалось тогда съ Липвою подъ
начальствомъ Владиміра Мстиславича:
сей юный Князь, сынъ Мстислава *Хра-*
браго, господствовалъ во Псковѣ съ со-
гласіемъ Новгородцевъ или Князя ихъ

Поручивъ область Рязанскую Намѣст-
никамъ и Тіувамъ, Всеволодъ скоро опи-
равилъ шуда княжины сына своего, Яро-
слава - Θεодора. Народъ поговаривалъ ему
неохотно, жалѣя о совершившихъ Князь-
яхъ, заключенныхъ въ Владиміръ. Лѣто-
писецъ Суздальскій обвиняетъ Рязанцевъ
даже въ явномъ бунтѣ, сказывая, что они
уморили въ пещицы многихъ Бояръ Вла-
димірекихъ: сею ли дерзостью или чѣмъ
другимъ оскорбленный, Всеволодъ пришелъ
съ войскомъ къ Рязани. Ярославъ выѣхалъ
къ нему на встрѣчу выѣсти съ Послами,
которые именемъ народа предложили свои
оправданія или требованія, но споль не-
скромно, что Великій Князь, еще болѣе

разгнѣванный, явилъ примѣръ излишней
спрогоспи: велѣлъ жителямъ выйти съ
дѣтьми изъ города и зажечь его. Напрас-
но хотѣли они моленіемъ смягчить гроз-
наго судію: сія столица Удѣла знамени-
таго обратилась въ кучу пепла, и бѣд-
ные граждане, лишенные отечества, бы-
ли разселены по опаленнымъ мѣстамъ
Суздальскаго Княженія. Ту же участь имѣлъ
и Бѣлгородъ Рязанскій¹⁰⁶. Самый Епископъ
Арсеній какъ плѣнникъ былъ привезенъ
въ Владиміръ. — Князь Изяславъ Владимі-
ровичъ, который спасся отъ неволи, и
Михаилъ, зять Черынаго, мстили Всево-
лоду опуспошеніемъ Московскихъ окрест-
ностей; но сынъ Великаго Князя, Георгій,
разбилъ ихъ на голову. Же-
спо-
костъ
Вели-
каго
Кня-
зя.

Въ сіе время дерзнулъ Владѣтель
ничтожнаго Удѣла объявить себя врагомъ
Государя страшнаго для иныхъ, сильнѣй-
шихъ Князей. Мстиславъ, старшій сынъ
Мстислава *Храбраго*, племянникъ Рюрика, Смѣ-
лостъ
Мсти-
слава.
служилъ ему усердно, прославилъ себя
мужественною, упорною защитою Тор-
ческа¹⁰⁷, и принужденный выѣхать опшуда,
получилъ отъ Смоленскаго Князя Удѣлъ
Торонецкій. Зная, сколь памятенъ опца
его любезна Новгороду; зная, что мно-
гіе чиновники и самый народъ не любятъ

иамъ опеки Всеволодовой, онъ смѣло предпринялъ воспользоваться ихъ тайнымъ расположеніемъ; вступилъ съ дружиною въ Торжекъ, плѣнилъ Дворянъ Святославовыхъ, оковалъ цѣпями Намѣстника его, взялъ ихъ имѣніе. Посоль Мстиславовъ явился въ Новгородъ, и сказалъ народу слѣдующія слова отъ имени Князя: «Кланяюсь Святой Софїи, гробу отца моего и всѣмъ добрымъ гражданамъ. Я свѣдалъ, что Князья угнетаютъ васъ и что насиліе ихъ заскупило мѣсто прежней вольности. Новгородъ есть моя община. Я пришелъ восстановить древнія права любезнаго мнѣ народа.» Сія рѣчь плѣнила Новгородцевъ: они прославили великодушіе Мстислава, единогласно объявили его своимъ Княземъ и заключили Святослава съ Болгарами Владимірскими въ домъ Архіерейскомъ. Мстиславъ, встрѣченный съ громкими восклицаніями радости, немедленно собралъ войско, желая предупредить Великаго Князя; но сей Государь, или опасаясь, чтобы Новгородцы въ озлобленіи не умерщвили Святослава, или зная ихъ легкомысліе и надѣясь управиться съ ними безъ кровопролитія, не хотѣлъ битвы; предложилъ миръ, назвался отцемъ Мстислава, и довольный освобожденіемъ сына, опущенный

всѣхъ купцевъ Новгородскихъ, задержанныхъ въ Суздальской области. Обѣ рати возвратились, не обнаживъ меча, и Константинъ, начальникъ походовъ Владимірскихъ, привезъ Святослава къ родителю.

Великій Князь, завоевавъ берега Пры, гдѣ еще держались Изяславъ и Михаилъ Рязанскіе, доказалъ любовь свою къ общему спокойствію миромъ съ Ольговичами. Глава Духовенства, Митрополитъ съ Мануей, былъ посредникомъ, и самъ приѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію патрiарха, угощенный, обласканный всѣмъ Княжескимъ Домомъ, склонилъ Всеволода предать забвенію нагломъ, обидное изгнаніе сына его изъ Переяславля. Новыя клятвы утвердили союзъ. Всеволодъ Чермный споль любилъ Кіевъ, что согласился онъ дать за него древнюю столицу своей наследственной области: Рюрикъ взялъ Черниговъ, а южный Переяславль, гдѣ злодѣйствовали тогда Половцы, остался Удѣломъ Великаго Княженія. Митрополитъ исходатайствовалъ свободу Княгинямъ Рязанскимъ, но не могъ избавить Князей отъ неволи. Всѣ были довольны, и Чермный въ залогъ вѣрности прислалъ въ Владиміръ дочь свою, которая совокупилась бракомъ съ Георгіемъ, вторымъ сыномъ Великаго Князя.

Г.
1210.
Миръ

Ольговичи

Г.
1211.
Апрѣль 10.

Мя-
шежи
въ Га-
лицѣ.

Въ сѣн дни общаго мира земля Галиц-
кая была позорищемъ неуспроисива, жер-
пивою коварныхъ иноплемениковъ и соб-
ственныхъ враговъ спокойствія. Не смо-
тря на внѣшнія и внутреннія опасности,
на угрозы Венгровъ и Ляховъ, на спиро-
пчивость народа и мятежный духъ Бояръ,
безразсудные Игоревичи искали непріате-
лей другъ въ другъ. Романъ Звенигород-
скій, озлобленный старшимъ братомъ,
ушелъ въ Венгрію, и съ помощію Короля
Андрея изгнавъ Владиміра Игоревича, сѣлъ
на престолъ Галицкомъ, къ изумленію Дани-
иловой маперы, копорая надѣялась, что
Андрей опдастъ сѣ Княженіе сыну ея. Дру-
гой покровитель Данииловъ также нзмѣ-
нилъ своему обыпу. Видя междоусобіе Иго-
ревичей, Лешко Бѣлый соединился съ Алек-
сандромъ Бельзскимъ, сыномъ умершаго
Всеслода Мещиславича, и приступилъ къ
городу Владиміру. Жители не хотѣли
обороняться, отворили ворота и сказали
»Полякамъ: вы друзья наши; съ вами пле-
мянникъ Великаго Романа.« Сѣн минные
друзья ограбили дома, церкви; плѣнили
Святослава Игоревича; опдали Владиміръ
Александръ. Лешко женился на его дочери,
Гремиславѣ; и чтобы не оставить сыно-
вей Романовыхъ совершенно безъ Удѣла,

опиуснигъ, малолѣтняго Василька кня-
жипъ въ Бресгъ, исполняя пребываніе
шамошнихъ гражданъ: Александръ усту-
пилъ ему послѣ и Бельзъ.

Такимъ образомъ ясно обнаружилось
намереніе Венгровъ и Ляховъ: они имѣли
случай и не захотѣли возстановить
сильнаго Дому Романова, опасаясь его мо-
гущества; раздѣленіе областей Галицкой
и Владимірекой (въ самое сѣе время опу-
стошасмой Янгвигами и Липвою) каза-
лось благопріятнымъ для Полипки Ан-
дрея и Лешка. Въроивно также, что
слабый Романъ Игоревичъ и не менѣе
слабый Александръ, обладавшие милостію
снихъ Монарховъ, должныствовали господ-
ствовашъ только въ качествѣ ихъ дан-
никовъ или *подручниковъ*. Первый не сдер-
жалъ, кажется, слова: для того Андрей
прислать войско въ Галичъ съ Вельможето
Бенедиктомъ, который, схвативъ Романа
(безвѣчно мывшагося въ банѣ), отправилъ
въ Венгрію, а самъ началъ свирѣпство-
вать какъ *Антихристъ*, по выраженію
Лѣтописца, удовлетворяя гнусѣйшимъ
вождедѣліямъ своего развратнаго сердца,
пѣся чиновниковъ и гражданъ. Кто
имѣлъ богатство или прекрасную жену,
не могъ быть спокоенъ; кто обличалъ

Толи III.

тиранство, подвергался казни или заперченію. Въ числѣ смѣлыхъ Бояръ находился Тимофей Книжникъ, родомъ Кіевлянинъ: онъ дерзнулъ укорити злаго Властелина и едва могъ спастись бѣгствомъ. Такъ и во время Андрея правленія въ Галичѣ насильствовали Венгры: по крайней мѣрѣ Андрей имѣлъ право Государя, сей же Бенедиктъ не имѣлъ никакого законнаго. Народъ и Вельможи искали способа избавитись отъ иноплеменинаго злодѣя. Первый опытъ былъ неудаченъ. Мстиславъ, прозваніемъ *Нулый*, сынъ Ярослава Луцкаго, господствуя въ Пересопницѣ, взялъ на себя изгнать Бенедикта: онъ пріѣхалъ съ дружиною къ Галичу; но Венгры осперялись: спражи ихъ сполли у ворогѣ; нишина царствовала въ городѣ, и Мстиславъ, боясь участи Берладникова сына, удалился. Здѣсь Лѣтописецъ прибавляетъ, что близъ Двѣстра находилась древняя могила, именуемая *Галицкою*, отъ коей произошло имя *Галиціи*; что одинъ Бояринъ, смѣясь Мстиславу, возвелъ его на сію могилу, и сказалъ: «Князь! теперь «безъ стыда можешь ѣхать назадъ: ты «былъ на *Галичинѣ*!»

Въ сіе время Романъ Игоревичъ бѣжалъ изъ Венгріи и примирился съ братомъ

Владиміромъ: къ нимъ обратился несчастный народъ Галицкій, обвиняя себя въ томъ, что не умѣлъ прежде цѣнить благословеннаго ихъ княженія. Они собрали войско и заснавали Бенедикта уйдши въ Карпатскія горы. Спокойствіе возстановилось. Романъ удовольствовался Звенигородомъ; Святославъ Игоревичъ, освобожденный Поляками, взялъ себя Перемышль; Владиміръ, какъ старшій, остался княжить въ столицѣ, отдавъ сыну Теребовль, а другаго сына послалъ съ дарами къ Королю Венгерскому, чтобы обезоружить его и власновластно безопасно.

Говорятъ, что бѣдствіе есмь учинилъ: оно имѣетъ сію выгоду только для умовъ основательныхъ; другіе, испытавъ несчастіе, хопятъ рукою одсвоившись въ дѣлахъ новыми правилами, и впадаютъ въ новыя заблужденія. Желая утвердиться на шаткомъ тронѣ Галицкомъ; обвиняя прежнюю слабость свою въ излишнемъ самовольствѣ памошнихъ Вельможъ, и приписывая блестящее государство Романа Мстиславича одной его спорогости, Игоревичи вздумали казнить первоспещенныхъ Бояръ обуздавъ народъ, и погубили себя невозвратно: безъ лвиной, особенной вины, безъ улики, безъ

суда, исполнили Княжеской воли хва-
тали знамявшихъ людей, убивали, и
произвели всеобщій ужасъ. Но многіе изъ
обреченныхъ на смерть имѣли время спа-
сінся, и въ томъ числѣ Болринъ Вла-
диславъ, которому Игоревичи обязаны
были пресполомъ Галицкимъ. Сей Вель-
можа, вмѣстѣ съ другими бѣжавъ въ Вен-
грію, молилъ Андрея, чтобы онъ далъ
имъ отрока Данила и войско для изгна-
нія жестокихъ Игоревичей, благодар-
ныхъ, забывшихъ милость Королевскую.
Непресланио лаская Данила — обеща-
но усыновить, по женивъ его на своей
дочери — Андрей до сего времени благо-
дѣительствовалъ ему одними словами.
Тогда еще не имѣя сыновей, по крайней
мѣрѣ взрослыхъ; разсудивъ, что гораздо
надежнѣе управлять Галиціею именемъ
ея законнаго Князя, нежели собствен-
нымъ, чрезъ Венгерскихъ Бароновъ, непа-
висанныхъ Россіянамъ; думая, что юный
Данилъ, опочавши имъ воспитанный,
охотнѣе Игоревичей можетъ быть его
подручникомъ: Андрей исполнилъ требо-
ваніе Галицкихъ Болръ, и Владиславъ,
окруженный полками Венгровъ, вступилъ
съ Княземъ отрокомъ въ предѣлы опе-
чества. Города сдавались. »За кого вамъ

»сражаться?» говорилъ одушевленный ме-
стною Владиславъ: »за убійцъ ли, кото-
»рые злодѣйски умертвили вашихъ оп-
»цевъ и братьевъ, похитили ихъ имѣніе,
»женили рабовъ на дочеряхъ Болрекихъ?»
Граждане Перемышля выдали ему Свя-
тослава Игоревича¹⁰⁸. Романъ въ Звениго-
родѣ оборонился, призвалъ Половцевъ. Но
все сосѣдственные Князья возмани на
Игоревичей: Александръ Владимірскій, Яро-
славичи, Ингваръ Луцкій и Мстиславъ
Пѣтый; малолѣтній Василько прислалъ
изъ Бѣльза къ брату Данилу свою дру-
жину; самые Ляхи соединились съ Вен-
грами, чтобы участвовать въ выгодахъ
сего ополченія. Романа Звенигородскаго
пѣтили въ бѣгство: Владиміръ ушелъ.
Юному Данилу вручили державу Княже-
скую. Годительница сѣвшила обнять его:
онъ не узналъ матери, бывъ долго
въ разлукѣ съ нею; но тѣмъ болѣе
изъявилъ чувствительности, услышавъ
опть нее имя сына, и видя ся радостныя
слезы. Среди Вельможъ и народа сей ве-
личественный отрокъ уже казался пове-
лителемъ, благородною наружностію
предвѣщая свою будущую знаменитость.

Но еще не могъ онъ властвовать
дѣйствительно: Венгры, Ляхи, Кн^{язь}

сосѣдственныя и гордые Бояре надѣялись пользоваться его малолѣтствомъ. Ему отдали Галичъ, но Владиміръ остался за Александромъ, Червень за Всеволодомъ, Александровымъ брашомъ. Въ самомъ Галичѣ Данилъ находился подъ опскою своевольныхъ, недостойныхъ Вельможъ, и не могъ спасти Русскаго имени отъ поношенія, будучи свидѣлемъ гнусѣйшаго злодѣянія. Воеводы Андреевы, Великій Дворецкій, именемъ Попъ, и другіе, павѣнвъ Игоревичей, хотѣли отвезти ихъ къ Королю; но Бояре Галицкіе, движимые злобою, требовали сихъ несчастныхъ для торжественной казни. Венгры колебались: наконецъ, убѣжденные дарами, выдали имъ жершвы, и Галичане рѣдкимъ неистовствомъ заслужили въ древней Россіи имя *безбожныхъ*, данное имъ въ современной лѣтописи: были, перзали и повѣсили своихъ бышихъ Князей ¹⁰⁹. Сіе государственное преступленіе долженствовало бы вооружить всѣхъ потомковъ Св. Владиміра: къ сожалѣнію, кончина Великаго Князя и новыя междоусобія отвлекли ихъ вниманіе отъ мятежной земли Галицкой.

Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Конспанпина изъ Новгорода, назначилъ ему

въ Удѣлѣ Ростовѣ съ пятью городами, за нѣсколько же времени до смерти назвалъ его преемникомъ Великокняжескаго ^{Г. 1212.} достоянства, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ Ростовскую область брату Георгію. Конспанпинъ не хотѣлъ въ ѣхать изъ своего Удѣла, желая наследовать ^{Непо- вно- вѣніе} то Великое Княженіе Суздальское ^{Коп- спан- пина.} ¹¹⁰. Раздраженный снѣмъ лживымъ неповиновеніемъ, отецъ созвалъ Бояръ изъ всѣхъ родовъ, Епископа Іоанна, Игуменовъ, Священниковъ, купцевъ, Дворянъ, и въ ихъ многочисленномъ собраніи объявилъ, что наследникомъ его долженъ быть второй сынъ Георгій; что онъ ему поручаетъ и Великую Княгиню и меньшихъ братьевъ. Конспанпина любили, уважали; но безмолвствовали предъ священной властію отца: сынъ ослушный казался преступникомъ, и всѣ, исполняя волю Великаго Князя, присягнули избранному наследнику. Конспанпинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ лѣтописцы, со *гнѣвомъ воздвигъ брѣви свои на Георгія*. Добрые сыны отечества съ горестію угадывали слѣдствія.

Всеволодъ Георгіевичъ, княживъ ³⁷ ^{Апрѣ- ля 15.} лѣтъ, спокойно и тихо преставился на ^{Коп- пинѣ} ^{десять-осьмомъ} году жизни, оплаки- чина

и ха-
рак-
теръ
Всего-
лода
Вели-
каго.

ваемый не только супругою, дѣшми,
Боярами, но и всеѣмъ народомъ¹¹¹: ибо сей
Государь, называемый въ лѣтописяхъ
Великимъ, княжилъ счастливо, благораз-
умно оцѣ самой тишине, и стро-
го наблюдалъ правосудіе. Не бѣдные, не
слабые пренебрежали его, а Вельможи ко-
рыстолюбивые. Не обинуясь лица силь-
ныхъ, по словамъ Лѣтописца, и не туне-
нося леги, ему *Богомъ данный*, онъ ка-
знилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ. Воспи-
танный въ Греціи, Всеволодъ могъ нау-
читься тамъ хитрости, а не челове-
колюбію: иногда мстилъ жестоко,
но хотѣлъ всегда казаться справедли-
вымъ, уважая древнія обыкновения; пре-
бывалъ покорности оцѣ Князей, но безъ
вины не опинималъ у нихъ престоловъ,
и желалъ властвовать безъ насилия;
повелѣвая Новгородцами, льстилъ ихъ
любви къ свободѣ; мужественный въ бѣн-
вахъ, и въ каждой побѣдѣ, не лю-
билъ кровопролитія безполезнаго. Однимъ
словомъ, онъ былъ рожденъ царствовать
(хвала не всегда заслуживаемая Царями!),
и хотя не могъ назваться Самодержав-
нымъ Государемъ Россіи, однакожъ, по-
добно Андрею Боголюбскому, напомнилъ
ей счастливые дни Единовластія. Новѣй-

ніе Лѣтописцы, славя добродѣтели сего
Князя, говорящъ, что онъ довершилъ
мессѣ начатую Михаиломъ: казнить всехъ
убійцъ Андреевыхъ, которые еще были
живы; а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей,
велѣлъ запереть въ корабль и бросить
въ воду. Сіе извѣстіе согласно оцѣ части
съ древнимъ преданіемъ: близъ города
Владимира есть озеро, называемое Плову-
чимъ; рассказываютъ, что въ немъ упо-
коены Кучковичи, и суетѣріе прибавляетъ,
что плыла ихъ донынѣ плаваютъ тамъ
въ корабѣ¹¹²!

Доказавъ свою набожность, по по-
дашнему обычаю, сооруженіемъ храмовъ,
Всеволодъ оспавлялъ и другіе памятники
своего княженія: кромѣ города Остера,
имъ возобновленнаго, онъ построилъ крѣ-
пости въ Владимірѣ, Переяславѣ Залѣс-
скомъ и Суздаль¹¹³.

Всеволодъ въ 1209 году сочелся
вторымъ бракомъ съ дочерью Випѣбскаго
Князя, Василька Брячиславича¹¹⁴. Первою
его супругою была Марія, родомъ Ясыня,
славная благочесніемъ и мудростию. Въ
последнія семь лѣтъ жизни спирадая
тяжкимъ недугомъ, она изъясляла уди-
тельное терпѣніе, часто сравнивала се-
бя съ Іовомъ¹¹⁵, и за 18 дней до кончи-

Му- ны постриглась; готовясь умереть, при-
др- звала сыновей и заклинала ихъ жить въ
спь любови, напомнивъ имъ мудрыя слова Ве-
Вели- ликого Ярослава, что междоусобіе губитъ
кой Кня- ликаго Ярослава, что междоусобіе губитъ
зми. Князей и опечесство, возвеличенное тру-
дами предковъ; совѣщовала дѣлать бытъ
набожными, презвыми, вообще привѣ-
пливыми и въ особенноти уважать
спарцевъ, по изрѣченію Библіи: во мно-
зѣхъ времени премудрость, во мнозѣ жи-
тій опытнѣе. Лѣтописцы хвалятъ ее
также за украшеніе церквей серебря-
ными и золотыми сосудами; называютъ
Россійскою Еленою, Θεοδόροю, второю
Ольгою. Она была матерію осьми сы-
новей, изъ коихъ двое умерли во младен-
чествѣ. Лѣтописецъ Суздальскій, упоми-
ная о рожденіи каждого, сказывающъ,
что ихъ на четвертомъ или пятомъ
году жизни шоржесственпо *постригали и*
сажали на коней въ присушествіи Епис-
копа, Боярѣ, гражданъ; что Всеволодъ
давалъ тогда пиры роскошныя, угощалъ
Князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ,
серебромъ, конями, одеждами, а Боярѣ
тканями и мѣхами. Сей достопамятный
обрядъ такъ называемыхъ *Постригъ*, или
перваго обрѣзанія волосовъ у дѣтей му-
жескаго полу, кажется остаткомъ язы-

Пос-
три-
ги.

ческаго : знаменовалъ всупленіе ихъ въ
бытіе гражданское, въ чинъ благород-
ныхъ всадниковъ²¹⁶, и соблюдался не толь-
ко въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ
Славянскихъ: на примѣръ, у Ляховъ, ко-
ихъ древнѣйшій Историкъ пишетъ, что
два спранныка, богато угощенные Пис-
номъ, *остригли волосы* его сыну - младен-
цу и *дали имя* Семовитъ²¹⁷.

Въ Исторію сего времени входивъ <sup>Князь
Россій-
скій</sup>
сѣдующее любопытное извѣстіе, хотя
можетъ быть, и не совсемъ достовер-
ное. Послѣ 1175 года не упоминается въ <sup>въ
Гру-
зин.</sup>
нашихъ лѣтописяхъ о сынѣ Андрея Бо-
голюбскаго, Георгіи; но онъ является
важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Ис-
торіи Грузинской. »Въ 1171 году юная
»Тамаръ, дочь Царя, Георгія III, наслѣ-
»довала престолъ родимся. Духовенство
»и Бояре искали ей жениха: тогда одинъ
»Вельможа Тифлисскій, именемъ Абула-
»санъ, предложилъ собранію, что сынъ
»Великаго Князя Россійскаго, Андрея, дѣ-
»дею Всеволодомъ изгнанный и започен-
»ный въ *Савалту*, ушелъ отсюда въ
»*Свинъ* къ Хану Кипчакскому (или По-
»ловецкому), и что сей юноша знаме-
»нитый родомъ, умомъ, храброснію, до-
»стоинъ быть супругомъ ихъ Царицы.

»Одобрили мысль Абуласапову; послали
»за Княземъ, и Тамарь сочелася съ
»нимъ бракомъ. Нѣсколько времени быть
»счастіемъ супруги и славою Государ-
»ства, онъ перемѣнился въ дѣлахъ и нра-
»въ: Тамарь, исполняя волю Совѣта, дол-
»женствовала изгнать его, но щедро на-
»градилъ богатствомъ. Князь удалился
»въ Черноморскія обласи, въ Грецію;
»велъ жизнь спривника, скучалъ, возвра-
»тился опять въ Грузію, преклонилъ къ
»себѣ многихъ жинелей и хопѣлъ взять
»Тифлисъ; но, побѣжденный Тamarію, съ
»ея дозволенія, безопасно и съ честію
»вытѣхалъ, неизвѣстно куда.« Сія Тамарь
славилась побѣдами, одержанными ею
надъ Персіанцами и Турками; завоевала
разные города и земли; любила Науки,
Испорію, Стихотворство, и время ея
считалось златымъ вѣкомъ Грузинской
Словесности. Сынъ Тамаринъ, Георгій
Дашъ, по кончѣи мансери царствовалъ
опѣ 1198 до 1211 года¹¹⁸.

Замѣтимъ нѣкоторые бѣдственныя
случаи долговременнаго княженія Всево-
лодова. Два раза горѣлъ при немъ Влади-
миръ: въ 1185 году огонь разрушилъ
тамъ 32 церкви каменныя и Соборную,
богато украшенную Андреемъ; ея сере-

бряныя паникадила, златые сосуды, о-
дежды служебныя, вышитыя жемчугомъ,
драгоценныя иконы, парчи, куны или
деньги, хранимыя въ шеремъ, и всѣ кни-
ги были жерпвою пламени. Чрезъ нѣшь
лѣтъ случилось такое же несчастіе для
цѣлой половины Владиміра: едва могли
опиешопѣ дворець Княжескій; а въ Но-
въгородѣ многіе люди, ушрашенные без-
престанными пожарами, оставили дома<sup>Раз-
ныя</sup>
и жили въ полѣ: въ одинъ день сгорѣло<sup>бл-
стныя</sup>
тамъ 4300 домовъ. Многіе другіе города:
Руса, Ладога, Росновъ, обратились въ
пепель. Въ 1187 году свирѣпствовала ка-
кая-то общія болѣзнь въ городахъ и се-
лахъ: Лѣншисцы говорили, что ни о-
динъ домъ не избѣжалъ заразы, и во мно-
гихъ не кому было принести воды. Въ
1196 году вся обласъ Кіевская чувство-
вала землетрясеніе: дома, церкви коле-
бались, и жинели, не пріученные къ се-
му обыкновенному въ жаркихъ клима-
сахъ явленію, *трепетали и падали*
нищъ отъ страха.

Въ княженіе Всеволода былъ завое-
ванъ Крестопосцами Царьградъ: прои-
шесшвіе важное и горешное для тогда-
шнихъ Россіянъ, пѣсно связанныхъ съ
Греками по Вѣрѣ и торговлѣ! Взятіе<sup>Взя-
ніе
Царь-
града.</sup>

Царяграда и Кіева случилось въ одинъ годъ (1204). суевѣрные Лыпописцы наши говорятъ, что многія страшныя явленія въ ту зиму предвѣщали бѣдствіе; что небо казалось въ огнѣ, метеоры сверкали въ воздухѣ и снѣгъ имѣлъ цвѣтъ крови. Франгузы, Венеціане, ограбивъ богатые храмы, похищивъ драгоценности искусства и мощи Святыхъ, избрали не только собственнаго Императора, но и Патриарха Лапинскаго: Греческій, оставивъ имъ въ добычу казну Софійскую, въ одномъ бѣдномъ хитонѣ уѣхалъ на ослѣ во Фракію. Папа Иннокентій III, желая воспользоваться симъ случаемъ, писалъ къ Духовенству нашему, что Вѣра истинная и торжествуетъ; что всѣ Греческая Имперія уже ему повинуются; что одни ли Россіяне захотятъ быть опроверженными отъ папвы Христо-вой; что Церковь Римская есть ковчегъ спасенія, и что въ онаго все должно погибнуть; что Кардиналъ Г., мужъ ученый, благородный, Посолъ Императора Анопольскаго, уполномоченъ отъ него быть просвѣтителемъ Россіи, непре-биетелемъ ея заблужденій, и проч. Сіе Пастырское увѣщаніе не имѣло ни какого слѣдствія, и Миниропаины наши были

опшомъ поспавляемы въ Никей, новой столицѣ Греческихъ Констанцинопольскихъ Патриарховъ, до самаго изгнанія Крестоносцевъ изъ Царяграда.

Тогда же другіе *Крестоносцы* сдѣлались опасны для сѣверо-западной Россіи. Мы упоминали о Meinгардѣ, проповѣдникѣ Лапинской Вѣры въ Ливоніи: пресм-ники его, утверждаемые Главою Бременской Церкви въ санѣ Епископовъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ при-бѣгнули къ оружію, и Папа опшускалъ грѣхи всякому, кто подъ знаменіемъ крестна лилъ кровь упрямыхъ изычниковъ на берегахъ Двины. Ежегодно изъ Нѣмецкой земли полнами опправлялись шуда спрансивующіе богомольцы, но не съ посохомъ, а съ мечемъ, искавъ спасенія души въ убійствѣ людей. Третій Епископъ Ливонскій, Альбертъ, избравъ мѣсто удобное для приснани, въ 1200 году основалъ городъ Ригу, а въ 1201 *Орденъ Христовыхъ воиновъ* или *Мегеносцевъ*, ко-
Нѣм-цы въ Ливо-ни.
Осно-ваніе Риги.
Ор-денъ Мече-нос-цевъ.
 торымъ Папа, Иннокентій III, далъ успавъ славныхъ *Рыцарей Храма*, подчинивъ ихъ Епископу Рижскому: крестъ и мечъ были символомъ сего новаго бранства. Россіяне назывались господами Ливоніи, имѣли даже крѣпость на Двинѣ, Коке-

пойсь (нынѣ Кокенхузенъ); однакожь, собирая дань съ жителей, не пренебрегали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонниковъ. Сей хитрый Епископъ отъ времени до времени дарилъ Князя Полоцкаго, Владиміра, увѣряя его, что Нѣмцы думаютъ единственно о распространеніи истинной Вѣры. Но Альбертъ говорилъ какъ Христианинъ, а дѣйствовалъ какъ Полпникъ: умножалъ число воиновъ, строилъ крѣпости, хотѣлъ и духовнаго и мірскаго господства. Бѣдные жители не знали, кому повиноваться, Россіянамъ или Нѣмцамъ: единоназвенники Финновъ, Ливъ, желали, чтобы первые освободили ихъ отъ тиранства Рыцарей, а Латыши изъясняли усердіе къ послѣднимъ. Наконецъ Князь Владиміръ объявилъ войну опаснымъ пришельцамъ: осаждалъ Икскуль, и не могъ въ 1200 году взять Кирхгольма, ибо Россіяне, искусные стрѣлки, по сказанію Ливонскаго древняго Лѣтописца, не умѣли дѣйствовать пращею; хотя и переняли сіе орудіе у Нѣмцевъ, но худо бросая камни, били ими своихъ. Владиміръ снялъ осаду — услышавъ, что многіе чужеземные корабли приближаются къ берегамъ Ливоніи — и Двинаго

возвратился въ Полоцкъ. Флотъ, испугавшій Россіанъ, былъ Датскій: Король Вольдемаръ въ угодность Папѣ шелъ оборонить новую Церковь Ливонскую; приспалъ къ Эзелю, хотѣлъ основать тамъ крѣпость, но вдругъ, перемѣнивъ мысли, удалился, отправивъ въ Ригу Лунденскаго Архіепископа, знаменитаго ученостію Андрея, который въ санѣ Римскаго Посла долженъ былъ способствовать успѣхамъ Капюлической Вѣры въ сихъ предѣлахъ. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видѣли, что ихъ ничтожные идолы, разрушаемые съкирами Христианъ, не могли защитить себя. Современный Лѣтописецъ разсказываетъ случай любопытный: Латыши бросили жеребей, какую Вѣру приняли имъ, Нѣмецкую или Русскую, и согласно съ волею Судьбы избрали первую. Впрочемъ они долго еще съ нѣкоторою благодарностію хранили въ памяти имена ложныхъ боговъ: Перкуна или громовержца, Земляника или дарователя земныхъ плодовъ, Тора или сѣвернаго Марса, и проч. Ливъ и Чудь называли самаго Творца вселенныя именемъ главнаго ихъ идола, Юммала: были уже Христианами, но ходили еще молиться въ лѣса священныя,

приносили жертвы дровямъ, ежегодно торжествовали праздникъ усопшихъ съ обрядами язычества, и клали въ могилу оружіе, пищу, деньги, говоря мерзвому: «иди, несчастный, въ міръ лучший, гдѣ Нѣмцы уже не могутъ господствовать надъ побоею, а будутъ твоими рабами»¹²⁰! Сей бѣдный народъ въ теченіе вѣковъ не забывалъ насилія своихъ жестокихъ просвѣщенителей!—Довольный услугами Рыцарей, Епископъ Альбертъ успунилъ имъ претію часть покоренной Ливоніи; спарался болѣе и болѣе утверждать тамъ свое владычество; выгналъ Россіянъ изъ укрѣпленнаго замка Кукенойса, принудилъ Удѣльнаго Князя Двинскаго, именемъ Всеволода, быть данникомъ Рижской Церкви. Сей Князь, женатый на дочери одного знатнаго Литовца, господствовалъ въ Герсикѣ (нынѣшнемъ Крейцбургѣ): онъ дѣлалъ много зла не только Нѣмцамъ, но и Россіянамъ, свободно пропуская Литовскихъ грабителей чрезъ Двину и доставляя имъ съѣстные припасы. Епископъ Альбертъ сжегъ столицу Всеволода, плѣнилъ его Княгиню, многихъ жителей, и съ нѣмъ условіемъ возвратилъ имъ свободу, чтобы сей Князь отказался отъ союза съ Литовцами и навсегда подарилъ

свою область Богородицѣ, то есть, Епископу. Всеволодъ подѣляя знаменами клялся вѣрно служить Матери Божіей; торжественно назвалъ Альберта отцемъ: призналъ себя его Намѣстникомъ въ Герсикѣ¹²¹! Но сѣверная часть Ливоніи оставалась еще независимою отъ Нѣмцевъ: тамъ хотѣли господствовать храбрый Мстиславъ Новгородскій. Взявъ мѣры для безопасности границъ своихъ, укрѣпивъ южныя новыми городами и поручивъ охранять Великія Луки брапу, Князю Владиміру Псковскому, онъ ходилъ съ войскомъ (въ 1212 году) на западные берега Чудскаго озера, собирать дань и смирять непокорныхъ; осаждалъ крѣпость *Медельсю Голову* или Оденпе, и взялъ съ жителей 400 гривенъ *ногатами* или *кунами*. Нѣмецкій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Князь Новгородскій, крестивъ тогда нѣкопрыхъ язычниковъ, обѣщалъ прислать къ нимъ своихъ Поповъ, но что Альбертовы Миссіонаріи предупредили Россіянъ, и скоро ввели тамъ Вѣру Латинскую.

Заключая описаніе достопамятныхъ вѣременъ Всеволода III, упомянемъ о случаѣ принадлежащемъ вмѣстѣ и къ церковной и къ свѣтской Исторіи нашего отечества. Въ 1212 году Новогородцы, недовольные

Духовная власть въ Новгородѣ. Священникомъ Минпрофаномъ, безъ всякаго сношенія съ Главою Духовенства, Минпрополиномъ Кіевскимъ, изгнали своего Архіепископа и выбрали на его мѣсто бывшаго знаменитаго гражданина, Добрыню Ядренковича, который не задолго до того времени ѣздилъ въ Царьградъ и посвиргся въ монастырь Хушиинскомъ, основанномъ въ концѣ XII вѣка Св. Варлаамомъ, близъ Волхова. Такъ Новгородцы судили и Князей и Священителей, думая, что власнѣ мірская и духовная происходятъ отъ народа¹²².

ГЛАВА IV.

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИРСКІЙ, КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Г. 1212 — 1216.

Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Въръ. Подвиги Мстислава. Спирогосъ Ярославовъ. Голодъ въ Новгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епископъ Симонъ.

Совершивъ погребеніе отца, Георгій, съ одобренія Вельможъ, возвращилъ сво-

боду Князьямъ Рязанскимъ, всѣмъ ихъ подданнымъ и Епископу Арсенію. Великое Княженіе Суздальское раздѣлилось тогда на двѣ обласни: Георгій господствовалъ въ Владимірѣ и Суздаль, Константинъ въ Ростовѣ и Ярославѣ; оба желали единовласія и сичпали другъ друга хитринками. Бранья ихъ также раздѣлились: Ярославъ-Феодоръ, начальствуя въ Переславѣ Залѣскомъ, взялъ сторону Георгія, равно какъ и Святославъ, получивъ въ Удѣлъ Юрьевъ Польскій; Димитрій-Владиміръ осмался вървнмъ Константину. Ростновскій Князь обратился въ цепель Коспирому, плѣнилъ жинелей¹²³; Георгій два раза приступалъ къ Роснову, и заключивъ всема неискренній миръ съ Константиномъ, выслазъ Димитрія изъ Москвы. «Даю псебѣ» (сказать онъ) «южный Переславль, знашу очичу; господствуй въ немъ и блюди землю Русскую.» Димитрій, какъ бы предчувствуя бѣдсннѣ, псохотнпо поѣхалъ въ сей Удѣлъ, иѣкогда знаменитый и снотъ любезный для его дѣда; женился тамъ на племянницѣ Всеволода Чермнаго, и едва оппраздновалъ свадьбу, долженствоваль сразннсь съ Половцами; не могъ одолѣнъ варваровъ, и плѣщенный ими, былъ оппведенъ въ вержи. Онъ года чрезъ

Г.
1212
— 15.
Ме-
ждуо-
усобіе.

при освобожденъ и княжилъ послѣ въ Спародубѣ на Клязмѣ¹²⁴.

Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи.

Рюрикъ скончался¹²⁵. Князь презвѣный, набожный, усердный строитель церквей, впрочемъ не имѣвшій доброй славы братьевъ своихъ: ни кропотливи Романовой, ни твердости Давида, ни воинской доблести Мстислава Храбраго. Всеволодъ Чермный, желая одинъ начальствовать въ южной Россіи и не боясь уже никого по смерти Великаго Князя, изгналъ сыновей и племянниковъ Рюриковыхъ изъ Удѣловъ Кіевской области. Къ сему насилію онъ прибавилъ клевету: «Вы (говорилъ Всеволодъ) »хотѣли овладѣть Галичемъ, возмутили »намъ народъ, повѣсили моихъ братьевъ »какъ разбойниковъ; вы гнуснымъ злодѣяніемъ посрамили имя отечества!» Изгнанники, удалясь въ область Смоленскую, требовали защиты отъ Мстислава Новгородскаго. Сей мужественный Князь былъ тогда споражемъ сѣверо-западной Россіи: съ одной стороны перевозили опую Литовцы, съ другой властолюбіе Нѣмцевъ угрожало ей великими опасностями. Первые дерзнули ворваться въ самый Псковъ, котораго жители — изгнавъ Князя своего, Владиміра Мстиславича, за его дружескую связь съ Рижскимъ Епископомъ — ходили

тогда въ Чудскую землю для собранія дани¹²⁶. Литовцы не могли завладѣть городомъ, но выжгли его и разорили окрестности. Мстиславъ Новгородскій далъ Псковитянамъ инаго Князя, своего племянника двоюроднаго, Всеволода Борисовича, а Владиміръ удалился въ Ригу, будучи вѣрнымъ союзникомъ Ордена и шестемъ Епископова брата, Дитриха. Принявшій имъ какъ другъ и свойственникъ, онъ имѣлъ случай оказать Нѣмцамъ важную услугу. Современный Лѣтописецъ Ливонскій рассказываетъ, что Князь Полоцкій, Владиміръ, желая объясниться съ Епископомъ, Альбертомъ, назначилъ ему свиданіе на берегу Двины, близъ нынѣшняго Крейтбурга. Альбертъ пріѣхалъ туда съ Рыцарями, швартъшинами Ливонскими, кунцами Нѣмецкими и съ Владиміромъ Мстиславичемъ. Князь Полоцкій говорилъ Альберту, чтобы онъ не перевозилъ язычниковъ и не принуждалъ ихъ креститься; что Нѣмцы должны слѣдовать примѣру Россіянъ, которые довольствуются подданствомъ народовъ, оставляя имъ на волю вѣрныи Спасителю или не вѣрныи. »Нѣтъ!» отвѣтствовалъ съ жаромъ Епископъ: »совѣсть обязываетъ меня крестить идолопоклонниковъ: такъ угодно

Благо-разуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры.

»Богу и Папѣ!« Князь грозился обратиться въ пенель Ригу, и въ гнѣвъ обнажилъ мечъ: Рыцари также изгнѣшались къ бипѣвъ; но Владиміръ Мстиславичъ спалъ между ими, молпль, убѣждалъ, и сдѣлалъ наконецъ то, что Князь Полоцкій, отдавая справедливостъ неустрашимости Рыцарей, совершенно уступилъ имъ всю южную Ливонію. Сей Князь чрезъ нѣсколько лѣтъ думалъ поправить свою ошибку и выгнать Нѣмцевъ; но уналъ мертвый въ самую ту мину, какъ хотѣлъ съѣсть на ладію и плыть къ устью Двины, чпобы осадить Ригу¹²⁷. Господствуя въ южной Ливоніи, Рыцари желали покорить и сѣверную, вмѣстѣ съ Эстонією: узпалъ, что опряды ихъ грабятъ тамошнихъ жипелей, Мстиславъ Новгородскій собралъ 15,000 воиновъ; вмѣстѣ съ Княземъ Псковскимъ и Давидомъ Торопецкимъ, братомъ своимъ, выступилъ въ поле; доходилъ до самаго моря. Не встрѣтивъ нигдѣ Нѣмцевъ, которые заблаговременно ушли назадъ въ Ригу, онъ требовалъ дани съ Чуди, осаждалъ Воробинъ или Верпель, взялъ съ гражданъ 700 гривенъ *погатами* и разорилъ многія окрестныя селенія¹²⁸. Сѣ западная часть нынѣшней Эстляндской Губерніи находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи; земледѣльцы

По-
двиги
Мстислава.

жили въ изобиліи, и деревни были хорошо выспросны: къ несчастію, Альберновы Рыцари скоро огнемъ и мечемъ опустошили всю Эстонію

Мстиславъ, отдавъ двѣ часины взятой дани Новгородцамъ, а шрепью своимъ Дворянамъ или дружинѣ, спѣшилъ опъ береговъ Балтійскаго моря къ Днѣпру; прибывъ въ Новгородъ, собралъ Вѣче на *Дворѣ Ярослава* и предложилъ народу опмстить Всеволоду Черному за обиду Князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава (ибо онъ спасался имъ угождать) и единодушно опвѣстивали: »Князь! куда обратишь свой очи, тамъ будутъ наши головы! Сіе усердіе вдругъ охладѣло на пупи. Новгородскіе воины поссорились съ Смоленскими, убили одного человека въ дракѣ и порожественно объявили, что не хопятъ итти далѣе. Напрасно Князь звалъ ихъ на Вѣче; напрасно думалъ усовѣстить неблагодарныхъ: никто не слушалъ его повелѣній. »И пакъ мы должны разсѣпаться,« сказалъ Мстиславъ безъ великой укоризны; дружески просился съ ними, и вышелъ съ братьями изъ Смоленска. Новгородцы изумились: тогда Посадникъ Твердиславъ напомнилъ имъ,

Томъ III

чно предки ихъ гордились усердіемъ къ добрымъ Князьямъ, охотно умирали за Ярослава Великаго, и служили примѣромъ для другихъ Россіянъ. Сія рѣчь пронудила Новгородцевъ, легкомысленныхъ, однакожь чувствительныхъ къ народной чести, ко славѣ великодушныхъ подвиговъ. Они догнали Князя, и пылая ревностію, неперѣливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворили ворота; два Князя опалились въ плѣнъ. Всеволодъ Свѣшославичъ бѣжалъ изъ Кіева, заключился въ Черниговъ и съ горести умеръ; а братъ его, Глѣбъ, видя опустошеніе земли своей, покорностію и дарами купилъ миръ. Побѣдители отдали Кіевъ Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступилъ его Князю Смоленскому¹²⁹.

Г. 1215. Храбрый Мстиславъ, учредивъ порядокъ въ завоеванной Днѣпровской области, возвратился въ Новгородъ, но скоро объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, что дѣла опизываютъ его въ южную Россію; что онъ будетъ всегда защитникомъ Новгородавцевъ, однакожь дастъ имъ волю избрать себѣ инаго Князя. Народъ сожалѣлъ объ немъ; долго разсуждалъ, кѣмъ замѣнить Князя столь великодушнаго;

наконецъ опирались Посадника, Тысячскаго и десяти старѣйшихъ кунцевъ званіи Осодора Всеволодовича, Мстиславова зятя¹³⁰. Ярославъ-Осодоръ началъ свое правленіе строгостію и наказаніями, сославъ въ Тверь нѣкоторыхъ окованныхъ Спиродѣями чиновниковъ, вслѣвъ разграбленн^{госп} дворъ Тысячскаго, оклеветаннаго браг^{Яро} в^{слава} в^извѣвъ подѣ спр^и жу сына и жену его. Возбужденный самимъ Княземъ къ дѣйствіямъ своевольнымъ, народъ искалъ жернивъ, новыхъ преступниковъ: умертвилъ самъ собою двухъ знаменитыхъ гражданъ; а Князь съ досады на сихъ мясѣжниковъ въ уѣхалъ въ Торжекъ. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Повагорода сдѣлался неурожай. Ярославъ, ослѣвленный злобою, захватилъ весь хлѣбъ въ изобильныхъ мѣ^{лод} стнахъ и не пустилъ ни воза въ сполону^{въ Но}. Тиешно Послы убѣждали Князя возвра^{родѣ} нинься: онъ задерживалъ ихъ въ Торжкѣ, призывавъ къ себѣ жену изъ Повагорода, гдѣ уже свирѣпствовали голодъ. Чешверши ржи сполна около трехъ рублей шестидесяти копеекъ пынѣшими серебряными деньгами, овса рубль 7 копеекъ, возъ рѣны два рубля 86 копеекъ. Бѣдные бѣли сосновую, кору, липовый листъ и мохъ; отдавали дѣшею всякому, кто хотѣлъ

ихъ взять, — помились, умирали. Трупы лежали на улицахъ, оставленные на съѣденіе псамъ, и люди толпами бѣжали въ сосѣдственныя земли, чтобы избавиться отъ ужасной смерти. Въ послѣдній разъ Новгородцы молили Ярослава утѣшить ихъ своимъ присутствіемъ. «Иди къ Св. Софїи,» говорили они: «или скажи, что не хочешь быть нашимъ Княземъ.» Онъ задержалъ и сихъ Пословъ, взявъ съ купцами Новгородскими. Чиновники скорбѣли; граждане воплемъ изъявляли опечаленіе; а Намѣстникъ Ярославъ и Дворяне его были равнодушными зрителями народнаго бѣдствія. Въ то время явился утѣшитель: Мстиславъ великодушный. Новгородцы съ восторгомъ увидѣли его на *Дворѣ Ярослава*. Сей Князь говорилъ, что онъ помнитъ свое обѣщаніе быть всегда ихъ другомъ; что освободитъ невинныхъ гражданъ, заключенныхъ въ Торжокъ, восстановитъ благоденствіе Новгорода, или положитъ свою голову. Народъ клялся жить и умереть съ добрымъ Мстиславомъ, который, взявъ подъ спражу Бояръ Ярославовыхъ, чрезъ одного умнаго Священника объявилъ язю, чтобы онъ, если желаетъ остаться ему сыномъ, выѣхалъ изъ Торжка и немедленно

возвратить свободу всѣмъ Боярамъ и купцамъ Новгородскимъ. Съ гордостію опровергнувъ мирное предложеніе, Ярославъ изгошвился къ войнѣ; сдѣлавъ на пути засѣки, укрѣпленія, и прислалъ сто знаменитыхъ Новгородцевъ въ отчизну ихъ, съ приказаніемъ выпроводить отпшуда его тестя. Но сіи люди, видя единодушное согражданъ, прислали къ нимъ съ радостію. Тогда озлобленный Ярославъ собралъ на полѣ всѣхъ бывшихъ у него Новгородцевъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ; оковалъ цѣпами и послалъ въ свой городъ, Переславль Залѣсскій, опивъ у нихъ коней, деньги, все имѣніе. Въ надеждѣ на могущество брата, Георгія Владимірскаго, онъ грозился наказаніемъ тестя, и смѣло поднималъ руку на кровопролитіе междоусобное. Состояніе Новгорода было доспойно жалостно: голодъ, болѣзни не прѣбили не малую часть его жителей; другіе скипались по землямъ чуждымъ; знатнѣйшіе люди спенали въ пещницахъ Суздальской обласпи; дома и цѣлыя улицы опустѣли. Мстиславъ, собравъ Вѣче, ободрялъ гражданъ своимъ мужествомъ. «Оставимъ ли братьевъ въ заключеніи и «поспѣдной неволѣ?» говорилъ онъ народу: «Да воскреснетъ величіе столицы! да не

будетъ она презрительнымъ Торжкомъ, или Торжекъ сю! Новгородъ шамъ, гдѣ Свяная Софія Рашъ наша малочисленна; но Богъ заступникъ правыхъ, и «сильнаго и слабаго!» Все казались единодушными; однакожь нѣкоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бѣжали къ нему въ Торжекъ. Мстиславъ выступилъ съ осанальными и съ брапомъ, Княземъ Владиміромъ Псковскимъ (который, бывъ нѣсколько времени начальникомъ маленькой области въ Нѣмецкой Ливоніи, снова господствовалъ тогда во Псковѣ¹³¹).

Сія война имѣла важное слѣдствіе: Князь Новгородскій, хотѣвъ прежде дружелюбно раздѣлаться съ Ярославомъ, но принужденный искать управы мечемъ, взялъ свои мѣры какъ искусный Военачальникъ и Политикъ. Предвидя, что Георгій Всеволодовичъ будетъ всѣми силами помогать меньшему брату, Мстиславъ заключилъ тайный союзъ съ Коншаншиномъ и далъ ему слово возвести его на престолъ Владимірекій. Непріятельскія дѣйствія начались въ Торонецкой области. Свянославъ Всеволодовичъ, посланный Георгіемъ къ Ярославу, съ десяти тысячами осадилъ Ржевку, гдѣ находилось только 100 воиновъ; но Князь

Новгородскій подослалъ съ 500 всадниками, заставилъ осаждающихъ удалиться, и взялъ укрѣпленный Зубцовъ. Дружина Мстислава хотѣла прямо идти къ Торжку; но Князь, призвавъ Владиміра Рюриковича изъ Смоленска, вдругъ обратился къ Переславу Залѣсскому, чтобы удалить опасъ войны отъ Новгородской области. Наконецъ обѣ рати сошлись близъ Юрьева. Коншаншинъ съ полками своими находился въ станѣ Новгородскомъ: Георгій, Ярославъ и Князья Муромскіе, дѣйствуя за-одно, вооружили самыхъ поселянъ, и въ необозримыхъ рѣдахъ снали на берегу Кзы. Липописцы сказываютъ, что Князь Владимірекій и меньшій братъ его имѣли 50 знаменъ или полковъ, 140 трубъ и бубновъ¹³². Благоразумный Мстиславъ еще надѣлся опрратить кровопролитіе. Послы Новгородскіе говорили Георгію, что они не признаютъ его врагомъ своимъ, будучи готовы заключить миръ и съ Ярославомъ, если онъ добровольно опнуешитъ къ нимъ всѣхъ ихъ согражданъ и возвратитъ Торжекъ съ Волокомъ Ламскимъ. Но Георгій отвѣщивалъ, что враги его брата суть его собственные; а Ярославъ, надменный и мстительный, не

хотѣлъ слушать никакихъ предложеній. »Не время думать о мирѣ « говорилъ онъ Посламъ: »вы теперь какъ рыба на песокъ; »заплаи далеко и видите бѣду неминуемую.« Мстиславъ въпорочно представлялъ Георгію и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для Государства; что онъ желаетъ примирить ихъ съ большимъ брашомъ, который уступитъ имъ всю область Суздальскую, буде Георгій отдастъ ему, какъ старшему, городъ Владиміръ. »Ежели самъ отецъ нашъ (сказалъ Георгій) не могъ разсудить меня съ Константиномъ, то Мстиславу ли быть нашимъ судіею? Пусть Константинъ одолѣетъ въ битвѣ: тогда все его « Послы съ горестію удалились, и Князь Владимірскій, пируя въ шатрѣ съ Вельможами, желалъ знать ихъ мнѣніе. Одинъ Бояринъ совѣтовалъ не опровергать мира и признавъ Константина старѣйшимъ Государемъ земли Суздальской, представляя, что Князья Ростиславова племени мудры и храбры, а воины Новгородскіе и Смоленскіе *держки* въ битвахъ; что Мстиславъ въ дѣлѣ равномъ не имѣетъ совѣшника, и что превосходныя силы уступаютъ иногда превосходному искусству. Князья слу-

шали Болрина съ неудовольствіемъ. Другіе Вельможи, льстя ихъ самолюбію, говорили, что никогда еще враги не выходили цѣлы изъ сильной земли Суздальской; что жилиши ея могли бы съ успѣхомъ пропировоборствовать соединенному войску всѣхъ Россіянъ, и *сбдлаши закидають* Новгородцевъ. Одобривъ сію безразсудную надменность и собравъ Военачальниковъ, Князья дали имъ приказъ не щадить никого въ битвѣ: убивать даже и плѣхъ, на коихъ увидятъ шипное золотомъ оплечье¹³³. »Вамъ брони, одежда и кони мертвыхъ,« сказали они: »въ плѣтъ возмемъ однихъ Князей, и рѣшимъ послѣ судьбу ихъ.« Отпустивъ Воеводу, Георгій съ меньшими брашьями заперся въ шатрѣ и вздумалъ уже дѣлать всю Россію; назначилъ Ростовъ для себя, Новгородъ для Ярослава, Смоленскъ для прерпьяго брата¹³⁴, а Кіевъ для Ольговичей, оставилъ Галичъ на свое дальѣйшее распоряженіе. Написавъ договорную грамоту и взаимною клятвою утвердивъ оную, сіи Князья послали сказать непріятелямъ, что желаютъ битвы съ ними на обширномъ Липецкомъ полѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ: долго совѣтовался съ Константиномъ, обязалъ его порожесивен-

ными обѣими вѣрности, и почью выступили изъ стана къ назначенному для битвы мѣсту, съ трубнымъ звукомъ, съ грознымъ кликомъ воинскимъ. Встрѣжные полки Георгіевы *стояли* всю ночь за *щитами*, то есть, вооруженные и въ боевомъ порядкѣ, ожидая нападенія, и едва было не обратился въ бѣгство.

Слав-
ная
бит-
ва Лп-
пец-
кал.

На разсвѣтъ Мстиславъ и Константинъ приблизились къ непріятелю, копорый зашелъ за дѣбрь и расположился на горѣ, окруженной плетнемъ. Напрасно Мстиславъ предлагалъ Георгію или миръ или битву на равнинѣ. Сей Князь отвѣтствовалъ: «не хочу ни того, ни другаго; и когда вы уже не боитесь дальняго пути, то можете перейти и за дѣбрь, гдѣ мы васъ ожидаемъ.» Мстиславъ спалъ на другой горѣ, велѣвъ отборнымъ молодымъ людямъ ударить на полки Ярославовы. Бились съ утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и ненастно. На другой день Мстиславъ думалъ идти прямо къ Владиміру, но Константинъ не совѣтовалъ оставлять непріятеля позади, и боялся, чтобы миролюбивые Ростовцы, пользуясь случаемъ, не разбѣжались по городамъ. Между тѣмъ Георгіевы полки, видя дви-

женіе въ станѣ Новгородцевъ и Смоленъ, вообразили, что Мстиславъ хочетъ отступить, и бросились съ горы, въ намѣреніи гнаться за нимъ; но Георгій и Ярославъ удержали ихъ. Тогда Князь Новгородскій, сказавъ: «гора не защититъ и не побѣдитъ насъ; пойдемъ съ Богомъ и съ чистою совѣстію,» велѣлъ своимъ гошоваться къ битвѣ. На одномъ крылѣ стоялъ Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, на другомъ Константинъ, въ срединѣ Мстиславъ съ Новгородцами и Князь Псковскій. Учредивъ строй, ободрѣвъ всѣ ряды, Мстиславъ ободрилъ воиновъ крепкою рѣчью. «Друзья и братья» говорилъ онъ: «мы вошли въ землю сильную: станемъ крепко, призвавъ Бога помощника. Да никто не озирается всплнь: бѣгство не спасеніе. Кому не умереть, пусть будетъ живъ. Забудемъ на время женъ и дѣтей своихъ. Сражайтесь, какъ копиле: пѣшіе или на коняхъ.» Новгородцы оповѣстивали: «сразимся пѣшіе, какъ оплцы наши подъ Суздалемъ.» Оставивъ копей, они сбросили съ себя одежду, даже сняли сапоги, и съ громкимъ кликомъ ^{Дпрѣ-} устремились впередъ; за ними Мстиславъ ^{л 21-} и дружина конная. Ни кружизна, ни ограда не могли удерживать ихъ стремленія. Смо-

ляне также пѣшіе вступили въ бой, не хотѣвъ ждать Воеводы своего, который уналъ съ коня въ дебри. Князь Новогородскій, видя кровопролитіе, сказалъ Владиміру Псковскому: «не выдадимъ добрыхъ людей!» и мгновенно опередилъ всѣхъ; имѣя въ рукѣ шопоръ, при разѣ съ дружиною проѣхалъ сквозь полки непріятельскіе, сѣкъ головы, оставляя за собою кучи труповъ. Лѣтописцы живо представляють ужасъ сей битвы говоря, что сынъ шелъ на отца, братъ на брата, слуга на господина: ибо многіе Новгородцы сражались за Ярослава; многіе единокровные стояли другъ противъ друга подъ знаменами Георгія и Константина. Побѣда не была сомнительною. Новгородцы, Смолене дружнымъ усиліемъ разспроили, смяли враговъ, и порожеству показывали въ рукахъ своихъ хоругви Ярославовы. Еще Георгій стоялъ противъ Константина, но скоро обратился въ бѣгство за Ярославомъ. «Друзья!» сказалъ Князь Новогородскій своимъ храбрымъ воинамъ: «не время думать о корысти; надобно довершить побѣду» — и Новгородцы, ему послушныя, не хотѣли прикоснуться къ добычѣ, съ жаромъ гнали Суздальцевъ, топтали ихъ въ рѣкахъ,

осуждая Смоленъ, которые обдирали мертвыхъ и грабили обозы непріятеля.

Уронъ былъ великъ только со стороны побѣжденных: ихъ легло на мѣстѣ 9233 человека. Въ оспервененіи своемъ не давалъ никому пощады, воины Мстиславовы взяли не болѣе 60 плѣнниковъ; а Смолене нашли въ Георгіевомъ станѣ и договорную грамоту сего Князя, по коей онъ хотѣлъ дѣлить всю Россію съ братьями. Ярославъ, главный виновникъ кровопролитія, ушелъ въ Переславль, и пылая гнѣвомъ, задушилъ шамъ многихъ Новогородскихъ кунцевъ въ пѣмницѣ¹³⁵; а Георгій, упомнивъ шрехъ коней подъ собою, на чепверпомъ прискакалъ въ Владиміръ, гдѣ оставались болѣею частью одни спарцы и дѣти, жены и люди духовнаго сана. Видя гдали скачущаго всадника, они думали, что Князь ихъ одержалъ побѣду и шелъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣстникъ былъ самъ Георгій: въ бѣгствѣ своемъ онъ сбросилъ себя одежду Княжескую и явился въ рубашкѣ предъ врагами сполиты; ѣздилъ вокругъ спѣны и кричалъ, что надобно укрѣплять городъ. Жители ужаснулись. Ночью пришли въ Владиміръ многіе раненые; а на другой день Георгі-

гій, созвавъ гражданъ, молить ихъ доказашъ ему свое усердіе мужескииною защиною столицы. «Государь! усердіемъ не спасемся,» описывали граждане: «бращя наши легли на мѣстѣ битвы;» «другіе пришли, но безъ оружія: съ кѣмъ опротивить врага?» Князь упрямъ ихъ не сдаваться хотя нѣсколько дней, чинобы онъ могъ вступитъ въ переговоры.

Вели-
кodu-
ше
Мсти-
слава.

Великодушный Мстиславъ не вѣдѣлъ гнѣваться за Георгіемъ и Ярославомъ, долго споялъ на мѣстѣ битвы, и шелъ медленно ко Владиміру¹³⁶. Чрезъ два дни окруживъ городъ, сей Князь въ первую ночь увидѣлъ тамъ сильный пожаръ: воины хотѣли итти на приступъ, чинобы воспомъзоваться симъ случа мъ по челоуколюбивый Мстиславъ удержалъ ихъ Георгій уже не думалъ обороняться, и на прерпій день пріѣхавъ въ снѣгъ къ Новогородскому Князю, съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Владиміру Смоленскому: «Вы побѣдили: располагайте моею жизнью и досполните. Братъ мой» «Константинъ въ вашей волѣ.» Мстиславъ и Владиміръ, взявъ отъ него дары, были посредниками между имъ и Константиномъ. Принужденный выѣхать изъ столицы, Георгій омочилъ слезами гробъро

дителя, въ душевной горести жаловался на Ярослава, виновника снѣль несчастной войны; съѣлъ въ ладно съ женою, и поѣхалъ въ Городецъ Волжскій или Радимовъ. Въ числѣ немногихъ друзей опира-
Епи-
вился съ нимъ Епископъ Симонъ, знамен-
скопъ
ный не только описаніемъ жизни свя-
Сим-
молъ.
тыхъ Ниоковъ Кіевскихъ, но и собственными добродѣтелями; обязанный Георгію саномъ Святителя, онъ не измѣнилъ благотворителью своему въ злполучіи. Сей Князь въ 1215 году учредилъ особенную Епархію для Владимірской и Суздальской обласи не хотѣвъ, чинобы онъ зависѣли онъ Ростова¹³⁷.

ГЛАВА V.

Константинъ, Великій Князь Владимірскій и Суздальскій.

Г. 1216 — 1219.

Добросердечіе Константина Дѣла Ливонскія. Важное предпріятіе Мстислава. Пылкость юнаго Данила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убийства въ Рязани. Смерть Константина.

Мстиславъ возвелъ Константина на престолю Великаго Княженія Владимірска-

го, и шель смиришь своего злшя, копорый, осавивъ гордосшь, прибъгнуль къ великодушю сшаршаго брапа. »Будь моимъ опцемъ,« говорилъ онъ Констанцину: »я въ пвоихъ рукахъ, и прошу у тебѣ хлѣба: не уже ли выдашь меня Князьямъ Новгородскому и Смоленскому?« Мстиславъ въ угодносшь Констанцину согласился на миръ и принялъ дары онъ Ярослава; но не хотѣлъ, чшобы дочь его жила съ Княземъ смоль жестокосердымъ: взялъ ее къ себѣ и возвратился съ чешю въ Новгородъ, освободивъ всѣхъ жителей онаго, бывшихъ въ Переславль¹³⁸.

Г. 1217. Достигнувъ цѣли своей, Констанцинь захопѣлъ упѣшшь изгнаннаго Георгія, призвавъ его къ себѣ, объявилъ наслѣдникомъ Великаго Княженія и далъ ему Суздаль. Съ искреннею дружбою обнявъ брата, Георгій клялся забыть прошедшее. Констанцинь чувствовалъ слабосшь здоровья своего и желалъ въ случаѣ смерти оставишь юнымъ сыновьямъ впораго опца въ ихъ спаршемъ дядѣ.

Г. 1217. Мстиславъ, Герой сего времени, совершивъ одно дѣло, и ревнуя ознаменованъ свое мужество повымъ, еще важнѣй-

шимъ подвигомъ, удалился въ южную Россію. Пользуясь его отсутствіемъ, Литовцы разорили нѣсколько селеній въ области Шелонской; а Рыцари Нѣмецкіе, занявъ Оденпе, старались укрѣпиль сѣ мѣ^{Дѣла Ли-сво. Владиміръ Псковскій}. Владиміръ Псковскій находился тогда въ Новѣгородѣ, и принявъ начальство надъ войскомъ, осадилъ прежнихъ друзей своихъ, Нѣмцевъ, въ Оденпскомъ замкѣ. Въ то время, какъ жители города коварно предлагали миръ Россіянамъ, опшедшимъ далеко отъ спана, Нѣмцы напали на обозы Новгородцевъ: однакожь, поше-равъ многихъ людей и въ томъ числѣ двухъ Воеводъ, должны были спастись бѣгствомъ въ замокъ¹³⁹. Самъ Великій Магистръ Ордена, Вольквинъ, едва ушелъ съ Диприхомъ, братомъ Епископа Рижскаго, Альберта, и зятемъ Владиміра Псковскаго. Тѣснимые осаждающими, перпя голодъ, не смѣя въпорично вспунить въ бой, они шребовали мира. Диприхъ, въ залогъ вѣрности, оспался въ рукахъ у Новгородцевъ, которые дали Рыцарямъ свободный пропускъ, взявъ въ добычу 700 коней Нѣмецкихъ.— Мстиславъ, возвратясь изъ Кіева, объѣхалъ Новгородскую область, наказалъ нѣкоторыхъ ослушныхъ или нерадивыхъ чиновниковъ,

Важ-
ное
пред-
при-
ятіе
Мсти-
слава.

созвать гражданъ столицы на *Дворъ Яро-
слава* и сказать имъ: «Кланяюся Свя-
той Софїи, гробу отца моего и вамъ,
добрые Новгородцы. Иноплеменники го-
сподствуютъ въ знаменитомъ Кляженіи
Галицкомъ: я намѣренъ изгнать ихъ. Но
опасъ не забуду, и желаю, чѣмъ бы кости
мои лежали у Святой Софїи, тамъ же,
гдѣ поконится мой родичесль.» Тѣмъ же
граждане, искренно огорченные, молили
Князя великодушнаго, любимаго, не оспа-
шивать ихъ. Онъ дружески простился съ
народомъ и сѣвши въ Кіевъ къ своимъ
братьямъ, шлалъ непрерывно собравъ
войско въ южной Россіи и вести оное къ
берегамъ Днѣпра.

Чемъ и Вѣра предписывали Мстис-
лаву сей подвигъ. Мы оставили юнаго
Даніила на престолѣ Галицкомъ съ од-
нимъ именемъ Князя: Болре всѣмъ упра-
вляли, и находил вдовствующую супругу
Романову опасною для ихъ своевольства,
принудили ее выѣхать въ Бѣльзъ. Даніилъ
проливалъ слезы, не хотѣлъ разлучиться
съ нею, и въ гнѣвъ ударилъ мечемъ од-
ного изъ Вельможъ, взявшаго за узду ко-
ня его; однакожь Княгиня умолила сына
оспашься. Оскорбленный сею дерзостію
Болре, Андрей, Король Венгерскій, при-

Пыл-
костъ
юнаго
Дані-
ила.

шелъ самъ съ войскомъ, смирилъ мятеж-
никовъ, и виновнѣйшаго изъ нихъ, Влади-
слава, оковать цѣпями. Но скоро бѣдствіи
Романова семейства возобновились. Тайно
призванный Галичанами, Мстиславъ Нѣмый
заславилъ Даніила бѣжать въ Венгрію; а
Дешко Бѣлый ошлалъ у Василька Бѣльзъ
для своего шесня, Александра Владимір-
скаго (Василько, провождаемый многими
Болрами, удалился въ Каменецъ). Уже Ан-
дрей вѣпорочно шелъ зацѣпить Даніила;
уже Мстиславъ Нѣмый, слабый, хопя и
власнолюбивый, бѣжалъ отъ страха, ко-
гда ужасный бунтъ открылся въ самой
Венгріи. Свирѣпые Бароны, враги Короле-
вы Герпруды, умертвили ее, готовивъ
такую же участь и Королю. Въ снхъ об-
стоятельствахъ онъ могъ думать един-
ственно о собственной безопасности:
чѣмъ Болринъ Галицкій, Владиславъ (то-
гда освобожденный), умѣлъ воспользоваться,
преднавляя ему, какъ вѣропно, что
онъ прокъ Даніилъ, сынъ отца ненавидѣннаго
народу, не въ состояніи мирно управлять
Кляженіемъ, или, возмужавъ, не захочетъ
быть данникомъ Венгріи; что Андрей
поступилъ весьма благоразумно, ежели
даситъ Намѣстника Галиціи, не природнаго
Князя и не иноплеменника, но досшой-

нѣйшаго изъ тамошнихъ Бояръ, обязавъ его въ вѣрности кляпвою и еще важнѣйшими узами споль великаго благодѣянія. Желаніе Владислава исполнилось: предпочтенный другимъ Боярамъ, онъ съ дружиною Венгерскою пріѣхалъ господствовать въ свое опечесство, назвался Княземъ и думалъ равняться саомъ съ попомками Св. Владиміра; а Даниилъ и мать его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились къ Лешку Бѣлому. Видя съ зависію, что богатая Галиція сдѣлалась почти областію Венгрии, сей Государь усердно взялъ Даниилову сторону, одержалъ верхъ въ битвѣ съ Владиславомъ, и хопя не могъ завоевать Галича, однакожь услужилъ сыновьямъ Романовымъ, принудивъ своего шесня, Александра, уступитъ имъ Тихомль и Перемиль. Тамъ могли они нѣсколько времени жить спокойно, вмѣстѣ съ родителыницею, печально смотря на башни Владимірскаго, наследственнаго сполицу Романову. Туда съѣхались все вѣрные Бояре, сподвижники ихъ храбраго отца, готовые усердно служить и сыновьямъ, которые въ нѣжномъ цвѣтѣ юности обѣщали зрѣлые плоды мужества, умъ необыкновенный, душевное благородство. Россіане и

чужеземцы съ удивленіемъ видѣли въ ничпожномъ городкѣ Дворъ блестящій, составленный изъ вицязей и Бояръ опытныхъ, особенно уважаемыхъ Государемъ Польскимъ. Воевода Сендомирскій, именемъ Пакославъ, доброжелательствуя Романову семейству, хотѣлъ согласить выгоды онаго съ выгодами Венгровъ и Ляховъ, бывшихъ тогда явными врагами за Галичъ; ѣздилъ къ Андрею, и безъ пруда склонилъ его къ миру. Положилъ, чтобы малолѣтній сынъ Андреевъ, Коломанъ, женился на малолѣтней дочери Герцога Лешка, Саломѣ, и княжилъ въ Галичъ; чтобы Король уступилъ Перемиль Ляхамъ, и чтобы Владиміръ опдашь Даниилу съ брапомъ, а Любачевъ миротворцу Пакославу. Условія были исполнены: Александра выслали изъ Владимірскаго области, а Владислава, какъ хищника, започили. Такимъ образомъ (говоритъ Лѣтописецъ) сей гордый Бояринъ безразсуднымъ честолюбіемъ погубилъ себя и дѣтей, коихъ никто изъ Князей Россійскихъ, оскорбленныхъ его дерзкимъ самозванствомъ, не хотѣлъ признать¹⁴⁰. Можеть быть, упомянутые смятеніями и переменами Галичане удовольствовались бы тогдашнимъ своимъ Вен-

гровъ въ Галичѣ, жребіемъ, если бы новое Правительство Венгерское наблюдало умѣренность и справедливость; но Андрей весьма неблаго-разумно вздумалъ утѣшеніе нашу Церковь. Уже въ первый годъ Коломанова влѣпкованія, въ¹²¹⁴, онъ писалъ къ Папѣ, Иннокентію III, что народъ и Князья Галицкіе, *подданные Венгріи*, неспросивъ себя сына его въ Государя, желаютъ присоединиться къ Римской Церкви, единственно съ тѣмъ условіемъ, чѣмъ Папа не ошмѣнялъ ихъ древнихъ обрядовъ священныхъ и позволялъ имъ отправлять Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ. Когда же Архіепископъ Гранскій именемъ преемника Иннокентіева, Гонорія III, возложилъ въ Галичѣ вѣнецъ Королевскій на сына Андрея и Саломею, сей новый Государь, исполняя волю отца и Папы, изгналъ Епископа Россійскаго, Священниковъ нашихъ и хотѣлъ обратитъ всѣхъ жите-лей въ Вѣру Латинскую¹. Народъ, уничиженный мятежами, преслуженіями, и кознями Бояръ запущанный въ прогни-ворѣчійхъ своей системы политической, не смѣлъ возсѣсть на цитапель совѣсти, довольствуясь безполезными жалобами. Къ несчастію Венгровъ, Андрей поссорился съ Герцогомъ Лешкомъ, ошмѣялъ у него

Перемыслилъ съ Любачевымъ, и возбудилъ въ немъ столько великую злобу, что онъ, вопреки узамъ крови, искалъ въ Россіи сильныхъ непріятелей зяню. Таковымъ представился ему Мстиславъ Новгородскій. «Ты мнѣ братъ», писалъ Лешко къ сему храброму Князю: «иди прославиться знаменитымъ подвигомъ мужества: Галичъ, достойнѣе псовъ предковъ, сплещетъ подъ игомъ униженителей.» Мстиславъ, подобно оному *готовый всегда на дѣла великія*, не отказался отъ предложенія, столько лестнаго для его славолюбія.

Въ то время, какъ онъ занимался въ древней южной степи войскими приговорами, царица царствовала въ предѣлахъ Великаго Княженія Владимірскаго. Консепантинъ наслаждался спокойствіемъ подданныхъ и любовію братьевъ; не слѣдовалъ примѣру дяди и родичей: не требовалъ повиновенія отъ слабѣйшихъ Князей сосѣдственныхъ, и думалъ, что каждый изъ нихъ обязанъ давать отъ себя дѣлахъ своихъ единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостію, двое изъ Владыкелей Рязанскихъ дерзнули на гнусное злодѣяніе.

Коварный Глебъ, при Великомъ Князѣ

Убий-
ства
въ Рязани. Всеволодъ хотѣвшій погубить своихъ род-
ственниковъ доносомъ, условился съ бра-
шомъ, Консманпиномъ Владиміровичемъ,
явно лишитъ ихъ жизни, чтобы господ-
ствовать надъ всею областію Рязанскою.
Они съѣхались въ полѣ для общаго совѣ-
та, и Глѣбъ далъ имъ роскошный пиръ
въ шатрѣ своемъ. Князья, Бояре пили и
веселились, не имѣвъ ни малѣйшаго подо-
зрѣнія. Хозяинъ ласкалъ, привѣщивалъ
безпечныхъ гостей; лице и голосъ злодѣя
не измѣняли адской шайнѣ его сердца. Въ
одно мгновеніе Глѣбъ и Консманпинъ
Владиміровичъ извлекаютъ мечи: воору-
женные слуги и Половцы стремятся въ
шатеръ. Начинается кровопролитіе. Ни
одинъ изъ шести несчастныхъ Князей,
ни одинъ изъ вѣрныхъ Бояръ ихъ не могъ
спасения. Упомленные смертюубійствомъ
изверги выходятъ изъ шатра и спокой-
но влагаютъ въ ножны мечи свои, дымя-
щіеся кровію¹⁴². Въ числѣ убіенныхъ на-
ходился и родной братъ Глѣбовъ, до-
бродушный Изяславъ.

Злодѣйство было ужасно: еще ужаснѣе
то, что виновники оспались безъ нака-
занія. Великій Князь Консманпинъ —
изнуренный, можетъ быть, недугами —
г.
1218. довольствовался сожалѣніемъ о несчаст-

ныхъ; строилъ церкви, раздавалъ милос-
пыню и съ воспоргомъ лобызалъ святыя
мощи, привозимыя къ нему изъ Греціи.
Не за-долго до кончины своей онъ по-
слалъ старшаго сына, именемъ Василька,
княжить въ Ростовъ, а другаго, Всеволо-
да, въ Ярославль, приказавъ имъ жити соглас-
но, быти во нравахъ подобными ему, благо-
ловити сиротамъ, вдовицамъ, Духовен-
ству, и чтити Георгія какъ втораго
опца. Консманпинъ преставился на 33<sup>Смерт.
Кон-
спан-
ника.
Г.
Февр.
2.</sup>
году ошъ рожденія, оплакиваемый Болра-
ми, слугами, нищими, Монахами¹⁴³. Хва-
ля его мудрость и добродѣтель, Лѣпо-
писецъ Суздальскій говоритъ, что сей
Князь не только читалъ многія душе-
спасительныя книги, но и жилъ по ихъ
правиламъ; былъ исполненъ Апостольской
Вѣры и сподобъ кронокъ, что старался
не опечалитъ ни одного человѣка, любя
дѣломъ и словомъ употребитъ всякаго. —
Супруга Консманпинова немедленно по-
стриглась надъ его гробомъ, и названная
Агаѣею, чрезъ два года кончила дни свои
въ уединеніи монастырскомъ.

ГЛАВА VI.

Великій Князь Георгій II Все-
володовичъ.

Г. 1219 — 1224.

Безпокойсва въ Новгородѣ. Великодушіе Посадника.

Дѣла церковныя. Войны. Устюгъ. Новгородъ Ниж-
ній. Освобожденіе Галича. Неблагоразуміе Мстисла-
ва. Происшествія въ Ливоніи. Мужественный Вяч-
ко. Набытъ Липвы. Слухъ о Татарахъ.

По отбытіи Мстислава Новгородцы
призвали къ себѣ его двоюроднаго племян-
ника, Святослава Мстиславича, изъ Смо-
ленска. Сей Князь¹⁴⁴ не могъ обуздать свое-
вольства чиновниковъ и народа Посад-
никъ Твердиславъ, мужъ опличный до-
стоинствами, взявъ подъ спиражку кого-то
мятежнаго Боярина, вооружилъ противъ
себя многихъ его друзей и единомышлен-
никовъ. Началось междоусобіе: одни споя-
ли за Твердислава, другіе за Боярина;
прочіе оставались спокойными зрителя-
ми ссоры, кошорая обратилась въ явную
войну. Цѣлую недѣлю были шумныя Вѣ-
ча при звукѣ колоколовъ; граждане, на-
дѣвъ брони и щлемы, въ изступленіи сво-
емъ обнажили мечи. Напрасно увѣщавали

спарцы, напрасно плакали жены и дѣти:
казалось, что Новогородцы не имѣли ни
законовъ, ни Князя, ни человѣчества.
Чтобы еще болѣе воспалить усердіе сво-
ихъ друзей, Твердиславъ, устремивъ гла-
за на храмъ Софійскій, громогласно об-
рекъ себя въ жертву смерти, если со-
вѣспъ его не чиста предъ Богомъ и со-
гражданами, «Да паду въ бивъ первый»
(говорилъ онъ) «или Небо да оправдаетъ
меня побѣдою моихъ братьевъ!» Нако-
пецъ злоба уполилась кровію десяти уби-
тыхъ гражданъ; народъ образумился, пере-
бавалъ мира, и цѣлуя крестъ, клялся
быти единодушнымъ. Типина возстано-
вилась; но Князь, недовольный Твердисла-
вомъ, прислалъ своего Тысяческаго объя-
вить на Вѣчѣ, что сей Посадникъ вла-
стію Княжескою смѣнялся. Граждане
хотѣли знать вину его. Святославъ гор-
до опивѣтствовалъ: *безъ вины!* «Я дово-
«лепъ,» сказалъ Твердиславъ: «честъ моя
«оснается безъ плшна: а вы, братья со-
«граждане, вольны избирать и Посадни-
«ковъ и Князей.» Народъ вступился за
него. «Вспомни условіе,» говорили Святосла-
ву Послы Вѣча: «пы далъ намъ клят-
«ву не смѣнять чиновниковъ безвинно.
«Когда же забываешь оную, то мы гоппо-

«вы съ поклономъ указати шебъ путь; а Твердиславъ будетъ нашимъ Посадникомъ.» Свяшославъ, видя упрямство народа, не хотѣлъ спорить; но скоро уѣхалъ въ Кіевъ по волѣ отца своего, Мстислава Романовича, уступивъ престолъ. Новгородскій меньшему брату, Г. Всеволоду. Правленіе сего Князя ознаменовалось также внутренними безпокойствами. Люди, посланные Новгородцами въ Двинскую землю для собранія дани, къ удивленію народа возвратились съ дороги, сказывая, что Великій Князь Георгій и Ярославъ Всеволодовичъ не хотѣли пропустить ихъ чрезъ область Бѣлозерскую, имѣя будто бы пайное сношеніе съ Новгородскимъ Посадникомъ и Тысячскимъ. Народъ взволновался и смѣнилъ главныхъ чиновниковъ; однакожь чрезъ нѣкоторое время снова возвелъ Твердислава на степень Посадника. Всеволодъ безъ всякой основательной причины возненавидѣлъ и хотѣлъ убиить сего знаменитаго чловѣка, вооруживъ своихъ Дворянъ и многихъ гражданъ на *Дворъ Ярослава*. Твердиславъ былъ тогда боленъ: усердные друзья вывели его на саняхъ изъ дому и поручили великодушной защитѣ народа, который спекался къ нему

Г.
1219
— 21.

полнами, готовый умереть за своего любимаго чиновника. Жители прехъ Концевъ спали въ ряды, и ждали Князя какъ непріятеля. Но Всеволодъ не дерзнулъ на кровопролитіе. Архіепископъ примирилъ враговъ; а Твердиславъ, желая спокойствія отечеству, добровольно сложилъ съ себя чинъ Посадника, пайно ушелъ въ монастырь Аркадѣвскій, и навсегда отказался отъ свѣта.

Самыя церковныя дѣла Всеволодова времени изъясляютъ легкомысліе Новгородцевъ: выгнать прежде Архіепископа Митрофана, народъ раскаялся и хотѣлъ загладить сію несправедливость; дозволилъ ему возвратиться и послалъ сказать его преемнику, Антонію, осматривавшему тогда свою Епархію, чтобы онъ ѣхалъ, куда хочетъ, и что Новгородъ имѣетъ уже инаго Священителя. Однакожь Антоній не послушался и признавалъ себя единственнымъ законнымъ Пастыремъ. Граждане были въ крайнемъ запрудненіи, и не знали, что дѣлать съ двумя Архіепископами, исправили ихъ въ Кіевъ на судъ къ Митрополиту, который, рѣшивъ тяжбу въ пользу Митрофана, послалъ Антонія Епископомъ въ Перемышль Галицкій. Военскіе подвиги Новгородцевъ были

Великодушіе
Посадника.

Дѣла
церковныя.

Вой- удачны: хопя Всеволодъ не могъ взять
ны. Першуева или нынѣшняго Пернау, одна-
кожь разбилъ Нѣмцевъ за рѣкою Эмбахомъ.
Древній Лѣтописецъ Ливонскій повѣству-
етъ, что Рыцари въ битвѣ съ нашимъ
передовымъ опрядомъ имѣли успѣхъ, и
даже опьяли знамя Князя Новгородска-
го; но союзники ихъ, Латыши, видя много-
численность Россіянъ, обратились въ
бѣгство. Сей Лѣтописецъ къ чести еди-
ноземцевъ своихъ прибавляетъ, что ихъ
было только 200, а нашихъ 16,000; что
Нѣмцы, оподѣленные опѣ Новгородцевъ
глубокимъ ручьемъ, сражались опъ 9 ча-
совъ утра до захожденія солнечнаго, убили
около пятидесяти непріятелей, въ цѣло-
сти опсталили и шли назадъ съ веселы-
ми пѣснями¹¹⁵.

Въ Россіи восточной были также воин-
скія дѣйствія. Глѣбъ Владиміровичъ, убій-
ца Князей Рязанскихъ, хопѣлъ еще довер-
шить свое гнусное злодѣаніе. Провидѣніе
спасло одного изъ сихъ Князей, Ингваря,
сына Игорева, копорый господствовалъ
въ Старой Рязани, и могъ рано или позд-
но отмстить смерть братьевъ: нанявъ
Половцевъ, Глѣбъ шель осадить его сто-
лицу; но Ингваръ побѣдилъ варваровъ.
Непавидимый всѣми добрыми Россіянами

и самому себѣ ненавистный, (обыкновен-
ная мука злодѣевъ!) Глѣбъ бѣжалъ въ
степи, подобно древнему братоубійцѣ
Святополку гонимый Небеснымъ гнѣ-
вомъ, и память въ безуміи скончалъ гнус-
ную жизнь свою¹¹⁶. — Ингваръ наслѣдо-
валъ всю область Рязанскую, и съ дружи-
ною Великаго Князя вторично разбилъ
Половцевъ.

Вѣроятно, что Камскіе Болгары издрев-
ле торговали съ Чудскимъ народомъ, оби-
тавшимъ въ Вологодской и Архангельской
Губерніи: съ неудовольствіемъ видя но-
вое господство Россіянъ въ сихъ мир-
ныхъ странахъ, они хопѣли также бытъ
завоевателями, и — болѣе обманомъ, не-Ус-
жели силою — взяли Устюгъ¹¹⁷, неизвѣ-^{стно}
льно когда и кѣмъ основанный. Онъ имѣлъ
прежде собственныхъ Князей; стоялъ,
какъ сказываютъ, на высокой горѣ, вер-
стахъ въ чепырехъ опѣ нынѣшняго, и
назывался, по имени ея, Гледеномъ; а на-
званіе Устюжнъ произошло опѣ устья
рѣки Юга, сливающего шамъ воды свои
съ рѣкою Сухоною. Жители — вѣроятно
смѣсь Россіянъ съ Чудью — зависѣли опѣ
Великаго Князя Георгія и въ особенно-
сти опѣ Ростовскаго. Чшобы ушвердиться
въ семь городѣ, Болгары въ шже вре-

мя спарались овладѣнъ берегами Улжи⁴⁸; но были отражены, и скоро увидѣли войско Россіянъ въ собищенной землѣ своей. Братъ Георгіевъ, Святославъ, съ сыновьями Муромскихъ Князей и съ сильнымъ ополченіемъ приплылъ плуца Волгою, вышелъ на берегъ ниже устья Камы, и для безопасности судовъ оставивъ стражу, приблизился къ городу Ошелу, укрѣпленному высокимъ дубовымъ пшномъ съ двумя оплошами, между коими находился валъ. Впереди шли люди съ огнемъ и попорами; за ними стрѣлки и копейщики. Одни подсѣкли пшнъ, другіе зажгли оплошны; но сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лице: задыхаясь отъ густаго дыма, воины Святославовы, ободренные рѣчью Князя, приступили съ другой стороны и зажгли городъ по вѣтру. Зрѣлище было ужасно: цѣлыя улицы пылали; огонь, раздуваемый бурей, лился быспрою рѣкою; отчаянные жители съ воплемъ бѣжали изъ города и не могли уйти отъ меча Россіянъ; только Князь Болгарскій и нѣкошорые его всадники спаслись бѣгствомъ. Другіе, не пребуя пощады, убивали женъ, дѣтей своихъ и самихъ себя, или сдѣлались жертвою пламени, вмѣстѣ со многими Рос-

сіянами, искавшими добычи въ городѣ. Святославъ, видя шамъ наконецъ одиѣ кучи дымащагося пшла, удалился, провождаемый полками пѣвишниковъ, большою часпшою женъ и младенцевъ. Напрасно Болгары хопѣли отомстить ему, спекаясь ошовсюду къ берегамъ Волги: Россіане, готовые къ бшнвѣ, сѣли на ладіи, распустили знамена, и при звукѣ бубновъ, трубъ, свирѣлей, плыли медленно вверхъ по Волгѣ въ спройномъ ополченіи. Болгары только смотрѣли на нихъ съ берега. Святославъ близъ устья Камы сошелся съ Ростовцами, Успенжаками и съ Воеводою Георгіевымъ, кошорый ходилъ опусшаша сѣ берега, и взялъ нѣсколько городковъ Болгарскіихъ. Сей успѣхъ казался столь важнымъ Великому Князю, что онъ встрѣшилъ брата за нѣсколько версшъ отъ столицы, благодарилъ его, осыпалъ дарами; при дни угощалъ всѣхъ воиновъ. Зимойю явились въ Владиміръ Послы Болгарскіе, пребуя мира; но Георгій ошвергнулъ ихъ предложеніе и готовился къ новому походу. Испышавъ многократно превосходную силу Россіянъ, Болгары всячески спарались отврашнъ бѣдспвіе войны; наконецъ, посредспвомъ богатыхъ даровъ, обезоружили Великаго Князя. По-

Новгородъ
Нижний.

слы наши ѣздили къ нимъ въ землю, гдѣ народъ утвердилъ сей миръ клятвою по закону Магомешанскому. Георгій, будучи тогда самъ на берегахъ Волги, имѣлъ случай снова осмотрѣть ихъ, выбралъ мѣсто и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заложилъ Нижній Новгородъ, тамъ, гдѣ сливаются двѣ знаменитыя рѣки нашего отечества, и гдѣ скоро поселилось множество людей, привлеченныхъ выгодами торговли и судоходства¹⁴⁹.

Освобождение
Галича.

Въ сіе время Князь Черниговскій, братъ Всеволода Чермнаго, разбилъ Липовцевъ, которые искали добычи въ сего области. — Но важнѣйшимъ успѣхомъ Россійскаго оружія было тогда освобождение Галича отъ ига чужеземцевъ. Кажется, что бывший Князь Новгородскій, Мстиславъ, занимаясь въ Кіевѣ разными приготовлениями, умѣлъ скрыть цѣль оныхъ: по крайней мѣрѣ Вельможи Андреевы, именемъ Коломана господствующіе на берегахъ Днѣпра, не взяли никакихъ мѣръ для обороны, и бѣжали въ Венгрію, какъ скоро Мстиславъ приближился¹⁵⁰. Столь легкій успѣхъ не могъ ослѣпить сего Князя: онъ зналъ, что опасности и битвы впереди; что Андрей не уступитъ ему сыновняго Королевства мирно, и что по-

бѣда должна рѣшить судьбу оного. Тамошніе граждане желали снова повиноваться Даниилу: вопреки имъ, Мстиславъ сѣлъ на тронъ Галицкомъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотѣлъ бытъ ему опцемъ; старался ипакже сохранить любовь Герцога Польскаго, и не мѣшалъ ему владѣть частію западной Россіи: ибо Лешко, передавъ Владиміръ сыновьямъ Романовымъ, занялъ Брескъ со многими другими наслѣдственными ихъ городами въ окрестностяхъ Буга. Напрасно Даниилъ жаловался тѣснотѣ на хищность Герцога¹⁵¹. Мстиславъ отвѣщивалъ: «Лешко мой другъ.» Но когда неуступчивый Даниилъ осмѣлился искать управы силою; когда, вступая въ полѣ съ собиравшеюся дружиною, опилъ у Ляховъ всѣ области Россійскія: тогда оскорбленный Герцогъ, считая Мстислава тайнымъ наставникомъ юнаго злѣя, обвиняя того и другаго въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, возобновилъ союзъ съ Андреемъ Венгерскимъ. «Отказываюсь отъ всякаго участія въ Галиціи,» велѣлъ онъ сказать Королю: «пусть властвуетъ въ оной сынъ мой. Изгонимъ только Россіянъ,» Андрей не могъ желать инаго. Венгры

и Ляхи, вступивъ въ Галицкую землю, одержали побѣду надъ Димитріемъ, Воеводою Мстислава. Самъ Коломанъ предводительствовалъ ими, и съ удовольствіемъ видѣлъ головы нашихъ Бояръ, повергаемыя къ его ногамъ вмѣстѣ съ ихъ золотыми цѣнями. Оставивъ запявъ въ Галичѣ, Мстиславъ удалился къ предѣламъ Кіевскимъ. Непріятели осадили Даніила: хотя сей юноша смѣлыми, счастливыми вылазками дѣлалъ имъ много вреда, однакожь, исполняя повелѣніе шесипа, долженъ былъ наконецъ выйти изъ города, очистилъ себя пущь мечемъ, и за Дѣтиспромъ соединился съ Мстиславомъ, который, обнявъ его какъ выпязя dospoйнаго, въ знакъ особенной дружбы подарилъ ему любимаго своего коня, и сказалъ: »Храбрый Князь! теперь иди въ Владиміръ: я пойду за Половцами. Мы опмѣшимъ врагамъ, и спыдъ нашъ падетъ на нихъ.« Онъ сдержалъ слово.

Союзники, Венгры, Ляхи, завоевавъ Галичъ, не дремали; первые усилились новыми полками своими и Богемскими, посланными Андреемъ къ Коломану съ знаменитымъ Воеводою Фильніемъ. Сей падменный Баронъ изъявлялъ величайшее презрѣніе къ Россіянамъ, и часто говорилъ

въ пословицу: »Одинъ камень избиваетъ множеспио глиняныхъ сосудовъ. Оспрый мечъ, борзый конь, и Русь у ногъ моихъ.« Ляхи непреспанными впаденіями перевозили область Владимірскую. Къ счастью, Даніилъ успѣлъ заключить миръ съ Князьями Липовскими, Жмушскими, Лапышскими, и могъ наемнымъ ихъ войскомъ устращивъ собственныя владѣнія Лешковы⁵². — Между тѣмъ дѣятельный Мстиславъ изготoвился и двинулъ рашъ свою, усиленную Половцами, къ берегамъ Днѣстра. Воевода Андреевъ, гордый Фильній, не хотѣвъ подвергнуть юнаго Коломана опасностямъ битвы, оставилъ его въ укрѣпленномъ Галичѣ и ждалъ Россіянъ въ полѣ. Ляхи стояли на правомъ крылѣ: Венгры и Галичане на лѣвомъ; легкое войско ихъ находилось впереди. Россіяне показались: шли медленно и спройно; за ними Половцы. Владиміръ Рюриковичъ предводительствовалъ одною частію войска, другою Мстиславъ, который, вдругъ опидѣлся опъ полковъ, спалъ на высокомъ холмѣ и долго смотрѣлъ на движенія непріятелей, шакъ, что Владиміръ, встревоженный его отсутствіемъ, велѣлъ съ неудовольствіемъ напомнить ему, сколь время дорого, и

сколь нужно дѣйствовать, не теряя онаго. » Не забывай « (говорилъ онъ), » что ты Военачальникъ, а не зритель. Твое бездѣйствіе можешь погубить насъ. « Мстиславъ съѣхалъ съ холма и спѣшилъ оживить храбрость воиновъ, именемъ Св. Крестна общая имъ побѣду. Уже битва началась. Владиміръ не успѣлъ пропнуть Ляховъ: они гнали Россіянъ, брали плѣнниковъ, добычу, и древними пѣснями опцевъ своихъ торжествовали побѣду¹⁵³. Венгры, Галичане также имѣли успѣхъ, и бѣдствіе нашихъ казалось совершеннымъ. Но Мстиславъ въ самое то время съ опборною дружиною и съ Половцами ударилъ въ тылъ непріятелю: изумленные, разброшенные Венгры падали мертвые цѣлыми рядами; самъ предводитель ихъ отдался въ плѣнъ, и скоро Ляхи къ опчалу своему увидѣли, что побѣда имъ измѣнила; окруженные Россіянами, не могли спастись ни мужественною обороною, ни бѣгствомъ, и всѣ легли на мѣстѣ. Одни Половцы брали плѣнниковъ, ловили коней, обнажали мертвыхъ: Россіяне, исполняя волю Князя, старались только о совершенномъ истребленіи непріятеля. Еще многіе Ляхи оставались казади, не вѣдали о гибели своихъ, и видя издали

государственное знамя Польское, полками стремились къ оному; но сіе знамя, съ изображеніемъ Бѣлаго орла, развѣвалось уже въ рукахъ побѣдителя: они находили тамъ смерть¹⁵⁴. Кровавое пролііе было ужасно; вопль, стонъ несчастныхъ жертвъ достигалъ до Галича; трупы лежали кучами на пространствѣ необозримомъ. Россіяне, торжествуя побѣду, всѣ единодушно превозносили хвалами Мстислава храбраго, называлъ его, по тогдашнему обыкновенію, *краснымъ солнцемъ* опчества.

Сей Князь осадилъ Галичъ. Боясь измѣны гражданъ (ибо жили всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съ радостію принимали Мстислава), Венгры и Ляхи выгнали ихъ изъ крѣпости, чтобы обороняться до послѣдней возможности; но Россіяне, ночью сдѣлавъ подкопъ, вошли въ городъ. Тогда Коломанъ заключилъ въ укрѣпленномъ храмѣ Богоматери, и еще съ гордостію опвергнувъ свиданіе, предложенное ему Мстиславомъ. Черезъ нѣсколько дней, изнуренные голодомъ и жаждою, Венгры сдались. Князь Россійскій уже не хотѣлъ слышать о милосердіи. Ему представили несчастнаго Коломана и юную супругу его, въ слезахъ, въ глубокой го-

респти: онъ ведѣлъ за крѣпкою спиражею опвезти ихъ въ Торческъ¹⁵⁵, а Бароновъ Венгерскихъ съ женами и дѣтьми опдалъ, какъ плѣнниковъ, своей дружинѣ и Половцамъ, въ награду за оказанное ими мужество. Только славный Архіепископъ Краковскій, Лѣпописецъ Кадлубко, и Канцлеръ Польскій Ивонъ, бывшіе въ Галичѣ, успѣли заблаговременно спастися отъ неволи бѣгствомъ¹⁵⁶. Герцогъ Лешко воспрепятствовалъ Даніилу соединиться съ тѣснемъ до битвы: сей юноша славобивый успѣлъ только видѣть свѣжіе трофеи Россіянъ на ея мѣстѣ. Новѣйшіе Историки пишутъ, что гордый, счастливыи Мстиславъ, поржествуя оную, принялъ на себѣ имя *Царя Галицкаго*, и что Россійскіе Епископы вѣнчали его златымъ вѣнцемъ Коломановымъ, доставшимся ему въ руки¹⁵⁷.

Андрей, Король Венгерскій, былъ въ опчаяніи, и немедленно отправилъ Вельможу своего, именемъ Яроша, сказать Мстиславу, чтобы онъ прислалъ къ нему сына и всѣхъ плѣнниковъ, или скоро увидѣть въ Россіи многочисленное побѣдоносное войско Венгровъ. Мстиславъ не испугался угрозы, но хладнокровно опвѣщивовалъ, что побѣда зависить отъ Не-

ба; что онъ ждетъ Короля, надѣясь съ Божіею помощію смирить гордость его. Андрей, изнуренный погда въ силахъ походомъ Іерусалимскимъ, не имѣлъ желанія воевать, и прибѣгнулъ къ доброхотспивующимъ ему Боярамъ Галицкимъ. Одинъ изъ нихъ, Судиславъ, плѣненный вмѣстѣ съ Коломаномъ, умѣвъ списать особенную довѣренность Мстислава, склонилъ его къ миру, неожиданно выгодному для Короля. Согласились, чтобы меньшій сынъ Андреевъ, именемъ также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей въ приданное опецъ назначилъ спорную Галицію¹⁵⁸ Не-
бла-
го-
звѣ-
ст-
но гораз-
уміе
Мсти-
слава. Слѣдственно Мстиславъ освободилъ сію землю отъ иноплемениковъ для того, чтобы добровольно уступитъ имъ оную, взявъ, можетъ быть, только мѣры для безопасности Церкви Греческой! Не любя тамошнихъ Бояръ мятежныхъ и не любимыхъ ими, онъ хотѣлъ сначала какъ мы сказали, возвращить Галицію Даніилу, желаемому народомъ; но хитрые Вельможи, тайные друзья Венгрии, предспавили ему, что Даніилъ возьметъ ее, какъ наслѣдственное достояніе Романовыхъ дѣтей, безъ всякой особенной признапельности, и сълѣпами возрасая въ силахъ, въ честолюбіи, не уваживъ благошвори-

шеля; а юный сынъ Андреевъ, всѣмъ обязанный милости тещи, не дерзнулъ ни въ чемъ его послушаться, или въ пропивномъ случаѣ легко можетъ быть лишенъ Княженія. Мстиславъ — болѣе воинъ, нежели Полипикъ — принялъ мнѣніе Болръ, и съ радостію назвалъ Андрея свапомъ, освободилъ Коломана. Бракъ опложили за малолѣтствомъ жениха и невѣсты, съ обѣихъ сторонъ утвердивъ договоръ клятвами. Между тѣмъ совѣсть Андреева находилась въ затрудненіи: женихъ былъ прежде помолвленъ на Царевнѣ Арменской, единственной наслѣдницѣ родительскаго престола. Боясь грѣха, Король требовалъ разрѣшенія отъ Папы, Гонорія III. Вѣроятно, что Герцогъ Лешко также писалъ въ Римъ, и жаловался Папѣ на условія мира, заключеннаго Венграми съ Россіянами: ибо Гонорій (въ 1222 году) отвѣтствовалъ Андрею, что Галиція принадлежитъ Коломану, зятю Герцога Польскаго, возведенному на ея протѣ Апостольскою властію⁵⁹; что обязательство несправедливое, вынужденное бѣдствомъ Коломановымъ, само собою уничтожается; что малолѣтство жениха и невѣсты даетъ время опцамъ размыслить основательнѣе о выгодахъ или невыго-

дахъ такого союза; что надобно подождать, и проч. Однакожь Андрей не хотѣлъ нарушить договора, и Мстиславъ чрезъ нѣкоторое время отдалъ будущему зятю Перемышль, къ неудовольствію жишелей и Герцога Лешка, который долженствовалъ, обманутый Венграми, самъ примириться съ Князьями Россійскими. Сей миръ имѣлъ несчастныя слѣдствія для Александра, Князя Бельзскаго, взявшаго сторону Венгровъ и Ляховъ во время ихъ перваго успѣха. Данилъ и Василько, озлобленные коварствомъ Александра, омрачили добрую славу юности своей разореніемъ окрестностей Бельза, гдѣ народъ долго помнилъ оное и называлъ *злого нощю*: ибо воины сыновей Романовыхъ, свирѣпствуя памъ отъ закапа до восхожденія солнечнаго, не оставили камня на камнѣ⁶⁰. Одно великодушіе Мстислава спасло Александра: уваживъ ходатайство тещи, Данилъ прекратилъ жестокое дѣйствіе мщенія и возвратился къ матери, котора, видя его уже способнаго править землею, обуздывалъ Вельможъ, смирялъ непріятелей, удалась отъ свѣта въ тишину монастырскую.

Въ сихъ происшествіяхъ юго-западной Россіи участвовали слабые тогда

Г.
1221
— 22.

Про-
исше-
ствія
въ Ли-
воніи.

Ольговичи какъ союзники Мстислава. Великій же Князь Георгій занимался единственно внутреннимъ правленіемъ собственной земли и внешнею безопасно-стью Новгородцевъ, пославъ къ нимъ осмилѣтняго сына, Всеволода, на мѣсто Мстиславича, внука Романова, изгнаннаго народомъ. Опаснѣйшими ихъ врагами были тогда Альбертовы Рыцари: Новгородцы требовали сильной помощи отъ Георгія, и съ братомъ его, Святославомъ, вступивъ въ Ливонію, опустошили берега рѣки Аа. Лѣтописецъ Нѣмецкій говоритъ, что Россіяне своими жестокостями возбудили тогда гнѣвъ Рижской Богоматери⁶⁶; изъявляя несправедливость къ ея новымъ храмамъ, разрушали Лапинскія церкви, монастыри, плѣняли женъ, дѣтей и жгли хлѣбъ на поляхъ. Сынъ Владиміра Псковскаго, Ярославъ, съ войскомъ Липовскихъ союзниковъ встрѣчилъ Святослава близъ Кеси или нынѣшняго Вендена: Россіяне осадили сей городъ. Съ утра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Нѣмцы всего удачнѣе дѣйствовали пращами, и тяжело ранили многихъ изъ нашихъ Бояръ подъ стѣною. На другой день узнавъ, что самъ Великій Магистръ Ордена, Вольквинъ, ночью вошелъ въ крѣ-

пость, и что къ осажденнымъ скоро придетъ новая помощь, — Святославъ отступилъ. Но военныя дѣйствія не прекратились: Латыши, послушные Нѣмцамъ, безпрестанно злодѣйствовали въ окрестностяхъ Пскова, и не могли насытитъся кровію людей безоружныхъ; оставивъ дома и работы сельскія, жили въ нашихъ лѣсахъ, грабили, убивали купеческихъ, земледѣльцевъ, уводили женщинъ, лошадей и скотъ. Дабы наказаніе сихъ разбойниковъ, граждане Псковскіе ходили осенью въ землю Латышей, гдѣ истребили все, что могли. — Не смотря на мирныя, весьма неискреннія предложенія съ обѣихъ сторонъ, Нѣмцы и Россіяне не давали покоя другъ другу. Первые, собравъ Ливъ и Латышей, дерзнули вступить въ собственныя наши предѣлы: обошли Псковъ и въ окрестностяхъ Новгорода, по сказанію Ливонскаго Лѣтописца, обратили въ пепелъ нѣсколько деревень. Латыши ограбили церковь близъ самаго предмѣстія сѣлицы, взявъ иконы, колокола и другія вещи. Довольные сею местию, Нѣмцы спѣшили уйти безъ сраженія, и боясь Россіянъ, старались укрѣпиться въ восточной Ливоніи: строили замки, рыли въ нихъ колодези на случай осады,

запасались хлѣбомъ, а всего болѣе оружіемъ и пращами. Возбуждаемыя Рыцарями, толпы Чуди два раза зимою приходили незапно изъ-за рѣки Наровы въ Ижорскую землю, издавна обласпъ Новгородскую; плѣнили множество людей, и побили весь скопъ, котораго не могли взять съ собою.

Г. 1222. Въ то время малолѣпный сынъ Георгіевъ, по желанію своихъ Бояръ, не находившихъ для себя ни выгодъ, ни удовольствія въ Новѣгородѣ, тайно собрался ночью и со всѣмъ Дворомъ уѣхалъ къ опіцу. Народъ опечалился; сиротствуя безъ Главы, желалъ имѣть Княземъ хопя брата Георгіева; забылъ свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть къ Ярославу-Феодору, и принялъ его съ живѣйшими знаками удовольствія: ибо надѣялся, что онъ будетъ грозою внѣшнихъ непріятелей. Ярославъ, выгнавъ хищныхъ Липовцевъ изъ южныхъ предѣловъ Новгородскихъ и Торопецкой области, хотѣлъ отличить себя важнѣйшимъ подвигомъ и быть защитникомъ сѣверныхъ Ливонцевъ, утѣсненныхъ тогда новыми пришельцами.

Вальдемаръ II, мужественный Король Датскій, желая (какъ говоритъ со-

временный Лѣтописецъ) »очиститься отъ грѣховъ своихъ и доказать усердіе къ Рижской Богоматери,« высадилъ многочисленное войско на берега Эстоніи, заложилъ Ревель и въ кровопролитной битвѣ одержалъ надъ жителями побѣду, которая служила поводомъ къ основанію Данебродскаго Ордена¹⁶²: ибо рассказывающъ басню, что во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ Датчанамъ, и что Небо симъ чудомъ оживило ихъ мужество. Король возвратился въ Данію, но оставилъ въ Ревелѣ воиновъ и Епископовъ, чтобы утвердить тамъ Христіанскую Вѣру и власпъ свою, къ неудовольствію Рижскихъ Нѣмцевъ, которые считали себя господами Эстоніи. Шведы также прибыли въ сію несчастную землю, также хотѣли крестить азычниковъ. Бѣдные жители не знали, кого слушаться: ибо ихъ мнимые просвѣщители ненавидѣли другъ друга, и Датчане повѣсили одного Чудскаго старѣйшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе отъ Нѣмцевъ! Въ сей крайности народъ Эзельскій вооружился, побилъ Шведовъ, взялъ приступомъ новую крѣпость, основанную Датчанами на Эзелѣ. Скоро ми-

тежъ сдѣлался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ: граждаче Феллина, Юрьева, Оденпе, согласно изъявляли ненависть къ Нѣмцамъ; умерщвили многихъ Рыцарей, Священниковъ, кушцевъ, и мечи, обагрённые ихъ кровію, были посылаемы изъ мѣста въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно опрелеклись отъ Христіанства, вымыли свои дома, какъ будто бы осквернённые его обрядами, разрушили церкви и велѣли сказать Рижскому Епископу, что они возвратились къ древней Вѣрѣ отцевъ, и не оставляютъ ее, пока живы. Въ сихъ обстоятельствахъ Старѣйшины ихъ призвали Россіянъ въ города свои, уступили имъ часть богатства опятаго у Нѣмцевъ, и послали дары къ Новгородскому Князю, моля его о защитѣ¹⁶³.

Ярославъ, собравъ около 20,000 воиновъ, вступилъ въ Ливонію. Жители встрѣтили его съ радостію, выдавали ему всѣхъ Нѣмцевъ, заключённыхъ ими въ оковы, и приняли Россіянъ какъ друзей въ Юрьевъ, Оденпе и другихъ мѣстахъ. Князь Новгородскій хотѣлъ идти къ Ригѣ; но убѣжденный Послами Эзельскими, обратился къ Эстоніи, чтобы

освободить сію землю отъ ига Данчанъ. Близъ Феллина онъ къ изумленію своему увидѣлъ трупы многихъ Россіянъ повѣшенныхъ: Рыцари, предупредивъ его, снова завладѣли сею крѣпостію, и безчеловѣчно умерщвили бывшихъ тамъ Новгородскихъ воиновъ. Огорченный Ярославъ клялся жестокомъ образомъ опомстить за такое злодѣйство, но, вмѣсто Рыцарей, наказалъ однихъ невинныхъ жителей Феллинской области: лилъ ихъ кровь, жегъ дома; довершилъ бѣдствіе сихъ несчастныхъ, которые искали убѣжища въ дикихъ лѣсахъ, спешая отъ Нѣмцевъ, Россіянъ и болѣзней. — Удовлетворивъ своему гнѣву, Ярославъ соединился съ приморскими жителями Эстоніи, осадилъ Ревель или Колыванъ, и сползалъ подъ его стѣнами чепыре недѣли безъ всякаго важнаго успѣха. Данчане оборонялись мужественно, сполъ искусно дѣйствуя пращами, что упомянутый бесполезными приступами Князь снялъ осаду и возвратился въ Новгородъ, хотя безъ славы, однакожь съ плѣнниками и добычею. Въ лѣтописи именно сказано, что наши воины принесли тогда съ собою не мало золота.

Народъ охотно повиновался Ярославу; по сей Князь — не извѣстно, для

Г.
1224.

Муже-
ствен-
ный
Вячко.

чего — самъ не захопѣлъ оспашься въ Новѣгородѣ, и Георгій въпорочно прислалъ на его мѣсто юнаго сына своего, Всеволода. Надлежало обуздывать Липву, бороться съ властолюбивыми Нѣмцами въ Ливоніи, наблюдать Дамчанъ: а Князь Новгородскій былъ десятилѣтній опротъ! Его именемъ правили чиновники: чшобы удержашъ за Россією Дерпигъ, они уступили сей городъ одному изъ Гладъиелей Кривскихъ, мужесшвенному Вячку, который начальствовалъ прежде въ Двинскомъ замкѣ Кукенойсѣ. Имѣя у себя не болѣе двухъ сотъ воиновъ, онъ утвердилъ свое господство въ сѣверной Ливоніи: бралъ дань съ жинелей, спрого наказывалъ ослушниковъ, безпреставно превожилъ Нѣмцевъ и счастливо опразилъ приступъ ихъ къ Юрьеву⁶¹. Тогда Епископъ Альбертъ созвалъ всѣхъ Рыцарей, спправствующихъ богомольцевъ, купцевъ, Лапышей, и самъ выступилъ изъ Риги, окруженный Монахами, Священниками. Сіе войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ пригошвенія Нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышнѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому

замку, подкопавъ часть вала; но Князь Россійскій еще не ширялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйши изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имущесшвомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о шомъ слышашъ, надѣясь, чшо Новгородцы не оставили его безъ помощи. Стрѣлы и камни летали съ ушра до вечера изъ города и въ городъ: Нѣмцы бросали шуда и раскаленное желѣзо, чшобы зажечь деревянныя зданія. Осажденные не имѣли покоя ни въ самую глубокую почъ, спарался препишшвовашъ работъ осаждающихъ, кошорые, разводя большіе огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: Лапыши гремѣли щипами. Нѣмцы били въ липавры; а Россіиане также играли на шрубахъ, шполъ безпреставно на шгѣнѣ. Ушомленныя шрудами, ежедневными бипвами, Нѣмцы собрались на общій совѣтъ. »Не будемъ »шперяпъ времени« (сказалъ одинъ изъ нихъ) »и возмемъ городъ приступомъ. До-»селѣ мы излишно щадили враговъ своихъ: нынѣ да погибнуть всѣ безъ »осшашка! Кшо первый изъ насъ войдешъ »въ крѣпость, шому честъ и слава; шому »лучшій конъ и знаменишѣйшій пѣшникъ. »Но опасный Князь Россійскій долленъ

«быть повѣшенъ на деревѣ» Одобривъ сіе предложеніе, Рыцари устремились на приступъ. Хопя живыми и Россіяне бились мужественно; хопя пылающими колесами зажгли башню осаждающихъ, и нѣсколько часовъ опиражали Нѣмцевъ: однакожь принуждены были уступить превосходному числу враговъ. Въ слѣдъ за Рыцарями ворвались въ крѣпость и Латышши, убивая своихъ единоплеменцевъ, женъ, дѣтей безъ разбора. Долѣе всѣхъ оборонялись Россіяне. Никто изъ нихъ не могъ спастись отъ меча побѣдителей, кромѣ одного Суздальскаго Боярина: плѣнивъ его, Нѣмцы дали ему коня и велѣли ѣхать въ Новгородъ, чѣмъ объявили намъ о бѣдствіи Россіянъ. Храбрый Вячко находился въ числѣ убитыхъ¹⁶⁵.

Новгородцы шли къ Юрьеву и сползли близъ Пскова: Рыцари не хотѣли ждаль ихъ; падъ кучами мертвыхъ плѣлъ съ веселою музыкою оплѣли благодарный молебень, сожгли крѣпость и спѣшили удалиться. Ливонскій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Россіяне, не имѣя тогда надежды воевать счастливо, предложили миръ Епископу Рижскому; что Альбертъ заключилъ оный съ ихъ Послами, и выдалъ имъ изъ казны своей часть дани,

которую они прежде собирали въ землѣ Латышей¹⁶⁶: ибо сей хищный Епископъ иногда еще признавалъ Россіянъ господами Ливоніи, чѣмъ, обманывая ихъ, плѣлъ спокойнѣе властвовать надъ оною.

Новгородцы, примирясь съ Рижскимъ Орденомъ, должны были вооружиться для защиты южныхъ границъ своихъ. Посадникъ города Русы вышелъ съ войскомъ противъ Липовцевъ и не могъ^{На- бытъ} устоять въ битвѣ съ ними: сии мужественные разбойники одержали побѣду, взяли въ добычу множество коней и бѣжали назадъ въ свою землю: ибо никогда не думали о завосваніяхъ, желая только вредить Россіянамъ и грабить селенія¹⁶⁷.

Досель, въ теченіе двухъ столѣтій и болѣе, мы видѣли древнее опеченіе наше непрестанно терзаемое войнами междоусобными и перѣдко хищными иноплемениками; но сии времена — споль, кажутся, несчастныя — были знаны въ сравненіи съ послѣдующими. Нашло время бѣдствія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнунивъ Государство, поглотивъ гражданское благосостояніе оного, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ, и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, незагла-

Слухъ
о Та-
та-
рахъ.

димые слѣды, орошенные кровію и сле-
зами многихъ поколѣній. *Россія* въ 1224
году *услышала о Татарахъ* . . .

Гонимаясь описывать рѣдкое народ-
ное несчастіе, гибель вопиющую и Кня-
женій Россійскихъ, порабощеніе Государ-
ства, утрату лучшихъ областей его,
считаемъ за нужное обозрѣть тогдашнее
состояніе Россіи, отъ временъ Ярослава
Великаго до нашествія сихъ грозныхъ
иноплемениковъ.

ГЛАВА VII.

Состояніе Россіи съ XI до XIII вѣка.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе съѣзды.
Право наследственное. Враги вѣншіе. Правленіе.
Обряды и чины Двора. Войско. Торговля. Ганза.
Договоръ съ Пѣмцами. Дѣньги. Художества. Науки.
Поэзія. Нравы. Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Ярославъ, могущественный и само-
державный подобно Св. Владиміру, раздѣ-
ливъ Россію на Княженія, хотѣлъ, что-
бы старшій сынъ его, называясь Вели-

кимъ Княземъ, былъ Главою отечества ^{Права Вели-}
и меньшихъ братьевъ, и чтобы ^{кихъ} Удѣль-
ные Князья, оспаривая право наследства ^{Кня-}
дѣтства, всегда зависѣли отъ Кіевского, ^{зей.}
какъ присяжники и знаменитые слуги его
^{168.} Отдавъ ему многолюдную столицу,
всю юго-западную Россію и Новгородъ,
онъ думалъ, что Изяславъ и наследники
его, сильнѣйшіе другихъ Князей, могутъ
удерживать ихъ въ границахъ пужнаго по-
виновенія и наказывать ослушниковъ. Яро-
славъ не предвидѣлъ, что самое Великое
Княженіе раздробится, ослабѣетъ, и что
Удѣльные Владѣтели, чрезъ союзы между
собою или съ иными народами, будутъ
иногда предписывать законы мнимому
своему Государю. Уже Всеволодъ I должен-
ствовалъ воевать съ чуждымъ Княземъ
его собственною областью, а Святополкъ
II отъискивалъ какъ подсудимый на
запросы Князей Удѣльных^{169.} Одаренные
мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ
и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать
Россією; но преемники ихъ лишились сей
власти, основанной на личномъ уваженіи,
и Кіевъ зависѣлъ наконецъ отъ Суздаля.
Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу
Андрея Боголюбскаго, отмѣнилъ Сиспему
Удѣловъ въ своихъ областяхъ; если бы

Константины и Георгій II имѣли государственныхъ добродѣтели отца и дяди: то они могли бы возстановить Единовластіе. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ Главы, и сыновья его совсѣмъ не думали быть Монархами.

Ярославъ раздѣлилъ Государство на чешыре области, кромѣ Полоцкой, освоенной имъ въ наслѣдіе роду старшаго брата его: въ теченіе времени каждая изъ оныхъ раздѣлилась еще на особенныя Удѣлы—и Князья первыхъ звали послѣ называвшся *Великими* въ отношеніи къ частнымъ или *Удѣльнымъ*, отъ нихъ зависѣвшимъ¹⁷⁰. Волинія, Галиція, земля Дрегвичей, отошли отъ Кіева. Княженіе Переяславское, весьма знаменитое при Всеволодѣ I и Мономахѣ, утратило Суздаль, Ростовъ, Курскъ; а Черниговское Рязань и Муромъ (кромѣ Тмутароканя, завоеваннаго Половцами); Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, иногда земля Вятичей въ XII вѣкѣ принадлежали разнымъ Владѣтелямъ, не рѣдко обижавшимъ мечъ другъ на друга. Смоленское также имѣло частныя Удѣлы: Торопецкій и Красенскій¹⁷¹. Самый Новгородъ, древнее достояніе Государей Кіевскихъ, славный храбростию

и богатствомъ жителей, присвоивъ себѣ власть избирать Князей, не могъ сохранить цѣлости владѣній своихъ. Псковитяне дѣйствовали иногда какъ независимые отъ него и свободные граждане.

Мономахъ, еще не будучи Великимъ Княземъ, видя съ горестію безначаліе и неусушное въ Россіи, хотѣлъ умень- ^{Кня-}шить сіе великое зло учрежденіемъ ^{об- жескіе} княжескихъ Советовъ или Създовъ, ^{съз-}которыя иногда восплаляли въ сердцахъ любовь къ отечеству, но только на малое время, и не могли прекратить вреднаго междоусобія. Въ слѣдствіе таковаго Създа несчастный Василько былъ ослѣпленъ, а Глебъ Рязанскій обгадилъ руки свои кровію братьевъ¹⁷².

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наслѣдства. Мы уже за- ^{Пра-}мѣтили выше, что по древнему обычаю ^{во на-}не сынъ, но братъ умершаго Государя ^{свад-}или старшій въ родѣ долженствовалъ ^{пос.}быть его преемникомъ¹⁷³. Мономахъ, убѣжденный народомъ властвовать въ сполницѣ по кончинѣ Святополка-Михаила, нарушилъ сей обычай; а какъ родоначальникъ Владѣтелей Черниговскихъ былъ старѣе Всеволода I, то они въ сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ несправедливо по-

хипиисей Великокняжескаго достоинства и воевали съ ними. Но истинными наследниками Кіевскаго престола, согласно съ тогдашнимъ обыкновеніемъ, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя въ Удѣлахъ Туровскомъ и Пинскомъ⁷⁴.

Враги
внѣш-
ніе.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внѣшнихъ? Одному особенному счастию надлежитъ приписать то, что Россія въ теченіе двухъ вѣковъ не утратила своей народной независимости, отъ времени до времени имѣя Князей мужественныхъ, благоразумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшительнымъ ударомъ навсегда избавилъ опеченіе отъ свирѣпости Печенѣговъ, такъ Мономахъ блестящими побѣдами, въ княженіе Святополка II, ослабилъ силу жестокихъ Половцевъ: они все еще превозжили Днѣпровскую обласнь набѣгами, но уже не столь гибельными, какъ прежде; въ отношеніи къ своимъ дикимъ правамъ чувствовали превосходство Россіянъ, любили называться Славянскими именами, и даже охотно крестились⁷⁵. Два раза Поляки были господами нашей древней столицы; но испытавъ ужасную месть Россіянъ и снѣная опъ

собственныхъ бѣдствій внутри Государства, волнүемаго мятежами, оспавляли насъ въ покоѣ. Мужественные Князья Галицкіе—Владимірко, Ярославъ, Романъ—служили для Россіи щитомъ на Юго-Западѣ и держали Венгровъ въ страхѣ. Дунайскіе Болгары, съ 1185 году свободные отъ ига Грековъ, были тогда сильнымъ народомъ; въ 1205 году разбили Латинскаго Императора Балдуина, взяли его въ плѣнъ и доходили до вратъ Константинополя; но жили мирно съ нами. Сынъ ихъ Героя Асана, именемъ Іоаннъ, принужденный выѣхать изъ опеченія, искалъ защиты Россіянъ, и съ помощію сихъ вѣрныхъ друзей — вѣроюпно, знаменитаго Мстислава Галицкаго — въ 1222 году восшелъ на престолъ своего дяди⁷⁶. — Болгары Камскіе не имѣли духа воинскаго. Рыцари Нѣмецкіе выпѣснили Новгородцевъ и Кривичей изъ Ливоніи, но далѣе не могли распространить своихъ завоеваній; а Литовцы были не что иное, какъ смѣлые грабители. Другихъ, опасѣвшихъ враговъ опеченіе наше тогда не знало, и не смотря на развлеченіе внутреннихъ силъ его, еще славилось могуществомъ въ отношеніи къ сосѣдамъ, наблюдая законы предковъ въ своемъ правленіи, уснѣ-

валъ въ дѣлахъ воинскихъ, въ торговлѣ, въ гражданскомъ образованіи.

Пра- вленіе. Что касается собственно до правленія, то оно въ сіи времена соединяло въ себѣ выгоды и злоупотребленія двухъ, одинъ другому противоположныхъ, государственныхъ, успавовъ: самовласія и вольности. Когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, окруженные славою побѣдъ, величіемъ завоевателей, силою единоподержавія въ цѣлой Россіи, повелѣвали народу: народъ смиренно и безмольно исполнялъ ихъ волю. Но когда Государство раздѣлилось; когда лучи славы угасли надъ пресполомъ Св. Владиміра, и вмѣсто одного явились многіе Государя въ Россіи: тогда народъ, видя ихъ слабость, захопѣлъ быть сильнымъ, смѣлся предѣлы Княжеской власти или пропивился ея дѣйствию. Самовластіе Государя утверждается только могуществомъ Государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ Монарховъ неограниченныхъ. Между тѣмъ древній успавъ Рюриковыхъ временъ не былъ опмѣненъ: вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, Князь судилъ, наказывалъ и сообщалъ властью свою Тіунамъ; объявлялъ войну, заключалъ миръ, налагалъ дани¹⁷⁷. Но граждане столицы, пользоваеь свободою Вѣча, не рѣдко оспанав-

ливали Государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, пребыванія; иногда рѣшили собственную судьбу его, какъ высшіе законодатели. Жилили другихъ городовъ, подвѣдомыхъ обласному и называемыхъ обыкновенно *пригородами*, не имѣли сего права¹⁷⁸. Вѣроятно, что и въ столицахъ не все граждане могли судить на Вѣчахъ, а только старѣйшіе или на-рочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое Духовенство также участвовало въ дѣлахъ правленія. Святополкъ-Михаилъ и Мономахъ звали Олега на совѣтъ съ Боярами, градскими людьми, Епископами, Игуменами. Митрополитъ Кіевскій присутствовалъ на Вѣчѣ Софійскомъ. Архіепископъ Новгородскій ѣздилъ съ судными дѣлами къ Андрею Боголюбскому¹⁷⁹. Подобно Князьямъ, Вельможамъ, богатымъ купцамъ, владея селами, Епископы пользовались въ оныхъ исключительнымъ правомъ судебнымъ безъ сношенія съ гражданскою властію; подѣ главнымъ вѣдомствомъ Митрополита судили Иереевъ, Монаховъ и все церковныя преступленія, наказывая виновныхъ энципміями¹⁸⁰. Россіяне въ XIII вѣкѣ уже имѣли переводъ Греческаго Номоканона или Кормчей Книги: она хранила съѣвъ Новгородскомъ Со-

боръ и служила правиломъ для разбира-
тельства случаевъ, относящихся къ со-
вѣсти Хрисііанъ¹⁸¹. — Духовнымъ же осо-
бамъ были обыкновенно поручаемы госу-
дарственные мирные переговоры: убѣжде-
нія разсудка, подтверждаемые гласомъ Вѣ-
ры, шѣмъ сильнѣе дѣйствовали на сер-
дца людей. — Но Епископы, избираемые
Княземъ и народомъ, въ случаѣ неудоволь-
ствія могли ими быти изгнаны¹⁸². Въ от-
ношеніяхъ гражданскихъ Святиишель со-
вершенно зависѣлъ отъ суда Княжескаго:
такъ Ярославъ-Феодоръ (въ 1229 году) су-
дилъ какую-то важную тяжбу Епископа
Росновскаго, Кирилла, обвинилъ его и
лишилъ почти всего имѣнія. (Къ чести
сего Кирилла, славнаго необыкновеннымъ
богатствомъ, скажемъ, что онъ, вмѣсто
жалобъ, принесъ благодарности Небу; роз-
далъ оспашокъ своего достоянія друзьямъ,
нищимъ, и подобно Іову спирадая иногда
отъ недуга плѣснаго, постригся въ
Схиму).

Восшествіе Государя на пронтъ со-
Обря- единено было съ обрядами священными:
дѣи чины Минпрополинь шоржесшвенно благосло-
Двора. виль Долгорукаго власшвовашъ падъ юж-
ною Россію; Кіевляне, Новгородцы са-
жали Князей на прешюль въ Софійскомъ

храмѣ¹⁸³. Князь въ самой церкви, во время
Литургіи, стоялъ съ покровенною главою,
въ шапкѣ¹⁸⁴ или клобукѣ (могущъ быти,
въ вѣицѣ); украшалъ Вельможъ своихъ
злапыми цѣпями, крестами, гривнами;
жаловалъ придворныхъ въ Казначей, Ключ-
ники, Посельники, Конюшіе и проч. Чино
прежде называлось *Дружиною* Государей,
что со временъ Андрея Боголюбскаго уже
именуется въ лѣтописяхъ *Дворомъ*: Бо-
ре, Опроки и Мечники Княжескіе сосна-
влили оный.

Сии *Дворяне*, первые въ Россіи, были Вой-
лучшею частію войска¹⁸⁵. Каждый городъ^{ско}
имѣлъ особенныхъ рапныхъ людей, *Па-
сынковъ* или Опроковъ Боярскихъ (назван-
ныхъ такъ для отличія отъ Княжескихъ)
и Гривисей или просныхъ Мечниковъ, озна-
чаемыхъ иногда общимъ именемъ воин-
ской дружины¹⁸⁶. Только въ чрезвычай-
ныхъ случаяхъ вооружались просные гра-
ждане или сельскіе жители¹⁸⁷, но послѣд-
ніе обязаны были давать лошадей для
конницы. Совершивъ походъ — большею
частію въ концѣ зимы — Князь обиралъ
у воиновъ оружіе, чтобы хранишь его
до новаго предірія¹⁸⁸. Войско раздѣля-
лось на полки, конные и пѣхотные, на
копейщиковъ и стрѣлковъ; послѣдніе обык-

повенно пачинали дѣло. Главный Воевода именовался Тысячскимъ: Князья имѣли своихъ Тысячскихъ, города также¹⁸⁹. Если сказанія Нестора о числѣ Олеговыхъ и Игоревыхъ воиновъ справедливы, то древнѣйшія ополченія Россійскія были многочисленны, нежели въ XI, XII и XIII столѣтіи: ибо сильнѣйшее *извѣстное* намъ войско въ печеніе сихъ вѣковъ состояло только изъ 50,000 рабниковъ¹⁹⁰. Воины надѣвали лапы единственно въ то время, когда уже готовились къ битвѣ; самое оружіе, для облегченія людей, возили на шелегахъ: опѣ чего непріятель, пользуясь печальностію, иногда нападалъ на безоружныхъ. Войско робкое или малочисленное ограждало себя въ полѣ кольями и плетнемъ; такія же ограды деревянныя или *остроги* служили вѣншею защиною для крѣпостей, замковъ или *дѣтинцевъ*. Нѣмецкій Лѣтписецъ, хвали мѣшкость нашихъ спрѣлковъ, говоритъ, что Россіяне могли учиться у Ливонскихъ Рыцарей искусству оборонять города; но спѣшнѣйшія орудія или *пороки* уже давно были у насъ извѣстны¹⁹¹.

Ни внутренніе раздоры, ни вѣншія войны не преняспшвовали въ Россіи мирнымъ успѣхамъ торговли, бла-

годѣтельнымъ для гражданскаго образованія народовъ. Въ сіе время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили въ Кіевъ купеческіе флоты изъ Константинополя, споль богатые и споль важныя для общей государспвенной пользы, что Князья, ожидая ихъ, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ присылали войско къ Каневу для обороны судовъ опѣ хищныхъ Половцевъ¹⁹². Днѣпръ въ печеніи своимъ опѣ Кіева къ морю назывался обыкновенно *путемъ Греескимъ*. Мы уже говорили о предметахъ сей торговли. Россіяне, покуная соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ, богатый и цвѣщущій, горноспяевые и другіе мѣха драгоцѣнные, чпобы обмѣнивать ихъ у купцевъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья¹⁹³. Половцы, овладѣвъ Тмутороканемъ и едва не вѣмъ Крымомъ, для собственнхъ выгодъ не мѣшали торговлѣ, и первые, кажется, впустили Генуэзцевъ въ южную часть Тавриды¹⁹⁴. По крайней мѣрѣ сн корыстоплюбивые, хитрые Италіявцы еще за нѣсколько лѣтъ до нашего вѣка Ташаръ имѣли торговзья заведенія въ Арменіи, слѣспвенно уже господспвовали на Черномъ морѣ¹⁹⁵. Въ самое то

время, когда войско Россійское сражалось съ Половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ купчешесествовали: ибо самыя варвары, находя пользу въ торговлѣ, для ея безопасности наблюдаютъ законы правосѣщенныхъ народовъ¹⁹⁶. Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравы, Венеціане жили въ Кіевѣ, привлекаемые выгодною мѣстою товаровъ и гостепріимствомъ Россіянъ, которые дозволяли Христіанамъ Латинской Церкви свободно и торжественно отправлять свое богослуженіе, но запрещали имъ спорить о Вѣрѣ: такъ Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій выгналъ (въ 1233 году) какого-то Маршина, Пріора Латинскаго храма Св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими Монахами Каплическими, боясь — какъ говоритъ Польскій Историкъ, — *чтобы сіи проповѣдники не доказали, сколь Вѣра Греческая далека отъ истины*¹⁹⁷!

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Болгары, въ случаѣ неурожая пишая хлѣбомъ Суздальское Великое Княженіе, могли доставлять намъ и ремесленные произведенія образованнаго Востока. Въ развалинахъ города Болгарскаго, въ 90 верстахъ отъ

Казани и въ 9 отъ Волги, нашлись Арменскія надписи XII вѣка¹⁹⁸: вѣроятно, что Армяне, издавна славные купеческимъ, вымѣнивали тамъ Русскіе мѣха и кожи на товары Персидскіе и другіе. Дошлыя подъ именемъ *Болгаръ* разумѣются въ Турецкіи восточные сафьяны, а въ Бухаріи юфть¹⁹⁹: изъ чего заключають, что Азія получала нѣкогда сей товаръ отъ Болгаровъ. Достоинно примѣчаніе, что въ древнемъ ихъ опечесствѣ, въ Казани, и нынѣ дѣлаются лучшіе изъ Русскихъ сафьяновъ. Въ упомянутыхъ развалинахъ найдены также Арабскія надписи отъ 1222 до 1341 года по Христіанскому лѣтосчисленію, вырѣзанныя отчасти надъ могилами *Ширванскихъ* и *Шаманханскихъ* уроженцевъ²⁰⁰.—Земледѣльцы находятъ иногда въ окрестностяхъ сего мѣста золотыя мелочи, женскія украшенія, серебряныя Арабскія монеты и другія безъ всякой надписи, ознаменованныя единственно произвольными изображеніями, точками, звѣздочками, и безъ сомнѣнія принадлежавшія народу безграмотному (можетъ быть, Чудскому). Такіе любопытныя памятники свидѣтельствуютъ о древнемъ цвѣтущемъ состояніи Россійской Болгаріи.

Новгородъ, серебромъ и мѣхами собирая дань въ Югрь²⁰¹, посылала корабли въ Данию и въ Любекъ. Въ 1157 году, при осадѣ Шлезвига, Король Датскій, Свендъ IV, захватилъ многія суда Россійскія, и товары ихъ роздалъ, вмѣсто жалованья, воинамъ. Купцы Новгородскіе имѣли свою церковь на островѣ Готландіи, гдѣ цвѣлъ богатый городъ Визби, заснувши мѣсто Виншепы²⁰², и гдѣ до XVII вѣка хранилось преданіе, что нѣкогда товары Индійскіе, Персидскіе, Арабскіе шли чрезъ Волгу и другія наши рѣки въ пристани Бальшійскаго моря. Извѣстнѣе вѣроятное: оно изъясняетъ, какимъ образомъ могли зайти на берега сего моря древнія монеты Арабскія, находимыя тамъ въ большемъ количествѣ. — Готландцы, Нѣмцы издавна жили въ Новгородѣ. Они раздѣлялись на два общества: *зильнихъ* и *лотнихъ* гостей²⁰³. Правительствовало обязывалось за установленную плату высылать къ Ижерѣ, на встрѣчу имъ, лодошниковъ: ибо сіи купцы, боясь пороговъ Пескныхъ и Волховскихъ, обыкновенно перегружали товары въ легкія лодки, внося въ Казну съ каждаго судна гривну купъ, а съ нагруженного хлѣбомъ полгривны. Въ Новгородѣ

оповѣдены были особенные дворы Нѣмецкимъ и Готландскимъ купцамъ, гдѣ они пользовались совершенною независимостію и вѣдались собственнымъ судомъ, избирая для того Спаръйшинъ; одинъ Посолъ Княжескій могъ входить къ нимъ. Обиженный Россіяниномъ господинъ жаловался Князю и Тіуну Новгородскому; обиженный господиномъ Россіянинъ Спаръйшинъ иноземцевъ. Сии плязбы рѣшились на дворѣ Св. Іоанна. Готландцы имѣли въ Новгородѣ божицу Св. Олаба, Нѣмцы храмъ Св. Петра, а въ Ладогѣ Св. Николая, съ кладбищами и лугами. — Когда же, въ печеніе XIII столѣтія, вольные города Германскіе, Любекъ, Бременъ и другіе, числомъ наконецъ до семидесяти, вступили въ общій, имѣнный союзъ, славившій въ Испоріи подъ именемъ Ганзы, Ганза утвержданный на правилахъ взаимнаго дружества и вспоможенія, нужный для ихъ безопасности и свободы, для успѣховъ торговли и промышленности — союзъ столь счастливый, что онъ, господствуя на двухъ моряхъ, могъ давать законы народамъ и Вицепопсамъ — когда Рига и Готландія присоединились къ сему братству: тогда Новгородъ сдѣлался еще важнѣе въ купеческой системѣ Европы съ-

верной: Ганза учредила въ немъ главную Коншору, называла ее *матерію* всѣхъ иныхъ спаралась угождать Россіянамъ, пресѣкая злоупотребленія, служившія поводомъ къ раздорамъ; снрого подтверждала купцамъ своимъ, чтобы товары ихъ имѣли опредѣленную доброту, и чтобы купля въ Новгородѣ производилась всегда мѣною вещей безъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, изъ коихъ выходили споры. Нѣмцы привозили спонкія сукна, въ особенності Фламандскія, соль, сельди и хлѣбъ въ случаѣ неурожая, покупая у насъ мѣха, воскъ, медъ, кожи, пеньку, ленъ. Ганза торжественно запрещала ввозить въ Россію серебро и золото; но купцы не слушались устава противнаго ихъ личнымъ выгодамъ, и доставляли Новгороду не мало драгоценныхъ мехалмовъ, привлекаемые спуда славою его изобилія и разсказами, почти баснословными, о пышности Двора Княжескаго, Вельможъ, богатыхъ гражданъ. — Пековъ участвовалъ въ сей знаменитой торговлѣ, и Правительство обоихъ городовъ, способствуя успѣхамъ ея, довольствовалося сноль умѣренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрымъ безкорыстіемъ²⁰⁶.

Древняя Біармія, уже давно область Новгородская, все еще славилась поргавлею, и корабли Шведскіе, Норвежскіе не преснавали до самаго XIII вѣка ходили къ устью Сѣверной Двины²⁰⁵. Лѣтописцы Скандинавскіе повѣствуютъ, что въ 1216 году знаменитый купецъ ихъ, Гельге Бограпсонъ, имѣвъ несчастную ссору съ Біармскимъ начальникомъ, былъ тамъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣми товарищами, кромѣ одного, именемъ Огмунда, ушедшаго въ Новгородъ. Сей Огмундъ ѣздилъ изъ Россіи въ Іерусалимъ, и возвратясь въ опечесство, разсказалъ о жалостной кончинѣ Бограпсона. Норвежцы хощли мстить за то Біармскимъ жилищамъ, и въ 1222 году прибывъ къ нимъ на чetyрехъ корабляхъ, ограбили ихъ землю, взяли въ добычу множество *клейменаго* серебра, мѣховъ *бѣлыхъ*²⁰⁶, и проч.

Смоленскъ имѣлъ также значную торговлю съ Ригею, съ Голландіею и съ Нѣмецкими городами: чему доказательствомъ служитъ договоръ, заключенный съ ними Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1228 году²⁰⁷. — Предлагаемъ здѣсь главныя статьи онаго, лю-Дого-воръ-стѣ Нѣм-цами. бопытныя въ отношеніи къ самымъ правамъ и законодательству древней Россіи.

1. Миръ и дружба да будутъ отны-
нѣ между Смоленскою обласію, Рогою,
»Готскимъ берегомъ (Гониландією) и всѣ-
ми Нѣмцами, ходящими по *Восточному*
»морю, ко взаимному удовольствію той
и другой стороны. А если — чего Боже
»избави — сдѣлается въ ссорѣ убійство,
»то за жизнь вольнаго человѣка платитъ
»десять гривенъ серебра, *пльязли* (день-
»гами) или купами, считая оныхъ (купъ)
»4 гривны на одну гривну серебра. Кто
»ударитъ холопа, платитъ гривну купъ;
»за поврежденіе глаза, ошеченіе руки, по-
»ги и всякое увѣче 5 гривенъ серебра;
»за вышибенный зубъ 3 гривны (серебра
»же); за окровавленіе человѣка посред-
»ствомъ дерева 1½ гривны, за рану безъ
»увѣчья поже; кто ударитъ палицею
»башогомъ, или схватитъ человѣка за
»волосы, дастъ ¾ гривны. Если Россіян-
»инъ застанетъ Нѣмца или Нѣмецъ Рос-
»сіянина у своей жены; также если Нѣ-
»мецъ или Россіянинъ обезчеститъ дѣви-
»цу или вдову хорошаго поведенія, то
»высыкатъ съ виновнаго 10 гривенъ се-
»ребра. Пени за обиду Посла и Священ-
»ника должна быть двойная. Если винов-
»ный найдетъ поруку, то не заключать
»его въ оковы и не сажать въ пещицу;

»не приспавлять къ нему и спражи, по-
»ка испецъ не дастъ знанъ о своей жало-
»бѣ спартѣйшему изъ единоземцевъ обид-
»чика, предполагаемому мирошворцу. —
»Съ воровъ, пойманныхъ въ домѣ или у
»пшара, хозяинъ воленъ поступить, какъ
»ему угодно.

2. Заимодавецъ чужестранный удовле-
»творяется прежде иныхъ; онъ беретъ
»свои деньги и въ такомъ случаѣ, когда
»должникъ осужденъ за уголовное пре-
»ступленіе лишиться собственности. Ес-
»ли холопъ Княжескій или Боярскій
»умретъ, занявъ деньги у Нѣмца, то на-
»слѣдникъ перваго — или кто взял его
»имѣніе — платитъ долгъ.

3. »И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны
»въ тяжбахъ представлять болѣе двухъ
»свидѣтелей изъ своихъ единоземцевъ. Ис-
»пытаніе невинности посредствомъ рас-
»каленного желѣза дозволяется только въ
»случаѣ обоюднаго на то согласія²⁰⁸;
»принужденія нѣтъ. Поединки не должны
»быть терпимы²⁰⁹; но всякое дѣло раз-
»бирается судомъ по законамъ той зем-
»ли, гдѣ случилось преступленіе. Одинъ
»Князь судитъ Нѣмцевъ въ Смоленскѣ;
»когда же они сами захопятъ иппи на
»судъ *общій*, то ихъ воля. Ссю же выго-

»дою пользуются и Россіане въ землѣ
»Нѣмецкой. Тѣ и другіе увольняются опѣ
»судныхъ пошлинъ: развѣ люди добрые и
»нарочитые присовѣтуютъ имъ что ни-
»будь заплатитъ судѣ.

4. »Пограничный Тіунъ, свѣдавъ о
»прибытіи гостей Нѣмецкихъ на Волокъ¹⁰,
»немедленно даетъ знать шамошнимъ
»жителямъ, чтобы они взяли на возахъ
»товары сихъ гостей и пеклись о личной
»ихъ безопасности. Жители плашаютъ за
»товаръ Нѣмецкій или Смоленскій, ими
»утраченный. Нѣмцы на пути изъ Риги
»въ Смоленскъ и на возвратномъ уволь-
»няются опѣ пошлинъ: также и Россія-
»не въ землѣ Нѣмецкой. Нѣмцы должны
»бросить жеребей, кому ѣхать напередъ;
»если же будетъ съ ними купецъ Русской,
»то ему оспашься позади. — Въѣхавъ въ
»городъ, гость Нѣмецкій даритъ Княги-
»нѣ кусокъ полошна, а Тіуну Волокско-
»му перчашки Готскія; можетъ купить,
»продать товаръ или ѣхать съ онымъ
»изъ Смоленска въ иные города. Купцы
»Русскіе пользуются такою же свободою
»на *Готскомъ берегу* и вольны ѣздить
»опшуда въ Любекъ и другіе города Нѣ-
»мецкіе. — Товаръ, купленный и вынесен-
»ный изъ дому, уже не возвращается хо-

»зяину, и купецъ не долженъ претовашъ
»назадъ своихъ денегъ. — Нѣмецъ даетъ
»въсовщику за двѣ *капи*¹¹, или 24 пуда,
»куну *Смоленскую*, за гривну *купленного*
»золота ногату, за гривну серебра 2 век-
»ши, за серебряный сосудъ опѣ гривны
»куну; въ случаѣ *продажи металловъ* ни-
»чего не платитъ; когда же покупаетъ
»вещи на серебро, то съ гривны выо-
»ситъ куну Смоленскую. — Для повѣрки
»въсовъ хранится одна *каль* въ церкви
»Богоматери на горѣ, а другая въ Нѣмец-
»кой божницѣ (слѣдственно и въ Смолен-
»скѣ была Каполическая церковь): съ симъ
»въсомъ должны и Волочане свѣрять пудъ,
»данный имъ опѣ Нѣмцевъ.

5. »Когда Смоленскій Князь идетъ на
»войну, то ему не брать Нѣмцевъ съ со-
»бою: развѣ они сами захотѣли учас-
»твовати въ походѣ. И Россіяне не принуж-
»даютъ къ военной службѣ въ землѣ Нѣ-
»мецкой.

6. »Епископъ Рижскій, Масперъ Фол-
»кунъ (Volquin) и всѣ другіе Рижскіе
»Власшинели признають Двину вольною,
»опѣ успѣя до вершинъ ея, для судоход-
»ства Россіанъ и Нѣмцевъ. Если — чего
»Боже избави — ладіа Русская или Нѣмец-
»кая повредится, то госпъ можетъ воз-

»дѣ пристапѣ къ берегу, выгрузитъ поварѣ и нанятъ людей для вспоможенія; но имъ болѣе договоршой цѣны съ него не требовашъ.

»Сіа грамота имѣетъ для Полоцка и »Витебска по же дѣйствию, что и для »Смоленска. Она писана при Священникѣ »Іоаннѣ, Масперѣ Фолькунѣ и многихъ »купцахъ Рижскаго *царства*, приложившихъ къ ней свои печати; а свидѣтели подписались» ... Слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ жителей Голландіи, Любека, Минстера, Бремена, Риги; а внизу сказано: »кто изъ Россіянъ или Нѣмцевъ нарушитъ нашъ уставъ, будетъ прощивенъ Богу.«

О семъ договорѣ упоминается и въ Нѣмецкой лѣтописи, гдѣ онъ названъ весьма благоприятнымъ для купцевъ Ливонскихъ²¹²; но предки наши, давая имъ свободу и права въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ: такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ госпдей, *продавцевъ* серебра и золота, ошъ всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умножитъ количество ввозимыхъ къ намъ мехалловъ драгоценныхъ. Въ разсужденіи цѣны серебра замѣтимъ, что она со временъ Ярослава до XIII вѣка, кажется, не возвысилась

Дальше.

относительно къ *Смоленской* ходячей или кожаной монетѣ: Ярославъ назначаетъ въ *Правдѣ* 40 гривенъ пени купцами за убійство, а Мстиславъ Давидовичъ въ уставѣ своемъ 10 гривенъ серебромъ, полагая 4 гривны купъ на одну гривну серебра, — слѣдственно ту же самую пеню²¹³: напротивъ чего Новгородскія куны унизились.

Не только купцевъ, но и другихъ чужеземцевъ, полезныхъ знаніями и ремесломъ, Россіяне старались привлекать въ свою землю: строителей, живописцевъ, лекарей. Опъ Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменитѣйшія церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами²¹⁴; но въ 1194 году Владимірскій Епископъ Іоаннъ, для возобновленія древняго Суздальскаго храма Богоматери, нашелъ между собственными церковниками искусныхъ масперовъ и липейщиковъ, которые весьма красиво ошдѣляли сію церковь снаружи и покрыли оловомъ, не взявъ къ себѣ поварницы ни одного *Нѣмецкаго* художника. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій, именемъ Милонѣгъ - Пепръ, строитель каменной стѣны на берегу Днѣпра подъ монастыремъ Выдубецкимъ, столь удивительной для современниковъ, что они говорили объ ней какъ о великомъ чудѣ²¹⁵. Грече-

Художества.

екіе живописцы украсивъ образами Кіевскую Лавру, выучили своему художеству добродѣтельнаго Монаха Печерскаго, Св. Алимпія, безкорыстнаго и трудолюбиваго: не пребуя никакой мзды, онъ писалъ иконы для всѣхъ церквей, и занимая деньги на покупку красокъ, плапилъ долги своею работою²¹⁶. Сей Алимпій есть древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ живописцевъ Россійскихъ. Кромѣ иконъ церковныхъ, они изображали на харпіяхъ въ священныхъ книгахъ разныя лица, безъ особеннаго искусства въ рисункѣ, но красками сполъ хорошо составленными, что въ шесть или семь вѣковъ свѣжесъ оныхъ и блескъ золота ни мало не померкли²¹⁷. — Замѣтимъ также, касательно рукодѣлій, что древніе Бояре Княжескіе обыкновенно носили у насъ *шитыя золотомъ оплечья*: и такъ искусство золотопшесевъ — сообщенное намъ, какъ вѣроятно, отъ Грековъ — было извѣстно въ Россіи прежде, нежели въ многихъ другихъ земляхъ Европейскихъ²¹⁸.

Мы упомянули о лекаряхъ: ибо врачеваніе принадлежитъ къ самымъ первымъ и необходимѣйшимъ наукамъ людей. Во времена Мономаховъ славились въ Кіевѣ Арменскіе врачи: одинъ изъ нихъ (какъ

нишуптъ), взглянувъ на больного, всегда угадывалъ, можно ли ему жить, и въ противномъ случаѣ обыкновенно предсказывалъ день его смерти. Врачъ Николай Святоши былъ Сиріанинъ. Многія лекарства составлялись въ Россіи: лучшія и драгоцѣннѣйшія привозились чрезъ Константинополь изъ Александріи. Желая всѣми способами благодѣтельствовать человечеству, нѣкоторые изъ нашихъ добрыхъ Монаховъ старались узнавать силу цѣлебныхъ правъ для облегченія недужныхъ, и часто успѣхами своими возбуждали зависть въ лекаряхъ чужеземныхъ. Печерскій Инокъ Агапіиъ самымъ проснымъ зельемъ и молитвою исцѣлялъ Владиміра II, осужденнаго на смерть искуснымъ врачомъ Арменскимъ²¹⁹.

Такимъ образомъ художества и Науки, бывъ спутниками Христіанства на Сѣверѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителяхъ уединенія и молитвы. Тѣ же благочестивые Иноки были въ Россіи первыми наблюдателями тверди небесной, замѣчая съ великою точностію явленія Кометъ, солнечныя и лунныя затмѣнія; путешествовали, чтобы видѣть въ отдаленныхъ странахъ знаменія свято-стію мѣста, и пріобрѣтая географиче-

скія свѣдѣнія, сообщали оныя любопытнымъ единоземцамъ; наконецъ, подражая Грекамъ, безсмертными своими лѣтописями спасли опятъ забвенія памятъ нашихъ древнѣйшихъ Героевъ, ко слава отечества и вѣка. Митрополиты, Епископы, ревностные проповѣдники Христіанскихъ добродѣтелей, сочиняли наставленія для мірянъ и Духовныхъ. Суздальскій Святитель, блаженный Симонъ, и другъ его, Поликарпъ, Монахъ Лавры Кіевской, описали ея достопамятности и житія первыхъ Угодниковъ, слогомъ уже весьма лснымъ и довольно чистымъ. Вообще Духовенство наше было гораздо просвѣщеннѣе мірянъ; однакъжъ и знашныя свѣпскіе люди учились. Ярославъ I, Константинъ охотно любили чтеніе книгъ. Мономахъ писалъ не только умно, но и краснорѣчиво. Дочь Князя Полоцкаго, Святая Евфросинія, день и ночь трудилась въ списываніи книгъ церковныхъ²²⁰. Верхуслава, невѣстка Рюрикава, ревностно покровительствовала ученыхъ мужей своего времени, Симона и Поликарпа. — *Слово о полку Игоревѣ* сочинено въ XII вѣкѣ²²¹, и безъ сомнѣнія мірянномъ: Познѣя и бо Монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписы-

вать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ *соловья* стараго времени, Спихотворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, лепая по *живымъ струнамъ, рокотали* или гласили *славу* нашихъ Выпцезей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Спихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечъ истреблялъ людей, огонь зданія и хартий. Тѣмъ достойнѣе вниманія *Слово о полку Игоревѣ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ швореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піиическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину ипшиа Половцевъ и говоритъ²²²: »Хочу преломить копіе свое на ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, положить памятъ свою голову или *шлемомъ испить Догу!*« Многочисленная рать собирается: »Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, пиробы

»прубятъ въ Новѣгородѣ, знамена развѣ-
 »ваючися въ Пупивѣ: Игорь ждетъ милаго
 »братца, Всеволода.« Всеволодъ изображаеиъ
 своихъ мужественныхъ выпязей: »Они
 »подъ звукомъ прубъ повишы, концемъ
 »копья вскормлены; пупи имъ свѣдомы,
 »овраги знаемы; луки у нихъ напильны,
 »колчапы опворены, сабли напечены;
 »носячися въ полѣ какъ волки сѣрые;
 »ищущъ чести самимъ себѣ, а Князю сла-
 »вы.« Игорь, *вступивъ въ златое стремя*,
 видитъ глубокую пѣму предъ собою; не-
 бо ужасаетъ его грозою, звѣри ревуиъ
 въ пустыняхъ, хищныя птицы сипани-
 цами паряиъ надъ воинствомъ, орлы
клектюиъ своимъ предвѣщаюиъ ему ги-
 бель, и лисицы лаюиъ на багряные ци-
 пты Россіянъ. Битва начинаеиъ; полки
 варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя
 взяты въ плѣнъ, запы и пкани въ до-
 бычу; одежды и наряды Половецкіе ле-
 жаиъ на болопахъ, вмѣсто мостовъ для
 Россіянъ²²³. Князь Игорь беретъ себѣ од-
 но багряное знамя непріятельское съ
 древкомъ сребрянымъ. Но идуиъ съ Юга
 черныя тучи или новыя полки варваровъ:
 »Въипры, Стрибоговы внуки, вѣюиъ опъ
 »моря стрѣлами на воиновъ Игоревыхъ.«
 Всеволодъ впереди съ своею дружиною:

»сыплеть на враговъ стрѣлы, гремииъ
 »о шлемы ихъ мечами булатными. Гдѣ
 »сверкнеиъ златый шишакъ его, пиаъ
 »лежаиъ головы Половецкія.« Игорь спѣ-
 шииъ на помощь къ брату. Уже два дни
 нилаеиъ битва, неслышанная, спрашная:
 »земля облила кровію, усыяна косями.
 »Въ пррпій день пали наши знамена:
 »*кроваваго вина* не доспало; копчили пиръ
 »свой храбрые Россіане, напоили гостей
 »и легли за опечество «Кіевъ, Черниговъ
 въ ужасъ: Половцы, торжествуя, ведутъ
 Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ²²⁴
 »поюиъ веселыя пѣсни на берегу синяго
 »моря, звеня Русскимъ золотомъ.« Сочи-
 нилель молииъ всѣхъ Князей соединилъ-
 ся для наказанія Половцевъ, и говоритъ
 Всеволоду III: »пы можешъ Волгу *раскро-*
 »*титъ* веслами, а Донъ вычерпашъ шле-
 »мами« — Рюрику и Давиду: »ваша шлемы
 »позлащенныя издавна обагряюиъ кро-
 »вію; ваши мужественные выпязи яряиъ
 »ся какъ дикіе волы, уязвленные саблями
 »каленными« — Роману и Мстиславу Волын-
 скимъ²²⁵: »Липва, Ятвяги и Половцы,
 »бросая на землю свои копья, склоняюиъ
 »голови подъ ваши мечи булатные« —
 сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю,
 Всеволоду и пррпему ихъ брату: »о вы,

«славнаго гнѣзда *шестокрильцы!* загради-
 »ше поле врагу стрѣлами острѣлыми.« Онъ
 называетъ Ярослава Галицкаго *Осмо-
 словъ*²²⁶, прибавляя: »сидя высоко на пре-
 »сполѣ златокованномъ, ты *подпираешь*
 »горы Карпатскія *жельзными* своими пол-
 »ками, затворяешь врапа Дунай, отвер-
 »заешь путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы
 »въ земли опдаленныя.« Въ тожь время
 Сочинитель оплакиваетъ гибель одного
 Кривскаго Князя, убитаго Липовцами:
 »дружину пвою, Князь, пищцы хищныя
 »пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея
 »полизали. Ты самъ выронишь *жемужную*
 »душу свою изъ мощнаго шѣла чрезъ зла-
 »пное ожерелье.« Въ описаніе несчастнаго
 междоусобія Владѣтелей Россійскихъ и
 бившы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ
 сказано: »на берегахъ Нѣмена²²⁷ спелюпъ
 »они снопы головами, молощяпъ цѣпами
 »булапными, вѣютъ душу опъ шѣла...
 »О времена бѣдспвенныя! Для чего нельз
 »было *пригвоздить* спараго Владиміра
 »къ горамъ Кіевскимъ« (или сдѣлать без-
 смертнымъ!). . . Между шѣмъ супруга
 плѣнннаго Игоря льетъ слезы въ Пуши-
 влѣ, съ городской спѣны смопрѣ въ чи-
 спное поле: »Для чего, о вѣперъ сильный!
 »легкими крылами своими навѣялъ пы

»спрѣлы Ханскія на воиновъ моего друга?
 »Развѣ мало тебѣ волновашъ синее море
 »и *лелѣять* корабли на зыбяхъ его? . . О
 »Днѣпръ славный! пы пробилъ горы камен-
 »ныя, спремлся въ землю Половецкую; пы
 »нести на себѣ ладіи Святославовы до спана
 »Кобякова²²⁸: принеси же и ко мнѣ друга
 »милаго, да не шлю къ нему упреннихъ
 »слезъ моихъ въ синее море! . . О солнце
 »свѣтлое! пы для вѣхъ тепло и красно:
 »почпо же знойными лучами своими из-
 »нурило пы воиновъ моего друга въ пу-
 »сшынѣ безводной? . . « Но Игорь уже
 свободенъ: обманувъ спражу, онъ лепипъ
 на борзомъ конѣ къ предѣламъ опече-
 ства, спрѣлая гусей и лебедей для своей
 пищи. Упомивъ коня, садится на ладію
 и плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочини-
 тель, мысленно одушевляя сію рѣку, за-
 спавляетъ оную привѣтствовать Князя:
 »Не мало тебѣ, Игорь, величія, Хану Кон-
 »чаку досады²²⁹, а Русской земаѣ веселія.«
 Князь отвѣтствуетъ: »Не мало тебѣ,
 »Донецъ, величія, когда пы лелѣешь Иго-
 »ря на волнахъ своихъ, спелешь мнѣ пра-
 »ву мягкую на берегахъ *сребряныхъ*,
 »одѣваешь меня теплыми мглами подъ
 »сѣнію древа зеленаго, охраняешь гоголя-
 »ми на водѣ, чайками на спруяхъ, чер-

«испѣхъ на вѣтрахъ.» Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго въ храмъ Пирогощей Богоматери²³⁰, и Сочинишель, повпоривъ слова Бояновъ: «худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ безъ головы,» восклицаетъ: «счастлива земля и веселъ народъ, шоржесивуя слаженіе Игореву. Слава Князьямъ и дружинѣ!» Чипашель видить, что сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красою языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными Спихотвориву юныхъ народовъ.

Нра-
пы- Со времянъ Владиміра Святаго нравы должествовали измѣниться въ древней Россіи, опѣ дальнѣйшихъ успѣховъ Христіанства, гражданскаго общестія и шорговли. Набожность распространилась: Князья, Вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри, и не рѣдко сами укрывались въ нихъ опѣ суешъ міра. Достойные Священныи и Пастыри Церкви учили Государей спыдирься злодѣяній, внушаемыхъ дикими, необузданными спраснями; были ходатаями челоуечества и вспунались за ушѣсненныи²³¹. Россіяне, по шаринному обыкновению, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили през-

востъ какъ добродѣтель; явно имѣли наложницъ, но оскорбитель цѣломудренной жены наказывался какъ убійца²³². . . . Торговля пишала роскошь, а роскошь претовала богатства: народъ жаловался на корыстолюбіе Тіуновъ и Князей²³³. Лѣтописцы XIII вѣка съ опѣтвнымъ жаромъ хвалятъ умѣренность древнихъ Владѣтелей Россійскихъ²³⁴: «Прошли пѣтъ благословенныя времена (говорятъ они), когда Государи наши не собирали имѣній, а только воевали за опечество, покоряя чуждыя земли; не угнетали людей налогами, и довольствовались одѣми справедливыми Вирами, отдавая и пѣтъ своимъ войнамъ на оружіе. Бояринъ не швердилъ Государю: *Мнѣ мало двухъ сотъ гривенъ*; а кормился жалованьемъ, и говорилъ шоварицамъ: *станемъ за Князя, станемъ за Русскую землю!* Тогда жены Боярскія носили не златныя, а просіо серебряныя кольца. Нынѣ другіа времена!» — Однакожь ни миролюбивыя правила Христіанства, ни шорговля, ни роскошь не усыпляли рапнаго духа нашихъ предковъ; даже самыя успавы церковныя пишали опѣтъ: такъ воинъ на канушъ похода освобождался опѣтъ всякой Эпипиміи²³⁵. Сыновья Княжеюкіе возрасали въ по-

лѣ и въ спанахъ воинскихъ; еще не до-спигнувъ лѣтъ юношества, уже садились на коней и мечемъ грозили врагу²³⁶. Къ сожалѣнію, сей духъ воинственный не былъ управляемъ благоразуміемъ чело-вѣколюбія въ междоусобіяхъ Князей: злоб-ствуя другъ на друга, они безъ стыда разоряли опечество, жгли селенія безза-щитныя, плѣняли людей безоружныхъ.

Наконецъ скажемъ, что если бы Россія была единодержавнымъ Государ-ствомъ (опѣ предѣловъ Днѣпра до Ли-воніи, Бѣлаго моря, Камы, Дона, Сулы), то она не успушила бы въ могущество никакой Державѣ сего времени; спаслась бы, какъ вѣроятно, опѣ ига Тапарскаго, и находясь въ плѣсныхъ связяхъ съ Гре-ціею, занимствуя художества ея, просвѣ-щеніе, не опечала бы опѣ иныхъ земель Европейскихъ въ гражданскомъ образова-ніи. Торговля внѣшняя, споль обширная, дѣятельная, и брачные союзы Рюрикова попомства съ Домами многихъ знамени-тѣйшихъ Государей Христіанскихъ — Императоровъ, Королей, Принцевъ Герма-ніи — дѣлали наше опечество извѣст-нымъ въ опдаленныхъ предѣлахъ Воспо-ка, Юга и Запада. Къ дошедшимъ до насъ чужезпаннымъ извѣстіямъ о шогдашней

Россіи принадлежитъ сказаніе Испанскаго Еврея, Веніамина, сына Юны, о многихъ Древ-нѣй-шихъ Азіатскихъ и Европейскихъ земляхъ, имѣ-шее видѣнныхъ. Въ 1173 году выѣхавъ изъ путе-ше-ствіе Сарагоссы, онъ долго путешествовалъ, и списывалъ свои примѣчанія, иногда съ вѣ-рностію. довольною подробностію; но упомянуть о Россіи, говоритъ только, что она весь-ма проспранна; что въ ней много лѣсовъ и горъ; что жилили опѣ чрезмѣрнаго холода зимою не выходятъ изъ домовъ, ловятъ соболей и торгуютъ людьми²³⁷.

Такимъ образомъ предложимъ Чипа-телю извѣстія и нѣкоторыя мысли, служащія къ объясненію нашихъ древно-стей, обратимся къ описанію важныхъ происшествій.

ГЛАВА VIII. Великій Князь Георгій Все- володовичъ.

Г. 1224 — 1238.

Происхожденіе Татаръ. Чингисханъ. Его завоеванія. По-
ловцы бѣгутъ въ Россію. Мѣнія о Татарахъ. Со-
вѣтъ Князей. Избѣженіе Пословъ Татарскихъ. Битва
на Калкѣ. Путь Татаръ. Побѣдилены скры-
ваются. Удивленіе Россійцевъ. Ужасныя предзнамено-
ванія. Новыя междоусобія. Набѣги Литовскіе. По-
ходъ въ Финляндію. Христианство въ землѣ Ко-
релской. Новгородцы жгутъ волости. Пе-
любовъ къ Ярославу. Сношенія съ Папою Бѣд-
ствія Новгородцевъ. Проникновенія въ южной Рос-
сін. Лютые грабѣжи Вел. Ярослава. Землетря-
сеніе. Запѣны солнца. Мѣсяцъ въ Новгородѣ.
Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Кривошеи Ми-
хила. Святая Евпраксія. Война съ Печенгами и съ
Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даниловича.
Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Му-
ченикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завѣща-
ніе. Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ. Оп-
ыты Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Мужество
Евпатія Коломенскаго битва. Сожженіе Москвы.
Взятіе Владимира. Опустошеніе многихъ городовъ.
Битва на Сини. Герой Василько. Спасеніе Ново-
города. Осада Козельска. Отшествіе Батыева.

Въ нынѣшней Татаріи Кипчакской
Г. 1224 на Югъ отъ Иркутской Губерніи, въ

степяхъ неизвѣстныхъ ни Грекамъ, ни Про-
Римлянамъ, скитались Орды Моголовъ, ^{исхо-}
единородныхъ съ Восточными Турка- ^{жде-}
ми²⁵⁸. Сей народъ дикій, разсѣянный, ^{не} ^{Та-}
пался ловлею звѣрей, скотоводствомъ и ^{тартъ.}
грабежомъ, зависѣлъ отъ Татаръ *Nigey*,
господствовавшихъ въ сѣверной части
Кипчакъ; но около половины XII вѣка уси-
лился, и началъ славиться побѣдами. Ханъ
его, именемъ Езукай Багадуръ, завоевалъ
нѣкоторыя области сосѣдственныя, и
скончавъ дни свои въ цвѣтущихъ лѣтахъ,
оставилъ въ наслѣдіе шринадцатилѣтне-
му сыну, Темучину, 40,000 подвластныхъ
ему семействъ или данниковъ. Сей оп-
рокъ, воспитанный матерію въ простотѣ
жизни пастырской, долженствовалъ
удивить міръ геройствомъ и счастьемъ,
покорить миллионы людей и сокрушить
Государства знаменитыя сильными воин-
ствами, цвѣтущими Искусствами, Наука-
ми и мудростію своихъ древнихъ Зако-
нодатель.

По кончинѣ Багадура многіе изъ дан-
никовъ оплохотились отъ его сына. Тему-
чинъ собралъ 30,000 воиновъ, разбилъ
мятежниковъ, и въ семидесяти коплахъ,
наполненныхъ кипящею водою, сварилъ
главныхъ виновниковъ бунта. Юный Ханъ

все еще признавалъ надъ собою власть Монарха Татарскаго и служилъ ему съ честію въ разныхъ воинскихъ предіріятіяхъ; но скоро, надменный блестящими успѣхами своего побѣдоноснаго оружія захотѣлъ независимости и первенства. Ужасалъ враговъ местию, пишалъ усердіе друзей щедрыми наградами, казашся народу человѣкомъ сверхъестественнымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники Могольскихъ и Татарскихъ Ордъ добровольно или отъ страха покорились ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быстрой рѣки, съ торжественнымъ обрядомъ пилъ ея воду, и кля сядѣлать съ ними все *горькое и сладкое* въ жизни. Но Ханъ Керантскій, дерзнувъ обнажить мечъ на сего вѣселаго Апшилу, лишился головы, черепъ его, окованный серебромъ, былъ въ Татаріи памятникомъ *Темучинова злѣва*³⁹. Въ то время, какъ многочисленное войско Могольское, расположенное въ девяти селѣхъ близъ источника рѣки Амура, подъ шапками разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взидало на сего юнаго Монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился тамъ какой-то свѣшый пустынникъ, или мнимый пророкъ, и возвѣстивъ собранію, что Богъ ошда-

ещѣ Темучину всю землю, и что сей Владѣтель міра долженъ иредѣ именоваться *Чингисханомъ* или Великимъ Ханомъ. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудіями воли Небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы⁴⁰ южной Сибири и славные просвѣщеніемъ Игуры или Уйгуры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, названы подданными Чингисхана. Сіи Уйгуры, обожая идоловъ, терпѣли у себя Магометанъ и Христіанъ Несторіанскихъ; любили Науку, художества, и сообщили грамоту всѣмъ другимъ народамъ Татарскимъ⁴¹. Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ.

Достигнувъ споль знаменитой степени величія, сей гордый Ханъ торжественно опрелекся плащивъ день Монарху Ніучей и сѣверныхъ обласней Кипая, велѣвъ сказать ему въ насмѣшку⁴²: »Кипайцы издревле называютъ своихъ Государей *сынами Неба*; а ты *человѣкъ* — и смертный!» Большая каменная стѣна, Ею служащая оградой для Кипая, не оспавила храбрыхъ Моголовъ: они взяли шамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умертвили множество плѣнныхъ старцевъ, какъ людей бесполез-

ныхъ. Монархъ Нгуей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и столько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, въпорию вступивъ въ Китай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Опичающее сопротивление жителей не могло спасти города: Моголы овладѣли имъ (въ 1215 году) и зажгли дворецъ, который горѣлъ около мѣсяца. Свирѣпыя побѣдители нанли въ Пекинъ богатую добычу и мудреца, именемъ Иличуца, родственника послѣднихъ Императоровъ Китайскихъ, славнаго въ Истории благодѣтеля людей: ибо онъ, заслуживъ любовь и довѣренность Чингисхана, спасъ миллионы несчастныхъ отъ гибели, умѣрялъ его жестокость и давалъ ему мудрыя совѣты для образованія дикихъ Моголовъ.

Еще Ташары - Нгуи противоборствовали Чингисхану: оставивъ сильную рать въ Китай, подъ начальствомъ мужественнаго предводителя, онъ устремился къ странамъ западнымъ, и сіе движеніе войска его сдѣлалось причиною бѣдствию для Россіи. Мы говорили о Туркахъ Алтайскихъ²⁴³: хотя они, успѣшныя съ одной стороны Китаичами, а съ другой

Арабичанами (во XII вѣкѣ завладѣвшими Персією), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники ихъ, служивъ долгое время Калифамъ, освободились на концѣ отъ ига и были основателями разныхъ Государствъ могущественныхъ. Такъ въ исходѣ XI вѣка Монархъ Турковъ-Сельчуковъ²⁴⁴, именемъ Челадинъ, господствовалъ отъ моря Каспійскаго и Малой Бухаріи до рѣки Гангеса, Иерусалима, Никей, и давалъ повелѣнія Багдадскому Калифу, Папѣ Магометанъ. Сіе Государство исчезло, ослабленное распрями частныхъ его Владѣтелей и завоеваніями Крестоносцевъ въ Азіи: на развалинахъ его, въ концѣ XII столѣтія, возвеличилась новая Турецкая Династія Монарховъ Харазскихъ или Хивинскихъ²⁴⁵, которые завладѣли большею частію Персіи и Бухарією. Въ сіе время тамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называвъ вторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ къ нему уваженіе, искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; на Магометъ велѣлъ умертвить Пословъ Могольскихъ . . . Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду Неба и меча своего; при ночи молился на горѣ и торжественно объявилъ, что Богъ во снѣ-

видѣніи общалъ ему побѣду успами Епископа Христіанскаго, жившаго въ землѣ Игуровъ. Сіе обстоятельство, вымышленное для ободренія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для Христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволеніемъ Хана Могольскаго. Началась война, ужасная оспервеніемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рапъ безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственно о защитѣ городовъ. Сія часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухаріею (а прежде Согдіаною и Бакшріею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лѣсовъ и водъ²⁴⁶, но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многлюдными городами и цвѣтущею столицею, донинѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Вѣры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи изъ рукъ спарѣйшинъ, вѣхалъ на конѣ въ главную мечеть, и видя тамъ лежащій Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пе-

пелъ. Самаркандъ, укрѣпленный искусствомъ, заключалъ въ стѣнахъ своихъ около ста тысячъ рапниковъ и множество слоновъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: не смотря на то, граждане прибѣгнули къ великодушію Моголовъ, которые, взявъ съ нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны²⁴⁷: умерилили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпами вѣчнаго рабства. Хива, Термезъ, Балхъ (гдѣ находилось 1200 мечетей и 200 банъ для спранниковъ) испытали подобную же участь, вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чингисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ, что она въ теченіе шестидесяти слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гоимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ островъ Каспійскаго моря, и тамъ въ опчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время — около 1223 года — желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ опредѣлилъ двухъ знаменитыхъ Восначальниковъ, Судая Байдуръ и Ченновіана, съ повелѣніемъ

взяты Шамаху и Дербеню. Первый город сдался, и Моголы хотѣли ипнн самымъ крапчайшимъ путемъ къ Дербеню, построенному, вмѣстѣ съ Каспійскою степною, въ VI вѣкѣ славнымъ Царемъ Персидскимъ Хозроемъ I, или Нуширваномъ, для защиты Государства его отъ Козаровъ²⁴⁸. Но обманутые пушведипеями Моголы зашли въ степныя ущелія, и были со всѣхъ сторонъ окружены Аланами — Ясами, жившими Дагестана²⁴⁹ — и Половцами, готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, Военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнулъ къ хитрости, отправилъ дары къ Половцамъ и велѣлъ сказать имъ, что они, будучи *единоплеменниками* Моголовъ, не должны восставать на своихъ братьевъ и дружить съ Аланами, которые состоятъ иного рода. Половцы, обольщенные ласковымъ привѣтствіемъ или дарами, ослабили союзниковъ; а Моголы, пользуясь симъ благопріятнымъ случаемъ, разбили Аланъ. Скоро главный Ханъ Половецкій, именемъ Юрій Кончаковичъ²⁵⁰, раскаялся въ свой оплошности: узнавъ, что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ, онъ хотѣлъ бѣжать въ степи; но Моголы умертвили

его и другого Князя, Даниила Кобляковича; гнали за ихъ шоварицами до Азовскаго моря, до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили Ясовъ, Абазинцевъ, Касоговъ или Черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ Азовскихъ.

Многіе Половцы ушли въ Кіевскую область съ своими женами, скопомъ и богатствомъ. Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Котлянь, племя Мещи-Послава Галицкаго: сей Ханъ взволновалъ^{ловцы} Россію вѣстію о нашествіи Моголовъ; ^{быть} подарилъ Князей вельблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, и говорилъ: «нынѣ они взяли нашу землю; завтра возьмутъ вашу.» Россіане ужаснулись, и въ изумленіи спрашивали другъ у друга, кто сіи пришельцы, до того времени неизвѣстные? Нѣкоторые называли ихъ Таурмешами, другіе Печенѣгами, Мещи по вообще Тамарами²⁵¹. Суевѣрные ^{сія о} рассказывали, что сей народъ, еще за 1200 ^{Тамаръ} лѣтъ до Рождества Христова побѣжденный Геденомъ, и некогда заключенный въ пустыняхъ Сѣверо-Востока, долженствовалъ предъ концемъ міра явиться въ Азію, въ Европу, и завоевать всю землю. Храбрый Князь Галицкій, пылая ревню

Со-спію отвѣдашь счастія съ новымъ и
льнѣ Кня-еполю уже славнымъ врагомъ, собра-
зей. Князей на совѣтъ въ Кіевѣ, и предспа-
влялъ убѣдительно, что благоразуміе и
государственная польза обязываютъ ихъ
вооружиться; что упѣшенные Половцы,
будучи оставлены ими, непременно со-
единятся съ Татарами и наведутъ ихъ
на Россію; что лучше сразиться съ опас-
нымъ непріятелемъ внѣ опечества, не-
жели впустить его въ свои границы.
Мстиславъ Романовичъ Кіевскій (назы-
васмый въ лѣтописяхъ Старымъ и До-
брымъ) Князь Черниговскій²⁵ того же
имени (братъ Всеволода Чермнаго) и Мсти-
славъ Галицкій предсѣдательствовали въ
Совѣтѣ, гдѣ находились также пылкіе
юноши, Даніилъ Романовичъ Волинскій, —
Михаилъ, сынъ Чермнаго, и бывший Князь
Новгородскій, Всеволодъ Мстиславичъ.
Они долго разсуждали: наконецъ едино-
душно положили искать непріятеля. По-
ловцы радовались, изъявляя благодарность,
и Ханъ ихъ Бастый принялъ тогда же
Вѣру Христіанскую.

Уже войско наше стояло на Днѣпрѣ
у Заруба и *Варяжскаго* острова: тамъ яви-
лись десять Пословъ Татарскихъ. Слы-
шимъ — говорили они Князьямъ Россій-

скимъ — «что вы, обольщенные Полов-
цами, идете противъ насъ; но мы ни-
»чимъ не оскорбили Россіянъ: не входили
»къ вамъ въ землю; не брали ни горо-
»довъ, ни селъ вашихъ, а хотимъ един-
»ственно наказатъ Половцевъ, своихъ ра-
»бовъ и *коноховъ*. Знаемъ, что они издрѣ-
»вле враги Россіи: будьте же намъ друзъ-
»ями; пользуясь случаемъ, опмстиме имъ
»нынѣ, испребише злодѣевъ, и возьмиме
»ихъ богатство.» Сіе благоразумное ми-
ролюбіе показалось нашимъ Князьямъ или
робоспію или коварствомъ: забывъ пра-
вила народной чести, они велѣли умерш-
вицъ Пословъ; но Татары еще прислали
новыхъ, которые, встрѣтивъ войско
Россійское, въ семнадцатый день его по-
хода, на берегахъ Днѣпра, близъ Олешья,
сказали Князьямъ: «И такъ вы, слушаясь
»Половцевъ, умертвили нашихъ Пословъ
»и хотите битвы? да будетъ! Мы вамъ
»не сдѣлали зла. Богъ единъ для всѣхъ на-
»родовъ: Онъ насъ разсудитъ.» Князья, какъ
бы удивленные великодушіемъ Татаръ,
оппустили сихъ Пословъ, и ждали осмалъ-
наго войска. Мстиславъ Романовичъ, Вла-
диміръ Рюриковичъ и Князья Чернигов-
скихъ Удѣловъ привели пуда, подъ сво-
ими знаменами, жителей Кіева, Смолен-

Изби-
сше
По-
словъ
Та-
тар-
скихъ.

ска, Путивля, Курска, Трубчевска. Съ ними соединились Волышцы и Галичане, копорые на 1000 ладіяхъ плыли Днѣпромъ до моря, вошли въ Днѣпръ, и спали у рѣки Хоринцы²⁵⁵. Половцы также спешали къ Россіянамъ полнами. Войско наше расположилось спаномъ на правомъ берегу Днѣпра. Услышавъ, что опрядъ Ташарекій приближается, юный Князь Даніилъ съ нѣкопорыми любопытными товарищами поскакалъ къ нему на вспрѣчу. Осмотрѣвъ сіе новое для нихъ войско, они возвратились съ донесеніемъ ко Мстиславу Галицкому. Но всѣи были не согласны: легкомысленные юности сказывали, что Ташары сушь худые ратники, и не достойны уваженія; а Восвода, пришедшій изъ Галича съ ладіями, именемъ Юрій Домарѣвичъ, увѣрялъ, что сіи враги кажутся опытными, знающими, и спрѣляютъ лучше Половцевъ. Молодые Князья неперѣсливо хотѣли вступити въ бой: Мстиславъ Галицкій, съ плещею воиновъ ударивъ на опрядъ непріятельскій, разбилъ его совершенно. Спрѣлки наши оказали въ семъ дѣлѣ искусство и мужество. Лѣтописцы говорятъ, что Ташары, желая спасети начальника своего, Гемлбека, скрыли его въ ямѣ, по что

Россіяне напали, а Половцы, съ дозволенія Мстиславова, умерили сего Могольскаго чиновника.

Надменные первымъ успѣхомъ, и взявъ въ добычу множество скопа, всѣ Россіяне переправились за Днѣпръ и шли двѣ днѣ до рѣки Калки (нынѣ Калеца въ Екаперинославской Губерніи, близъ Мариуполя), гдѣ была легкая ошибка съ непріятелемъ. Мстиславъ Галицкій, пославивъ войско свое на лѣвомъ берегу Калки, велѣлъ Яруну, начальнику Половцевъ, и Даніилу съ Россійскою дружиною итти впередъ; а самъ ѣхалъ на конѣ за ними, и скоро увидѣлъ многочисленное войско Ташаръ. Битва началась²⁵⁶. Пылкій Даніилъ изумилъ враговъ мужествомъ; Битва на Кал-
густыни полны ихъ, и конемъ въ грудѣ увлеченный, не думалъ о своей ранѣ. Мстиславъ *Нльмій*, братъ Ингваря Луцкаго, спѣшилъ дать ему помощь, и крѣкою мышцею разилъ непріятелей. Но малодушные Половцы не выдержали удара Моголовъ: смѣшались, обратили пылъ; въ безмятежствѣ ужаса успремились на Россіянъ, смяли ряды ихъ и даже опдаленный спанъ, гдѣ два Мстислава, Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли

изгнѣвшись кѣ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, желая одинъ воспользоваться честію побѣды, не далъ имъ никакой вѣсти о сраженіи. Сіе измѣненное словолюбіе Героя споль знаменишаго погубило наше войско: Россіяне, приведенные въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Даніилъ вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прискакавъ къ рѣкѣ, оспановилъ коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовалъ свою рану. Татары гнали Россіянъ, убивъ ихъ множество, и въ томъ числѣ шесть Князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; также опличнаго Виписья, именемъ Александра Поповича, и еще 70 славныхъ *богатырей*²⁵⁵. Земля Русская, по словамъ Лѣтописцевъ, опъ начала своего не видала подобнаго бѣдсвія: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; однихъ Кіевлянъ легло на мѣстѣ 10,000. Самые мнимые друзья наши, Половцы, виновники сей войны и сего несчастія, убивали Россіянъ, чтобы взять ихъ коней или одежду. Мстиславъ Галицкій, испытавъ въ первый разъ ужасное непостоянство судьбы, изумлен-

ный, горестный, бросился въ ладію, перѣхалъ за Днѣпръ и велѣлъ испребитъ все суда, чтобы Татары не могли за нимъ гнаться. Онъ уѣхалъ въ Галичъ; а Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій въ Кіевъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій еще оспаивался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ станѣ, на горѣ каменной; видѣлъ бѣгство Россіянъ и не хотѣлъ прорунуться съ мѣста: достопамятный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приступали къ сему укрѣпленію, три дни бились съ Россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ окупъ за себя и за дружину. Князь согласился: Воевода *Бродниковъ*²⁵⁶, именемъ Плоския, служа тогда Моголамъ, опъ имени ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ Россіянъ, и связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятыми, Княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ Полководцамъ Чингисхановымъ. Оспервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго, и вспомнивъ убіеніе своихъ Пословъ въ нашемъ станѣ, Моголы изрубили всѣхъ Россіянъ, прехъ

Князей задушили подъ досками, и съли-
пированы на ихъ шрупахъ! — Такимъ
образомъ заключилась сія первая крово-
пролитная битва нашихъ предковъ съ
Моголами, копорые, по извѣстію Ташар-
скаго Непорика, умышленно заманили
Россійанъ въ опасную степь и сражались
съ ними цѣлые семь дней²⁵⁷.

Полководцы Чингисхановы шли за
бѣгущимъ остячкомъ Россійскаго войска
до самаго Днѣпра. Жители городовъ и
сель, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость
покорностію, выходили къ нимъ на встрѣ-
чу со крестами; но Ташары безжалостно
убивали и гражданъ и земледѣльцевъ,
слѣдуя правилу, что побѣжденные не мо-
гутъ быть друзьями побѣдителей, и что
смерть первыхъ нужна для безопасности
вторыхъ. Вся южная Россія пренесала:
народъ, съ воплемъ и стечаніемъ ожидал
гибели, молился въ храмахъ — и Богъ на
сей разъ услышалъ его молитву. Ташары,
не находя ни малѣйшаго сопротивленія,
вдругъ обратились къ Воспоку, и съѣши-
ли соединиться съ Чингисханомъ въ Ве-
ликой Бухаріи, гдѣ сей дикій Герой, со-
бравъ всѣхъ Полководцевъ и Князей, на
общемъ сеймѣ давалъ законы спранамъ за-
воеваннымъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣ-

Пра-
вило
Та-
шаръ.

Побѣ-
дители
скры-
ваются.

пять свое побѣдоносное войско, возвра-
тившееся отъ Днѣпра: съ любовностію
внимательно слушалъ донесеніе Вождей, хвалилъ
ихъ и щедро награждалъ за оказанное ими
мужество. Оскорбленный тогда могуще-
ственнымъ Царемъ Тангушскимъ, Чингис-
ханъ пошелъ сокрушить его величіе²⁵⁸.

Россія ошдохнула: грозная туча какъ
внезапно явилась надъ ея предѣлами, такъ
внезапно и сокрылась. »Кого Богъ во гнѣ-Уди-
«въ Своемъ насылалъ на землю Русскую?«^{Рос-}
говорилъ народъ въ удивленіи: »откуда сія туча,
«приходили сіи ужасные иноплеменники?
«куда ушли? извѣстно одному Небу и лю-
«дямъ искуснымъ въ книжномъ ученіи²⁵⁹.«
— Селенія, опустошенныя Ташарами на
восточныхъ берегахъ Днѣпра, еще дыми-
лись въ развалинахъ; опшцы, машери, друзья,
оплакивали убитыхъ: но легкомыслен-
ный народъ совершенно успокоился, ибо
миновавшее зло казалось ему послѣднимъ.

Князя южной Россіи, гошова въ иппи
на Моголовъ, прѣбывали помощи отъ Ве-
ликаго Князя Георгія. Племянникъ его,
Василько Конспаниновичъ, шелъ къ нимъ
съ дружиною Росповскою, и споялъ уже
близъ Чернигова: тамъ свѣдалъ онъ о
несчастіи ихъ и возвратился къ дядѣ,
благодаря Небо за спасеніе жизни и вонд-

ской чести своей. Не предвидя будущаго, Владиміръцы утѣшались мыслію, что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія, претерпѣннаго другими Россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галицкимъ, могъ даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи: долговременная слава и побѣда сего Героя возбуждали зависѣ. — Но скоро несчастныя для суевѣрныхъ знаменія произвели общій спрахъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась Комета, звѣзда величины необыкновенной, и цѣлую недѣлю въ сумерки показывалась на Западѣ, озаряя небо лучемъ блестящимъ²⁶⁰. Въ сіе же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма запыливали свѣтъ солнца; мгла лягла на воздухъ, и пылы, къ изумленію людей, падали мерзвыя на землю. Вспомнили, что въ княженіе Всеволода I было такое же лѣто въ Россіи, и что опечесиво наше сгенало тогда отъ враговъ иноплемениныхъ, голода и язвы.

Провидѣніе, дѣйствительно гошвое искусилъ Россію всѣми возможными для Государства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ опложило ихъ; а Россіяне какъ бы снѣвши воспользоваться симъ временемъ,

чтобы свѣжую рану опечесива расправили новыми междоусобіями. Юный сынъ Георгіевъ, исполняя тайное повелѣніе отца, вопорично уѣхалъ изъ Новгорода со всѣмъ Дворомъ своимъ и занялъ Торжекъ, куда скоро прибылъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько и шуринъ Михаилъ, Князь Черниговскій. Они привели войско съ собою, грозилъ Новгороду: ибо Великій Князь досадовалъ на многихъ памошнихъ чиновниковъ за ихъ евоевольство. Новгородцы отпраздники къ Георгію двухъ Пословъ и хотѣли, чтобы онъ выѣхалъ изъ Торжка, опустивъ къ нимъ сына; а Великій Князь претовалъ, чтобы они выдали ему нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ, и сказалъ: »я поилъ коней своихъ Тверцею: наною и Волховомъ.« Воспомявъ съ гордоспнію, что самъ Андрей Боголюбскій не могъ ихъ смирить оружіемъ, Новгородцы укрѣпили спѣны свои, заняли войскомъ всѣ важныя мѣста на пути къ Торжку, и чрезъ новыхъ Пословъ отпѣспствовали Георгію: »Князь! мы тебѣ кланяемся, но своихъ братьевъ не выдадимъ. Дерзаетъ ли на кровопролитіе? у тебя мечъ, у насъ голы: умремъ за Свящую Софію « Георгій смягчился; вступили въ переговоры, и

шурить его, Михаилъ Черниговскій, по-
ѣхалъ княжить въ Новгородъ.

Правленіе сего Князя было мирно и
счастлииво. »Вся область наша«—говорилъ
Г. 1225. Лѣтописецъ Новгородскій — »благосло-
вляла свой жребій, не чувствуя никакой
»нѣгостии.« Георгій вышелъ изъ Торжка,
захвативъ казну Новгородскую и достоя-
ніе многихъ частныхъ людей: Михаилъ,
проводимый знаменитыми чиновниками,
ѣздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія
возвратить сію незаконную добычу. На-
родъ любилъ Князя; но Михаилъ считалъ
себя пришельцемъ въ сѣверной Россіи.
Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время, ког-
да Татары приближались къ Днѣпру, онъ
спремился душою къ своей опчизнѣ, гдѣ
снова царствовали тишина и безопас-
ность. Напрасно усердные Новгородцы
доказывали ему, что Князь, любимый на-
родомъ, не можетъ съ покойною совѣстію
оставить его: Михаилъ на *Дворѣ Яро-*
слава просился съ ними, сказавъ имъ,
что Черниговъ и Новгородъ должны быть
какъ бы единою землею, а жители брать-
ями и друзьями; что свободная торгов-
ля и гостепріимство свяжутъ ихъ узами
общихъ выгодъ и благоденствія. Нерѣдко
задерживал у себя Князей независимыхъ,

Новгородцы давали волю добрымъ жи-
ти съ ними, или, говоря погдашнимъ язы-
комъ, *поклониться Свѣтой Софіи*: изъя-
вили благодарности Михаилу, опшусили
его съ великою честью, и послали за Яро-
славомъ-Феодоромъ.

Въ то время Липовцы, числомъ до
7000, ворвались въ наши предѣлы; гра-
били область Торопецкую, Новгородскую, Пль-
Смоленскую, Полоцкую; убивали купцевъ, ^{гн Лип-}
и пльняли земледѣльцевъ. Лѣтописцы го- ^{скіе.}
ворятъ, что сіи разбойники никогда еще
не причиняли столь великаго зла Госу-
дарству Россійскому²⁶¹. Ярославъ, предво-
дительствова своей дружиною Княжескою,
соединился съ Давидомъ Мстиславичемъ
Торопецкимъ, съ братомъ его, Владимі- ^{г.}
ромъ Псковскимъ, и настигъ непріятеля ^{1226.}
близъ Усвята; положилъ на мѣстѣ 2000
Липовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ Князей,
освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ.
Князь Давидъ и любимый Меченосецъ Яро-
славовъ находились въ числѣ убитыхъ
Россіянъ. Новгородцы не были въ сраже-
ніи: доходили только до Руси и возвра-
тились. Однакожь Ярославъ, пріѣхавъ къ
нимъ и выслушавъ ихъ оправданіе, не
изъявилъ ни малѣйшаго гнѣва; а въ слѣ- ^{г.}
дующій годъ ходилъ съ войскомъ въ сѣ- ^{1227.}

что сей Князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворъ Архіепископскомъ и торжественно принесъ имъ жалобу. «Небо свидѣтель» — говорилъ онъ — «что я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла Псковичьямъ, ни везъ для нихъ не оковы, а дары, овощи и паволоки. Оскорбленная честь моя требуетъ мести.» Недовольный холодною гражданъ, Князь призвалъ войско изъ Переслава Залѣскаго, и Новгородцы съ изумленіемъ увидѣли шапры его полковъ вокругъ дворца. Славянской Конецъ также наполнился шолнами сихъ рашиковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и спрашивавшихъ для народа своевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочетъ иппи прощень Нѣмецкихъ Рыцарей; но граждане не вѣрили ему и боялись его тайныхъ замысловъ. Къ тому же бѣдные жаловались на дороговизну; опъ прибытія многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами 5½ копейки, пше-ницы 89½, а пшека рубль 25 копеекъ. Ярославъ пребывалъ опъ Псковичьямъ, чтобы они выдали ему клеветниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но Пскови-

чане уже заключили особенный пѣсный союзъ съ Рижскимъ Орденомъ, и будучи обнадежены въ помощи Рыцарей, прислали въ Новгородъ одного Грека съ такимъ опвѣтомъ: «Князь Ярославъ! кланяемся шибѣ и друзьямъ Новгородцамъ; а братьевъ своихъ не выдадимъ, и въ походъ неидемъ, ибо Нѣмцы намъ союзники. Вы осаждали Колыванъ (Ревель), Кесь (Венденъ) и Медвѣжью Голову, но брали вездѣ не города, а деньги; раздраживъ непріятелей, сами ушли домой, а мы за вастъ переплали: наши сограждане положили свои головы на берегахъ Чудскаго озера; другіе были опвѣдены въ плѣнъ. Теперь возстаемъ противъ вастъ: но мы готовы ополчиться съ Свяпою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу; берите въ плѣнъ женъ и дѣтей: вы не лучше поганыхъ.» Сии укоризны относились вообще къ Новгородцамъ; однакожь народъ взялъ сторону Псковичьямъ: рѣшительно объявилъ Князю, что не хочетъ воевать ни съ ними, ни безъ нихъ съ Орденъ Нѣмецкимъ, и пребывалъ, чтобы рапъ Переславская удалась. Ярославъ велѣлъ полкамъ выступить, но въ досадѣ и гнѣвѣ самъ уѣхалъ изъ Новгорода, оставивъ намъ юныхъ сыновей, Феодора

Сно-
шенія
съ Па-
пою.

и Александра, подъ надзираіемъ двухъ Вельможъ. Псковичи не торжесіювали; опшпустили Нѣмцевъ, Чудь, Лапышей, уже призванныхъ ими для защиты, и выгнали изъ города друзей Ярославовыхъ, сказавъ имъ: »подише къ своему Князю; »вы намъ не брашья.« Тогдашній союзъ Россіянъ съ Ливонскимъ Орденомъ и дружескія ихъ сношенія съ Посломъ Гено-
рія III въ Ригѣ, Епископомъ Моденскимъ, споль обрадовали Папу, что онъ въ 1227 году написалъ весьма благосклонное письмо ко всѣмъ нашимъ Князьямъ, обѣщая имъ миръ и благоденствіе въ обѣщаніяхъ Латинской Церкви, и желая видѣть ихъ Пословъ въ Римѣ. »Ваши заблужденія въ »Вѣрѣ (говорилъ онъ) раздражаютъ Небо »и причиною всѣхъ золъ въ Россіи: бой- »тесь еще ужаснѣйшихъ, если не обра- »титесь къ истинѣ. Увѣщаемъ и молимъ, »чтобы вы письменно изъявили на по »добрую волю чрезъ надежныхъ Пословъ, »а между тѣмъ жили мирно съ Христіа- »нами Ливонскими«²⁶⁴.

Бѣд-
ствія
Ново-
город-
цевъ.

Съ сего времени Новгородъ былъ нѣ-
сколько лѣтъ жерпвою естественныхъ и гражданскихъ бѣдствій. Опъ половинѣ Августа до самаго Декабря мѣсяца густая пѣла покрывала небо и шли дожди без-

преспанные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и въ полѣ; жилищицы стояли пустыя. Народъ, желая кого пибудь обвинить въ семъ несчастіи, возсталъ противъ новаго Владыки Новгородскаго, Арсенія (ибо Антоній, слабый здоровьемъ, лишился языка и добровольно заключился въ монастырь Хутынскомъ). »Богъ наказываетъ »насъ за коварство Арсенія,« говорили безразсудные: »онъ выпроводилъ Антонія »въ Хутынскую Обищель, и несправедли- »во присвоилъ себѣ его санъ, подкупивъ »Князя.« Добрый, смиренный Пастырь молился дено и нощно о благѣ согражданъ; но дожди не преставали, и народъ, послѣ шумнаго Вѣча, извлекъ Архіепископа изъ дому, гналъ, толкалъ, едва не умертвилъ его какъ преступника. Арсеній искалъ убѣжища въ Софійскомъ храмѣ, наконецъ въ монастырь Хутынскомъ, откуда нѣмый Антоній долженъ былъ возвращи-
ся въ домъ Священителей. Новгородцы дали ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ, и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили домъ Тысяческаго, Сподьяниковъ Архіерейскаго и Софійскаго, хотѣли повѣсить одного Спароспу, и кричали, что сін люди на-
водятъ Князя на зло. Избравъ новаго Ты-

Льгот-
ныя
грамо-
ны
Вел.
Яро-
слава.

сячскаго, Вѣче послало сказать Ярославу, чинобы онъ немедленно ѣхалъ въ Новгородъ, снялъ налогъ церковный, запретилъ Княжескимъ судьямъ ѣздить по области, и наблюдая въ точности льготныя грамоты Великаго Ярослава, дѣйствовалъ во всемъ сообразно съ уставомъ Новгородской вольности. «Или» — говорили ему Послы Вѣча — «наши связи съ шобою на-»
«вѣки разрывающа.» Еще Князь не далъ отвѣта, когда юные сыновья его, Осодоръ и Александръ, испуганные мятежемъ Новгородскимъ, тайно уѣхали къ отцу съ своими Вельможами. «Одни ви-»
«новные могутъ быть робкими бѣглеца-»
«ми» (сказали Новгородцы): «не жалѣемъ»
«объ нихъ. Мы не сдѣлали зла ни дѣшамъ,»
«ни отцу, казнивъ своихъ бранцевъ. Небо»
«опимшишъ вѣроломнымъ; а мы найдемъ»
«себѣ Князя. Богъ по насъ: кого устра-»
«шимся?» Они клялися другъ другу быть единодушными, и звали къ себѣ Михаила Черниговскаго; но Послы ихъ были задержаны на дорогѣ Княземъ Смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ²⁶⁵.

Про-
исше-
ствія
въ юж-
ной
Россіи.
Досель, описавъ несчастную Калк-
скую битву, говорили мы только о про-
исшествіяхъ сѣверной Россіи: обратимъ
взоръ на полуденную. Михаилъ, возвра-

тивъ (въ 1225 году) изъ Новгорода въ Черниговъ, нашелъ опаснаго непріятеля въ Олегѣ Курскомъ, и пребывалъ помощникомъ Георгія, своего зятя, который самъ привелъ къ нему войско. Къ счастью, тамъ былъ Кіевскій Митрополитъ Кириллъ, родомъ Грекъ, присланный Константинопольскимъ Патриархомъ изъ Никей. Сей мужъ ученый, благоумренный, отправилъ войну и примирилъ враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, будучи союзникомъ Георгія, который, женивъ племянника, Василька, на его дочери, отдалъ южный Переяславль, какъ Удѣлъ Великаго Княженіа Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Констаниновичу, а чрезъ годъ браню Святославу²⁶⁶. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ потомковъ казалась усиленною. Тѣ и другіе равно уважали знаменитаго Мстислава Галицкаго, ихъ Главу и посредника. Сей Герой, долго называемый *Удатнымъ*²⁶⁷ или счастливымъ, провелъ ослѣпокъ жизни въ безпокойствахъ и въ раскаяніи. Обманутый злыми внушеніями Александра Бельзскаго, онъ возненавидѣлъ было добраго зятя своего, мужественнаго Данила, союзника Поляковъ, и хотѣлъ отнять у него владѣніе;

узнавъ же клевету Александрову, спѣшилъ примириться съ Даниломъ, и, вопреки совѣту другихъ Князей, оставилъ клеветника безъ наказанія. Нечаянное бѣгство всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ Галицкихъ и ссора съ Королемъ Венгерскимъ были для него также весьма чувствительнымъ огорченіемъ. Одинъ изъ Вельможъ, именемъ Жирославъ, увѣрилъ первыхъ, что Князь намѣренъ ихъ, какъ враговъ, предать на избіеніе Хану Половецкому, Кошагу: они ушли со всѣми домашними въ горы Карпатскія и едва могли бытъ возвращены Духовникомъ Княжескимъ, посланнымъ доказать имъ неизмѣнное правдушіе, милосердіе Государя, который велѣлъ обвиненному во лжи, безстыдному Жирославу, только удалиться, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго зла. Сполнъ же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздоръ съ Венграми. Нареченный его зять, юный сынъ Короля Андрея, послушавъ коварныхъ наушниковъ, уѣхалъ изъ Перемышля къ ошцу съ жалобою на какую-то мнимую несправедливостъ своего будущаго тещи. Андрей вооружился; завоевалъ Перемышль, Звенигородъ, Теремовъ, Тихомъ, и послалъ войско осадить Галичъ, боясь самъ итти къ опому: ибо волхвы Венгерскіе, какъ

говорили Лѣтописецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей городъ. Восвода Сеномирскій находился съ Королемъ: самъ Герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться; но Данилъ, вѣрный тещи, убѣжденіями и хитростію удалилъ Поляковъ; а Мстиславъ разбилъ Венгровъ, и Король Андрей могъ бы совершенно погибнуть, если бы Вельможа Галицкій, Судиславъ, вопреки Данилову мнѣнію не склонилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ, что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за Королевича, но и возвелъ зятя на пронтъ Галицкій, оставивъ себѣ одно *Полізіе*, или того-восточную область сего Княженія. Случай безиримѣрный въ нашей Исторіи, чтобы Князь Россійскій, имѣя послѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменику, согласно съ желаніемъ тѣхъ, которыхъ Бояръ, во вѣроуверенность желанію народа, не любившаго Венгровъ. Деткомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновнымъ передъ Даниломъ, имѣмъ божье,

что сей юный Князь изъавилъ опмѣн-
ное къ нему уваженіе и вообще всѣ каче-
ства души благородной. »Льстецы обма-
нули меня,« говорилъ Мспиславъ Болрамъ
Даніиловымъ: »но если угодно Богу, то
»мы поправимъ сію ошибку. Я соберу
»Половцевъ, а сынъ мой, вашъ Князь,
»свою дружину: изгоню Венгровъ, оп-
»дамъ ему Галичъ, а самъ останусь въ
»Понизьѣ.« Онъ не успѣлъ сдѣлать того,
занемогъ и неперпѣливо желалъ видѣть
Даніила, чтобы поручить ему свое се-
мейство; но кознями Вельможъ лишен-
ный и сего утѣшенія, преснавился въ
Торческѣ Схмшникомъ, подобно отцу за-
служивъ имя *Храбраго*⁶⁷, даже Великаго,
впрочемъ слабый характеромъ, во мно-
гихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище
хитрыхъ Бояръ и виновникъ перваго бѣд-
ствія, претерпѣннаго Россією отъ Мо-
головъ. Смертію его воспользовался Ко-
ролевичъ Венгерскій, Андрей, немедленно
завладѣвъ Понизьемъ, какъ Удѣломъ Га-
лицкимъ: Князья же юго-западной Россіи,
лишенные уважаемаго ими посредника,
возобновили междоусобіе. Мспиславъ Нѣ-
мый, умирая, объявилъ Даніила наслѣд-
никомъ городовъ своихъ: Пересопницы,
Черпорижска и Луцка (гдѣ прежде кня-

жилъ Ингваръ, братъ Нѣмаго); но Яро-
славъ, сынъ Ингваревъ, насильственно за-
платъ Луцкѣ, а Князь Пинскій Черпорижскѣ.
Сіе случилось еще при жизни Мспислава
Храбраго. Даніиль съ согласія тещя до-
спавилъ себѣ управу мечемъ, имѣвъ слу-
чай показатъ свое великодушіе: онъ встрѣ-
тилъ Ярослава Луцкаго на богомольѣ,
почпи одного и безоружнаго; далъ ему
свободный путь и сказалъ дружинѣ: »плѣ-
»нимъ его не здѣсь, а въ столицѣ.« Оса-
жденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ
милоспіи въ Даніилѣ и получилъ отъ него
въ Удѣлѣ Перемиль съ Межибожьемъ.
Взявъ Черпорижскѣ, Даніиль плѣнилъ
сыновей Князя Пинскаго, Ростислава, ко-
торый, будучи союзникомъ Владиміра
Кіевского и Михаила Черниговскаго, пре-
бывалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь,
чтобы мужеспвенный, бодрый Даніиль
по кончинѣ Мспислава Храбраго не при-
своилъ себѣ власти надъ другими Князь-
ями. Владиміръ Рюриковичъ вздумалъ
мстить сыну за отца: извѣстно, что
Романъ Галицкій силою постригъ нѣ-
когда Рюрика. Тщелно Мипрополипъ
спарался прекратитъ сію вражду. »Та-
»кія дѣла не забываюся,« говорилъ Вла-
диміръ, и собралъ многочисленное войско.

Ханъ Половецкій, Копянтъ, Михаилъ Черниговскій, Князья Сѣверскіе, Пинскій, Туровскій, вступивъ въ дружесственную связь съ Андреемъ, Королевичемъ Венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даниловъ; но возвратились съ однимъ стыдомъ, и долженствовали сами просить мира: ибо Данилъ склонилъ Копяна на свою сторону, призывалъ Ляховъ, и съ Восводою Сендомирскимъ, Пакославомъ, готовился осадить Кіевъ.

Г.
1229.

Михаилъ, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи Пословъ Новгородскихъ въ Смоленскѣ: видя Черниговъ со всѣхъ сторонъ безопаснымъ, онъ немедленно поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ народъ принялъ его съ восклицаніями единодушной радости. Желая еще болѣе утвердить общую къ себѣ любовь, Михаилъ клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселялъ, собиравшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани; а другимъ велѣлъ платить легкой оброкъ, уставленный древними Князьями. Народъ, какъ бы изъ великодушія, оставилъ друзей испавшсего Ярослава въ покоѣ — то есть, не грабилъ ихъ домовъ, но хотѣлъ, чтобы

они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей осени. Сію неню собрали въ особенности съ жителей Городища, гдѣ находился Княжескій дворецъ, и гдѣ многіе люди держали спорону Ярослава.

Михаилъ, возстановивъ тишину, предложилъ Новгородцамъ избрать инаго Святителя на мѣсто Апостола, неспособнаго, по его недугу, управлять Епархією. Одни хотѣли имѣть Владыкою Епископа Волынскаго, Іоасафа; другіе Монаха и Діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые Грека. Судьба рѣшила выборъ: положили при жеребья на олтарь Св. Софїи; младенецъ, сынъ Михаилъ, снялъ два: преспій остался Спиридономъ. Такимъ образомъ Діаконъ сдѣлался Главою Новгородскаго Духовенства и почитателемъ Республики: ибо Архіепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея. — Михаилъ поѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ Новгородѣ юнаго сына, Ростислава, и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей парочинныхъ, для совѣта или въ залогъ народной вѣрности. «Дай Богъ» — сказали онъ гражданамъ — «чтобы вы съ честью возвра-

»пили мнѣ сына, и чѣобы я могъ бытъ
»для васъ посредникомъ истины и пра-
»восудія.« Между нѣмъ Ярославъ овладѣлъ
Волокомъ Ламскимъ, и задержалъ у себя
Пословъ Михайловыхъ, которые жалова-
лись на сію несправедливоспъ. Отвер-
гнувъ всѣ ихъ мирныя предложенія, Яро-
славъ ждалъ случая еще болѣе утѣснить
Новгородцевъ. Сей Князь въ то же вре-
мя поссорился и съ братомъ своимъ Ге-
оргіемъ; тайными внушеніями удалилъ
отъ него племянниковъ, сыновей Кон-
станпиновыхъ, и замышлялъ войну ме-
ждуособную; но Георгій спарался всячески
обезоружить его. Дяди и племянники
сѣхались наконецъ въ Суздаль, гдѣ Ве-
ликій Князь говорилъ столь благоразумно,
столь убѣдительно, что Ярославъ скло-
нился къ искреннему миру, обнялъ брата,
и вмѣстѣ съ племянниками назвалъ его
своимъ опцемъ и Государемъ²⁶⁸.

Новгородцы, озабоченные набѣгомъ
Липовцевъ въ окрестностяхъ Селигер-
скаго озера, не могли опмешить Яро-
слава за обиду; разбили непріятелей въ
полѣ, но скоро увидѣли гораздо ужаснѣй-
шее зло въ спѣнахъ своихъ. Предпечую
его было землетрясеніе, общее во всей
Россіи, и еще сильнѣйшее въ южной, такъ

Г.
1250.
Май
3. Зе-
мле-
трл-
сеніе.

что каменныя церкви разсѣдались. Ударъ
почувствовали въ самую обѣдню, когда
Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій, Бояре и
Митрополитъ праздновали въ Лаврѣ па-
мять Св. Θεодосія; трапезница, гдѣ уже
стояло кушанье для Монаховъ и гостей,
поколебалась на своемъ основаніи: кир-
пичи падали сверху на столъ. Чрезъ де-
сять дней необыкновенное затмѣніе¹⁴
солнца и разноцвѣтныя облака на небѣ,^{Затмѣніе}
гонимыя сильнымъ вѣтромъ, шакже<sup>солн-
ца.</sup>
успрашили народъ, особенно въ Кіевѣ,
гдѣ суевѣрные люди ждали конца своего,
спенали на улицахъ и прощались другъ
съ другомъ²⁶⁹.

Михаилъ, какъ бы желая ободрить
Новгородцевъ, подобно другимъ изумлен-
ныхъ сими явленіями, пріѣзжалъ къ нимъ
на нѣсколько дней, совершилъ обрядъ
поржесивенныхъ *постригъ* надъ коннымъ
Роспиславомъ, и возвратился въ Черни-
говъ²⁷⁰. Посадникомъ Новгородскимъ былъ
погда Водовикъ, человекъ свирѣпаго нра-
ва, мстительный, злобный. Вражда его
съ сыномъ знаменитаго Твердислава, чи-
новника гордаго, друга буйной вольности,<sup>Мя-
тежъ
въ Но-
вго-
родѣ.</sup>
а послѣ смиреннаго инока Аркадѣвской
Обители, произвела междуособіе въ го-
родѣ. Народъ волновался, шумѣлъ на Вѣ-

Го-
лодь и
морь.

чахъ: то Посадникъ, то непріятели его одерживали верхъ; дрались, жгли дома, грабили. Свирѣпый Водовикъ собственною рукою убилъ наконецъ одного изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Волховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Ярославу. «Небо» — говоритъ Лѣтописецъ — «оскорбленное сими беззаконіями, опъ коихъ Ангелы съ печалію закрываютъ лица свои крылами, наказало мое отечество.» Жестокій морозъ 14 Сентября побилъ всѣ озими; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная: за четверть ржи плашили въ Новгородѣ пять гривенъ или около семи нынѣшнихъ рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубля 65 копѣекъ. Хотя жили славилась богатствомъ; но сія неумѣренная дороговизна испортила всѣ средсва пропитанія для города. Открылись голодь, болѣзни и морь. Добрый Архіепископъ, какъ истинный другъ опечесства, не имѣя способовъ прекратить зло, спарался по крайней мѣрѣ уменьшитъ дѣйствіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ поспроилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ чсловѣколюбиваго мужа, именемъ Спанила, для скорого погребенія мершвыхъ,

чтобы плѣніе ихъ не заражало воздуха. Спанилъ съ упира до вечера вывозилъ трупы, и въ короткое время схоронилъ ихъ 3030. Съ неперывнѣемъ ожидали Князя: ибо онъ далъ слово возвратиться къ нимъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и выступитъ въ поле для защиты ихъ областей; но Михаилъ перемѣнилъ мысли и желалъ мира съ Ярославомъ, готовымъ объявить ему войну за Новгородъ. Митрополитъ Кирилъ, Порфирій, Епископъ Черниговскій, и Посолъ Владиміра Рюриковича Кіевского пріѣхали къ Великому Князю Георгію, моля его, для общей пользы Государства, быть миротворцемъ. Ярославъ упрекалъ Черниговскаго Князя въ *роломство*. «Коварныя его внушенія» — говорилъ онъ — «возбудили противъ меня «Новгородцевъ.» Однакожъ Митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и Послы возвратились съ мирною грамотою²⁷¹.

Узнавъ о томъ, Новгородцы велѣли сказать юному Михайлову сыну, уѣхавшему въ Торжекъ съ Посадникомъ Водовикомъ, что опецъ его измѣнилъ имъ и не достоинъ уже быть ихъ Главою; что бы Роспиславъ удалился, и что они найдутъ себя иного Князя. Народъ избралъ

новаго Посадника и Тысяческаго, разграбилъ дома и села прежнихъ чиновниковъ, умертвилъ одного славнаго корысполюбіемъ гражданина и взялъ себѣ найденное у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а Новгородцы призвали Ярослава, который далъ имъ на Вѣчѣ шоржесивенную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Переславль Залѣскій, впопорино оставивъ въ Новгородѣ двухъ сыновей, Θεодора и Александра²⁷².

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами²⁷³. Бѣдные ѣли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ, и самые шруны человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чѣобы ни пахъся ихъ мясомъ: но сіи злодѣи были наказаны смертію. Другіе въ отчаяніи зажигали дома гражданъ избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ житницахъ, и грабили оныя; а безпорядокъ и мятежъ только увеличивали бѣдствія. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, ко-

порыхъ было сочтено до 42,000; на улицахъ, на площади, на мосту гладныя псы перзали множество непогребенныхъ тѣлъ и самыхъ живыхъ оспавленныхъ младенцевъ; родилели, чѣобы не слышать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. »Не было жалосии въ людяхъ,« говоритъ Лѣтописецъ: »казалось, чѣо ни отецъ сына, ни мать »дочери не любить. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить хлѣба!« Кію могъ, бѣжалъ въ ныя области; но зло было общее для всей Россіи, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда весьма многолюдномъ, умерло болѣе шридцати тысячъ людей.

Новгородцы весною испытали еще г. иное бѣдствіе: весь богатый Конецъ Сла-¹²⁵¹влинскій обратился въ пепель; спасаясь отъ пламени, многіе жители упили въ Волховъ; самая рѣка не могла служишь преградою для огня. »Новгородъ уже кончался,« по словамъ лѣтописи²⁷⁴. . . Но великодушная дружба иноземныхъ купцевъ отвратила сію погибель. Свѣдавъ о бѣдствіи Новгородцевъ, Нѣмцы изъ за-услу-мори сѣшили къ нимъ съ хлѣбомъ, и га думая болѣе о человѣколюбіи, нежели о^{Нѣм-}цехъ. корысти, остановили голодъ; скоро

исчезли ужасные слѣды его, и народъ изъ-
явилъ живѣйшую благодарность за такую
услугу.

Кри-
воду-
ше
Мп-
хан.

Михаилъ Черниговскій, не смотря на
заключенный миръ въ Владиміръ, друже-
любно принималъ Новгородскихъ бѣгле-
цовъ, враговъ Ярославовыхъ, обѣщая имъ
покровительство. Самъ Великій Князь
Георгій оскорбился симъ криводушіемъ и
выпустилъ съ войскомъ къ сѣвернымъ
предѣламъ Черниговскимъ: онъ возвра-
тился съ дороги; но Ярославъ, предводи-
тельствующа Новгородцами, и сыновья
Константинны выжгли Серепскъ (въ
нынѣшней Калужской Губерніи), осаждали
Мосальскъ и сдѣлали много зла окрест-
нымъ жителямъ²⁷⁵. Такимъ образомъ древ-
няя семейственная вражда возобновилась.
Бѣглецы увѣрили, что Ярославъ ненави-
дитъ большюю частію ихъ согражданъ,
гопсовыхъ взявъ сторону Ольговичей: для
того Князь Трубчевскій Святославъ, род-
ственникъ Михайловъ, отправился въ
Новгородъ съ дружественными предложе-
ніями; но свѣдалъ противное, и съ ве-
ликимъ стыдомъ уѣхалъ назадъ. Послед-
нею надеждою Новгородскихъ изгнанни-
ковъ оставался Псковъ, гдѣ они дѣйстви-
тельно были приняты какъ братья. Тамъ

Г.
1232.

находился сановникъ Ярославовъ: они
заключили его въ цѣпи, и пылая зло-
бою, желали кровопролитія. Граждане
стояли за нихъ усильно, однакожь не
долго. Ярославъ, самъ прибывъ въ Нов-
городъ, не пускалъ къ нимъ купцевъ, ни
товаровъ. Нуждаясь во многихъ вещахъ—
платя за берковецъ соли около 10 ны-
нѣшнихъ рублей серебряныхъ—Пскови-
тяне смирились. Ярославъ не хотѣлъ
дать имъ въ Намѣстники сына, юнаго
Князя Осодора, а далъ шурина своего,
Георгія²⁷⁶, котораго они приняли съ ра-
достію, вынавъ бѣглецовъ Новгород-
скихъ.

Сии малолѣтніе изгнанники ушли въ
Медвѣжью Голову или Оденне, къ сыну
бывшаго Князя Псковскаго Владиміра,
именемъ Ярославу²⁷⁷, и съ помощію Ли-
вовскихъ Рыцарей взяли Изборскъ: но
Псковитяне схватили ихъ и сѣхъ и вы-
дали Князю Новгородскому. Въ числѣ
плѣнниковъ находился и Ярославъ Влади-
мировичъ: подобно отцу то врагъ, то
союзникъ Нѣмцевъ, онъ считалъ Псковъ
своимъ наслѣдіемъ, и хотѣвъ завоеванъ
его съ бѣглецами Новгородскими, былъ
вмѣстѣ съ ними започевъ въ Переславль
Суздальскій. Черезъ нѣсколько лѣтъ су-

Г.
1233.

Свя-
тая
Ев-
прак-
сія.

пруга его, жившая въ Оденне, приняла смерть мученицы отъ руки злобнаго сына, и погребенная въ монастырь Псковскомъ Св. Иоанна, славилась въ Россіи памятію своихъ добродѣтелей и чудесами²⁷⁸.

Присутствіе Ярослава Всеволодовича было пужно для Новгородцевъ; по пораженный внезапною кончиною спаршаго сына, онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Осодоръ, цвѣтущій красотою, готовился къ счастливому браку; невеста пріѣхала; Князя и Вельможи были созваны, и вмѣсто ожидаемаго пира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ²⁷⁹. Народъ изъявилъ искреннее учасіе въ скорби вѣчнаго опца; а Князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечъ для защиты Новгородцевъ, и привелъ къ нимъ свои полки многочисленныя.

Ливонскіе Рыцари, приславъ къ Россійскимъ мяшежникамъ и захвативъ близъ Оденне одного чиновника Новгородскаго, дали поводъ Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта. Нѣмцы, прѣбывая мира, заключили его на условіяхъ выгодныхъ для Россіянъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ спѣшилъ настигнуть Липовцевъ, которые едва было не взяли

Г.
1234.
Война
съ
Нѣм-
цами
и съ
Лип-
вою.

Русы, опустошавъ церкви и монастыри въ окрестности: онъ разбилъ ихъ въ Торпецкомъ Княженіи; загналъ въ густыя лѣса; взялъ въ добычу приспиа коней, множество оружія и щиповъ. Сей народъ безпреспанными набѣгами болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; занимался единственно земледѣліемъ и войною; презиралъ мирныя искусства гражданскія, но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ образованныхъ, и хотѣлъ пріобрѣтать оныя немною, не торговлею, а своею кровію. Общая польза государственная предписывала нашимъ Князьямъ истребить гнѣздо разбойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто чего они только гонялись за Литовцами, которые чрезъ нѣсколько времени одержали совершенную побѣду надъ сильною ратью Ливонскихъ Рыцарей; самъ Великій Матиспръ, спарецъ Вольквинъ, положилъ голову въ бивѣ, вмѣстѣ со многими выпязями Нѣмецкими и Псковскими, бывшими въ ихъ войскѣ²⁸⁰.

Изобразивъ бѣдствія Новгорода, опишемъ несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ. Смоленскъ, опустошенный моромъ, по кончинѣ Князя Мстислава Давидовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покориться двою-

Бѣд-
ствіе
Смо-
ленска.

родному его брату, Святославу Мстиславичу, впуку Ромашову²⁸¹. Предводительствовал Полочанами, Святославъ взялъ Смоленскъ (въ 1232 году), и безъ жалости лилъ кровь гражданъ.

По-
двиги
Дани-
ловы.

Въ Россіи юго-западной война и мятежи не преспавали. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Данилъ мужественный. Потерявъ союзника въ Лепскѣ Бѣломѣ, злодѣйски убиномъ измѣнниками, онъ предложилъ услуги свои брату его, Конраду, и вмѣстѣ съ нимъ осаждалъ Калишъ, гдѣ господствовалъ одинъ изъ главныхъ убійцъ Лешка, Герцогъ Владиславъ, сынъ Опшоновъ²⁸². Сей городъ, окруженный лѣсами и болотами, могъ долго обороняться, не смотря на усиленные приступы, въ коихъ Россіяне оказывали гораздо болѣе воинской ревности, нежели Конрадовы Ляхи; но граждане хотѣли мира. Здѣсь Лѣвонисецъ рассказываетъ случай довольно любопытный въ отношеніи къ характеру Данилову. Конрадъ, увѣренный въ искренней дружбѣ сего Князя, желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ переговоровъ. Сеномирскій Воевода, Пакославъ, подъѣхалъ къ снѣгамъ крѣпости; а Данилъ въ простой одеждѣ, и закрывъ щемомъ лице свое, спалъ за нимъ. Городъ

скіе чиновники падѣлялись ласковыми словами смятении. Посла. «Въ насъ нечестно одна кровь,» сказали они: «мынѣ служимъ брату Конрадову, а запыра будемъ служить самому Конраду. Можетъ ли онъ мещинъ лаять какъ измѣнникамъ или врагамъ, и видѣнъ спокойно Ляховъ невольниками Россіяны? Какая будетъ ему честь, если возмемъ сей городъ? Жестокій иноплеменникъ, Данилъ, присвоитъ се себѣ одному.» Пакославъ опивѣтствовалъ: «Мой и вашъ Государь расположенъ къ милости; но Князь Россійскій не хочетъ о помѣ слышать. Говорите съ нимъ сами: вонъ онъ!» Данилъ снлъ шлемъ, и видя изумленіе городскихъ чиновниковъ, которые споль неосторожно его злословили, засмѣялся опъ добраго сердца; успокоилъ ихъ, доставилъ имъ выгодный миръ и далъ клятву, что Россіяне, участвуя въ Польскихъ междоусобіяхъ, никогда не будутъ впредь тревожить безоружныхъ земледѣльцевъ, съ условіемъ, чтобы и Ляхи такимъ же образомъ поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано въ Лѣвонисѣ, что никто изъ нашихъ древнихъ Князей, кромѣ Святаго Владиміра, такъ далеко не заходилъ въ землю Польскую, какъ Данилъ.

Возвращаясь въ опечесство, онъ совершилъ еще важнѣйшій подвигъ: завоевалъ Галицкую обласль, плѣнилъ Королевича Андрея, и помнилъ спарую дружбу его опца, дозволилъ ему ѣхать въ Венгрію вмѣстѣ съ Бояриномъ Судиславомъ, который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галичѣ великолѣпный домъ съ арсеналомъ. Народъ месалъ камнями въ сего мяшешнаго Боярина, восклицая: «удались, злодѣи, навѣки!» Но Судиславъ, нечувствительный къ великодушію Данилову, думалъ только о месши, и Король Андрей, имъ возбужденный, послалъ старшаго сына, Белу, снова завоевать Галичъ. Сей походъ имѣлъ весьма горестное слѣдствіе для Венгровъ. *Хляби небесныя, по словамъ лѣтописи, отверзлись на нихъ въ горахъ Карпатскихъ: опть сильныхъ дождей ушелія наполнились водою; обозы и конница потонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достигъ наконецъ Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою: видя же птвердую рѣшительность тамошняго начальника; слыша, что Ляхи и Половцы идуть съ Даниломъ защитить городъ; прислушавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха, и спрашась быль жершвою собищеннаго упрямства, опть спѣшилъ уда-*

лился, гонимый Судбою и войскомъ Даниловымъ. Множество Венгровъ погибло въ Днѣспрѣ, который былъ опть дождемъ въ разливѣ, пакъ, что въ Галицкой землѣ оспалась пословица: *Днѣстръ сыгралъ злую игру Угравъ*. Множество ихъ пало опть меча Россіянъ или отдалось въ плѣнъ; другіе умирали опть изнуренія силъ или опть болѣзней.

Но время спокойнаго или безспорнаго владычества надъ Княженіемъ Галицкимъ было еще далсго опть Данила. Начались заговоры между Боярами подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Данила и Василька во дворцѣ или убишь ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился спраннымъ образомъ. Юный Василько, однажды играя съ придворными, въ шулку обнажилъ мечъ: заговорщики въ ужасѣ, думая, что ихъ намѣреніе открылось, бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ, не успѣвъ захватить казны съ собою, ушелъ изъ Бельза въ Венгрію, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить Короля Андрея противъ Данила. На сей разъ Венгры были счастливы. Городъ Ярославъ сдался имъ опть невѣрности тамошняго Воеводы. Они приступили ко Владиміру,

гдѣ началъ шивовати Бояринъ, дошолъ извѣщенный мужесшвомъ, имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и стѣны блестящія оружіемъ многочисленныхъ воиновъ, Король, по словамъ Львиошца, сказалъ, что такихъ городовъ мало и въ землѣ Нѣмецкой. Венгры не могли бы взять Владимира; но Бояринъ Даниловъ измѣнилъ правиламъ великодушія, оробѣлъ, и безъ воли Княжеской заключивъ миръ съ Королемъ, опдалъ Бельзъ и Червень союзнику его, Александру. Съ другой стороны Вельможи Галицкіе, почувшисьяныя къ рѣдкому милосердію Данила, просившаго имъ два заговора, бѣжали изъ его сѣна къ непріятелю и довершили шоржесшво Венгровъ, копорые заняли Галичь, гдѣ сынъ Андреевъ, утвержденный опцемъ на престолѣ, господствовалъ уже до самой кончины своей, не смотря на покушенія Даниловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролитныя битвы ничего не рѣшили, оказавъ только въ послѣдствіи въроломство двухъ недосшойныхъ Князей Россійскихъ. Пяславъ Владиміровичъ, впускъ Игоря Сѣверскаго, бывъ другомъ, сдѣлаея врагомъ Данилау; союзникъ же Андреевъ, Александръ Бельзскій, оставивъ Венгровъ,

взялъ сторону своихъ браньевъ, чпюбы снова измѣнить имъ. Наконецъ внезапная смерть Королевича (въ 1234 году) и единодушное желаніе народа возвращали Галичь Данилау. Бояре не дерзнули противиться: главный изъ нихъ, извѣщенный мятежникъ Судиславъ, сѣшилъ уѣхать за Карпатскія горы, а Князь Бельзскій, злобный Александръ, въ Кіевскую область. Сей послѣдній не избавился отъ заслуженнаго имъ наказанія, и схваченный на пути Даниловыми воинами, умеръ, какъ въролично, въ неволѣ.

Данилъ могъ еще опасаться Венгровъ; но бѣдешвіе вспрѣшалось ему тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ его. Въсѣтъ съ браномъ Василькомъ смиривъ хищныхъ Ятвяговъ и Липовцевъ, копорые въ особенностіи шревожили тогда область Пинскую, сей дѣлательный Князь вмѣшался въ ссору зяня своего, Миханла Черниговскаго, съ Владиміромъ Кіевскимъ. Послѣдній, желая бытъ его другомъ, уступилъ ему Торческъ: Данилъ великодушно опдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго, сказавъ: «за благодаренія вашего опца.» Тщешно желавъ примирить враждующихъ, онъ взялъ нѣсколько городовъ Черниговскихъ, и заключивъ миръ съ дворяроднымъ

братиомъ Михайловымъ, Мстиславомъ Глѣбовичемъ, думалъ возвратиться въ свое Княженіе; но Владиміръ, слыша о нашествіи Половцевъ, ведомыхъ къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, умолилъ Даниїла итти къ нимъ на встрѣчу. Когда жъ они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный многочисленностію варваровъ, хотѣлъ удалиться отъ битвы. «Нѣтъ!» сказалъ Даниїль: «ты заспавилъ мня противъ воли съ дружиною упомянутою искаши враговъ въ полѣ; теперь, видя ихъ передъ собою, могу единственно или побѣдить или умереть.» Хотя Даниїль долго сражался какъ Герой, однакожь принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; а Половцы, усиленные Черниговцами, взяли Кіевъ, плѣнили самаго Князя Владиміра съ его супругою. Бѣдные граждане ошкупились деньгами отъ свирѣпости варваровъ. Князя же, Изяславъ и Михайлъ, положили данію всѣхъ иноземцевъ, тамъ обитавшихъ²⁸³. Первый взялъ себѣ Кіевъ; второй спѣшилъ вступить въ обласль Галицкую, и занялъ ея столицу, откуда горестный Даниїль, свѣдавъ новые опасныя умыслы тамошнихъ Бояръ, долженствовалъ выѣхать.

Въ сіе время не спало Андрея, Короля Венгерскаго: Бела IV восшелъ на престолъ, и Даниїль, поручивъ брата Вацлаву оберегать Владиміръ, рѣшился лично искать покровителя въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, что онъ тогда, надѣясь съ помощію Андреева преемника удержатъ за собою Галичъ, далъ ему слово быть данникомъ Венгріи: ибо, участвуя въ совершеніи погрѣшительныхъ обрядовъ Белии коронованія²⁸⁴, велъ его коня (что было тогда знакомъ подданства). Уничтоженіе бесполезное! Даниїль возвратился къ брату съ однимъ льстивымъ обѣщаніемъ. Политика Венгровъ не измѣнилась: Бела хотѣлъ, чтобы юго-западная Россія принадлежала разнымъ, слѣдственно безсильнымъ Владѣтелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣстѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ Герцогомъ Польскимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даниїль зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича: хотя иногда одолѣвалъ непріятелей, и плѣнилъ пакъ называемыхъ Князей Болоховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имѣвшихъ свой Удѣль на Бугѣ, не далеко отъ Бресни): однакожь не могъ изгнать Михаила, и наконецъ согласился на

миръ, взявъ опѣ него обласнь Перемышльскую.— Кромѣ сей войны междоусобной, кромѣ непреснашныхъ ошибокъ съ Янвягами, бодрый Данилъ ратоборствовалъ еще съ Нѣмецкимъ Орденомъ, занявшимъ какіи-то изъ нашихъ древнихъ владѣній: опиналъ ихъ, и плѣнилъ Нѣмецкаго чиновника Бруно; хотѣлъ даже весни полки свои въ Германію, чинобы защитити Герцога Австрийскаго, его союзника, унѣсненнаго Императоромъ Фридерикомъ: но возвратился изъ Венгрии, уваживъ совѣтъ Короля Бѣлы не мѣшаться въ дѣла Имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Данилъ превосходными доисноисствами сердца и неутомимыми подвигами занимѣвалъ другихъ современныхъ Князей Россійскихъ. Одинъ Ярославъ Всеволодовичъ Новгородскій могъ спорить съ нимъ въ способностяхъ ума и въ душевной твердости, которая скоро обнаружилась въ бѣдствіяхъ нашего опечесства. Снѣ два Князя, связанные дружбою и новымъ свойствомъ (ибо Василько Романовичъ женился на Великой Княжѣ, дочери Георгія Всеволодовича) сблизились тогда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михайлоу, Изяславъ, недолго

величался на протѣ Кіевскомъ: Владиміръ Рюриковичъ изгналъ его, выкупивъ себя изъ плѣна; но въ слѣдствіе переговоровъ Даниловыхъ съ Великимъ Княземъ Георгіемъ долженствовалъ уступить Кіевъ ^{1256 г.} Ярославъ Всеволодовичу, который, оставивъ въ Новѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжить въ древнейшую столицу Россійской; а Владиміръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ.

Великое Княженіе Суздальское или Владимірское наслаждалось внутреннимъ спокойствіемъ. Георгій опѣ времени до времени посылалъ войско и самъ ходилъ ^{Война на Мордву,} женъ села и хлѣбъ, плѣняя ^{съ Мордвою.} людей и бравъ скотъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ: но и тамъ рѣдко спасались опѣ Россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ Опроки или молодые воины Росповской и Переславской дружины были однажды жершвою ихъ месни и своей неосторожности²⁹⁵. Князь Мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣлился даже приспунать къ Нижнему Новугороду, хотѣ и не имѣлъ порядочнаго войска: другіе Князя Мордовскіе были *ротниками* или присяжными данниками Георгія, и мпогіе

Россіяне селились въ ихъ землѣ, не сморя на то, что Болгары и Половцы превозжили оную.— Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ шестиплѣтнаго не-
 Миръ съ Болгарамъ согласія²⁸⁶: размѣнились плѣнниками, съ обѣихъ сторонъ дали аманатовъ, и клятвенно утвердили миръ. Лѣтописецъ ска-
 зываетъ, что ихъ *Труны*, или знатные люди, и чертъ присягнули въ вѣрномъ исполненіи условій. Впрочемъ миръ не препятствовалъ снѣ ревностнымъ Магометанцамъ изъяслять независимость къ нашей Вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умертвили одного Христіанина, богатаго купца, пріѣхавшаго для торговли въ ихъ
 Мученикъ Авраамъ такъ называемый Великій Градъ, и не хопѣвшаго поклониться Магомету. Купцы Россійскіе, бывъ свидѣтелями убійства, взяли плѣло сего Мученика, именемъ Аврамія, и съ честью оповезли въ Владиміръ, гдѣ Великій Князь, супруга его, дѣти, Епископъ, Духовенство, народъ воспріимли оное со свѣщами и погребли въ монастырь Богоматери²⁸⁷.

Послѣ несчастной Калкеской битвы Россіяне лѣтъ шесть не слыхали о Татарахъ, думая, что сей страшный народъ, подобно древнимъ Обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣтъ. Чингисханъ, совер-

шенно покоривъ Тангутъ, возвратился Смерть въ опустину и скончалъ жизнь—славную Чингисхана для Исторіи, ужасную и независимую для человечества — въ 1227 году, обрѣ-
 ливъ наслѣдникомъ своимъ Октаю или Угадаю, старшаго сына, и предписавъ ему Его завѣщаніе давать миръ однимъ побѣжденнымъ народамъ²⁸⁸: важное правило, коему слѣдовали Римляне, желая повелѣвать вселенною! Довершивъ завоеваніе сѣверныхъ областей Китайскихъ и разрушивъ Имперію Ничей, Октаю жилъ во глубинѣ Татаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ Китайскими художниками²⁸⁹; но пылая славолубіемъ и ревностію исполнилъ волю отца — коего прахъ, не далеко отъ сего мѣста, лежалъ подъ сѣнію высочайшаго дерева — новый Ханъ далъ 300,000 воиновъ Батюю, своему племяннику, и велѣлъ ему покорить сѣверные берега моря Каспійскаго съ дальнѣйшими странами. Сіе предпріятіе рѣшило судьбу нашего опечества.

Уже въ 1229 году какіе-то Саксинъ—Новое въролшино, единоплеменные съ Киргизами—Половцы и справа Болгарская, отъ береговъ Ялика гонимые Татарами или Мо-
 голами, приближали въ Болгарію съ иль-
 стіемъ о нашествіи сихъ грозныхъ за-
 ловъ.

доевателей⁹⁰. Еще Балтый медлил; наконецъ, чрезъ три года, пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги, не далеко отъ Великаго Города; въ 1237 году, осенью, обратился въ пепелъ сію Болгарскую столицу, и велѣлъ умерщвить жителей. Рос-
 Г. сіяне едва имѣли время узнать о томъ,
 1237. когда Моголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области, пославъ къ нашимъ Князьямъ какую-то *жену кардѣйку* и двухъ чиновниковъ⁹¹. Владѣтели Рязанскіе — Юрій, братъ Ингворовъ, Олегъ и Романъ Ингворовичи, также Пронскій и Муромскій — сами встрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Батыева. Татары уже искали въ Россіи не друзей, какъ прежде, но данниковъ и рабовъ. «Если желаете мира» — говорили Послы — «то десятиая часть всего вашего достоянія да будетъ наша». Князья отвѣтствовали великодушно: «когда изъ насъ никого въ живыхъ не останется, тогда все возмиме», и велѣли Посламъ удалиться. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ; а Князья Рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко спастись за опечество и Вѣру, просили отъ него помощи. Но Великій

От-
вѣтъ
Кня-
зей.

Князь, надменный своимъ могуществомъ, хотѣлъ одинъ управиться съ Татарами, и съ благородною гордостью отвергнувъ ихъ требованіе, предалъ имъ Рязань въ жертву. Провидѣніе, готовое наказаніе людей, ослѣпило ихъ разумъ.

Нѣкоторые Лѣтописцы новѣйшіе рассказываютъ слѣдующія обстоятельство: «Юрій Рязанскій, ославленный Великимъ Княземъ, послалъ сына своего, «Теодора, съ дарами къ Батюю, который, «узнавъ о красотѣ жены Теодоровой, Евпраксѣи, хотѣлъ видѣть ее; но сей юный «Князь отвѣтствовалъ ему, что Христіане не показываютъ женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый велѣлъ умерщвить его; а несчастная Евпраксѣя, свѣдавъ о гибели любиматаго супруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, Іоанномъ, «бросилась изъ высокаго перема на землю и лишилась жизни. Съ того времени съ-
 мѣсто, въ память ея, называлось *зары-
 возомъ* или убоимъ. Опець Теодоровъ, Юрій, имѣя войско малочисленное, опажился два бѣгству въ полѣ, гдѣ леги въ видѣлзи Рязанскіе, вмѣстѣ съ Князьями Пронскимъ, Коломенскимъ, Муромскимъ. Только одного Князя, Олега Ингворовича «Краснаго, привели живаго къ Батюю,

Зары-
возъ.

»копорый, будучи удивленъ его красотою, предлагалъ ему свою дружбу и въру: »Олегъ съ презрѣніемъ опшвергнулъ ту и »другую; исходилъ кровію опъ многихъ »ранъ, и не боялся угрозъ, ибо не спра- »шилъся смерши²⁹². «— Въ лѣтописяхъ со- временныхъ нѣтъ о помянутому слову: по- слѣдуемъ ихъ досповѣрѣйшимъ извѣсті- ямъ.

Батый двинулъ ужасную рапъ свою къ столицѣ Юріевой, гдѣ сей Князь зашво- рился. Тапары на пути разорили до осно- ванія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и прискупивъ къ Рязани, оградилъ ее пы- номъ или острогомъ, чтобы шѣмъ удоб- нѣе бились съ осажденными. Кровь лила- ся пять дней: воины Батыевы перемѣня- лись, а граждане, не выпускавъ оружія изъ рукъ, едва могли спояны на стѣ- нахъ опъ усмалости. Въ шестой день, Декабря 21, по утру, изгошовавъ лѣсни- цы, Тапары начали дѣйствовать стѣно- бийными орудіями и зажгли крѣпость; сквозь дымъ и пламя вломились въ ули- цы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его²⁹³, Болре, народъ, бы- ли жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся опчаяніемъ и муками людей, варвары

Взя-
тіе
Ряза-
ни.

Батыевы распинали плѣнниковъ, или свя- завъ имъ руки, спрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святы- ню храмовъ насиліемъ юныхъ Монахинь, знаменистыхъ женъ и дѣвицъ въ прискуп- сивы издыхающихъ супруговъ и маше- рей; жгли Іереевъ или кровію ихъ обагр- яли олтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепель. Нѣ- сколько дней продолжались убійства. На- конецъ исчезъ вопль опчаянія: ибо уже некому было стѣпать и плакать²⁹⁴. На семъ ужасномъ театръ опускшенія и смерщи ликовали побѣдипели, снося со всѣхъ стѣнъ богашую добычу. — »Одинъ изъ Князей Рязанскихъ, Иягоръ, по ска- занію новѣйшихъ Лѣтописцевъ, находил- ся тогда въ Черниговѣ съ Бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Сей Бояринъ, свѣдавъ о нашесшвіи иноплеменниковъ, Му- сѣшилъ въ свою опчизну; но Батый ^{жестоко} уже выпунилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ^{Евпатіемъ} ревностію опмешивъ врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ усшремился въ слѣдъ за ними, насшигъ и быспрымъ ударомъ смалъ ихъ полки задніе. Изумленные Та- пары думали, что мершвецы Рязанскіе возспали, и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто

они? Слуги Князя Рязанскаго, полку Евпатіева, оповѣстивовали сіи люди: намъ вельно съ дестію проводить тебя, какъ Государя знаменитаго и какъ Россіяне обыкновенно провождаютъ отъ себя иноплемениковъ: стрѣлами и копьями. Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рапи безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; не многіе остались въ плѣнѣ живые, и Батый, уважая сію рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. Между тѣмъ Ингоръ возвратился въ область Рязанскую, которая представилась глазамъ его въ видѣ степной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, перзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые Князья, Воеводы, тысячи достойныхъ выпязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивая гибель отечества. Ингоръ, собравъ Іереевъ, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мершвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло Князя Юрія, и привезъ его въ Рязань; а надъ гробами Θεодора Юрьевича, нѣж-

ной его супруги Евпраксѣи и сына поспавилъ каменные кресты, на берегу рѣки Осепра, гдѣ стоялъ нынѣ славная церковь Николая Заразскаго²⁹⁵.

Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный Коло-
Князь соединился съ Романомъ Ингорови-
чемъ, племянникомъ Юрія Рязанскаго, и <sup>мен-
ская</sup> бивша. неуспрашимо вступилъ въ битву, весьма неравную. Знаменитый Воевода его, Ерсмей Глѣбовичъ, Князь Романъ и большая часть ихъ дружины погибли отъ мечей Татарскихъ; а Всеволодъ бѣжалъ къ отцу въ Владиміръ. Батый въ то же время сжегъ Москву²⁹⁶, плѣнилъ Владиміра, <sup>Сож-
женіе</sup> второго сына Георгіева, умертвилъ <sup>Мо-
но-</sup>мощнаго Воеводу, Филиппа Илѣнку, и ^и сквалъ всѣхъ жителей. Великій Князь содрогнулся: увидѣлъ, сколь опасны сіи непріятели, и выѣхалъ изъ столицы, поручивъ ей защиту двумъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу. Георгій удалился въ область Ярославскую съ тремя племянниками, дѣтьми Константина, и съ малою дружиною; расположился станомъ на берегахъ Сиби, впадающей въ Мологу; началъ собирать войско, и съ неперпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ братьевъ, особенно бодрого, умнаго Ярослава.

Г. 1238. Взя-
ли
Вла-
дими-
ра.

2 Февраля Татары явились подъ спѣ-
нами Владиміра: народъ съ ужасомъ смо-
трѣлъ на ихъ многочисленность и бы-
стрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и
Воевода, Пепръ Ослядюковичъ, ободряли
гражданъ. Чиновники Бапыевы, съ коп-
нымъ опрядомъ подѣхавъ къ Зланымъ вра-
шамъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь,
въ столицѣ или въ опсушествіи? Влади-
мірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣ-
сколько стрѣлъ; непріатели также, но
кричали нашимъ: *не стрѣляйте!* и Рос-
сіяне съ горестію увидѣли предъ спѣною
юнаго Владиміра Георгіевича, плѣннаго
въ Москвѣ Бапыемъ. «Узнаете ли вашего
Князя?» говорили Татары. Владиміра дѣй-
ствительно трудно было узнать: столь
онъ перемѣнился въ несчастіи, терзаемый
бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ.
Братья его и граждане не могли удер-
жаться отъ слезъ; однакожъ не хотѣли
показывать слабости и слушали предло-
женій врага падменнаго. Татары удали-
лись; обѣхали весь городъ и поспавили
шапры свои проливъ Зланныхъ врагъ
въ виду. Пылалъ мужествомъ, Всеволодъ и
Мстиславъ желали битвы. «Умремъ» —
говорили они дружинѣ — «но умремъ съ
честію и въ полѣ.» Опытный Воевода

Пепръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Ге-
оргій, собравъ войско, успеетъ спасти
опечесиво и столицу²⁹⁷.

Бапый немедленно опрядилъ часть
войска къ Суздалю. Сей городъ не могъ
сопротивляться: взявъ его, Татары по
своему обыкновенію испребили жителей,
но кромѣ молодыхъ Иноковъ, Инокинъ и
церковниковъ, взятыхъ ими въ плѣнъ²⁹⁸.
Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что не-
пріатель готовилъ для приспуща орудія
спѣнобійныя и лѣсныцы; а въ слѣдую-
щую ночь огородилъ всю крѣпость пы-
номъ. Князья и Бояре ожидали гибели:
еще могли бы просить мира; но зная,
что Бапый милуетъ только рабовъ или
данниковъ, и любя честь болѣе жизни,
рѣшились умереть великодушно. Откры-
лось зрѣлище доспопамятное, незабвен-
ное: Всеволодъ, супруга его, Вельможи и
многіе чиновники собрались въ храмъ Бо-
гоманири, и требовали, чтобы Епископъ
Мипрофанъ одѣлъ ихъ въ Схиму или въ
Великій Образъ Ангельскій. Священный
обрядъ совершился въ тишинѣ шорже-
ственной: знаменитые Россіяне просни-
лись съ міромъ, съ жизнію, но стоя на
прагѣ смерти, еще молили Небо о спа-
сеніи Россіи, да не погибнетъ навѣки ея

любезное имя и слава! Февраля 7, въ Воскресенье Мясоуспенное, скоро по заупрентѣ, начался приступъ: Ташары вломились въ Новый Городъ у Златыхъ врапъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирны, опг рѣчки Лыбеди; также опг Клязмы у врапъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Спарый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаіа, дочь его, снوخ, внучаща, множесство Бояръ и народа заперворились въ Соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда Епископъ, сказавъ громогласно: «Господи! прости невидимую руку Свою и пріими въ миръ души рабовъ Твоихъ,» благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбежную. Одни задыхались опг дыма; иные погибали въ пламени или опг мечей непріятеля: ибо Ташары отбили наконецъ двери и ворвались въ свѣтлый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоценныя каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами Килжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплемениковъ, копорые, илавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ

спланъ непріятельскій, умирали опг жестокаго мороза Князя Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности опгразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, Ташары раздѣлились: одни пошли къ Волжскому Городцу и Коспромскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ Февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ Великаго Княженія — Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ — то есть, опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій споялъ на Сипи: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей, опг продавалъ горькія слезы, и будучи усерднымъ Христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную пвѣрдость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ Воеводство Дружины Боярину Ярославу Михалковичу, и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовый опгрядъ его, составленный изъ 3000

войновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходящъ ихъ²⁹⁹. Георгій, братъ его Святославъ и племянники съ-шли на коней, устроили войско и встрѣ-
 Мар- тили непріятеля. Россіяне бились муже-
 та А. ственно и долго; наконецъ обратили
 Бит- ться. Георгій палъ на берегу Сити.
 ва на Сити. Князь Василько осмался павшимъ въ
 рукахъ побѣдителя.

Сей достойный сынъ Константи-
 новъ глумился посмѣшною жизнію не-
 вольника. Изнуренный подвигами жесто-
 кой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не
 хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ.
 «Будь нашимъ другомъ и воюй подъ зна-
 менами великаго Батые!» говорили ему
 Герой Тапары. «Лютые кровопійцы, враги мо-
 Ва- сенько» его опечесства и Христа, не могутъ
 «быть мнѣ друзьями,» отвѣтствовалъ
 Василько: «о темное царство! естъ Богъ,
 »и ты погибнешь, когда исполнишь мѣ-
 »ра твоихъ злодѣяній³⁰⁰!»: Варвары извле-
 кли мечи и скрежещали зубами отъ ярости:
 великодушный Князь молилъ Бога о
 спасеніи Россіи, Церкви православной и
 двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Гѣ-
 ба. — Тапары умертвили Василька и бро-
 сили въ Шеренскомъ лѣсу. — Между

тѣмъ Ростовскій Епископъ Кириллъ, воз-
 вращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣть
 мѣсто несчастной для Россіянъ битвы
 на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ
 тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по
 Княжескому одѣлнію; но пуловище лежа-
 ло безъ головы. Кириллъ взялъ съ благо-
 говѣніемъ сіи печальныя остатки знамени-
 таго Князя и положилъ въ Ростовскомъ
 храмѣ Богоматери. Туда же привезли и
 тѣло Василька, найденное въ лѣсу съ-
 помъ одного сельскаго Священника: вдов-
 ствующая Княгиня, дочь Михайла Черни-
 говскаго, Епископъ и народъ встрѣтили
 оное со слезами. Сей Князь былъ искрен-
 но любимъ гражданами. Лѣтописцы хва-
 лятъ его красоту цвѣтущую, взоръ свѣт-
 лый и величественный, отважность на
 звѣриной ловлѣ, благотѣльность, умъ,
 знанія, добродушіе и кротость въ обо-
 жденіи съ Боярами. «Кто служилъ ему,»
 говорятъ они: «кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ
 »съ нимъ чапу, пить уже не могъ быть
 »слугою ипаго Князя.» Тѣло Василька за-
 ключили въ одной ракъ съ Георгіевымъ,
 вложить въ нее опысканную послѣ голо-
 ву Великаго Князя.

Многочисленныя толпы Батыевы
 стремились къ Новгороду, и взявъ Во-

5
Марта

Спасе-
ніе По-
вагоро-
да.

локъ Ламскій, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославъ), осадили Торжекъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что Новгородцы усердною помощію спасутъ ихъ. Но въ сіе несчастное время всякой думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, Бояре говорили, что опочесиво гибнутъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Таптары взяли наконецъ Торжекъ и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули пропитьсь³⁰¹. Войско Батыйшло далѣе пушемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жителей, по словамъ Лѣтописцевъ, падали на землю какъ ирава скошенная. Уже Батый находился въ 100 верстахъ отъ Новгорода, гдѣ плоды цвѣтущей, долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу; но вдругъ — испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болошами сего края — къ радостному изумленію тамошнихъ жителей обратился назадъ къ Козельску (въ Губерніи Калужской). Сей городъ, весьма незнаменитый, имѣлъ тогда особеннаго Князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени Князей Черниговскихъ³⁰². Дружина его и народъ со-

Осада
Козель-
ска.

выповались между собою, что дѣлать. »Нашъ Князь младенецъ,« говорили они: »по мы, какъ вѣрные Россіяне, должны за него умереть, чтобы въ міръ опочивить по себѣ добрую славу, а за гробомъ принять вѣнецъ безсмертія.« Сказали и сдѣлали. Таптары семь недѣль сплюли подъ крѣпостію и не могли поколебать твердоспи жителей никакими угрозами; разбили стѣны и взомли на валъ: граждане рѣзались съ ними пожарами, и въ единодушномъ порывѣ геройства успремились на всю рать Батыеву; изрубили многія стѣнобитныя орудія Тапарскія, и положивъ 4000 непріятелей, сами легли на ихъ прупахъ. Ханъ велѣлъ умеривить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ женъ, младенцевъ, и назвалъ Козельскъ Злымъ городомъ: имя славное въ такомъ смыслѣ! Юный Князь Василій пропалъ безъ вѣспи: говорили, что онъ *утонулъ въ крови*.

Батый, какъ бы упомянутый убійствами и разрушеніемъ, опочелъ на время въ землю Половецкую, къ Дону, и братъ Георгіевъ, Ярославъ — въ надеждѣ, что буря миновалась — спѣшилъ изъ Кіева³⁰³ въ Владиміръ принять достоинство Великаго Князя.

Конецъ III Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ III ТОМУ

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. *Кіев. Лѣт.* — Область Суздальская граничила съ Новгородскою близъ Торжка, съ Княженіемъ Смоленскимъ въ Калужской Губерніи, въ Тульской съ Вятскими и съ Рязанью, въ Нижегородской и Владимирской Губерніяхъ съ Муромскою областію.

(2) См. *Кіев. Лѣт.*

(3) См. *Новгородск. Лѣт.* стр. 37.

Со Мстиславомъ Андреевичемъ ходили къ Новгороду Романъ Смоленскій, братъ его Мстиславъ, сынъ Рязанскаго, сынъ Муромскаго и проч. Въ *Лѣт. Новогород.* прибавлено: »вся земля *Просторуская*, « вмѣсто *Русская*. Въ *Степен.* и въ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано: »единѣхъ бо Князей бѣше тогда 72. « Тапшцевъ замѣчаетъ, что и во всей Россіи не было тогда семидесяти двухъ Князей; по всѣхъ ли ихъ знаемъ по лѣтописямъ? Сей же Историкъ говоритъ, что въ Новгородѣ былъ тогда Архіепископомъ не Іоаннъ, а Ілья: его называютъ пѣмъ и другимъ именемъ; одно мірское, а другое Монашеское (см. Т. II, примѣч. 353).

(4) Сіе разсужденіе находится въ харашейныхъ лѣтописяхъ, въ *Степен.* (I, 300) и въ другихъ. Въ первыхъ сказано: »Не глаголемъ, прави сушь Новгородци, « яко издавна сушь свободени Новгородци правды « Князь нашихъ. Не вѣли имъ предѣи Князи крестити « преступати, или внуки или правнуки соромляти « (посрамляти). То доколя Богови терпѣти? « и проч.

(5) Въ *Степен.* и въ *Никонов.* сей храбрый Якутъ названъ Андреевичемъ.

(6) См. о чудѣ въ *Степен.* I, 302, и слѣд.; также въ Архив. *Псков.* и въ *Кіев. Лѣт.* Новгородцы успавшии тогда праздникъ *Знаменія Богородицы*: см. *Прологъ* 27 Ноября.

(7) См. Т. II, примѣч. 78 и 224; также Т. I, примѣч. 475. — Рюрикъ, выхавъ въ Новгородъ изъ

Томъ III.

Овруча Авг. 8 (см. *Кіев. Лѣт.*), пріѣхалъ въ Новгородъ Окп. 4.

(8) Глѣбъ умеръ 20 Генв. въ 1170 или 1171 году; его погребли тамъ, гдѣ лежалъ отецъ его Георгій: у Св. Спаса въ Берестовѣ. О характеръ Глѣба говорить *Кіев. Лѣт.*

(9) См. *Кіев. Лѣт.*

(10) См. тамъ же.

(11) См. тамъ же.

(12) Сей Ярополкъ, сынъ Ростислава Юрьевича, былъ прежде высланъ Андреемъ изъ Суздальской области, какъ мы упоминали. Изъ Греціи не возвратился одинъ Василько Георгіевичъ.

(13) См. *Кіев. Лѣт.*

(14) См. тамъ же.

(15) См. тамъ же. Слово *подручникъ* въ древнемъ Русскомъ языкѣ знаменовало то же, что Латинское *Vassus, Vassallus*, или Польское *Holdownik*, внесенное въ *Словарь Академіи Россійской* единственно въ угожденіе Болшину, если не ошибаюсь: ибо опъ думалъ, что мы не имѣемъ въ языкѣ нашемъ слова для выраженія сего смысла. Въ Олеговомъ договорѣ съ Греками упоминается о Князяхъ, *иже суть подручники* его или *голдовники*, если Польское, совсѣмъ неизвѣстное у насъ слово, предпочтемъ коренному Русскому.

(16) Сии Каполики были, думаю, купцы иностранцы: Поляки, Венгры, Богемцы и проч.

(17) См. Т. II, стр. 250.

(18) Такъ въ *Воскресен.*, *Ростов.*, *Кіев.* и другихъ; но въ харашейныхъ нѣтъ ни слова о причинѣ злодѣйства.

Городокъ Боголюбовъ нынѣ село на берегу Клязмы. Тамъ находится монастырь, гдѣ есть церковь и кельи весьма древнія.

(19) Въ Московской Оружейной Палатѣ есть древній мечъ Греческой работы, съ вырѣзанною *Грегескою* надписью: »Пресвящая Богородица! помоги ра-

»бу твоему... Въ лѣто по Хриспѣ...» Не сей ли мечъ принадлежалъ Св. Борису и Андрею? Опъ издревле хранился какъ святыня вмѣстѣ съ Мономаховою шапкою.

(20) Здѣсь въ первый разъ употреблено имя *Дворня* въ смыслѣ *Придворныхъ*. См. *Кіев. Лѣт.*

(21) Андрей едва ли дожилъ до 60 лѣтъ. Отецъ его женился въ 1107 году, но имѣлъ старшихъ дѣтей.

Въ *Синописи* сказано, что сей Князь, названный Боголюбскимъ за его любовь къ Богу, до крещенія своего именовался *Китаемъ*. Въ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ того — и развѣ Андрей былъ крещенъ уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ? Имя *Боголюбскаго* дано ему, думаю, отъ города Боголюбова, имъ построенаго.

(22) См. *Кіев. Лѣт.* — Въ томъ же 1160 году сгорѣла въ Ростовѣ Соборная церковь Богоматери, *блжнная и великая, яко же не было и не будетъ*. О сей дубовой церкви въ *Воскресен. Лѣт.* Ч. I, стр. 155.

Въ 1164 году освятили въ Владимірѣ церковь на Златыхъ вратахъ и заложили храмъ Спаса.

(23) Въ харашейныхъ и въ *Кіев. Лѣт.*

Въ числѣ проповѣдниковъ Леоновыхъ находился и Св. Кирилъ, Епископъ Туровскій, мужъ знаменитый учено-спно по тогдашнему времени, который имѣлъ переписку съ Андреемъ Боголюбскимъ (см. *Прологъ*, Апрѣля 28) и сочинилъ нѣсколько разсужденій богословскихъ. Мы извѣстны одно изъ его твореній, *Кирилла Епископа Туровскаго сказаніе о Черноризьгъстѣмъ гну*, найденное мною въ харашейной Кормчей Книгѣ (Синодальн. библиот. No 82). Въ примѣръ слога и мыслей выпи-сываю слѣдующее: »Первое речемъ о исходецѣхъ изъ міра въ монастырь и възимающихъ искусыхъ ризы Мнишскаго образа; по уставу опъ обою за-кону исправлено бысть то, и лѣто есть первое въ искусь быти. Внимай своему образу и житію, Мни-ше, и смотри своихъ ризъ облачєніа, и познай со-

» бе... Да небудеши короставъ и хромъ, и слѣпъ, и
» рабъ; си бо вси поверженіи бывающе, порока дѣля,
» посомъ и пшницамъ на снѣдь... Блюди опасно, да не
» бѣсомъ поконице « (покоемъ или храппою) » здѣ быть
» и душою свою геенскимъ повържеши пшницамъ, ко-
» роставъ быть пвореніемъ грѣховъ, хромъ же при-
» лѣжаніемъ жншійскихъ вещей, слѣпъ же неплодъ-
» ствомъ жипа (живя), о чревѣ шокмо пекася... »

(24) См. *Воскресен.* II, 81.

(25) Извлеченіе изъ сей лѣтописи напечатано въ
Казанской Истории Рычкова и въ журналъ его путе-
шествія, Ч. II, стр. 30. Подлинная рукописная на-
ходившаяся въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, въ собран-
ныхъ Миллеромъ историческихъ бумагахъ, подъ No 73.

(26) Сіе было уже въ 1181 году. — Никулицыне
есть нынѣ село Никулицкое.

(27) Сей обрядъ и нынѣ исполняется: только стрѣ-
лы опмѣнены. Изъ села Никулицкаго приносятъ также
въ Вилку образъ Св. Бориса и Глѣба, въ воспоминаніе
счастливаго приступа къ городку Болванскому.

Маловажные случаи послѣднихъ лѣтъ Андреева кня-
женія сунъ слѣдующіе: Въ 1171 году родился сынъ
Василій у Мстислава Андреевича. Въ 1174, Генв. 11,
скончался братъ Андреевъ, Святославъ Юрьевичъ. —
Въ томъ же году, Генваря 19, умеръ Князь Муром-
скій, Юрій Ярославичъ, сынъ Ярослава Святославича,
внука Великаго Ярослава.

(28) См. *Росс. Библіот.* стр. 261. Въ подлинникѣ
сказано: *пригородовъ*.

(29) Князь Глѣбъ былъ сынъ Ростиславовъ и внукъ
Ярослава Святославича, Рязанскаго и Муромскаго
(см. Т. II, примѣч. 216).

(30) Отецъ сихъ послѣднихъ, сынъ Георгіевъ, былъ
Князь Переяславскій (см. Т. II, стр. 296). Ро-
стиславъ могъ княжить въ одномъ изъ городовъ Су-
здальской области прежде, нежели отправился въ
южную Россію. — Мстиславъ и Ярополкъ были въ
1162 году изгнаны Андреемъ,

(31) Съ Владиміромъ Святославичемъ. См. *Кіев.*
Лѣт.

(32) См. *Новгород. Лѣт.* стр. 41.

(33) См. въ *Росс. Библіот.* стр. 261, 262, и въ ха-
рапнейшихъ спискахъ.

Михаила погребли въ Соборной Владим. церкви.

(34) См. *Степен. Книгу*, I, 285.

(35) См. *Кіев. Лѣт.* Маловажные происшествія се-
го времени: Въ 1175 году, въ исходѣ *Генваря* мѣсяца
(число показано разное) во Вторникъ Мясопустныя
недѣли, Ярополкъ Ростиславичъ, тогда Князь Влади-
мѣрскій, сочелся бракомъ въ Соборной церкви съ
дочерью Всеслава (Васильковича), Князя *Витѣбскаго*
(и Полоцкаго), привезенною къ нему изъ Смоленска.
Витѣбскимъ Княземъ въ 1165 году былъ Давидъ Ро-
стиславичъ (см. Т. II, стр. 350). Вѣроятно, что
онъ, переехавъ въ Вышегородъ, уступилъ Витѣбскъ
Всеславу. — Въ 1176 родился у Игоря Сѣверскаго сынъ
Олеги-Павелъ, а въ 1177 Святославъ-Андреевъ.

(36) См. *Рос. Библіот.* 255.

(37) Сынъ Мстислава, оставленный имъ въ Новъ-
городъ, назывался Святославомъ. — Числомъ опмѣненъ
Боярскихъ Опроковъ или Дѣшскихъ опъ Княже-
скихъ чиновниковъ сего имени, назвали первыхъ *Па-
сынками*; ихъ же послѣ звали именовать *Дѣтми*
Боярскими.

(38) Сей Ярославъ, сынъ Мстислава Георгіевича,
прозывался Краснымъ (см. *Новогор. Лѣт.* въ *Вивліо-
оніи* стр. 314).

(39) Олегъ и Владиміръ Святославичи.

(40) См. *Кіев. Лѣт.* — О *Воронѣжѣ* упоминается
здѣсь въ первый разъ.

(41) См. *Новгород. Лѣт.* — Мстиславъ, прозвані-
емъ *Безокій* (см. *Новог. Лѣт.* въ *Продолж. Др. Ви-
влювики*, стр. 314) умеръ въ 1178 году, Апрѣля 20,
и положенъ въ притворъ Софійскаго храма.

(42) Романъ Смоленскій послѣ *Чистой недѣли* (пер-
вой Вели. поста) пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ уже на-

ходилъ сынъ его, Борисъ или Мстиславъ (см. *Ново-Лит.* въ *Продолж. Древн. Визлѣоики*, стр. 314).

(43) См. *Кіев. Лит.* — О прозваніи Храбраго см. *Лит. Новогород.* въ *Продолж. Рос. Древн. Визлѣо.* стр. 314.

Въ *Нов. Лит.* » На зиму (1179) иде Мстиславъ на » Чудь на Очелу. « Такъ называлось одно мѣсто въ Ливоніи (см. Архив. *Liefländ. Chr.* II).

(44) Въ то время Романъ былъ въ Кіевѣ.

(45) См. *Кіев. Лит.*

(46) *Никонов. Лит.* — Здѣсь говорится о Старой Рязани, на Окѣ, противъ Суаска. — Городъ Борисовъ или Борисовъ-Глѣбовъ уже не существуетъ.

(47) См. *Кіев. Лит.*

(48) См. память же.

(49) См. память же.

(50) Названный Иваномъ въ *Никон. лѣтописи*. Онъ и Великій Князь Всеволодъ были женами на двухъ сестрахъ Ясыняхъ (см. *Рос. Библіот.* стр. 271, 272). По другому жъ извѣстію, первая супруга Всеволода, Марія, была дочь Князя Чешскаго или Богемскаго, Шварна (см. лѣтопись въ Синодал. Библіот. № 349, л. 225 на об.) Тѣло ея лежишь въ Владимірѣ, въ Успенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ приходѣ Благовѣщенія, въ олтарѣ, и въ надписи сія Княгиня именована Марѳою Шварновою. Имя Марѳы ей дано въ Монашесствѣ.

(51) См. *Кіев. Лит.* — Со Всеволодомъ ходили Глѣбовичи Романъ, Игорь, Всеволодъ, Владиміръ, Князья Рязанскіе и Муромскій Владиміръ Юрьевичъ (у когото былъ еще братъ Давидъ).

(52) См. *Кіев. Лит.* — Можеть быть, пынтшій Цывилскъ основанъ на развалинахъ сего города Болгарскаго.

(53) Владиміра Глѣбовича, внука Юрьева.

Въ *Кіев. Лит.* упоминается здѣсь о Болгарахъ *Тилтозляхъ*, и сказано, что ихъ всѣхъ собралось до пяти тысячъ, а осталось живыхъ половина. Городъ *Торцскій* или *Торкъ* существовалъ по взятіи Казани,

и былъ отданъ Государемъ Андрею Ильичу Квашиницу (см. *гелобиницу Квашиница на Лобанова* въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, въ Миллер. собраніи бумагъ № 84).

(54) См. Хронику Сиприковскаго кн. VIII, гл. 6; также Грубер. *Liefländ. Chronik*, I, 67, 64. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 33) упоминается о смерти Князя Изяслава Васильковича, убитаго Литвою около сего времени. Слова: » Двина болопомъ печеть онымъ » грознымъ Полочаномъ (а не Половчанамъ подѣ кликомъ поганыхъ, « изображающъ ужасъ погдашнихъ Литовскихъ набѣговъ на Кривскую землю.

(55) Съ Мстиславомъ Романовичемъ и Изяславомъ Давидовичемъ. См. *Кіев. Лит.* — Еще въ 1183 году были дѣла съ Половцами.

Князь Глѣбъ, о коемъ упоминаемъ здѣсь въ Истории, былъ сынъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, а Мстиславъ Всеволодовичъ внукъ Мономаховъ. — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано, что иносираницы, бывшіе въ Кіевѣ, славили побѣду Святошеславову: » Нѣмци и Венедици, Греци и Морава. «

(56) См. *Кіев. Лит.*

(57) Святошеславъ Ольговичъ Рымскій. Всеволодъ Святошеславичъ господствовалъ и въ Курскѣ. Съ Игоремъ былъ сынъ Владиміръ, княжившій въ Путивлѣ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ упоминается здѣсь о двухъ сыновьяхъ Игоревыхъ.

(58) Въ 1111 году. См. *Кіев. Лит.* и харашейныя. Обстоятельство, что Половцы 3 дни пускали только стрѣлы въ Россію, находишь въ харашейныхъ лѣтописяхъ. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* также сказано, что Игорь три дни сражался: » бишася день, » бишася другыи; ширетьяго дни къ полуднию падоша » сплязи Игоревы.... на брезѣ быстрой *Каллы*.... » Се бо *Готскіа* красныя дѣвы встѣша на брезѣ снѣжнаго моря, звоня Рускымъ златомъ. « Въ Тавридѣ, завоеванной Половцами, жили *Готы* (см. сей *Историю* Т. I, примѣч. 86). *Калла* называется нынѣ *Калгальникъ*, впадающій въ Днѣпръ. Россіянѣ описывали къ

Донцу, не далеко отсюда соединяющемся съ Доломъ.

(59) См. *Кіев. Лѣт.* — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* такъ описывается горестъ Святослава: «Великій Святославъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано (не во время) еспа начала Половецкую землю мечи (мечами) *цвѣлтити*, а себѣ славы искаши,» и проч. *Цвѣлтити* то же, что *квѣлтити*, приводить въ слезы, огорчать. На Польскомъ *Kwilić się*, на Богемскомъ *Kwíjít*, значить *выть* и *плакать*. Въ *Вольниск. Лѣт.* (въ рукописи. стр. 727) сказано: «аши инаа дѣпши не *цвѣлтитъ*,» вмѣсто: «не оскорбляешь.»

(60) См. *Кіев. Лѣт.*

(61) См. тамъ же. — Древній городъ Донецъ былъ не далеко отъ впаденія рѣки Харькова въ Уды (см. *Болг. Чертежъ*), и принадлежалъ или къ Курской или къ Переяславской области.

(62) См. *Кіев. Лѣт.*

(63) До сего времени нигдѣ не упоминалось о Пронскѣ, который названъ здѣсь въ хараш. *Принскѣ*.

(64) «Брань славна лучше еспи міра спудна.» Мы сократили описаніе войны. Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, осажденные въ Пронскѣ, требовали помощи отъ Вел. Князя, который и прислалъ къ нимъ 300 человекъ Владимірской дружины, велѣвъ идти, въ слѣдъ за симъ опрѣдомъ, своюку своему Ярославу Владиміровичу и Князьямъ Муромскимъ, Владиміру и Давиду Юрьевичамъ. Узнавъ о томъ, старшіе Глѣбовичи сіяли осаду. Рать Вел. Князя возвратилась отъ Коломны, и Всеволодъ Глѣбовичъ, оставивъ Святослава въ Пронскѣ, самъ уѣхалъ въ Владиміръ: тѣмъ воспользовались большіе братья; снова осадивъ Пронскъ, опили у жителей воду, и велѣли сказать Святославу: Не мори людей голодомъ; мы имъ брань: сдай городъ, а мы тебя не съдимъ: только не приставай ко Всеволоду. Малодушный Святославъ, исполнивъ волю Бояръ, примирился съ братьями, и что-

бы не утратить Княженія, выдалъ имъ связную дружину Всеволоду, жену его и Владимірецъ. Всеволодъ Глѣбовичъ, прѣхавъ въ Коломну, мстилъ Святославу разореніемъ области Пронской; а Великій Князь пребылъ отъ измѣнника, чтобы онъ возвратилъ ему Владимірецъ, говоря: Ты у мене выбилъ я тело. *Аще ты ратенъ, си ратни же; аще ты мрещъ, а си мирни же.* Глѣбовичи, слыша, что Всеволодъ Юрьевичъ собираетъ войско, объявили себя покорными. Великій Князь не хотѣлъ съ ними мириться. Въ 1187 году прѣхалъ въ Владиміръ Епископъ Порфирій.

(65) См. *Кіев. Лѣт.* — Сочинитель *Слова о полку Игоревѣ*, обращаясь къ Ярославу, говоритъ: «Галичкы *Осломыслѣ* Ярославе! высоко сѣдши на своемъ златѣ покованнѣмъ сполѣ; подиерь горы Угорскыи (Карпатскія) своими желѣзными плѣкы, заснувши Королевн (Венгерскому) путь, зашвори къ Дунаю ворота, меча (кидая) бремени презъ облаки, *суды рлдѣ до Дунал.* Грозы ивоа по землямъ пекутъ; опворенни *Кыеву* враша, спрѣлени съ опши злата сполѣ *Салтани* за землями.»

(66) О семъ происшествіи говорятъ Польскіе Историкъ Кадлубекъ и Богуфалъ, но опчаспи несправедливо и вообще неясно. Сін Историкъ (или ихъ новѣйшіе дополнители, какъ мыслятъ Нарушевичъ: см. его *Hist. Nar. Polsk. IV, 57*) перемѣняли людей и случан.

Другой пишетъ, что Казимиръ Справедливый женился въ 1168 году на Еленѣ, дочери Всеволода Мстиславича, Князя Бельскаго. Супруга Казимира и въ патнхъ лѣтописяхъ называется родною племянницею Романа Мстиславича (*братаницю*: см. *Россійск. Библиот.* стр. 300). Всеволодъ Мстиславичъ скончался Мономахомъ въ Апрѣль 1195 году (см. *Кіев. Лѣт.*) и погребенъ въ Владиміръ Волынскомъ въ церкви Богоматери.

(67) См. Нарушев. *Hist. Nar. Polsk. IV, 68*, и *Прая Ann. Reg. Hung.* кн. III, стр. 179.

(68) Константинъ Всеволодовичъ родился, какъ означено въ харатейныхъ, въ 1186 году, Мая 18, въ Субботу (по сіе число Субботою было въ 1185). Бракъ Константиновъ совершился за годъ до войны Черниговской; а какъ она была, по лѣтописи Новгородской, въ 1196 году: то вѣроятно, что сей Князь женился въ 1195. — Всеволодъ въ 1187 г. выдалъ дочь свою Всеславу за Ростислава, сына Ярослава Всеволодовича Черниговскаго. Другая Всеволодова дочь, Верхуслава или Антонія (см. ниже, примѣч. 137) сочеталась бракомъ съ Ростиславомъ Рюриковичемъ, 1189 году, Іюня или Іюля 30: такъ въ харатейныхъ и другихъ; а въ *Кіев. Лѣт.*: «того же лѣта» (будто бы еще въ 1187).

(69) Въ Кашагохъ сказано, что Минрополитъ Константинъ преславился въ 1174 или въ 1177 году. Лука поспавиетъ Марта 11 (1185 г.), скончался въ 1189 году, Ноября 10, и погребенъ на другой день у Соборной Владимірской церкви. Всеволодъ въ 1190 году отправилъ въ Святославу и Минрополиту духовнаго отца своего, Іоанна, кошорый и былъ поставленъ Епископомъ Гелв. 23.

(70) О разрушеніи Городца или Остера см. Т. II, стр. 297.

(71) Сына Романова, Ярополка, въ 1175 году: о чемъ мы выше упоминали.

(72) См. *Новгород.* год. 1185, а харатейныя подъ годомъ 1186. — Полоцкимъ Княземъ въ 1181 году былъ Всеславъ Васильковичъ, Логожскимъ Всеславъ Микуличъ, а Друцкимъ Глѣбъ Рогволодовичъ.

Новгородцы погибли въ Заволочѣ въ 1187 году. — Мстиславъ изгнанъ въ томъ же 1187 году, а Ярославъ Владиміровичъ прѣхалъ въ Новгородъ Ноября 20.

«Оже купляху по двѣ погати хлѣбъ, а кадь ржи» по 6 гривнѣ. «Въ кади было 8 семинъ.

(73) См. Далина *Gesch. des R. Schw.* Т. II, стр. 119, 120. Далинъ говоритъ, что сія врата церковныя назывались въ Новгородѣ *Сартунскими*: вѣрояно,

но, что онъ слышалъ о *Корсуискихъ* (см. *Историю* нашей Т. I, примѣч. 413); но въ Софійской церкви сѣнь дѣйствительно такъ называемая *Шведскія* врата, не серебряныя, а мѣдныя.

По Финляндскимъ извѣстіямъ Россіи около сего времени сожгли Або (см. *Iust. Chron. Episc. Finl.* стр. 12).

(74) См. Грубер. *Liefländ. Chronik* I, 69, и Далина *Gesch. des R. Schw.* II, 97, 98.

(75) См. Грубер. *Liefländ. Chr.* I, стр. 46 и слѣд. Кто послѣ Всеслава Васильковича (см. выше, стр. 64) или 1181 года княжилъ въ Полоцкѣ, не знаемъ. У Володаря Минскаго былъ сынъ Василько: не онъ ли назывался и Владиміромъ? Тапшцевъ, ссылаясь на Хрущевскую лѣтопись, рассказываетъ, что въ 1182 году Василько Ярополковичъ Дрогичинскій воевалъ съ *Владиміромъ Володаревичемъ* Минскимъ; что первый, соединясь съ Поляками и Мазовшаами, урѣки Буга разбилъ Владиміра, и взявъ *Брестъ*, оставилъ тамъ *брата жены своей, Князя Мазовецкаго*; что Владиміръ съ дружиною Полоцкихъ Князей опять завладѣлъ Брестомъ, плѣнилъ Мазовшанъ, побѣдилъ за Бугомъ Василька и Ляховъ; что Василько ушелъ къ пестю *Лешку*, кошорый прогналъ Владиміра изъ Подлянны въ Брестъ; что Василько, не имѣя чѣмъ заплатить пестю за его пруды и будучи бездѣнъ, уступилъ ему свое владѣніе, ошнѣтое послѣ Ляхами у *дѣтей Лешковичей*; что Романъ Мстиславичъ Владимірекій, узнавъ о томъ, завоевалъ Дрогичинскую область. Сіе извѣстіе могло бы служить доказательствомъ, что сынъ *Володаревъ* назывался *Владиміромъ*, если бы оно не смѣшено было съ явною ложью. *Брестъ* принадлежалъ не *Минскимъ*, а Волынскимъ Князьямъ, и *Лешко* Мазовецкій не имѣлъ *дѣтей* (см. Наруш. *Hist. Nar. Polsk.* IV, 69).

(76) Въ горахъ, по Енисею, находятея изгарины и плавленныя древнихъ шамошнихъ рудокоповъ, доказы-

вающія, что Сибирскіе народы издавна плавилъ се-ребро и золото, дляя въ нужныхъ для того орудіа не изъ железа, а изъ мѣди (см. *Путешествіе Палласа*, Ч. III, стр. 572 въ Русск. переводѣ). Сіи старыя рудокопни обыкновенно называющіеся въ Сибири *Чудскими копями* (см. *Сочиненія о Сибирск. рудникахъ*, Ч. I, отдѣл. 2, стр. 134).

(77) См. *Кіев. Лѣт.* — Свяшославъ умеръ въ 1194.

(78) См. тамъ же и въ *Синописи*.

(79) И Кадлубекъ упоминаетъ о томъ (Hist. Pol. стр. 810).

(80) См. Кадлуб. Hist. Pol. стр. 812.

(81) См. *Кіев. Лѣт.* Ярославъ Великій опдалъ сперва лѣвую сторону Днѣпра бранцу Мстиславу: области Свяшослава Ярославича (Черниговъ, Муромъ, Рязань) находились тамъ же.

(82) Въ *Новгород.* (стр. 5) сказано, что Черниговцы плыли *Бориса* Романовича: следовательно Мстиславъ назывался Борисомъ (см. выше, примѣч. 42)? — См. *Кіев. Лѣт.*

(83) Въ Торжкѣ, въ 1181 году.

(84) См. *Кіев. Лѣт.*

(85) Ярополкъ Ярославичъ.

(86) Ярославъ въ 1198 году послалъ сына, Изяслава, княжить на Лукахъ: »и быше опѣ Липвы *оплече*» (защита) Новугорода «...»

(87) См. *Пушкин.* и *Троицк.*

(88) См. *Воскресенск.* II, 117. Племянникъ Всеволодовъ умеръ въ Переяславѣ въ 1199 или 1200 году, а Ярославъ или Феодоръ отправился туда въ 1201.

(89) О смерти Владиміра Галицкаго не упоминается ни въ харапейныхъ, ни въ *Ростов.*, ни въ *Воскр.*, ни въ *Кіев. Лѣт.* — Длугошъ говоритъ о Владиміровой смерти подъ годомъ 1198, а Кадлубекъ передъ 1200, сказывая, что Владиміръ не оспаривалъ *законнаго* послѣдника, и что Россійскіе Князья опчати силою, опчати хипроснію, старались присвоить себѣ Га-

лечь. Сей же Исшорикъ пишетъ, что Романъ выросъ въ Польшѣ.

(90) Кадлубекъ, стр. 814: quia non possumus ferre iram terrae, Principum seditiones, invidiam. Дамъ о тиранствѣ Романа, стр. 815: quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit, и проч.

(91) Спр. 816: unde solenne illi erat quasi proverbium: melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso non rarefacto examine. Сію пословицу, извѣстную и Римлянамъ во времена ихъ пираповъ, нашелъ я въ *Вольнск. Лѣт.* (въ рукописи. стр. 657).

(92) Сей Ингваръ Ярославичъ былъ внукъ Изяслава II и правнукъ Мстислава Великаго.

О тогдашнемъ счастливымъ походѣ Романа въ землю Половецкую говорятъ согласно наши и Византійскіе Лѣтописцы (см. *Memor. Popul.* II, 1023).

(93) См. *Рос. Библ.* стр. 300, 301.

(94) Письмо Епископа Матфея находящееся въ выпискахъ сдѣланныхъ Аббатомъ Альбертранди изъ Библиотекки Ватиканской въ 1790 году для Исшорика Наруневича, по волѣ Короля Сшапислава. Яковъ Ивановичъ Булгаковъ получилъ сіи любопытныя выписки отъ самаго Альбертранди и сообщалъ мнѣ. О Епископѣ Краковскомъ Матфее см. въ Длугош. Hist. Polon. T. I, стр. 461, 509. Письмо начинается такъ: Mathaei Cracoviensis Episcopi epistola ad Abbatem Clarevallensem de suscipienda Ruthenorum conversione. Выписываемъ изъ онаго слѣдующее: Gens illa Ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata.... Christum solo quidem nomine confitetur, factis autem penitus abnegat.... Ruthenia, quae quasi est alter orbis, etc.... Si enim gloria celeberrima et Thracius Orpheus et Thebanus Amphion coelo inseruntur et astris, et post mortem carmine vivunt, quod sylvestres et lapideos homines lyrae cantibus delinivit, quanto

magis nos speramus, quod gentes exterar et immanes sacer Abbas Christo conciliet, etc.

Инокентій III, уподобляя власть духовную солнцу, а мірскую лунѣ, спавилъ себя ниже одного Бога, и гораздо выше Царей. Онъ любилъ жаловати въ Короли: Армянскій, Болгарскій, Чешскій, были ему обязаны симъ достоинствомъ.

(95) Въ Некрологъ Эрфуртскаго Петрова монастыря (см. Traditiones veteres Coenobii S. Petri Erfordiae, стр. 19) записано: XIII Kal. Julii Romanus, Rex Ruthenorum: hic dedit nobis XXX marcas; т. е.: »19 Юня (умеръ) Король Русской Романъ, давшій намъ »30 марокъ.« Точно въ сей день Западная Церковь празднуетъ память Св. Гервасія, день, въ который убишъ Романъ, по сказанію Длугоша.

Описелъ начинаетъ повѣствованіе *Вольмскій Лѣтописецъ*, по въ описаніи происшествій не означаетъ времени, сказавъ, что сдѣлаетъ по послѣ согласію съ Хронологіею Греческою и Латинскою. Хотя въ Ипатьевскомъ спискѣ и означены годы, но безъ сомнѣнія не Авторомъ, а переписчикомъ, и на угадъ, ибо его лѣтосчисленіе во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ несправедливо.

(96) См. *Вольмск. Лѣт.*, стр. 621. — О бѣдствіи, претерпѣнномъ Липвою отъ Романа см. Машв. Сприковскаго. Сприковскій ошибся, считая сего Князя Романомъ *Ростиславичемъ* Смоленскимъ (а за нимъ и Татищевъ). Романъ *Галицкій* и *Вольмскій*, а не *Смоленскій*, былъ тогда соседомъ Липовцевъ на Сѣверъ: онъ смирялъ ихъ; объ немъ сказано и въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 31, 32): »а ты, буй Романи и Мсти-» славе (братъ его ! сущъ бо у ваю желѣзныи папорзи« (верхняя часть брони) »подъ шеломи Латинскими. »Тѣмъ пресну земля и многи страны. *Литва*, *Ямня-»зи*, *Деремела*« (одинъ изъ Латинскихъ народовъ) »и »Половци суици своя повръгоша, а главы своя по-» клониша подъ шымъ мечи харулужныи.«

Объ извѣстности Романа въ Византіи. лѣт. см. выше, примѣч. 92.

(97) См. *Воскресен. II*, 141.

(98) См. *Троицк. л.* 188 на обор. — Игорь Свято-славичъ Сѣверскій умеръ въ 1202 году, Олегъ Свято-славичъ въ 1204, а братъ его, Владиміръ, въ 1201, осенью.

(99) См. *Вольм. Лѣт.*

(100) »Совокупя Новгородци, Плесковичи, Ладожа-» ны, Новоторжци, и поиде скоро, и дождался опща » на Москвѣ.« *Новгород. Лѣт.* отписанъ сіе проис-» шествіе къ 1209, а Суздальскій къ 1207: первый ошибся. Великій Князь выступилъ *Авг. 19* въ *Вос-» кресеніе* и взялъ Рязанскихъ Князей подъ стражу *Сент. 22* въ Субботу: такъ было въ 1207 году. *Послѣ* того упоминается въ лѣтописяхъ о лунномъ затмѣніи Февраля 3: оно случилось въ 1208 году (см. Астрономич. таблицы въ l'Art de vér. les Dates).

(101) См. *Новгород. Лѣт.* и *Воскресен. Лѣт.* — Клевельники, Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи, были внуки Глѣба, а Романъ и Святославъ братья Игоря Глѣбовича, коего сыновья именуются въ Родослов. Книгѣ Ингваръ-Козма и Юрій. Всеволодъ Глѣбовичъ за нѣсколько времени до того умеръ въ Пронскѣ. — Великій Князь послалъ заключенныхъ сперва въ Владиміръ, а послѣ въ Псковъ или Псковскъ (въ Ярославск. Губерніи): см. *Воскресен. Лѣт.*

(102) Сей Михаилъ былъ сынъ Всеволода Глѣбовича. Въ харатейныхъ онъ называется *Чюрь-Михаилъ*; въ другихъ *Киръ* (господинъ) *Михаилъ*; въ нѣкоторыхъ *Рюрикъ-Михаилъ*.

(103) Здѣсь въ первый разъ упоминается о *Рязан-» скомъ* Епископѣ: сія Епархія зависѣла до того вре-» мени отъ Черниговскаго Епископа.

(104) »Избытъкъ раздѣлиша по зубу, по при гри-» виѣ по всему городу и на щипъ; аще кто пошай » похвалилъ, а того единъ Богъ въдаеиъ.« Здѣсь зубъ не есть описка, вопреки мнѣнію Болдина: такъ и

въ харатейномъ и въ другихъ спискахъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что сіе имѣ употреблялось въ Новгородскомъ денежномъ счетѣ. *Никон. Лѣт.* выпускалъ имѣ зуба, не разумѣвъ его. Великій Князь Ростиславъ въ 1159 году дарилъ Святослава Ольговича *рыбьими зубами* (см. сей *Историю* Т. II, стр. 337). Въ старинныхъ нашихъ сказкахъ часто говорится о рыбьихъ зубахъ драгоцѣнныхъ. На примѣръ: »въ чердакѣ была »бесѣда (сѣдалище) дорогъ рыбей зубъ« (см. *Древнiя Рус. Стихотворенiя*, стр. 2). Обыкновенная цѣна такого зуба могла быть принята въ денежный счетъ, подобно *купу* и *веклю*. Въ 1641 году Патриархъ Иосифъ прислалъ въ Соловецкій монастырь пять зубовъ рыбьихъ, вѣсомъ въ 11 фунтовъ, а цѣною въ 11 погашенныхъ рублей (см. *Лѣтопис. Соловецк. монастыря*, стр. 48). Извѣстно, что зубы *морскихъ единороговъ*, причисляемыхъ къ роду китовъ (см. Бомара *Dict. d'Hist. Nat.* подъ словами *Baleine, Narwhal, Licorne de mer*) гораздо лучше основой кости для всякой работы. Въ Дави, въ Розенбергскомъ дворцѣ, показываютъ престолъ, сдѣланный изъ сихъ зубовъ, и цѣнятъ его дороже золота. Новгородцы могли издревле получать оныя отъ промышленниковъ Норвежскихъ. Такъ бы я думалъ, если бы Герберштейнъ не сказалъ намъ, что въ древней Россiи назывались *рыбьими зубами* моржовыя клыки, и нѣтъ употребляемые на разные подѣлки (см. его *De R. M. Comment.* стр. 85). Моржъ, какъ извѣстно, есть огромное морское животное (*Trichechus Rosmarus*): оно часто показывалось на берегахъ Сѣвернаго Океана.

(105) О Князѣ Владимірѣ см. выше стр. 57. Братья Владиміровъ, Давидъ, княжилъ около 1214 году въ Торопцѣ (*Новгород. Лѣт.* 79).

(106) См. *Лѣт. Воскресен.* — Бѣлгородъ находился близъ Старой Рязани.

(107) См. выше, стр. 135.

(108) См. *Волынск. Лѣт.*

(109) См. харатейныя, также *Воскр.* и *Ростовск.*

(110) См. *Воскресен.*

(111) Всеволодъ преставился въ 1212, Апр. 15, въ Воскресенье, по окончанiи Литургiи (см. *Воскр. Лѣт.*). — Онъ въ разныхъ мѣстахъ лѣтописей называеиъ Великимъ, а въ Родослови. Книгахъ *Большими Гитъ-домъ*, отъ многочисленности своего потомства.

(112) См. *Книгу Степенную*, I, 285. — Снѣжные коробы суть обросшія мхомъ глыбы, посимыя въ-противъ по озеру: см. *Дневн. Записки Лепехина*, Т. I, стр. 20.

(113) См. *Рос. Библіот.* стр. 285, 286.

(114) См. *Воскр. Лѣт.* II, 150. Тапищевъ называлъ ее Любовію.

(115) См. *Никоновск. Лѣт.*: въ Троицк. харатейной тоже.

(116) Тапищевъ пишетъ, что и въ его время нѣкоторые знаппые люди еще держались сего древняго обыкновенiя, и что младенцы переходили тогда изъ рукъ женскихъ въ мужескія. Въ *Требникѣ* есть молитва на первое сприженіе волосовъ у младенца. Тамъ сказано: »Заповѣдавый намъ вся во славу Твою »пшорити, пришедшаго раба швоего начашокъ сопво- »риши спирити власы главы своея, благослови вкупу »съ его восприѣмникомъ« и проч. Крестный отецъ приводитъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ Священникъ читалъ надъ нимъ сію молитву.

(117) Слова Мартина Галлуса. Кадлубекъ также пишетъ о семъ обрядѣ, сказывая, что посприги раждали между людьми духовное свойство, и что мать поспригаемаго считалась названою сестрою поспригающаго. (Кадл. *Hist. Polon.* стр. 639).

(118) См. *Историческое Изображеніе Грузiи*, сочиненное въ Александро-Невской Академіи, стр. 15—17.

(119) Посланіе къ Рос. Духовенству находится въ выпискѣ Альберштрадiевой, о коей мы упоминали (см. выше, примѣч. 94). Оно такъ начинается: *Archiepiscopis, Episcopis etc. per Rutheniam constitutis*. Назна-

чепнаго посла въ Россію называесть Папа *filium nostrum G. tituli S. Vitalis Presbyterum Cardinalem, virum genere nobilem, litterarum scientia praeditum, et* проч. Въ концѣ подписано: *Datum Viterbii, Nonis Octobris (7 Окт.) anno X* (то есть, въ 10 годъ Иннокентіева правленія).

(120) Грубер. *Liefländ. Chronik*, Ч. I, стр. 14, 31, 45, 47, 51, 52, 63; Ксѣх. *Liefländ. Historiae*, стр. 25 — 30, и Балпаз. Руссова *Liefl. Chronica*, л. 1—5. — Архіепископу Лунденскому, Андрею, о комъ здѣсь упоминается, Саксонъ Грамматикусъ приписалъ свою Исторію Датскую. Руссовъ говоритъ, что Лифляндцы обожали еще свѣтила небесныя и *зміѣ*. Латыши называли Юмвала *Auxtheias Vissagistis*. Женщины поклонялись богинѣмъ Лаймъ и Дяклъ: первая благопводила родильницамъ, а вторая младенцамъ. Дѣвцы приносили жершву идолу Ваицгантосу (*Waitzganthos*), моли его, чтобы онъ далъ имъ льну для одежды.

(121) *Liefländ. Chr.* I, 74, 75. — О Герсикъ см. Бишинг. *Erdbesch.* Т. I, 1027.

(122) Случаи Всеволодова княженія, о коихъ мы не упоминали, суть слѣдующіе:

Въ 1180 у Вел. Князя родилась четвертая дочь Сбыслава-Пелагія въ день Св. Димитрія. — Въ 1182 преставился Архимандритъ-Игуменъ Печерскій Поликарпъ (см. *Кіев. Лѣт.*) и Епископъ Полоцкій Діонисій. Въ 1185 г. Маія 18, въ Субботу, родился у Вел. Князя сынъ Константинъ. — Въ 1186, Сент. 7, преставился Новгородскій Епископъ Ілія, или Іоаннъ, и погребенъ въ припворѣ Св. Софій. Князь и народъ избрали на его мѣсто Гавріила, брата Іоаннова. — Въ 1187 г. родился у Вел. Князя сынъ Борисъ, у Рюрика осенью сынъ Владиміръ-Димитрій. — Въ 1188 г. скончался сынъ Всеволодовъ, Борисъ. — Въ 1189 г. скончался сынъ Всеволодовъ Глебъ Сент. 29. У Ярослава Владиміровича, свояжка Всеволодова, родилась въ Новѣгородѣ дочь на Рождество Богородицы. Родился у Вел. Князя Всеволода сынъ Георгій. — Въ 1190

г. умеръ Епископъ Бѣлогородскій Максимъ, на мѣсто коего поставилъ Рюрикъ своего опца духовнаго, Андреяна, Игумена отъ Св. Михаила Выдубецкаго. Апрѣля 19 скончался Святосполкъ Юрьевичъ, шуринъ Рюриковъ. Внукъ Святослава Всеволодовича, Давидъ Ольговичъ, женился на дочери Игоря. Родился въ Новѣгородѣ у Ярослава Владиміровича сынъ Михайль-Изяславъ; а въ 1191, Фев. 8, у Вел. Князя Ярослава-Ѳеодора. — Въ 1192 г. въ Русь на островъ Игуменъ Мартирій соорудилъ церковь Преображенія и завелъ монастырь. — Въ 1193, Маія 24, преставился Архіепископъ Гавріилъ (въ монашествѣ Григорій); на его мѣсто избрали Игумена Мартирія, бывшаго въ Русь. Въ Новѣгородѣ у Ярослава родился сынъ Ростиславъ. У Давида Ростиславича родился сынъ Мстиславъ-Ѳеодоръ, зимою. — Въ 1194, Окт. 25, родился у Всеволода сынъ Владиміръ-Димитрій. — Въ 1195 умеръ Князь Рязанскій, Игорь Глебовичъ. — Въ 1196, въ Февр., преставился Изяславъ, меньшій сынъ Ярослава Изяславича, правнукъ Мстислава Великаго. Въ Мартѣ привезли въ Кіевъ плѣто умершаго Глеба Юрьевича Туровскаго, шурина Рюрика. Марта 27 родился у Всеволода сынъ Святославъ-Гавріилъ. — Въ 1198 году, по *Кіев. Лѣт.*: » на зиму родился дѣти у Ростислава у Рюриковича, и нарекоша имя ей Ефросинія, » прозваніемъ *Измарагдъ*, дорогой камень. » Рюрикъ отдалъ дочь свою Всеславу за Рязанск. Кн. Ярослава Глебовича. У Ярослава Владиміровича умерли два сына, Изяславъ въ Лукахъ, Ростиславъ въ Новѣгородѣ. Всеволодъ послалъ Павла на Епископство въ Переславль южный. Авг. 28 родился у Вел. Князя сынъ Іоаннъ. — Здѣсь конецъ древней *Кіевской Лѣтописи*, соедившейся съ *Волыиск. Лѣт.* Далѣе слѣдуютъ одни Волыискія и Галицкія извѣстія. — Въ 1201, Дек. 24, преставилась въ Владимірѣ супруга Ярослава Владиміровича, *свѣсть* (сволича) Великаго Князя. Архіепископъ Мишрофанъ поставленъ Іюля 3, а въ Новѣгородѣ прѣхалъ Сент. 14. — Въ 1202, Авг. 5, пре-

ставилась Фелронія, супруга Миханлова, бывшаго Велик. Князя. Зимого скончалась Евфросинія Борисовна, дочь Всеволодова брата, въ Кидекнѣ. Въ 1204 умеръ сынъ Олега, Князя Черниговскаго (вмѣстѣ съ отцемъ). Дек. 18 преставился Муромскій Князь Владиміръ Юрьевичъ и положенъ въ церкви *Христовъ*. 30 Декабря скончалась дочь Всеволодова Елена. Въ 1206 Великій Князь женился своего сына, Ярослава-Ѳеодора, на дочери Юрья Копчаковича (Хана Половецкаго). Въ 1209, Дек. 7, родился у Константина сынъ Василій, а въ 1210, Іюня 18, Всеволодъ-Іоаннъ. — По житію *благосприаго Князя Константина и сыновъ его, Михаила и Ѳеодора, Муромскихъ чудотворцевъ*, напечатанному въ Прологъ (Маія 21), до самыхъ временъ Всеволода III язычество царствовало въ Муромѣ. Тамъ сказано, что въ 1192 году Князь *Великій* Константинъ Святославичъ, попомокъ Св. Владиміра, собравъ войско въ Кіевѣ, съ сыновьями Михаиломъ и Ѳеодоромъ осадили Муромъ и взяли его; что въ жаркой битвѣ подъ стѣнами города убили Михаила; что Константинъ основалъ тамъ первую церковь Благовѣщенія, просвѣтилъ весь народъ крещеніемъ; что сродникъ его, Георгій Ярославичъ, (въ XIII вѣкѣ) возобновилъ сей храмъ, и съ того времени мощи Константиновы и сыновей его начали славиться чудесами. Мы должны замѣтить для Чипашелей, что о Князѣ Константинѣ Святославичѣ совсѣмъ не упоминается ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ; что опъ временъ Андрея Боголюбскаго до нашествія Татаръ господствовали въ Муромѣ потомки Ярослава Святославича, правнука Св. Владиміра, изъ коихъ ни одинъ не назывался Константиномъ; что опъ 1175 году до 1204 княжилъ тамъ Владиміръ Юрьевичъ, а опъ 1204 до 1228 братъ его, Давидъ Юрьевичъ. — Въ рукописномъ Житіи сего Константина, Муромскаго Чудотворца (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 209) прибавлено, что Муромъ имѣлъ прежде стѣны каменныя и *мраморныя*, опъ коихъ и названъ

Муромомъ; что Константинъ ввелъ тамъ истинную Вѣру въ 1223 году съ такими же обрядами, какъ Св. Владиміръ въ Кіевѣ. Мы знаемъ по современнымъ лѣтописямъ, что уже въ 1096 году находились Христианскія церкви въ Муромѣ.

(123) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 156. — Владиміръ побѣхалъ въ Переславль въ 1213 году; а женился въ 1215 на дочери Глѣба Святославича, котораго по кончинѣ Рюрика сдѣлался Черниговскимъ Княземъ.

(124) Сей городъ былъ ниже Владиміра 60 верстъ: см. *Больш. Чертежъ*, стр. 201.

(125) Вѣроятно, что Рюрикъ умеръ не за-долго до изгнанія его наслѣдниковъ изъ Кіевской области въ 1214 году (см. *Новгородск. Лѣт.*). — Старшій Рюриковъ сынъ, Ростиславъ, зянь Всеволода Великаго, тогда же или скоро умеръ: объ немъ не упоминается болѣе.

(126) О причинѣ Владимірова изгнанія сказано въ *Liefl. Chronik*, I, 97. Напрасно искавъ защиты Полоцкаго Князя, опъ уѣхалъ въ Ригу.

См. о Всеволодѣ Борисовичѣ *Новог. Лѣт.* стр. 79. Сей Князь былъ сынъ Бориса Романовича (см. выше, примѣч. 82).

(127) См. Грубер. *Liefl. Chronik*, I, 98, 121. Сіе было въ 1214 году.

(128) »Иде Князь (въ 1214 году) на Чудъ на Ереву« (Ервенъ, гдѣ пылъ Войснншенинъ) »къ морю.« См. *Liefl. Chr.* I, 95, и *Новог. Лѣт.* 79. — Въ *Новог. Лѣт.* Давидъ Торопецкій названъ только братомъ Владиміра Псковскаго: вѣроятно, что Мстиславъ родился опъ первой супруги Мстислава Храбраго, а Давидъ и Владиміръ опъ второй.

(129) См. *Новгород.* и *Воскресен.* — Ингваръ, внукъ Изяслава II, княжилъ и прежде въ Кіевѣ, въ 1202 году.

(130) Сей Князь былъ прежде женатъ на Княжнѣ Половецкой (*Воскресенск. II*, 141). Въ харапейной

Пушкин. и *Троиц.* лѣтописи сказано, что Новгородцы *выгнали* Мстислава въ 1216 году. Мы болѣе вѣримъ *Новгородской*.

(131) О Владимірѣ Псковскомъ см. *Liefländ. Chronik.* I, 104 — 107. Тестъ Владиміровъ, Диприхъ, брашъ Епископа Альберта, отдалъ ему въ управленіе Идумейскую обласи (между Ригю и Венденомъ), но какъ его господство не нравилось Ордену, то Владиміръ уѣхалъ въ Россію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возвратился съ женою и съ сыновьями, принялъ опять начальство надъ Идумсею, жилъ въ замкѣ Метимъ, судилъ народъ и спарался всеми способами умножать казну свою. Одинъ изъ тамошнихъ Священниковъ, именемъ Алобрандъ, недовольный его корыстолюбіемъ, сказалъ ему: «Государь! ты долженъ судить людей право, а не утѣшашъ ихъ. Опшима послѣднее у бѣдныхъ, можешь ли утвердить здѣшній народъ въ Христіанской Вѣрѣ?» Князь разсердился и съ гнѣвомъ ему опшвѣстивовалъ: «Алобрандъ! я заспаваю тебя подлѣ себя со мною собственнымъ пивомъ богапствомъ.» Владиміръ опять уѣхалъ въ Россію, и сдержалъ слово, данное имъ Священнику, какъ увидимъ послѣ.

(132) Синод. библ. No 46.

(133) Библиотеки Синодальной No 365 въ четвершку, и No 46 въ листъ.

(134) Святослава Всеволодовича. — О битвѣ см. *Воскресенск.* и другія. Въ *Новгород. Лѣт.* сказано, что Мстиславъ и Константинъ спояли на *рѣкѣ Липицѣ*.

Всеволодъ, сынъ Мстислава Романовича, паходился также съ Новгородцами.

Никол. Лѣт. говоритъ, что Александръ Поповичъ, слуга его Торопъ, Добрыня Резаничъ *Златый Полюс* и Неведій Дикуи были вишязи Константина Всеволодовича; но въ другихъ достовернѣйшихъ лѣтописяхъ объ нихъ не упоминается.

Число убитыхъ означено мною по *Воскресен. Лѣт.*

(135) См. рукописныя (Синодал. библ. No 365, и *Воскр.*).

(136) См. *Новгород. и Воскресен. Лѣт.* II, 165.

(137) Іоаннъ, Епископъ Суздальскій, Ростовскій и Владимірскій, въ 1214 году опказался отъ Епархіи. Тогда Константинъ отправилъ духовнаго опца своего Пахомія, Игумена Пешровскаго, въ Кіевъ, и Митрополитъ Матфѣй поспавилъ его Епископомъ Ростову (Ноября 1). Когда же Пахомій (въ 1215 году, Генв. 28) пріѣхалъ въ Ростовъ, Георгій захотѣлъ имѣть особеннаго Епископа и выбралъ Симона, бывшаго Игуменомъ въ обители Рождественской; а Кіевскій Митрополитъ посвятилъ его. Въ современной лѣтописи названъ Симонъ (умершій Схимникомъ въ 1226 году, Маія 22) *учительнымъ и милостивымъ*. Тѣло его было погребено въ Соборной Владимірской церкви: какимъ же образомъ очутилось въ Кіевской пещерѣ (гдѣ его показываюптъ), не знаю. О сочиненіяхъ сего Епископа см. въ *Патерикѣ* (л. 196 и 201 на об.), гдѣ напечатано и посланіе его къ Поликарпу, но вышущены самыя любопытнѣйшія мѣста, или все историческое, касающееся до характера и жизни Поликарповой (Синодал. Библ. No 163): «разумѣхъ тя санюлюбца, и славы ищещи отъ чловѣкъ... Сущимъ отъ Бога не хоцещи *повынутися* (повиноваться), и мыслиши высочайшая... Пипещъ же ми книги (письма) Княгиня Ростиславля» (супруга Ростислава Рюриковича, дочь Вел. Князя Всеволода III) «Верхуслава, коплящи тебе поставиши Епископомъ Новутраду на Онпшисво мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Олексіево мѣсто: *аще ми и тыглица сребра ради. И рѣхъ ей: дщи моя Анастасіе! дѣло не богоугодно хоцещи сътворити. Абы пребылъ въ манастири невисходно съ чистюю съвѣстію... по не поюкмо бы въ Святительскую одежду оболченъ, по и Вышняго Царьспива достонитъ бы бытъ... Аще бы ты былъ достонитъ паковаго сана, не быхъ ты пустилъ отъ себе; по своимъ рукама Намѣстника ты поспавилъ быхъ въ обѣ Епископи, Володимерю и*

»Судалю, яко же Князь Георгій хопѣлъ, но азъ ему
»възбранилъ, видя швое веледуице (гордость)... Азъ
»бы радъ оспавилъ Епископство и рабоналъ Игу-
»мену, *но въси, кая вещь держитъ ми*; и кто не
»въспѣ мене грѣшнаго Епископа Симона и селя Збор-
»ныя (Соборныя) церкви красопы Володимерскія и дру-
»гя Судальскія, юже самъ создалъ! Колико имѣта
»градовъ и селъ! и десятиину збираюшь по всей землѣ
»пшой; а шѣмъ вѣсѣмъ владѣице наша худоснѣ. Предъ
»Богомъ ни моваю: всю сію славу и власть яко калъ
»мнѣлъ быхъ, аще бы ми прескою (коломъ) порчаши
»за врапы или смѣиѣмъ (соромъ) валяиши въ Пе-
»черскомъ монастыри и попираему быши человекъ,
»лучши есшѣ чепши временныя. День единъ въ дому
»маперѣ Божія паче 1000 лѣтъ, въ немъ же воилъ
»быхъ пребывати, паче неже жити ми въ селѣхъ
»грѣшничихъ.» Сей Поликарпъ, описатель житія Пе-
»черскихъ Угодниковъ, здравствовалъ, какъ видимъ, и
»былъ проснымъ Монахомъ Лавры во время Епископ-
»ства Симонова, отъ 1215 до 1226 года; слѣдственно отъ
не Архимандритъ Поликарпъ, умершій въ 1182 году
(см. выше, примѣч. 122): чего незналъ Авторъ Поли-
карпова житія, писаннаго въ новѣйшія времена (см.
Патерикъ).

(138) См. *Воскресен. Лѣт.*

(139) Современный Ливонскій Лѣтописецъ (Liefland. Chr. I, 125) говоритъ что Россіяне, соединясь съ Эзель-
цами и Чудью, имѣли около 20,000 воиновъ; что они
бросали мерныя шѣла въ рѣку, текущую у подошвы
горы, на коей стоялъ Оденскій замокъ, дабы оса-
жденные не могли брать воды для утоленія своей
жажды; что Нѣмцы першѣли недостатковъ въ съѣст-
ныхъ припасахъ, и что голодные лошади Рыцарей
отгрызали хвосты одна у другой. Сіе происходило въ
1217 году.

(140) См. *Вольск. Лѣт.* — По хронологіи Ипать-
евскаго списка (см. выше, примѣч. 95) Король Вен-
герскій приходилъ въ Галичъ въ 1209 году. Даниилъ

уѣхалъ къ брату въ Каменецъ въ 1210, а съѣлъ на
Владимірскомъ престолѣ въ 1211.

(141) См. Райнальд. *Annales Ecclesiastici*, Т. XIII,
стр. 236.

См. *Воскресенск. II*, 156. Бракосочетаніе и коро-
нованіе Андреева сына совершилось, можетъ быть,
года черезъ два. Въ рукописномъ харатейномъ житіи
Св. Саломеи, которое находилось въ Залуской библио-
текѣ, сказано, что сія Княжна не имѣла еще тогда
и прехъ лѣтъ отъ рожденія (см. Нарын. Hist. Nar.
Polsk. IV, 185).

(142) Сіе злодѣяніе совершилось по *Новгородск. Лѣт.* въ 1218 году, а по харатейнымъ въ 1217, Ію-
ня 20, когда Георгій Всеволодовичъ уже княжилъ въ
Судаль.

(143) Константиинъ преставился въ 7 часу дня. Ва-
сильку было тогда девять лѣтъ, а Всеволоду десять
отъ рожденія.

Супруга Константинова скончалась въ 1221 году,
Генв. 24, и положена въ Роспově.

(144) Сытъ Мстислава Романовича Кіевскаго.

(145) «Пособи Богъ Новгородцемъ» См. Liefland.
Chr. I, 139. Кельхъ въ своей Исторіи (стр. 59) го-
воритъ, что Россіяне одержали побѣду.

(146) См. *Воскр. Лѣт. I*, 26.

(147) См. *Воскресен. Лѣт. II*, 169. Сіе было въ
1219 году.

См. *Лѣтоп. о великомъ градѣ Устюгѣ* (наход.
въ Вологодской Епископской библиотекѣ). Въ жи-
тіи Св. Іоанна Устюжскаго (см. *Пролог. Маія 29*)
сказано, что сей городъ былъ нѣкогда тамъ, гдѣ село
Пужово на берегу Сухоны. — О *Кнзьяхъ Устюж-
скихъ* см. въ *Новгородск. Лѣт.* стр. 176.

Первобытныя обитатели Вологодской и Архан-
гельской Губерніи обыкновенно называются въ на-
шихъ лѣтописяхъ Заволоческою Чудью. Откуда же
пришли Россіяне въ Устюгъ, изъ Новгородской или

Суздальской области, и кто основал сей городъ, они или Чудъ, не знаемъ. Здѣсь въ первый разъ объ немъ упоминается. Успюгъ зависѣлъ тогда отъ Великаго Князя Суздальскаго: ибо жилища его составляли часть Георгіева войска; а послѣ отъ Рославскаго (см. Т. IV, примѣч. 188). Древнѣйшій изъ Успенскихъ Священъ, конхъ житіе описано въ Прологѣ, естъ Прокопій Юродивый, умершій въ 1303 году, куонецъ Нѣмецкій, принявшій въ Новгородѣ Вѣру Греческую (см. Прол. Іюля 8; по въ рукописныхъ свѣдѣніяхъ именуется еще Іоаннъ Праведникъ и супруга его Марія, начальники древняго Успенскаго (погребенныя у церкви Вознесенія на посадь, также преподобный Кипріанъ, спровисель Архангельскаго монастыря, которые жили гораздо прежде.

(148) (Воскр. II. 169). Мѣсто, нынѣ именуемое *посадъ Спиряя Унжа*, находится въ Костромской Губерніи на берегу рѣки сего имени.

Святославъ ходилъ на Болгаровъ въ 1220 году. Въ харапейныхъ сей походъ описанъ кратко.

Городъ Ошель, находившійся не далеко отъ устья Камы, былъ взятъ и сожженъ Іюля 15.

(149) По харапейнымъ Новгородъ Нижній заложенъ въ 1221 году. Тапищевъ пишетъ, что на семь мѣстъ находится прежде Болгарскій городъ, разоренный Россіянами.

(150) См. *Воскресен. II, 174.*

Въ *Волынск. Лѣт.* о Коломанѣ ни слова: вѣроятно, что онъ былъ въ Венгріи. Длугошъ пишетъ, что Коломанъ ушелъ тогда изъ Галича вмѣстѣ съ Епископомъ Краковскимъ, Викенціемъ Кадлубекомъ, и съ Канцлеромъ Лешка Бѣлаго Ивопомъ; но именныя чиновники Польскіе не могли быть въ сіе время у сына Андреева, ибо Лешко находился въ ссорѣ съ Андреемъ. Нарушевичъ справедливѣе говоритъ о бѣгствѣ Кадлубека уже по разбитіи Венгерскаго Воево-

ды, Филиція. — Первый походъ Мстислава въ Галичъ былъ въ 1219 году.

(151) См. *Волынск. Лѣт.*

(152) » Въ то же время прислаша Князи Литовскіе къ Великой Княгини Романовой, и къ Данилову, и къ Василькову, миръ даючи. Блху же имена Князей: се старшій » *Жавильбудъ*, *Довиль*, *Довспруикъ*, братъ его *Мидогъ*, братъ *Довьяловъ* Великанъ; а Жемонискинъ » *Князь Эрдивиль*, *Выкыитъ Арусовицъ*, *Китибудъ*, » *Вильбудъ*, *Бутовицъ*, *Вижевиль* и сынъ его *Вициль*, » *Китеній*, *Пликовосъ Асббулевичъ*, *Вицильмунъ*, его же » *уби Мидогъ* и жену его поятъ и братью его побитъ, » *Эдивила*, *Сарудыйка*; а се Князи изъ Литвы: *Юдь* » *кы*, *Пукыйкъ*, *Бикши*, *Ликлийкъ*. Все миръ дана Князю Данилу и Васильку и бѣ земля покойна. Ляхомъ же не » престающимъ пакоснящимъ и приведе на нѣ Литву » и много убійства сътворишася въ нихъ » (*Вол. Лѣт.*).

(153) Полагаемъ, что Мстиславъ въ первый разъ занялъ Галичъ въ 1219 году, изгнавъ Венграми уже въ слѣдующемъ, а побѣдилъ ихъ и плѣнилъ Коломана или въ 1220 или въ 1221 году.

(154) См. Длугоша и Сприковскаго. Такую же хитрость употребилъ Изяславъ II (см. выше). Длугошъ I, 607: *O magne lux et victor Mscislae Mscislavice! o fortis accipiter* (соколъ) и проч.

(155) Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь обстоятельство взяты изъ Длугоша, коего повѣствованіе кажется на сей разъ достовернымъ, будучи согласно въ главныхъ обстоятельствахъ съ *Волынск. Лѣт.* Онъ безъ сомнѣнія пользовался какими нибудь Галицкими извѣстіями.

(156) См. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 190.

(157) См. Сприковск. Литовскую Хронику и Мѣхов. Hist. Pol.

(158) Сія мирныя условія извѣстны намъ по грамотѣ Папы Гонорія III, писанной въ 1222 году къ Андрею Венгерскому (см. Райнальд. Annal. Eccles. XIII.

324, 325). Папа, отвѣстствуя сему Королю, говоритъ: Casu sinistro accidit, Regem ipsum (Коломана) cum sponsa sua et pluribus aliis viris nobilibus à tuis hostibus capturari, et tamdiu extra regnum ipsum mancipatos custodiae detineri, donec, necessitate compulsus, cum ipsos aliter liberare non posses, iuramento praestito promisisti, quod filio tuo, tertio genito, concesseris ipsi regnum (Галицію) praefatum . . . filiam nobilis viri Mizoslai (Мстислава) matrimonialiter copulares, super quo utique Apostolicae provisionis suffragium postulasti. *Вольфск. Лѣт.*, не сказавъ ничего о мирѣ, говоритъ о бракѣ Мстиславовой дочери . . . » Галичаномъ бо хощящимъ Данила . . . Мстиславъ же дастъ Галичь » Королевичю.« Сіе было уже послѣ Калкеской битвы съ Татарами въ 1224 году; но Мстиславъ единственно исполнилъ тогда договоръ прежній (какъ видно изъ письма Гоноріева), заключенный въ 1221 году. Длугошъ пишетъ, что Венгерскій Королевичъ, по условію черезъ три года получалъ Галицкое Княженіе. Сей Историкъ не зналъ претрѣяго сына Королевскаго, Андрея, и думалъ, что Мстиславова дочь, которую онъ называетъ *Марією* (а другіе *Еленою*: см. Геггарди Gesch. des R. Hung. II, 91) вышла за Белу, и что Мстиславъ возвратилъ Галичь Коломану.

(159) Въ письмѣ Гонорія (см. выше: Regi, nato suo secundo genito Коломану) ad Regnum Gallitiae sibi datum per venerabilem fratrem nostrum, Strigoniensem Archi-Episcopum, auctoritate Sedis Apostolicae coronato in Regem. О первой повѣстѣ Андреевой, Царевнѣ Арменской, см. Прая Annal. Reg. Hung. III, 216. Далѣе говоритъ Папа: Cum enim, sicut accepimus, praefatus filius tuus et filia supra dicti Mizoslai in minori existant constituti aetate, antequam ad nobiles annos perveniant, tibi cautius et consultius provideri poterit in hoc casu, и проч.

(160) *Вольфск. Лѣт.*—Въ Червенѣ княжилъ братъ Александровъ, Всеволодъ Всеволодовичъ.

(161) См. Lief. Chr. I, 140, 148, 158, 170, 176, 177.

Владимірѣ Псковскій ограбилъ тогда домъ Святенника Алобрада (см. выше). Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, названъ въ Lief. Chr. *Герцесмиовичъ*. — Лашыши и нынѣ именуютъ Венденъ Кесисъ и Цесисъ, Zehsis. Ливонскій Лѣтописецъ и здѣсь въ означеніи времени опспасъ опъ нашего четьрмя годами.

(162) См. Маллема Hist. de Danemarc, III, 395 — 401. Ревель основанъ въ 1218 или 1219 году. Тамъ былъ прежде замокъ Линдаиссе: Датчане разрушили его. Прежде вся сія область называлась Ревелемъ. Опъ чего произошло Русское имя Колывана, не знаю: оно должно быть Чудскаго языка.

(163) Lief. Chr. I, 160, 180, 189. Шведскій Король Іоаннъ около 1220 году присталъ къ берегамъ Эстони — той части ея, которая называлась Роталією, проливъ острова Эзеля, и гдѣ до нынѣ одинъ погостъ называется Rötäl. Оспавивъ войско въ замкѣ Леаль, Король возвратился въ Швецію. — Походъ Россіянъ къ Колываню или Ревелю былъ по нашей лѣтописи въ 1223, а по Ливонской въ 1222 году.

(164) Lief. Chr. I, 64, 189, 191, 193, 196. Сей Лѣтописецъ рассказываетъ, что Вячко (Viesceka), начальствуя въ Кукенойсѣ, былъ плѣненъ Рыцарями, но освобожденъ Епископомъ въ 1206 году; а послѣ ограбилъ, умертвилъ многихъ Нѣмцевъ, и боясь мести, ушелъ въ Россію. Въ Новгородской лѣтописи (стр. 36) еще подъ 1167 годомъ упоминается о Князѣ Вячкѣ, помянутомъ или другомъ (см. сей *Исторіи* Т. II. примѣч. 356). — Сами Нѣмцы укрѣпили замокъ Юрьевскій.

(165) Въ *Новгородск. Лѣт.* сказано: «убиша Князя Вячка Нѣмцы въ Гюргевѣ, а городъ взяша» (въ 1224 году, а по Ливонск. лѣтописи въ 1223.)

(166) Lief. Chr. I, 201.

(167) Маловажныя происшествія описаннаго нами времени сунъ слѣдующія:

Въ 1213, Окп. 23 родился у Георгія сынъ Всеволодъ-Димитрій.—Въ 1214 у Константина родился сынъ Владиміръ-Димитрій. Въ 1216 преставился Росиовскій Епископъ Пахомій и погребенъ въ церкви Богоматери: мужъ добродѣтельный, исполненный книжнаго ученія. Поставленъ Епископомъ Ростову Кирилъ, Черниризецъ Суздальской обители Св. Димитрія. Новгородцы смѣнили Посадника Юрія Ивановича и выбрали Твердислава Михалковича.—Въ 1219 родился у Ярослава Всеволодовича сынъ Θεодоръ. — Въ 1220 преставился въ Кіевѣ Россійскій Митрополитъ Мануей, Авг. 19.—Въ 1223 скончался Новгородскій Архіепископъ Митрофанъ Іюля 3. Граждане въ этотъ же день ввели въ домъ Священительскій Хутынского Монаха, Арсенія, человека добродѣтельнаго.

(168) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 40 и годъ 1133. Изяславъ Мстиславичъ ѣздилъ въ Смоленскъ, чтобы взять съ тамошняго Владѣтеля *дары* для Великаго Князя: сн дары были обыкновенною данію.

(169) См. Т. II, стр. 141.

(170) Въ семъ смыслѣ Разанскіе, Тверскіе, иногда Смоленскіе и Черниговскіе именовались *Великими*, а не *Мстиславскими*, какъ сказалъ Болтинъ. Последнее названіе принадлежитъ новѣйшимъ временамъ. Князь Мстиславъ значилъ то же, что Помѣстный; онъ былъ ниже Удѣльнаго или Владѣтельнаго.

(171) Города Слуцкъ, Мозырь и другіе на берегахъ Припечи были отданы Георгіемъ Долгорукимъ роду Князей Черниговскихъ: см. сію *Исторію* въ описаніи годовъ 1149 и 1155; также *Воскресенск. Лѣт.* II, 67, и *Новгородск.* стр. 20, 79.

(172) См. Т. II, стр. 137, и выше стр. 192.

(173) Такъ по смерти Изяслава I вступилъ на Кіевскій престолъ не сынъ его, а братъ Всеволодъ I, послѣ Всеволода старшій его племянникъ Святополкъ, послѣ Мстислава Великаго братъ Ярополкъ, и проч.

(174) То есть, Ярославъ Святополковичъ, сынъ его Юрій, внукъ Глебъ, и проч.

(175) *Рос. Библиот.* стр. 210, и *Воскресенск. Лѣт.* I, 290. Монахъ Рубрукъ въ 1253 году встрѣтился съ Половчаниномъ, который даже говорилъ Латинскимъ языкомъ (въ Бержерон. *Voyages*, I, стр. 45.)

(176) *Мемор. Popul.* II, 672—722.

(177) См. *Ярославу Правду* и *Новгородск. Лѣт.* стр. 81, 89 и 112, гдѣ сказано, что Князь на пять лѣтъ освободилъ простой народъ отъ дани.

(178) Мы уже видѣли множество примѣровъ сего народнаго своеволюства. Не говоря о славныхъ Вѣкахъ Новгородскихъ, вспомнимъ мятежъ Кіевлянъ при Изяславѣ I и требованіе предложенныя ими на Вѣчѣ Игорю II (см. Т. II, стр. 84 и 236.)

На Вѣчѣ, бывшемъ въ Владиміръ по смерти Андрея Боголюбскаго, присутствовала вся *Дружина*, отъ *мала до велика*: см. *Рос. Библиот.* стр. 255.

(179) См. выше, стр. 15, *Рос. Библ.* стр. 202, 203, и *Новгород. Лѣт.* стр. 40.

(180) См. *Новгород. Лѣт.* стр. 75, гдѣ сказано, что у Димитра, Посадника и богатаго купца, были села; см. также выше, стр. 31.

(181) Она напечатана при Царѣ Алексѣи Михайловичѣ, по *благословенію Іосифа Патріарха* (слѣдственно прежде Никона), но была извѣстна въ Россіи вѣка за четьре до временъ его: что доказывается харатейною Кормчею Книгою, писанною для Софійской Новгородской церкви около 1280 года (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 65).

Кормчая Книга содержитъ въ себѣ и нѣкоторые гражданскіе законы, конны въ случаяхъ, неопредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ, руководствовались наши судьи въ государствствованіи Іоанна III (см. Т. VI). Царь Алексѣи Михайловичъ, уже издавъ *Уложеніе*, счелъ за нужное въ 1654 году разослать ко всѣмъ Воеводамъ выписки изъ Греческихъ законовъ Номоканона, и велѣлъ судить по онымъ дѣла уголов-

пня: о чемъ будемъ говорить въ Исторіи XVII вѣка, и тогда представимъ достопамятный указъ Царскій въ подлинникъ.

(182) См. *Воскресенск. Лѣт.* I, 284, 301; II, 57, и *Новгородск. Лѣт.* 83. Роспловцы изгнали Епископа Леона, Князь Черниговскій Антонія, и проч. — О Епископѣ Кириллѣ сказано въ Пушкинскій лѣтописи.

(183) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 39 и 140, Новгорода. 62, и сію *Исторію* въ описаніи 1150 года.

(184) См. *Воскресенск. Лѣт.* I, 205. Далѣе См. *Рос. Библіот.* стр. 94 и 204, *Воскр. Лѣт.* II, 33. О Конюшихъ упоминается въ Ярославовой *Правдѣ*. *Судельники* и *Кошцы* также были въ числѣ придворныхъ.

(185) См. выше, примѣч. 20.

(186) См. выше, примѣч. 37. Имя *Пасынковъ* въ смыслѣ Болгарскихъ Отроковъ ещѣ весьма древнее. Въ Несторово время одно мѣсто въ Кіевѣ называлось *Пасынка бѣгда*, шю естѣ, сборное мѣсто сихъ военныхъ людей.

(187) Такъ вооружались Переяславскіе *граждане* для спасенія Владиміра Глѣбовича (см. выше, стр. 74) и поселеніе Суздальскіе для опраженія Новгородцевъ и Смоленцевъ въ 1216 году: см. выше.

(188) См. Т. II, стр. 83.

(189) См. *Воскр. Лѣт.* II, 84, 111, *Рос. Библіот.* 136 и *Новгород. Лѣт.* 93.

(190) Войско Андрея Боголюбскаго, осаждавшее Вышгородъ въ 1173 году; но кромѣ дружинъ его союзниковъ.

(191) См. *Рос. Библіот.* 223, 224, *Новгород. Лѣт.* 38, и *Liefl. Chr.* I, 193, 195.

(192) См. *Воскр. Лѣт.* II, 76.

(193) См. въ Бержерон. *Voyages* путешествіе Рубруквиса (въ 1253 году) стр. 1 и 5. Россіяне давали

за возъ соли по двѣ ткани бумажныя, копорыя сполни $\frac{1}{2}$ *гиперпера* или Константинопольскаго червонца (см. Дюканж. *de infer. aevi numismat. Dissert.* стр. 71.

(194) См. *Sammlung Russ. Gesch.* Т. II, стр. 10, 83. Половцы не владѣли Херсонскою областію.

(195) См. *Foüiem. Hist. Genuens.* стр. 297.

(196) См. выше, стр. 73, и *Рос. Библіот.* 278.

(197) См. выше, примѣч. 16, *Патерикъ* въ житіи Св. Агапіи, и *Слово о полку Игоревѣ* стр. 22. Венеціане узнали Россіянъ чрезъ Константинополь со времени Крестовыхъ походовъ. — Объ изгнаніи Мартина Сандомирскаго пишетъ Длугошъ, *Hist. Polon.* кн. VI, стр. 649: *Wladimirus Kioviensis Dux veritus ritum suum Graecum per fratres Praedicatores, videlicet Martinum de Sandomiria, Priorem Kioviensem, et alios fratres ejus, utpote viros Religiosos et exemplares, pessundari et confundi, praefatos Fratres de Ecclesia S. Mariae in Kiow, ordini praefato consignata, et circa quam habebant suum conventum, expellit, redeundi facultatem eis interminans.* Энгель въ своей *Gesch. von Halitsch* стр. 556, ссылаясь на Окольскаго, сочинителя книги *Russia Florida*, рассказываетъ, что Владиміръ выгнать тогда Доминиканскаго Монаха Іакинба; что сей Монахъ, вылечивъ прежде его дочь и возвративъ ей зрѣніе, пользовался опимъшою милостію Княжескою, съ дозволенія Владимірова проповѣдывать Латинскую Вѣру въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Москвѣ и проч. Это сказка. Владиміръ не могъ дозволить Іакинбу проповѣдывать въ Черниговѣ и Москвѣ, ибо сін города не зависѣли отъ него. Къ тому же Іакинбъ находился въ Кіевѣ послѣ 1240 года (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 9).

(198) См. *Путешествіе* Палласа I, 192 — *Депехина Записки*, I, 272 — Миллер. *Samml. Rus. Gesch.* V, 214, 428. Сін надписи переведены для Государя Петра 1 въ 1722 году Казанскимъ Армяниномъ Иваномъ

Васильевымъ. Одна изъ нихъ 557 года; но должно знать, что Армянское лѣтосчисленіе начинается съ нашего 552 года, Іюля 9 (см. l'Art de vérif. les dates). — Нынѣшнее село Болгары (не далеко отъ Теплютъ) основано на самыхъ развалинахъ древняго Болгарскаго города. Тамъ видны ровъ, валъ и даже каменные зданія, еще не совсѣмъ разрушенныя временемъ; семь палатъ, чепыре башни, два сполба. Бывшая тамъ мечеть Татарская обращена въ церковь Св. Николая. Жители называютъ остатки другаго зданія *Греческою палатою и судейскими долами*. — Арабскій Географъ X вѣка, Ибнъ Гаукаль (см. Géographie Orientale d'Ebn-Haukal par Silvestre de Sacy) пишетъ о городѣ Болгаръ и другомъ сосѣдствennomъ, сказывая, что въ нихъ около десяти тысячъ жителей.

(199) Эрбелон. Biblioth. Orient. подъ словомъ Bulgar, и Миллер. Samml. R. G. VII, 428.

(200) То есть, отъ 619 до 742 года Эгиры (см. Палласа I, 193). Всѣхъ Арабскихъ надписей 47, изъ коихъ 22 одного 623 или 1226 года: Палласъ заключаетъ, что въ семь году было тамъ моровое повѣтріе. Приведемъ здѣсь одну надпись: »Господь есть Богъ живой и безсмертный... Гробъ Владычелъ Шахима, Мамлюка сына. Мамякъ Марпуловъ сынъ, Марпулъ Суваровъ. Всевышній да упокойтъ его» Своимъ милосердіемъ. Умеръ въ году отъ Магомета 623 « (см. Лепех. Записки I, 274).

(201) См. выше, стр. 97.

(202) См. Т. II, стр. 204, Саксон. Граммат. стр. 271, и въ Сартор. Gesch. des Hanseat. Bund. I, 191, гдѣ приведено слѣдующее мѣсто изъ грамоты Императора Фридриха, писанной въ 1187 году: Ruteni, Goti, Normanni, et ceterae gentes orientales ad civitatem sepius dictam (Любекъ) veniant et recedant. Тоже сказано въ договорѣ Смоленскаго Князя съ Нѣмцами: см. ниже. Адам. Бременскій (въ Липденбр. стр. 58) около 1070 года пишетъ, что въ его время Данишане доплывали иногда до Новгорода въ 4 недѣли. О

церкви Русской въ Готландіи см. Nov. Act. Societ. Upsal. T. II, стр. 101, и ниже.

Королевскіе Шведскіе чиновники, посланные въ XVII вѣкѣ на островъ Готландскій, привезли отсюда слѣдующее извѣстіе: Ex India, Persia, Arabia, Graecia devehantur merces Derbendam, Caspii portum maris, hinc per mare istud et Wolgae fluvium ad urbem Moscuae, tum porro terrestri primum itinere non longo, et aquis dein variorum luminum mariumque Wisbyam usque, utpote in centro sitam Balthici oceanі, et in qua, sicut gentes aliae, ita Russi quoque templum habuere publicum domumque convendiendis ac permutandis mercibus propriam. См. Сарт. Gesch. des Hans. B. I, 381.

(203) Въ Любекскомъ Архивѣ нашелся Латинскій списокъ договора Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новымъ городомъ, напечатанный Дрееромъ въ книгѣ *Specimen juris publici Lubecensis*, стр. 177, съ нѣкоторыми вѣдущими и даже грубыми ошибками: что доказано вѣрными, новымъ спискомъ сей грамоты, не давно присланнымъ изъ Любека къ Е. С., Государствennomу Канцлеру, Графу Николаю Пепровичу Румянцеву. На примѣръ, Дрееръ выпустилъ важныя слова въ концѣ грамоты: Via a curia Gotensium trans curiam Regis usque ad forum libera erit et edificiis inoccupata, libertate, quam Rex edidit *Constantinus*; а въ началѣ, вмѣсто *Rex, Borchravius* (то есть, Посадникъ) *Dux* (Тысячскій) et Nogardienses discretiores, поспавилъ: *Rex Borchramus*. Еще не выдавъ сего новаго списка (который будетъ скоро изданъ), Лербертъ угадалъ истинну (см. его Untersuchungen, стр. 239 — 272). — Предложимъ содержаніе грамоты.

» Во имя Бога Всемогущаго Аминь, и проч.
» Купцы Нѣмецкіе и Готландскіе да торгуютъ свободно въ областяхъ Новгородскихъ, какъ издревле бывало; могутъ, входя въ Неву, рубить лѣсъ для своей надобности, и въ случаѣ кораблекрушенія жителей должны не грабить ихъ, но оказывать имъ

» всякую помощь: въ удостовѣреніе чего Князь и Бояре Новгородскіе цѣлуютъ святыи крестъ. » (Въ подлинникъ: Cum mercatores Thentonicici vel Gotenses veniunt in *Berko*, in regno regis Nogardiensium, и проч. Сей *Berko* есть *Віорко*, на Юго-Западъ отъ Выборга. Ежели сей островъ принадлежалъ тогда къ Новгородскимъ владѣніямъ, то предлагаемый договоръ былъ писанъ прежде 1293 года, когда Шведы овладѣли сею частію Кореліи. См. Лерберга *Untersuchungen*, стр. 258).

» За всякую обиду, сдѣланную гостю, отвѣтствуютъ Правительство. Если въ пущи украдушь у Нѣмца вещь цѣлою ниже полугривны кунъ, то воръ долженъ откупиться отъ наказанія двумя гривнами кунъ; а если она дороже, по еи оишъ меньше полугривны серебра, то виновный долженъ быть наказанъ розгами и заключенъ на цѣкъ, или заплащивъ десятиъ гривень серебра. За вѣжливѣе воровство казнитъ смертію. Преступленіе, учиненное въ Ижерской области, судится ея Тіуномъ; а если онъ чрезъ два дни не явится, то старшины гостей могутъ сами наказатъ вора по означеннымъ правиламъ.

» Когда гости зимніе, или желающіе зимовать въ Новгородъ, будутъ на Ижеръ, Тіунъ высылаетъ лодошниковъ, кои немедленно опираются съ гостями, дающими каждому изъ нихъ 8 кунъ или мордокъ и двѣ сальфешки, или вмѣсто оныхъ 3 мордки, а гости льтніе сверхъ того четыре хлѣба и судъ масла или 2 куны за хлѣбы, а за масло три мордки. » (Въ подлинникъ названы лодошники *vectores* и *ductores* или *Vorschkerle*, рѣка Ижора, *Vorsch*, Тіунъ *Oldermannus*. Ижерскій приставъ долженъ былъ извѣстить Тіуна о прибытіи гостей. Собраннымъ лодошникамъ позволялось только однажды сварить себѣ кушанье (*decoquetur eis unum caldarium, et non plus*), чтобы не задерживать купцевъ. *Куны мордки*, *capita Martatorum*, вообще то же, что куны: см. Т. I, примѣч. 472; но куны были различныя. Въ дого-

ворахъ Князя Тверскаго Михаила съ Новымъ городомъ упоминается о купцахъ долгихъ (см. ниже). Собственно такъ называемая *кунь мордка* превосходила, кажется, въ цѣнѣ обыкновенную куну: ибо въ практѣ сказано, что за печеный хлѣбъ гости платили 2 куны, а за сосудъ масла 3 мордки кунъ, то же за пару сальфешекъ. Лодошники получали сію плату дошедши съ гостями до рыбацкихъ хижинъ. » Пошлина въ Новгородъ — платимая въ какомъ-то мѣстѣ *Gestevelt* — установлена равная для зимнихъ и льтнихъ гостей: съ каждаго изъ судовъ купеческихъ гривна кунъ; съ нагруженного мясомъ (соленымъ), мукою и пшеницею $\frac{1}{2}$ гривны, а съ другихъ съѣстныхъ припасовъ пѣтъ никакого сбора. Гости, взявъ Рускую ладію съ Невы, въ Новгородъ даютъ лодошнику установленную цѣну и окорокъ вѣчины или 5 гривенъ кунъ; еслиже ладія вспарывалась въ Волховѣ или на Ладожскомъ озерѣ (*Aldagen*), то платятъ единственно половинную цѣну. Буде ладія отстанетъ въ пущи отъ другихъ или разобьется, то лодошникъ хотя и не отвѣтствуетъ за сіе несчастіе, однакожъ не можетъ требовать платы; но за товаръ, испорченный имъ отъ небреженія, платитъ купцу. Если гости и лодошники, имѣвъ въ пущи ссору, примирятся, то уже не надобно поминать объ ней въ Новгородѣ.

Гости, по древнему обыкновению, могутъ свободно, входя въ Неву, торговать съ Корсолою и съ Ижерцами.

Въ Новгородѣ за перевозъ товаровъ на гостинной дворъ Нѣмцы платятъ съ ладіи 15 кунъ, а Голландцы 10. Тамъ Новгородцы не могутъ предписывать никакихъ законовъ въ куплѣ. Сии гостинные дворы пользуются неограниченною свободою. Ежели укроелся въ оныхъ преступникъ, то иноземцы не обязаны выдавать его: онъ судится единственно по поминнымъ судомъ. Герольды и Бирючи не входятъ ни въ Нѣмецкій, ни въ Голландскій дворъ: одинъ

» Посолъ Княжескій имѣетъ сіе право. Обиженный
 » Россіяниномъ гость жалуется Князю и Тіупу Но-
 » вгородскому, обиженный гостемъ Россіянинъ Спа-
 » рыйшииъ (Oldermanно) иноземцевъ, который одинъ
 » можетъ взять его подъ спираку. Ссоры между Рос-
 » сіянами и гостями судятся на дворѣ Св. Іоанна
 » Княземъ, Спарыйшииою (иноземцевъ) и Новгород-
 » цами. Непригожая забава, вѣтхосъ люди бьются дреколь-
 » емъ, не должна быть терпима на улицѣ между дво-
 » рами Нѣмецкими, чтобы Россіане и гости не имѣли
 » повода къ ссорамъ. Кію силою вломився въ гости-
 » ный дворъ и сдѣлаешь Нѣмцамъ обиду, ипотъ под-
 » вергаются ихъ произвольной мести, а пачальство
 » за него не вступається; если же уиденъ и будетъ
 » обличенъ семью свидѣтелями, долженъ заплащивать
 » двойную виру или двадцать гривенъ серебра, а ка-
 » ждый его сообщникъ 2 гривны серебра, сверхъ осо-
 » беннаго убытка, причиненнаго сямъ насиліемъ. Когда
 » же виновный бѣденъ, за него платяиъ Новгородцы.
 » Если преспушииъ будетъ задержанъ на дворѣ Нѣ-
 » мецкомъ, то его должно наказати всенародно. Кію
 » дерзаетъ ломати вороша или заборъ сего двора,
 » или пустииъ въ оный *стрѣлу*, или бросииъ камень,
 » ипотъ платииъ десять гривенъ серебра.

» Вся входящія на гостиный дворъ ипоргуютъ
 » въ ономъ свободио; пѣтъ розницы между Россіяни-
 » номъ и Нѣмцемъ (*modica vel nulla est differentia*).
 » Гости пользуются такою же свободою виъ сего
 » двора.

» Нѣмцы могутъ невозбранно учиниъ своихъ опро-
 » ковъ языку Русскому. Опъ церкви Св. Николая до
 » гостиннаго двора и самой улицы не должно заспрон-
 » ванъ никакого мѣста. — Кладбище Св. Петра,
 » торговые дворы Нѣмцевъ и Готландцевъ могутъ
 » быиъ обносиы заборомъ, какъ и прежде. Церкви
 » (Нѣмціа) Св. Петра и Св. Николая въ Ладогѣ
 » пользуются, какъ и въ спарину, особенными, опве-
 » денными имъ лугами.

» Если будетъ ссора между *жителями гостями* и
 » Россіянами, то *лѣтими гостями* пѣтъ до оной ни-
 » какого дѣла, и вообще каждый иноземный купецъ,
 » не смотря на сію распрію, имѣетъ свободный вы-
 » ѣздъ изъ Новгорода. Ежели она не будетъ прекра-
 » щена ни въ годъ, ни въ два, то на претій годъ
 » Новгородцы уже могутъ поступити съ гостями
 » какъ съ неприятелями: описати ихъ имѣіе, запо-
 » чиниъ, и проч. « (*sic Pandatio admittetur*. Глаголъ
randage означалъ *apposer ban sur quelque chose*: см.
 Дюканж. Glossar. Такъ Новгородцы поступили съ
 Нѣмцами въ 1188 году). » Россіянинъ не имѣетъ также
 » права задержати въ домѣ у себя иностранца; по-
 » долженъ объявити его вину Спарыйшииъ, который
 » предостерегаеиъ своего единоземца.

» Въ случаѣ войны между Новымгородомъ и спра-
 » нами окрестными гостѣ Нѣмецкій или Готландскій,
 » ни мало не участвуя въ оной, воленъ ѣхати, куда
 » ему угодно. Нельзя также принудити его, чтобы
 » онъ вооружился и шелъ въ походъ съ Новгородца-
 » ми. — Гость Нѣмецкій, желая изъ Новгорода оп-
 » правитиъ въ Готландію, даеиъ гривну серебра въ
 » церковь Св. Пятницы « (*Sti Vridach, m. e. Freytag*).

» Во всякой пляжбѣ гостя съ Россіяниномъ должны
 » быиъ свидѣтелями два гостя и два Россіинна. Если
 » Россіянинъ и гости несогласны въ свидѣтельствѣ,
 » то жребій рѣшииъ, на чьей споронъ истина. Но-
 » вгородецъ, будучи должникомъ гостя и другаго Но-
 » вгородца, обязаиъ заплащивать прежде гостю; а если
 » не можетъ, то лишается свободы, вмѣстѣ съ же-
 » пою и съ домочадцами. Заимодавецъ выводитъ его
 » на поргъ, и воленъ увезти изъ Новгорода, буде
 » никто не искупииъ сего должника.

» Ежели — чего Боже сохрани — убиетъ кто Свя-
 » щенника, Спарыйшину и Посла, то убица платииъ
 » двойную виру или 20 гривенъ серебра; въ другихъ
 » случаяхъ 10 гривенъ; за убіеніе холопа 2 гривны
 » серебра; столько же и за рану свободного человека,

» а за рану холопа $\frac{1}{2}$ гривны; за пощечину столько же.

» Всы госпинного двора могутъ быть два раза въ годъ повѣрлены: на нихъ должно вѣсить все повары Нѣмецкіе и Россійскіе. Гости плащитъ вѣсовщику 9 векшей съ капи, или съ двѣнадцатью пудъ « (9 Schin de Cap.) См. о капи ниже. Векша названа здѣсь Schin. По Смоленскому, ниже предлагаемому договору надлежало плащитъ вѣсовщику съ двухъ капей одну куну: изъ чего можно заключить, что Смоленская куня равнялась цѣною съ 18 Новгородскими векшами; а какъ въ гривнѣ серебра было въ 1228 году Смоленскими кунями чепыре гривенны, а Новгородскими въ 1230 году семь гривенъ, то вѣроятно, что куня вообще содержала въ себѣ десять векшей (см. сей *Исторію* Т. I, примѣч. 475). » Избранный Новгородцами вѣсовщикъ цѣлуешъ крестъ во увѣреніе, что не будетъ никого обманывать, и за вѣшеніе металловъ драгоценныхъ не беретъ платы. » Узаконенный пробирщикъ, взявъ отъ гостей серебро для плавки, долженъ, возвращая имъ оное, исключить примѣсь. Иноземецъ можетъ пребывать въпорочной повѣрки въ весь своего металла. За пробирщика, буде онъ не возвратитъ гостю серебра его, опившесивующъ Новгородцы. Въсь, называемый *капъ*, содержитъ въ себѣ 8 Ливонскихъ шаламповъ « (въ шалампѣ было 60 фунтовъ). » Законная мѣра для продажи и купли есть ша, которая хранилась въ (Нѣмецкой) церкви Св. Петра.

» Гости зимніе и лѣтніе, отправляясь изъ Новгорода, могутъ взять на Ижеръ проводника, коему даютъ 8 мордокъ и 1 хлѣбъ. Они вольны ѣхать съ поварями и на собственныхъ лошадяхъ.

» Дворъ Готландскій съ церковію, съ кладбищемъ Св. Олава и съ окрестными лугами по древнему уставу должны быть отъ всего свободны. Мѣсто вокругъ сего двора на 8 шаговъ принадлежитъ Готландцамъ. нунъ не строить никакого зданія, и не складывать лѣсу. Они уже не обязаны мостить

и чистить мостовыхъ за прежій, проданный имъ дворъ.

» Какими правами и выгодами пользуются гости въ землѣ Новгородской, такими же пользуются и Новгородцы въ Готландѣ. — Аминь.»

Вѣроятно, что сей любопытный пращитъ писанъ скоро послѣ времени Консвантинныхъ или около 1230 года; но дѣйствительно ли былъ принятъ и утвержденъ Новгородцами? не думаю: ибо не находимъ въ немъ ни года, ни имени Князя, Посадника и Тысяческаго, которыхъ обыкновенно означались въ Новгородскихъ грамотахъ. Вѣроятно ли также, чтобы Новгородъ далъ иноземцамъ право судить Россійскихъ преступниковъ, буде не явится Тѣмъ въ уставленный срокъ, и чтобы за воровство маловажное (нынѣшними деньгами отъ одного до пяти или шести рублей) клеймили, а за важнѣйшее казнили воровъ смертию, въ землѣ, гдѣ самый убійца откупался серебромъ? Иноземные купцы, опасаясь частаго воровства болѣе, нежели рѣдкихъ убійствъ, могли предложить сей законъ; но могло ли Новгородское Правительство согласиться на оный? Александръ Невскій казнилъ развратителей своего сына, и народъ свергалъ мятежниковъ съ мосту; но такія преступленія были уже государственныя, а не частныя или не гражданскія, обыкновенно наказываемыя у насъ денежными пенями отъ времени Ярослава до XIV вѣка. — Однакожъ во всякомъ случаѣ памятникъ нашихъ купеческихъ связей съ Германіею, ознаменованный печатію древности, сполнитъ замѣчанія, изображая нунъ и средства Нѣмецкой торговли въ сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи. Мы не усомнились внести нѣкоторыя обстоятельства сего договора въ нашу *Исторію*.

(204) Сн краикія, по достовѣрныя извѣстія собраны г. Сирпориємъ въ его *Geschichte des Hanseatischen Bundes*, Т. I, стр. 189 — 198 и Т. II, стр. 428 — 454. Тамъ упоминается, отъ XIV до XV вѣ

ка, о частых жалобах Новгородцев на обман Ганзейских купцов в доброту и мѣру Фламандских суконъ, и проч. — Справедливо сомнѣвался о мнимых *несмѣтных* богатствахъ тогдашняго Новгорода, Сарторій прибавляетъ, что тамъ до 1383 году не было даже и моста черезъ Волховъ! Сей ученый Историкъ не сказалъ бы того, если бы зналъ Новгородскую лѣтопись.

(205) См. Т. II, примѣч. 64.

(206) См. Торфя Hist. Norveg. IV, 154, и Даллин Gesch. des Schwed. R. II, 144.

(207) Древній харазейный списокъ сего важнаго договора находится въ библиотекѣ Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина. Мы обязаны сообщить опытъ любопытнымъ читателямъ опытъ слова до слова:

» Князь Мстиславъ Давыдовичъ послалъ свои мужи, » Еремѣя Пона, Паншеля Сопьского, опытъ Смоль- » нинъ въ Ригу, а изъ Ригы на Готъскій берегъ, » утверживаши миръ, а розлюбье на сторону отве- » ржи, которое было межъ Нѣмцы и Смольняны; а » за пошъ миръ спрадалъ (спарался) Рулафъ изъ Кашля » (Касселя) и Тумашъ Михайловичъ, абы добросердье » межъ ихъ было, абы Рускымъ купцемъ въ Ризъ и на » Готъскомъ березѣ, а Нѣмечкымъ купцемъ въ Смо- » ленской волости любо было, какъ миръ утвер- » жень, и добросердье абы въ вѣкы споляло, и Князю » любо бы и всимъ Смольняномъ и Рижаномъ и всимъ » Нѣмчемъ, по Вспочному морю ходящимъ, оже па- » кую правду высали, копорую правдою быши Ру- » сину въ Ризъ и на Готъскомъ березѣ, абыша тоя » правды держали и въ вѣкы.

» Богъ того не дай, оже розбой по грѣхомъ при- » годиться межъ Нѣмцы и Руси, что за что плати- » ти, абы миръ не раздрушенъ, абы Нѣмцию любо » было. — А се починокъ правдъ:

1. » Оже убьютъ вольнаго челоука, платити за » голову 10 гривень серебра по 4 гривны кунями или » тѣмъ же а за холопа гривна серебра; аже кто хо-

» лопу ударишь, гривна кунъ. Та же правда буди и въ » Смоленскѣ, и въ Ризѣ, и на Готъскомъ березѣ.

2. » Аще око выбьютъ или руку опытънутъ, или » погу, или иная копорая хромота на пѣтъ ливнѣся, » 5 гривень серебра, а за зубъ 3 гривны серебра. Та- » же правда буди въ Смоленскѣ и на Готъскомъ бе- » регу.

3. » А кто деревомъ ударишь челоука до крови, » полторы гривны серебра; аже ударишь по лицю » или за волосы иметь, или батогомъ шибеть, пла- » тити безъ четверти гривна серебра; аже послови » (послу) пригодится пакость или Попови, въ вся- » кой обидѣ за два челоука платити дань.

4. » Аще кто друга ранитъ, а хромоты на пѣтъ » не будетъ, полторы гривны серебра платити.

5. » Аще Рускый гостъ или въ Ризѣ, или на Готъ- » скомъ березѣ извинится (будетъ виноватъ), ника- » коже его всадити въ дыбу (колодку), оже будетъ » порука понъ; не будетъ ли поруки понъ, то лѣтъ » всадити въ желѣза. Или Нѣмечкый гостъ извинится, » не лѣтъ его верещи въ погребъ; оже не будетъ понъ » поруки, лѣтъ его всадити въ желѣза.

6. » Оже Нѣмечкый гостъ дастъ свой поваръ въ » долгъ въ Смоленскѣ, а Русинъ будетъ долженъ Ру- » си, ино Нѣмцию напередъ взяти. Таже правда бу- » ди Русину въ Ризѣ и на Готъскомъ березѣ.

7. » Аще Князь взвержетъ (гнѣвъ) на Русина, и » повелитъ его розграбити съ женою и съ дѣтьми, » а Русинъ будетъ долженъ Нѣмцию, (то Нѣмцию) » напередъ взяти, а потомъ како Богови любо и Кня- » зю. Таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готъ- » скомъ берегу.

8. » Или Нѣмечкый гостъ дастъ холопу Князю » или Боярьску, а кто задитцю (наслѣдье) его возметъ, » то у того Нѣмцию поваръ взяти. Таже правда » буди Русину въ Ригѣ и на Готъскомъ березѣ.

9. » Русину же не лѣтъ вестти одинаго Русина въ по-

» слышество, ни двою. Таже правда буди Нѣмцемъ въ Смоленскѣ.

10. » Русину же не лѣзъ имати Нѣмчина на желѣзо « (испытаніе посредствомъ раскаленнаго желѣза) » та-
» коже и Нѣмцичу Русина; аже возлюбилъ самъ своею
» волею, по его воля.

11. » Русину же не лѣзъ позвати Нѣмчича на поле
» (поединокъ) въ Смоленскѣ, ни Нѣмчичю въ Ригѣ и
» на Готъскомъ березѣ, или Нѣмечкый гость бинися
» въ Русь межи собою меча или суицами, Князю по
» ненадобѣ и никакому Русину, а правяшся сами по
» своему суду.

12. » А иметь Русинъ Нѣмчича у своей жены, ино
» за соромъ 10 гривенъ серебра: такоже Русину въ
» Ригѣ и на Готъскомъ берегу.

13. » Аще которой Нѣмчичъ учинилъ насиле надъ
» вольною женою въ Смоленскѣ, а дошолъ было не
» слышати блядѣ ей, 10 гривенъ серебра за соромъ;
» таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готъскомъ
» березѣ.

14. » А како услышишь Волоскый Тиунъ, еже гость
» Нѣмечкый прѣхалъ въ Смолняны на Волокъ, по-
» слати ему своего челоука въорзѣ къ Волочаномъ,
» атъ перевезуть Нѣмечкый гость съ товаромъ; а
» никомужъ иметь имъ пакосити, заеже въ той
» пакости велика пагуба бываетъ Смолняномъ отъ
» поганыхъ. И Нѣмцемъ мепати жеребьи, кому пой-
» ти напередъ. Аще иный гость будетъ Рускый, по-
» му пойти позади.

15. » А како будетъ гость Нѣмечкый въ городъ,
» даши имъ Княгини поставъ частины, а Тивуну Во-
» лочному рукавичъ перстапый Готъскый « (рукавицы
съ перстами или перчатки).

16. » А который Волочанинъ складываетъ товаръ
» Нѣмечкый или Смоленскый на кола своя чересь Во-
» локъ везти, а что погынетъ того шовара, всмѣтъ
» Волочаномъ плашати. Таже правда буди Русину и
» на Готъскомъ березѣ.

17. » А како будетъ Нѣмечкый гость въ Смоленъ-
» скѣ городъ, тако ему продаши свой поваръ безо
» всякія борони (препятствія); а какъ будетъ Рускый
» гость въ Ризѣ и на Готъскомъ березѣ, вольножъ
» ему продаши безо всякой борони.

18. » Аще который Нѣмчичъ хочеть пойти съ
» своимъ товаромъ въ иный городъ, Князю не боро-
» ниши, ни-Смолняномъ; или который Русинъ всхо-
» четь съ Готъскаго берега въ Нѣмечкую землю въ
» Любекъ (Любекъ), Нѣмцемъ не боронити пути того.

19. » Аще который Русинъ возьмешъ товаръ у Нѣм-
» чича, а понесешъ товаръ изъ двора, тый товаръ
» не ворочается; или который товаръ купилъ у Ру-
» сина и понесешъ изъ двора, тый товаръ не воро-
» чается.

20. » Русину же не лѣзъ позвати на опцій (общій)
» судъ, развѣ на Смоленскаго Князя; аже возлюбилъ
» Нѣмчичъ на опцій судъ, по его воля. А Нѣмчичю
» не лѣзъ позвати Русина въ Ригѣ или на Готъскомъ
» березѣ на опцій судъ: всхочешъ ли Русинъ на общій
» судъ, по его воля.

21. » Русину же не лѣзъ приставити Дѣчкаго « (Дѣп-
скаго, Ошрока, военного пристава) » къ Нѣмчичю въ
» Смоленскѣ, но прежде обвѣстити старѣйшему ихъ:
» оже старѣйшица его не уломитъ, то лѣзъ ему при-
» ставити. Такоже и Нѣмчичю въ Ригѣ и на Готъскомъ
» березѣ, не лѣзъ ему приставити Дѣпскаго.

22. » Оже будетъ Русину товаръ имѣти на Нѣм-
» чича или въ Ригѣ, или на Готъскомъ березѣ, въ ко-
» торомъ городѣ въ иномъ Нѣмечкомъ: пойти испъцю
» къ испъцю, и взяти ему тая правда, которая въ
» томъ городѣ; а *рубелъ* имъ не дѣлти; а Нѣмчичю
» таже правда взяти въ Руси. « Слово *рубелъ* упо-
» треблено здѣсь въ смыслѣ насильственного захваче-
» нія.

23. » А Нѣмчичю платити въсю отъ двою капью
» (съ 24 пудъ, купя Смоленская).

24. » Оже купити Нѣмчичю гривну золота, даши

» ему погата вѣсцю, или продасть, не даши ему ни
» векши.

25. » Или который Нѣмцичъ купишь судъ (сосудъ)
» серебряный, даши ему ошъ гривнѣ купя вѣсцю, или
» продасть, не даши ему ни векши.

26. » Аще купишь Нѣмцичъ гривну серебра, даши
» вѣсцю 2 векши, или продасть, не даши ему.

27. » Оже Нѣмчинъ дастъ серебро платишь, даши
» ему куну Смоленская гривень (съ гривны).

28. » Аще вощный пудъ (вощаной вѣсъ или 12 пудъ)
» исказись, лежишь капъ во свящій Богородици на
» горѣ, а другая въ Нѣмечкой Богородици: по тымъ
» пудъ извѣраче, право учиниши. Таже правда буди Ру-
» сину въ Ризѣ и на Готъскомъ березѣ.

29. » Нѣмчию же всякой поваръ вольно купиши
» безъ борони въ Смоленскѣ, такоже и Русину воль-
» но купиши всякий поваръ безъ борони въ Ризѣ и
» на Готъскомъ березѣ.

30. » Нѣмчию же не надобъ никое мыто изъ Смо-
» леньска до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленска; такоже
» и Русину не надобъ мыто съ Готъскаго берега и
» до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленска.

31. » Аще Смоленскій Князь поидеть на войну,
» не надобъ ему (Нѣмцу) ѣхати; оже всхоцеть съ Кня-
» земъ, по своя ему воля; такоже буди и Русину воля
» въ Ризѣ и на Готъскомъ березѣ.

32. » Аже Русинъ или Нѣмцичъ иметъ шапъ у сво-
» его повара, въ пошъ его воля, что хочешь учиниши.

33. » Русину же не даши пересуда (судной пошли-
» ны) ни въ Ригѣ, ни на Готъскомъ березѣ, ни Нѣм-
» чию же платиши пересуда въ Смоленскѣ или у
» Князя, или у Тіуна, или урдили будутъ добріи мужи;
» болѣ же того не поимаши ни въ Ригѣ, ни на Готъ-
» скомъ березѣ. Таже правда буди Нѣмечкому гостю
» въ Смоленскѣ.

34. » А пудъ (вѣсъ) дали Нѣмчи Волочаномъ, иже
» имъ поваръ возиши всякому гостю, и коли иска-
» зись, а подругъ (такой же) его лежишь въ Нѣ-

» мечкой божищѣ, а другой ковати извѣривше
» иими.

35. » Епископъ же Рижскій, Фолкунъ Мастеръ
» *Болжнхъ Дворянъ* (Рыцарей Христовыхъ), и вси
» волостели по Рижской земли дали Двину волену отъ
» устья до верху по водѣ, и по берегу всякому гостю
» Рижскому и Нѣмечкому ходящимъ внизъ и верхъ.
» Богъ того не дай, аще кого припца примешь, или
» ладья уразись Руска, или Нѣмечка, вольно ему
» свой товаръ привезти къ берегу безъ всякой боро-
» ни. Аще будетъ въ пособленіе людей мало будетъ,
» а къ тому припаймаши людей въ помощь; то, что
» будетъ сулилъ найма, черезъ то болѣ не возиши. Та-
» же правда буди Русину въ Ризѣ и на Готъскомъ
» березѣ, и Нѣмчию въ Смоленской волости и въ
» Полъской и въ Витебской. А си грамота напи-
» сана бысть при Попѣ Иванѣ и при Мастерѣ Фул-
» кинѣ и при Рижскихъ мужехъ, и при многихъ куп-
» чехъ Рижскаго Царства, еже естъ тѣхъ печать
» на сей грамотѣ. А се сушь сему послуси (свидѣтели)
» Регембодъ, Тепаршъ, Адамъ, горожане на Готъ-
» скомъ березѣ; Мемеберъ, Вередрикъ Домомъ изъ
» Люпка (Любска); Индрикъ, Топлиеръ: таже сушь
» изъ *Южата* (Данцига?) — Кондрашъ кривый, Еганъ
» Киношъ: ти сушь изъ Мунстера (Минстера) —
» Бершикъ и Фолкиръ, тиже сушь изъ *Глули* (Гре-
» шингена?) — Яремъ, Брашъ: тиже сушь изъ *Дрот-*
» *минги* (Доршмунда) — Индрикъ, Чижики: тиже изъ
» *Дрлми* (Бремена?) — Альбрахъ Слукъ, Бернгаръ Ве-
» лсперъ, Алеберъ судья Рижскій: таже сушь Рижане.
» Аще который Русинъ или Нѣмцичъ прошивнипися
» всхоцеть сей правдѣ, да пошъ прошивень Богу и
» сей правдѣ.»

(208) См. Т. II, стр. 67.

(209) Вопъ древнѣйшее извѣстіе о судебныхъ по-
» сдникахъ въ Россіи, о коихъ столь много говорилось
» въ законахъ Царя Іоанна Васильевича.

(210) Здѣсь называюща *волоками* прострапство

между Двиною и Днѣпромъ, чрезъ которое надлежало сухимъ путемъ везти шовары.

(211) Во всѣхъ нашихъ старинныхъ Ариометрикахъ сказано о вѣсахъ такъ: » берковецъ 10 пудъ, *твёрть воцаная* (или *каль*) 12 пудъ, ансырь 2½ гривенки и 8 золотниковъ (или 128 золотниковъ), а нынѣшній ансырь фунтъ или 96 золотниковъ, а въ липрѣ 1½ гривенки, а золотниковъ 72,* и проч. Нашъ древній вѣсъ *Каль* содержалъ въ себѣ 8 Ливонскихъ паланшовъ, какъ сказано въ заключенномъ между Нѣмцами и Новгородцами трактатѣ, (см. выше, примѣч. 202): *Statera, quae dicitur Cap, debet in gravitate continere VIII Livonica talenta.* — Здѣсь именно означаются купы *Смоленскія*: следовательно между сими, Новгородскими и другими кунами была розница.

(212) См. *Ließänd. Chron.* II, 23. Тамъ сказано, что онъ заключенъ въ 1128 году, на Латинскомъ и Русскомъ языкѣ, и что Мстиславъ Смоленскій подписался за Князей Полоцкихъ и Россійскихъ Витебскихъ.

(213) Если бы при Ярославѣ гривна серебра содержала въ себѣ, на примѣръ, не болѣе двухъ гривенъ кунами, то вѣроятно ли, чтобы Князь Смоленскій вдвое уменьшилъ пеню за убійство цѣною серебра, определяя взыскивать съ убійцы тѣ же сорокъ гривенъ кунами? Количество драгоценныхъ металловъ безъ сомнѣнія увеличилось въ Россіи съ XI до XIII вѣка. — О Новгородской гривнѣ 1230 году см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 475.

(214) Церковь Софіи, Кіевская и Новгородская, также Соборная въ Владимірѣ, построенная Андреемъ; безъ сомнѣнія и другія: ибо Лѣтописецъ ска- зываетъ за рѣдкость, что Суздальская была оидѣлана одними Русскими художниками.

(215) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 118. О Милонѣ см. въ *Кіев. Лѣт.* подъ годомъ 1198. Сей же Милонъ, думаю, въ 1185 г. построилъ Новгородскую

церковь. Св. Вознесенія (см. *Новгородск. Лѣт.* г. 6693). (216) Кіевск. *Патерикъ*, 120, 123.

(217) Я видѣлъ нѣсколько такихъ расписанныхъ лисповъ въ древнихъ Евангеліяхъ и другихъ церковныхъ книгахъ. Наименую изъ нихъ двѣ: Псалтирь XII вѣка въ библіотекѣ Московскаго Профессора, Г. Баузе, и весьма же древнее Евангеліе въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина. — Слѣпую за пужное упомянуть здѣсь о славныхъ, такъ называемыхъ *Каппаніоновыхъ доскахъ* (*Tabulae Capponiae*), о коихъ много мнѣ Ученые писали и спорили (см. Ассеман. *Kalend. Eccles. Univ.* Т. I, стр. 1 и слѣд.). Священникъ Герасимъ Фока, уроженецъ Кефалонскій, будучи въ Москвѣ Духовникомъ (какъ утвѣряютъ) Государя Петра Великаго, въ даръ отъ него получилъ живописное изображеніе всѣхъ Россійскихъ Святыхъ (въ маломъ видѣ) на пяти доскахъ, съ означеніемъ мѣсяцевъ и дней, когда покрещивается ихъ память. Герасимъ скоро умеръ отъ звы въ Консепаннинополѣ; а братъ и наслѣдникъ его за 300 червонныхъ уступилъ сіи картины Маркизу Александру Каппонію, отдавшему ихъ, какъ безцѣнное произведеніе *древняго* Русскаго искусства, въ библіотеку Ватиканскую. Необыкновенный блескъ, нѣжность или тонкость красокъ, и даже правильность рисунка удивили Италіянскихъ художниковъ. Самъ Каппоній написалъ о томъ цѣлую книгу въ 1731 году, и думалъ, что такіе краски могли бытъ составлены единственно изъ соку неизвѣстныхъ травъ или какого нибудь химическаго смѣшенія. Игнатій Кульчинскій, Авторъ книги *Specim Ecclesiae Ruthenicae*, угадывалъ, что сіи картины писаны во время Владиміра Святаго. Ассемани считалъ опыта памятникомъ XIII вѣка: ибо на нихъ изображены нѣкоторые Святые, признанные Греческою Церковію послѣ Владиміра, но нѣтъ ни одного, жившаго въ XIV столѣтіи: заключеніе вѣроятное для однихъ иностранцевъ! И нѣтъ ницупъ у насъ на доскахъ такіа Святца съ изображеніемъ единственно древ-

нихъ Свяшыхъ Греческихъ. Гладкость и понокость красокъ, столь удивительныя для Каппонія, происходили отъ того, что наши иконописцы, разводя оныя личнымъ бѣлкомъ, послѣ обыкновенно лащатъ одежду и лица на образахъ зубомъ или другимъ подобнымъ веществомъ. Однимъ словомъ, Каппоніевы Свяшцы могли быть произведеніемъ XVII вѣка. Внизу на доскахъ (сдѣланныхъ, по мнѣнію Каппонія, изъ Ливанскаго кедра!) живописцы означили имена свои; на одной: *писалъ Андрей Ильинъ*; на другой: *писалъ Никита Ивановъ*; на третей: *писалъ Сергій Васильевъ*. Ассемани хотѣлъ насъ даже увѣрить, что сіи живописцы были Аѳинскіе Монахи, и Греки!

(218) См. выше, стр. 177. Увидѣвъ шелковыя, золотомъ шитыя перчатки въ гробѣ Папы Иннокентія IV, погребеннаго въ 1254 году, Италіяпцы хвалились изобрѣщеніемъ въ Европѣ сего искусства, неизвѣстнаго во Франціи до XV вѣка. Впрочемъ еще въ Библии упоминается о виссонѣ *швенномъ*, и проч.

(219) См. *Патерикъ* л. 125, 126, 127, 178.

(220) См. Т. II, стр. 28, примѣч. 142, 328, и выше, примѣч. 23, 137; см. также *Патерикъ* Кіевскій и *Степенъ*. Кн. I, 270, 272.

(221) Сочинитель именуетъ Князей своего времени, Ярослава Галицкаго и другихъ, жившихъ въ концѣ XII вѣка. А. С. Шишковъ въ примѣчаніяхъ на *Слово о полку Игоревѣ* утверждаетъ, что сочинитель не отъ себя величаетъ сихъ Князей, но именемъ Святослава: гордый Владышеть Кіевскій не могъ называться ихъ своимъ *Господици*, или *Государями*, какъ тамъ сказано (стр. 29, 30): «вступипа, Господина, въ златный спременъ... спрѣлай, Господине, Кончака,» и проч.

(222) О семъ происшествіи 1185 года см. выше, стр. 71. — Всеволодъ, хваля свою Курскую дружину, говоритъ (*Слово о полку Игоревѣ*, стр. 8): «а мои Куряни свѣдоми *кметти*:» *кметями* назывались

слуги и дружина: см. ниже, примѣч. 230. Въ пингуэтъ слово *полкъ* употреблено въ смыслѣ *битвы*.

(223) Сочинитель хочетъ сказать, что Россіяне, обогатившись золотомъ и Греческими шкапями, бросили оспальное, менѣе драгоцѣнное.

(224) «Се бо *Готскія* красныя дѣвы... звоня Русскимъ златомъ,» и проч. Со временъ славнаго Германариха жили Готы (см. Т. I, примѣч. 86) въ Тавридѣ, гдѣ властвовали погда Половцы.

(225) *Слово о полку Игоревѣ*, стр. 31. Здѣсь рѣчь о Романѣ Мстиславичѣ Волынскомъ или Владимірскомъ (который сдѣлался послѣ Галицкимъ) и двоюродномъ братѣ его, Мстиславѣ, сынѣ Ярослава Луцкаго. Авторъ говоритъ ниже: «Ингварь, Всеволодъ» (братья Мстислава Ярославича) «и вси при Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрици.» Сравнивая сихъ *трехъ* братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ *шестокрыльми* для того, что у трехъ птицъ *шесть* крыльевъ; а Мстиславичами именуетъ по ихъ правдѣ, Мстиславу Великому.

(226) Въ томъ смыслѣ, кажется, что его одинъ умъ замѣнялъ *восямъ* умовъ. «Отверзаешь нупъ къ Кіеву:» т. е. кого хочешь, пускаешь въ Кіевъ.

(227) См. Т. II, стр. 82. О смерти Изяслава I, убитаго въ 1078 году вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ (см. Т. II, стр. 97), Сочинитель говоритъ (стр. 16): «съ тоя же Каляы Святополкъ (или Микханъ, сынъ Изяславовъ) не *спѣтъ* я опца своего мѣждо Угорьскими ипоходьцы ко Св. Софіи къ Кіеву.» Издашени не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: «по *велѣ* я,» вмѣсто: «по *спѣтъ* я» то есть, *взялъ*. Сочинитель хочетъ сказать, что Святополкъ взялъ на мѣстѣ битвы и повезъ въ Кіевъ *тѣло* опца своего на Венгерскихъ ипоходцахъ; по современній Несторъ пишетъ, что Изяславъ убитъ не далеко отъ Чернигова. —

(228) О семъ счастливымъ походѣ Святослава см. выше, стр. 70.

(229) То естъ, Хану, у коего Игорь былъ плѣнникомъ.

(230) Сія церковь была построена Мешиславомъ Великимъ (см. Т. II, примѣч. 225). Въ той же книгѣ, въ коей находитсѣя *Слово о полку Игоревѣ* (въ библиотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина) вписаны еще двѣ повѣсти: *Синагрий*, *Царь Адоровъ*, и *Дълнѣе прежнихъ временъ храбрыхъ человекъ*. Онѣ безъ сомнѣнія не Русское сочиненіе, но достойны замѣчанія по древности слога. Первая сказка начинается такъ:

» Въ то время азъ Акырь *книгѣй (книжничъ)* бѣ, и речено ми естъ отъ Бога: *отъ тебе чадо не родится*. Имѣніе же имѣя паче всѣхъ человекъ; по-
 » яхъ жену и устроихъ домъ, и живъ 60 лѣтъ, и не быешъ ми чада, и създахъ шребники (жертвенники) и възгнѣвшихъ огнь, и рѣхъ: Господи Боже мой! аще умру, и не будетъ ми наслѣдника, и ркушъ чело-
 » вѣци: *Акырь праведенъ бѣ, и Богу истинно служаше; аще умреть и не обряцеться мужескъ плъ (полъ), иже постоитъ на гробъ его, ни двѣгескъ плъ, иже бы его оплакала; ни иже по немъ задницу (наслѣдство) возьметъ...* И пылъ прошу у тебе, Господи Боже мой! даждь ми мужескъ полъ: гда преспаволюся, да всыплеть ми прѣсть (персть) на очи мои. « Сія самая повѣсть переведена съ Арабскаго на Французскій языкъ и напечатана въ Продолженіи *Тысяти одной ночи*. Какимъ образомъ она сдѣлалась извѣстною въ древней Россіи? — Вторая повѣсть изображаетъ богатырство шрехъ сыновей одной пажбойной вдовы, и племянника ихъ, Девгенія. Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Греческой. Сочиненіе не богато стихотворными вымыслами: храбрецы бьютъ людей какъ мухъ и съкупаютъ головы тысячами. Однакожь сообщимъ нѣкоторыя описанія. « Ста Амера на сумежїи Грецкой земли и рече: Боярство мое великое, сынове Аравиньскїи! имѣете ли дрѣзость на Гречкую землю, противу пѣ (пой) силъ пѣки поставиши? И единъ Аравинянинъ велегласно рече...

» устпы у него пѣди; на копецъ устепъ висяху многы жуковны, и по копецъ носа 12 замка замчєна. « О Девгеніи сказано: двѣнадцати лѣтъ мечемъ играешъ, а на 13 лѣто копѣмъ, а на 14 лѣто похупаетсѣя (покушается) великій звѣрь побѣдити. « Онъ ѣдетъ къ славной красавицѣ Спратиговѣ, брѣчитъ подъ окномъ ея на гусляхъ серебряныхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: « Кжи ми опца своего и бранію, каковы супъ? И пача дѣва ему глаголаши: на опцѣ моемъ брони злѣши и шеломи злѣтъ съ каменіемъ драгимъ и жемчюгомъ сажешъ, а копъ у него покрытъ паволокою зеленою; а браніа моя супъ въ серебряныхъ бронехъ, только шеломи злѣты, а кони у нихъ чръленою паволокою покрыты. « Побѣдивъ опца и браніевъ, Девгеній говоритъ имъ: « азъ спароси паволя дѣля пожалуй дамъ пѣ свободу, и сыномъ твоимъ; только (только) знаменіе свое хочю въложити на вастъ... И бѣ на Спратигѣ злѣтъ крестъ прадѣа сего многоцѣннѣ, и у сыновъ его жуковны многоцѣнны съ драгимъ каменіемъ; то взя у нихъ за знаменіа мѣсто. « Онъ женился на Спратиговѣ, и иестъ предлагаетъ ему дары: « Пода Спратигъ своему злѣто 30 фаревъ (коней), а покрышы драгимъ паволоками, а съдѣа и узды злѣтомъ кованы; пода ему конюхъ 20, пардусовъ и со-
 » коловъ 30 съ крѣмилници своими, и дастъ ему ко-
 » жуховъ 50, сухымъ злѣтомъ шипы, и паволокъ великихъ 100; шаперъ великъ единъ шипъ весь злѣтомъ: вмѣщахуся вошь многы писуца (тысящи) вой, и ужица бяху шапра того шолькова, а колца сребрена; и подасть ему икону злату Св. Θεодоръ, и копіа 4 Аравиньская, и мечъ дастъ прадѣа своего. А шєца подасть ему драгыхъ паволокъ зеленыхъ 30, кожуховъ 20, сухымъ злѣтомъ шипыхъ съ драгимъ каменіемъ и съ жемчюгомъ; прѣвый шуришъ уноша подасть ему 50 поясовъ златокованныхъ, и пѣа шурия даша ему многы дары, имъ же ибешъ числа. « — Замѣтимъ нѣкоторыя древнїя сло-

ва въ сѣхъ двухъ повѣстяхъ: хорекъ называется *дэхоръ* (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 63), рогашина *ровица*, полще *вѣтше*, кушинъ *кля*, слуги *кметы* (у Славянъ Иллирическихъ стетіи значить бытъ въ подданствѣ). *Жуковина* или *жиковина* есть перстень: сіе слово часто употребляется въ грамопахъ XV и XVI вѣка, особенно въ Крымскихъ.

Въ шой же книгѣ находится еще *Сказаніе о Индіи богатой*, или мнимое письмо *Священника Іоанна* къ Мануилу, Греческому Императору. О семъ Царѣ-Священникъ см. ниже, примѣч. 239. Іоаннъ рассказываетъ Мануилу, что ему повинуются въ Индіи 72 Царя; что въ его земляхъ рождаются *поталы* (полчеловѣка и полпса) *урши* или медвѣди, *Фениксы*, рыбы съ золотою кровью, звѣри о пяти ногахъ, и *Сапиры*; что люди тамъ не глупы, ибо опъ всякой лжи бѣдѣютъ какъ мертвецы; что улицы намощены драгоценными камнями, и проч.

(231) Такъ Епископы убѣждали Святополка II не мучить Василька, а Долгорукаго освободить Берладника; такъ Митрополитъ удерживалъ Новгородцевъ отъ войны междоусобной; такъ Архіепископъ Митрофанъ примирилъ народъ съ Кяземъ (см. выше, стр. 197), и проч.

(232) См. Т. II, стр. 80. Въ самыхъ монастыряхъ бывали иногда пиры, осуждаемые Митрополитомъ Іоанномъ въ его *Церковномъ правилѣ* (см. Т. II, примѣч. 142). — О Всеволодѣ I говоритъ Несторъ (въ печат. стр. 133): «бѣ же въздержаясь опъ шельства.» — О дѣтяхъ побочныхъ см. *Русскую Правду* (сей *Ист.* Т. II) опдѣленіе XXXVII; см. также въ договорѣ Кязя Смоленскаго съ Нѣмецкими городами статью I.

(233) При Всеволодѣ I (Т. II, стр. 114), Ярополкъ II, (Т. II, стр. 214, при Игорѣ II Т. II, стр. 238, послѣ Андрея Боголюбскаго (выше, стр. 30), и проч.

(234) См. *Воскресен. Лѣт.* I, 69.

(235) См. Т. II, примѣч. 328, въ отвѣсахъ Нифопша на вопросы Кириквы.

(236) Не говоря о Святославѣ, который, будучи слабымъ отрокомъ, уже металъ копья въ Древлѣнъ, замѣнимъ, что Всеволодъ III, осаждая Пронскъ, имѣлъ съ собою двухъ сыновей, Георгія десятилѣтняго и Владиміра пятилѣтняго.

(237) См. въ Бержерон. собраніи, Т. I, Voyage de Benjamin, стр. 65. Веніаминъ именуешь городъ *Пинъ* или *Финъ*: думаютъ, что надобно читать *Хиве*, т. е. Кіевъ (см. Шпренгеля *Gesch. der Entdeck.* 278).

Достоинъ замѣчанія, что Персидскій Спяхопворецъ XII вѣка, Низами, въ своей Поэмѣ Александра Великаго, упоминаетъ о Россіянахъ какъ о союзникахъ сего Героя: озлоблясь на нихъ за опустошеніе столицы Королевы Арменской, опъ плѣнилъ Россійскаго Царя, именемъ Кайшала (см. въ Гаммер. *Fundgruben des Orients*, о твореніяхъ Низами, стр. 119). Это сказка; но свидѣтельствуетъ, что Россіи въ XII вѣкѣ уже славились могуществомъ въ Персіи.

(238) См. Дегина *Histoire générale des Huns*, Т. III, кн. XV, стр. 2 и слѣд.; также Абульгази-Балдуръ-Хана *Histoire généalogique des Tatars*, Гобилев. *Histoire des Mongous*, Пети де-ла-Круа *Histoire du grand Genghiskhan*, и въ Эрблом. *Bibl. Orient.* статьи *Genghiskhan*, *Mohammed*, и проч. Все, что говорю здѣсь о Моголахъ или Татарахъ, взято изъ сѣхъ нешочниковъ.

(239) Дегинъ пишетъ (Н. des Huns, кн. XV, стр. 20), что сей Татарскій Ханъ, обращенный въ Христіанство Несторіанскими Миссіонаріями, былъ тошъ *Священникъ* и Царь Іоаннъ, который велъ переписку съ Папами и Государями Европейскими. Онъ славился въ Европѣ во время путешествіи Карпина и Рубруквиса (см. Бержерон. *Voyages etc.* Т. I). Фишеръ думалъ, что *Священникомъ Іоанномъ* назывался Патріархъ Несторіанскій (Сибирск. *Исторія*, стр. 43 и слѣд.). Другіе искали сего романическаго Царя-

Пресвитера въ Абиссиніи. Между бумагами, полученными мною изъ Кенгсбергскаго Архива, находящіяся два письма Великаго Магистра Нѣмецкаго, Конрада фонъ Юнгингена, отъ 20 Января 1407 года къ Королямъ Арменіи и Абассійскому или Свѣщеннику Іоанну (Regi Abassiae sive Presbitero Iohanni). Здѣсь Abassia означаетъ не Абиссинію, но Кавказскую Абазу или Авхазію. Вотъ новое открытіе для объясненія темной сказки о Свѣщенникѣ Іоаннѣ!

(240) Они прислали въ даръ Чингисхану пшеницу кречета, называемую по-Турецки *Шугаръ* (см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 205). Сибирскіе Моголы или Мунгалы рассказываютъ, что Чингисханъ имѣлъ главное свое жилище при рѣкахъ Ононъ и Курюлюмъ, изъ коихъ первый впадаетъ въ Шилку, а другая въ озеро Далай (см. Миллер. *Исторію Сибирскую*, стр. 3); что Вельможи, избравъ сего бывшаго Царевича въ Ханы, совѣщались, какое дашь ему новое имя; что въ ту минуту кака-то пшеница закричала: *Чингисъ!* и Вельможи назвали его симъ именемъ.

(241) См. Дегин. Н. des Huns, кн. XV, стр. 24, и нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 42.

(242) Татары, Турки и Россіяне называютъ Имперію Хинскую Кипчаемъ отъ имени народа Татарскаго, Кипчаевъ или Кипчановъ, владѣвшихъ ея сѣверною частию въ X вѣкѣ, но испреблѣнныхъ во XII столѣтіи Татарами Ніучами, покорившими сію же часть Кипчал. Ушедши въ Малую Бухарію, Кипчане основали тамъ особенную Державу, названную Кара-Кипай или Черный Кипай, для отличія отъ ихъ прежней восточной страны. Сии Кипчане, спасаясь бѣгствомъ отъ Ніучей, жили нѣсколько времени на берегахъ Иртыша и Оби, какъ донынѣ рассказываютъ Сибирскіе Татары, прибавляя, что тамошніе дремучіе лѣса казались имъ *рогами* и привели ихъ въ ужасъ (см. Фишер. *Сибирск. Исторію*, стр. 9).

(243) Т. I, стр. 24.

(244) См. ихъ Исторію въ Дегин. Hist. des Huns,

Т. I, стр. 241, и Т. III, стр. 174 — 251. Сельчуки разрушили владѣтельство Турковъ-Газневидовъ, копорыхъ Государь въ XI вѣкѣ первый именовался Султаномъ. Прежде Цари Магомедовскіе назывались Ма-леками (см. Дегин. Т. III, стр. 162).

(245) На картахъ пишется сія земля Харазмъ, Kharasm; называется также Ховарезмомъ, у насъ же Хивой (см. Рычкова *Топографію Оренбургск.* стр. 19).

(246) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 257 въ примѣч.

(247) См. Дегин. Н. des Huns, кн. XV, стр. 51.

(248) См. Баеров. Opuscula, de mto Caucasaeo, стр. 122 и слѣд. Когда Петръ Великій взялъ Дербентъ, то начальникъ сего города вручилъ ему любопытное Арабское сочиненіе о древностяхъ Дагестана. Между бумагами Миллера нашелъ я также рукопись подъ заглавіемъ: *Извѣстіе о городѣ Дербентѣ, переведенное съ Арабскаго языка въ Кизлярѣ 1758 году, стараніемъ Генералъ-Маіора и Кизлярскаго Оберъ-Комманданта фонъ Фрауендорфа*. Та и другая рукопись согласны въ главныхъ описательствѣхъ; со-общаю извлеченіе изъ Миллеровой:

» Кубатъ Шахъ царствовалъ въ Персіи около вре-
» мей Магомедовыхъ (еще въ VI вѣкѣ) и непре-
» сшанно воевалъ съ Царемъ Каганомъ Туркомъ (Ко-
» зарскимъ). Каганъ владѣлъ пагорною спороною рѣ-
» ки Волги, имѣя тамъ богатую столицу, близъ моря
» Каспійскаго, и до 400,000 войновъ. Наконецъ они
» помирились. Каганъ выдалъ дочь свою за Кубатова
» сына Нуширвана (или Хозроя I), и дозволилъ Пер-
» сидскому Шаху постронуть на границѣ каменную
» стѣну, чтобы ихъ подданные могли жить спокойно.
» Шахъ возобновилъ древнюю Каспійскую стѣну Але-
» ксандра Великаго (см. нашей Исторіи Т. I, стр. 45),
» сдѣлавъ въ ней многія желѣзныя ворота и шатъ
» укрѣпиль, что 100 войновъ могли защищать одну
» прошивъ 100,000 непріятелей (Баеров. Opuscula,
» стр. 123). Сынъ его, Нуширванъ, еще при жизни

» опца основалъ Дербеншъ съ другими городами и
» провелъ опъ него стѣну до Аграхани, гдѣ жилъ
» Царь Изфендіръ, данникъ Кагановъ, въ богатомъ
» мраморномъ дворцѣ, наполненномъ драгоценными ме-
» шаллами.

» Аравитяне, завладѣвъ Персією, побѣдили Кагана,
» и начальникъ ихъ (будто бы самъ Магомешъ) со-
» вѣтовалъ Персіянамъ еще болѣе укрѣпить Дербеншъ,
» клячъ ихъ Государства. Чрезъ нѣкоторое время
» сей городъ опложился опъ Персіанъ и поддался
» Кагану: Аравитяне при Калифѣ Великомъ (или Валидѣ,
» царствовавшемъ опъ 705 до 714 года) взяли его и
» разорили до основанія, но снова построили, устраи-
» шенные набѣгами Каспійскихъ народовъ. Абу-Абеншъ-
» Джерра, Визирь Персидскій, завосвалъ весь Даге-
» станъ, укрѣпилъ Дербеншъ, построилъ тамъ семь
» мечетей и семь желѣзныхъ воротъ. Преемникъ сего
» Визиря освободилъ гражданъ Дербенскихъ опъ данъ
» и велѣлъ, чшобы *невпрныге*, пріѣзжая туда для ку-
» печесства, жили за городомъ въ особенномъ Кара-
» вахъ-Сараѣ, и чшобы пословъ чужеземныхъ вводили
» въ крѣпость всегда съ завязанными глазами. Визирь
» Мерванъ снова паложилъ дань на Дербеншцевъ и на
» всѣхъ окрестныхъ жипелей. Кумыки давали ему 50
» работниковъ, 50 женщинъ и 20,000 горстей пшени-
» цы - Кубичинцы 50 работниковъ, Хайданъ 500 ра-
» ботниковъ и 20,000 горстей пшеницы, мѣстечко
» Кура, Ахшпы, Мискинъ по 20,000 горстей пшеницы
» и по 400 *рублей* деньгами, а Ханъ Шамаханскій
» 12,000 батмановъ пшеницы. Хлѣбъ изъ всѣхъ мѣстъ
» привозили въ Дербеншъ, и клали въ большомъ ка-
» менномъ анбарѣ. Сей городъ прославился въ самыхъ
» дальнѣйшихъ государствахъ; по злодѣй, именемъ
» Джіулъ, пайный другъ Кагановъ, овладѣлъ Дербен-
» шомъ, ушѣснилъ народъ и довелъ до нищеты: жи-
» тели разбѣжались въ Берды и въ Шамаху. Знаме-
» нитый Калифъ, Гарунъ Аль-Рашидъ (современникъ
» Карла Великаго) самъ былъ въ Дербеншѣ и старалъ-

» ся снова привеситъ его въ цвѣтущее состояніе. На-
» конецъ окрестные народы перешали свозитъ дань
» въ сей городъ, который упалъ совершенно; жипели
» обѣдляли, не захотѣли уже заниматься воинскимъ
» искусствомъ и начали торговать въ чужихъ зем-
» ляхъ. * — — Замѣтимъ, что Моисей Хоренскій (см.
его Geograph. стр. 356) упоминаетъ о *стѣнѣ Дер-*
бенитской (murus Darbandius).

(249) См. Абулгази Hist. des Tatars, стр. 310;
также нашъ *Исторіи*, Т. I, примѣч. 40. Лѣтопис-
цы Русскіе говорятъ, что Татары побѣдили Ясовъ:
Абулгази же именуетъ Аланъ.

(250) См. *Воскр. Лѣт.* II, 176, также *Новгород.*
Лѣт. стр. 99 и слѣд.

(251) См. *Волин.* и *Новгород. Лѣт.* — Чингисханъ
былъ, какъ мы сказали, роду Могольскаго; но какъ
большая часть его войска состояла изъ Орды Та-
тарскихъ, имъ покоренныхъ, то имя Татаръ сдѣ-
лалось общимъ. Между нынѣшними Моголами, или
Мунгалами, и нашими Татарами есть великая раз-
ница въ языкѣ и въ самой наружности: первые сход-
ствуютъ съ Калмыками, вторые съ Турками. Абуль-
гази производитъ ихъ и другихъ въ седьмомъ ко-
лѣтѣ опъ сына Іафеова, Турка, сказывая, что Аланца-
Ханъ имѣлъ двухъ сыновей, Татара и Могола (Hist. des
Tatars, гл. II и III), и что пращуръ ихъ, Таунакъ,
началъ первый употреблять соль (уропивъ печально
кусокъ мяса на соляную землю). Въ самомъ дѣлѣ ни
одинъ изъ народовъ Татарскихъ не именуетъ себя
Татарами, но каждый называется особеннымъ име-
немъ земли своей, увѣряя, что всѣ они происходятъ
опъ Турка; но какъ Абулгази пишетъ, что Татары
составляли многочислѣйшее племя между Турецкими
народами, то можно заключить, что прежде какая
нибудь сильная Орда дѣйствительно такъ называлась
(см. Фишер. *Сибирск. Исторіи*, стр. 86 и далѣе). Сіе
имѣніе утверждается еще и тѣмъ, что Якушы въ
числѣ боговъ своихъ поклоняются идолу *Татару*. Пер-

сидскіе и Арабскіе Историки не знаютъ сего имени, обыкновенно называя Чингисхана Царемъ народа Могольскаго. Нѣкоторые Ученые думали, что оно есть Кипайское: ибо Кипайцы называютъ все народы соседственныя Та-та. По сказанію Карпина (его Voyage въ Бергерон. стр. 38), имя Татаръ произошло отъ рѣки Татара.

(252) Сей Мстиславъ Святославичъ названъ здѣсь *Козельскимъ*. — Юный братъ Даниловъ, Василько, оставался тогда въ Владимірѣ Волынскимъ. Въ *Воскресенск.* и *Волынск. Лѣт.* сказано, что Данилу Романовичу было тогда около 18 лѣтъ; но Романъ убить въ 1205 году, а Данилъ остался послѣ него четырехъ лѣтъ. О Всеволодѣ Мстиславичѣ см. выше, стр. 196.

(2 3) См. древн. лѣтописи, и *Волынск. Лѣт.*

(254) Въ *Воскресен.* и другихъ лѣтописяхъ поставлено здѣсь 16 Іюня; но въ харашейной *Новгородской* 31 Маія; и въ *Троицкой* то же число. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: «Въ Пятюкъ:» такъ и было въ 1224 году, какъ означено въ *Новгородской* и *Волынской*.

(255) Въ наименованіи Килзей (конхъ родъ не означенъ въ лѣтописяхъ), слѣдую харашейной *Новгородской*. Яновка и Шумскъ суть города Волынскіе, а Нѣвижъ въ Минской Губерніи. Изславъ былъ сынъ Ингваря Луцкаго (см. выше, примѣч. 129). — А въ *Никол.* *Лѣт.* прибавлено: «Убиша Александра Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича, *Змѣтаго поля*» — и вмѣсто десяти тысячъ убитыхъ Кіевлянъ поставлено 60,000.

(256) См. Т. II, примѣч. 269. Дубровна есть мѣстечко въ Могил. Губ. въ Орш. Округѣ. Вѣроятно, что Килзь Дубровецкій былъ изъ роду Кривскихъ или Полоцкихъ. — На рѣкѣ Нижней Горыни есть также мѣсто Дубровицы: оно у Поляковъ долго называлось Кияжестномъ.

(257) Абульгази Histoire des Tatars, стр. 313, 314.

Въ лѣтописи: «Татаромъ же не дошедшимъ до Новгорода *Святославскаго*, Русь же не вѣдяху злобы и ласки Татарскіе, исходящу прощину имъ со кресты; они же избиваху всѣхъ.» Здѣсь говорился о Святославѣ, бывшемъ на Днѣпрѣ ниже Кіева близъ Випичева (см. сей *Историю* Т. II, примѣч. 155.)

(258) См. Абульгази Histoire des Tatars, стр. 314.

(259) См. *Новгород.* стр. 99.

(260) Сія комета была примѣчена и въ другихъ земляхъ Евронейскихъ (Cométographie I, 400.)

(261) См. *Новгород.* и *Пушкин. Лѣт.*

(262) См. *Пушкин.*

(263) См. *Пушкин.* въ описаніи 1227 года.

(264) См. Райнальд. Annales Eccles. Т. XIII. стр. 371. Письмо начинается такъ: *Universis Regibus Russiae. Gaudemus in Domino, quod sicut audivimus nuntii vestri ad venerabilem fratrem nostrum Mutinensem Episcopum A. S. L. a latere nostro transmissi, eum humiliter rogaverunt, ut partes vestras personaliter visitaret, quia cupientes sana doctrina salubriter instrui, parati estis omnes errores penitus abnegare.* Можеть быть, чинюшки Псковскіе дѣйствительно изъявляли готовность къ соединенію Вѣрѣ Греческой и Латинской, чтобы Римскій посолъ и Ливонскіе Рыцари тѣмъ усердіемъ защищали ихъ. Въ Ливонской Хроникѣ (Ч. I, стр. 205) сказано, что послы Новгородскіе и другіе въ 1224 году пріѣзжали къ Епископу Моденскому въ Ригу, но единственно для того, чтобы онъ именемъ Папы утвердилъ заключенный ими миръ съ Орденемъ.

(265) Въ Смоленскѣ княжилъ тогда Мстиславъ Давидовичъ.

(266) См. *Пушкин.*

(267) Въ древнемъ Богемскомъ нарѣчій слово *удатный* означало и *храбраго*. — Далѣе см. *Волынск. Лѣт.* Въ *Длугош. Hist. Polon.* кн. IV, стр. 604: Mscislaus, ob praestantiam *Chrobri* appellatus.

(268) См. *Пушкин.*

(269) См. *Пушкин*. Солнечное заимѣніе 14 Маія означено въ астрономическихъ таблицахъ.

(270) О *постригахъ* см. выше, стр. 154; о Твердиславѣ стр. 194. Посадникъ Водовикъ былъ въ 1229 году избранъ на мѣсто Іоанна.

(271) См. *Пушкин*.

(272) Водовикъ умеръ въ 1231 году. Ярославъ прѣхалъ въ Новгородъ Дек. 30, а черезъ двѣ недѣли опять уѣхалъ.

(273) «Купляхомъ» — въ харатейной *Новгородской* — «по гривнѣ хлѣбъ;» по во всѣхъ другихъ спискахъ: *полугривнѣ хлѣбца* — «и поболши; а ржи четвертую часть кади по гривнѣ серебра» — а во всѣхъ другихъ спискахъ: *по семи гривнѣ*, то есть, купцами: слѣдственно семь гривнъ Новгородскими купцами составляли тогда гривну серебра, или нынѣшними деньгами 10 рублей серебряныхъ, если оцѣнимъ фунтъ серебра въ 20 рублей. См. *Троицк.*, *Арх.* и *Воскр.*

(274) Вѣроятно, что хлѣбъ привезли Готландцы изъ Визби; а можетъ быть и дѣйствительные Нѣмцы изъ Любека и другихъ городовъ. Тапищевъ пишетъ, что Болгары возили тогда хлѣбъ по Оку и Волгѣ во всѣ города Россійскіе, и прислали Вел. Князю Георгію 30 судовъ съ житомъ: за что Георгій отдалъ ихъ золотомъ, серебромъ и костями рыбными.

(275) См. *Пушкин*. и *Новгород*.

(276) Ярославъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на дочери Мстислава Мстиславича Галицкаго; но, можетъ быть, онъ женился послѣ въ третій разъ.

(277) Сей Владиміръ Мстиславичъ умеръ, кажеся, во Псковѣ; а сынъ его, Ярославъ, долженъ былъ опшуда выѣхашъ.

(278) *Новгород. Лѣт.* стр. 137. Гробница сей Княгини *Евпраксії* и нынѣ стоитъ въ Псковскомъ монастырѣ Св. Іоанна, гдѣ показывають древній мѣдный подсвѣчникъ, на коемъ вырѣзано описаніе упомянутого

чуда; то же сказано и въ надгробной надписи. — Сочинившій *Степен. Кн.* ошибся, назвавъ Ярослава Владиміровича Псковскаго внукомъ Рюрика Кіевскаго (Т. I, стр. 353). Объ немъ еще упоминается въ описаніи дѣйствій 1245 года. Къ нему, думаю, писано письмо Григорія IX, Папы Римскаго, напечатанное въ *Райнальд. Annal. Essl.* подъ годомъ 1231. Узнавъ отъ Епископа Прусскаго, что онъ желаетъ присоединиться къ Латинской церкви, Григорій старался утвердить его въ семъ намѣреніи. Ярославъ Владиміровичъ, по сказанію Ливонской Хроникѣ, въ 1245 году отказалъ Дерптской церкви половину своего законнаго наслѣдства, то есть, Псковской земли (см. *Арх. Lief-land Chr. II*, 47).

(297) См. *Новгород. Лѣт.* стр. 122.

(280) По сказанію Алберта Спандскаго сіе сраженіе было въ 1236 году (см. *Арх. Lief. Chr. II*, 37, а по нашимъ лѣтописямъ въ 1237 или 1238. См. *Новгород. Лѣт.* стр. 127. Въ Псковской Архивской лѣтописи, л. 159: «Избиша Липва (въ 1237) на *Камень*» Псковичъ засадою Сени. 25; а въ Псковской Синодальн. № 349, л. 169, поставлены годъ 1238 и 25 Октября. — Не говорю о неутверномъ лѣтосчисленіи Руссова и Кельха. — Мѣсто *Камень* было въ области Псковской за рѣкою Великою (см. *Псков. Лѣт.*).

(281) См. *Воскрес. Лѣт.* II, 191. Въ сіе время уже всѣ главные Удѣльные Князья — то есть, Кіевскіе, Черниговскіе, Смоленскіе — назывались *Великими* (см. *Новгород. Лѣт.* стр. 45 и 122).

(282) Въ *Волы. Лѣт.* (по *Ипатіев.* списку въ 1229 году, а по *Длугос.* въ 1227): «Времени минувшу, ѣха Василько Суждѣлю на свадьбу *шурка* своего ко «Вел. Князю Юрью» (въ 1230 году женился старшій сынъ Вел. Князя, Всеволодъ).

(283) *Новгород. Лѣт.* стр. 115. Хотя въ *Ростов. Воскр.* и *Никон. Лѣт.* Изяславъ, союзникъ Михайловъ, названъ *Мстиславичемъ*, (внукомъ Романа Ростиславича Смоленскаго); но онъ, по всемъ обшпорашель-

спивать, долженъ быть сынъ того Владиміра Игоревича, которій съ братьями господствовалъ въ Галичѣ и спасся бѣгствомъ отъ ихъ жалкой участи вмѣстѣ съ сыномъ *Изяславомъ*. О немъ упоминается нѣсколько разъ въ *Волинск. Лѣт.* — Въ *Пушкин., Троицк. и Новгород. Лѣт.* сей Михаиловъ сподвижникъ, княжившій послѣ въ Каменцѣ, именуется просто *Изяславъ* безъ описанія. — Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Владиміръ Рюриковичъ умеръ въ Смоленскѣ; а *Псков. Лѣт.* упоминаетъ о кончинѣ его подъ 1239 годомъ.

(284) См. Турец. Chron. Hung. гл. 74. — Другой пишетъ (Hist. Pol. кн. VI, стр. 633), что по смерти Венгерскаго Королевича, Коломана, Даниилъ овладѣлъ Галичемъ, а Изяславъ, союзникъ Половецъ, скоро завоевавъ сію область, уступилъ ея Михаилу.

(285) См. *Пушкин. Лѣт.*

(286) См. *Троицк. Лѣт.*

(287) См. *Пушкин. Лѣт.*

(288) Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 72, и Карпин. Voyage, стр. 44. Карпинъ пишетъ, что Чингисханъ убилъ громомъ; а Сибирскіе Мунгалы разсказываютъ, что онъ, силою опьявъ у Тангутскаго Хана молодую жену, былъ ночью зарѣзанъ ею, и что она, боясь казни, утопилась въ рѣкѣ, названной по тому Хатунъ-Голь, или *женскаго* (см. Миллер. Сибирск. Ист. стр. 6).

(289) Абулгази Hist. des Tatars, стр. 367. Близъ дворца Угадаева находился прекрасный колодезь: вода лилася изъ челюстей серебрянаго тигра. Знавшіе ишіе чиновники жили въ особенныхъ домахъ, и сіе мѣстечко, называемое Каракарумъ, было окружено большимъ зѣрищемъ. Сіе описаніе Каракарума въ Voyage de Rubruquis, стр. 106.

(290) См. *Пушкин. Лѣт.*

(291) См. *Новгород. Лѣт.* стр. 127. — Въ другихъ новѣйшихъ лѣтописяхъ (см. *Русскій Временникъ*, I, 93) названы здѣсь Давидъ Игоревичъ Муромскій,

Глебъ Игоревичъ Коломенскій, Всеволодъ Пронскій; но Давидъ Муромскій (и не Игоревичъ, а Юрьевичъ) умеръ еще въ 1228 году, какъ означено въ *Пушкин.*; наследникомъ же его былъ сынъ Юрій. Князь Всеволодъ Глебовичъ Пронскій умеръ за долго до нашествія Таптаръ. Въ Родословныхъ Книгахъ столь же несправедливо означено, что сынъ его, Киръ Михайлъ, княжилъ при Батѣ въ Пронскѣ: сей Михайлъ убитъ еще въ 1218 году (см. выше, стр. 192.)

(292) См. *Русск. Временникъ*, I, 93 и слѣд. Тутъ и Князь Юрій Рязанскій наименованъ въ числѣ убитыхъ; но другіе лѣтописцы говорятъ, что онъ погибъ въ городѣ Рязани. Олегъ Ингворовичъ, бывъ долго плѣнникомъ, умеръ въ 1258 году (см. ниже). Лѣтописи современныя суть Новгородская, Волинская, Суздальская, или Пушкинская.

(293) См. *Русск. Временникъ* и *Волин. Лѣт.*

(294) Въ *Русск. Временникѣ*: «и не бѣ спонющаго, ни плачущагося . . . по вси вкупѣ мерзвы лежаще.» *Никонов. Лѣт.* прибавляетъ о жестокости Таптаръ слѣдующее: «грудъ возрѣываху и желчь выпмаху, и съ иныхъ кожи одираху, а инымъ итлы и щепы за погги біяху,» и проч.

(295) См. *Русск. Времен.* 101-103. Вообще повѣсть сія основана, кажется, на одномъ преданіи: хотя не достоверна, однакожь достойна замѣчанія. Я имѣю подлинникъ *Русскаго Временника* или Костромской лѣтописи: онъ писанъ (кроме новѣйшихъ прибавленій) въ XVII вѣкѣ, и принадлежитъ Графу А. И. Мусину-Пушкину.

Въ Зарайскѣ при Соборной церкви Св. Николая, построенной во время Царя Θεодора Алексѣевича въ 1681 году, есть другая церковь Іоанна Предтечи, основанная, какъ сказываютъ, на гробахъ Князя Θεодора, Княгини Евпраксии и сына ихъ Іоанна. Въ семъ Соборѣ стоитъ образъ Николая Чудотворца, окованный золотомъ и серебромъ въ царствованіе Василя Іоанновича Шуйскаго, въ 1608 году, и привезенный

изъ древняго Херсона. Въ упомянутой Коспромской лѣтописи или *Врѣменикѣ* (I, 77) находящся слѣдующій обстоятельство: «Въ 1224 году Св. Николай явился во снѣ Херсонскому Іерею Евстафію и сказалъ ему: возьми мой Чудоповѣрный образъ, жепу свою Θεодосію, сына пѣвчего, Евстафія, и гряди въ землю Рязанскую. Іерей не зналъ, гдѣ сія земля. Св. Николай вторично ему явился, толкалъ его въ ребра и велѣлъ ему итти на Востокъ (развѣ на Сѣверъ). Евстафій еще медлитъ, и въ наказаніе ослабѣлъ; но снова прозрѣлъ, когда рѣшился исполнить волю Угодника. Св. Николай не велѣлъ ему итти чрезъ землю Половецкую, а съѣсть на ладно въ устьѣхъ Днѣпра, плыть до Варяжскаго моря, въ область Нѣмецкую, или Ригу; ошпуда же ѣхавъ сухимъ путемъ въ Новгородъ и Рязань. Евстафій шакъ и сѣмалъ. Жена его хотѣла остаться въ Новгородѣ, и за то едва не умерла отъ жестокой болѣзни. Увѣдомленный во сновидѣніи о шестипѣтн образѣ, Князь Рязанскій Θεодоръ выѣхалъ къ нему на въспрѣчу и съ изумленіемъ увидѣлъ его лучезарное сіяніе. Отецъ Θεодоръ, Георгій, или Юрій, взявъ съ собою Рязанскаго Епископа, *Ефросина Святоторца*, прѣѣхалъ шакже поклониться святой иконѣ, для коей они заложили особенную церковь. Св. Николай чудеснымъ образомъ предвѣстивъ тогда Θεодору славную его кончину, «и проч. Упомянемъ еще о другой достопамятности Рязанской. Въ 36 верстахъ отъ нынѣшней Рязани естъ древній такъ называемый Богословскій монастырь. Въ немъ хранилась какая-то золотая печать Батыева, копорую Архіепископъ Михаилъ около 1653 года взялъ въ Соборную церковь, боясь, чтобы Мордовскіе разбойники не похищали сей драгоценности, чрезъ нѣсколько лѣтъ употребленной на позолоту водосвятной чаши и другихъ церковныхъ утварей. Рассказываютъ, что образъ Іоанна Богослова въ семъ монастырѣ писалъ Русаремъ, наученнымъ живописи отъ самого Апостола, и прислалъ Іеруса-

лимскимъ или Цареградскимъ Пашіархомъ въ даръ Князю Рязанскому.

(296) Абулгази (Hist. des Tatars, 479) рассказываетъ басню, что Россіяне вмѣстѣ съ друзьями своими, Нѣмцами, окопались близъ Москвы, и 3 мѣсяца противились Тамарамъ; что Шейбани, братъ Батыева, подкрѣпленный шестью тысячами новыхъ воиновъ, напалъ на окопы съ одной стороны, а Батый съ другой, и что Россіяне наконецъ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 70,000 человекъ.

(297) См. *Пушкин. Лѣт.*

(298) «Взяша (Татары) Суждаль и Св. Богородицу» разграбша, и дворъ Князь огнемъ пожгоша, и монастырь Св. Димитрія пожгоша, а прочіи разграбша, «а Черпци и Черници старыя и Попы, слѣпыя и хромыя, и глухыя, и трудоващія, и люди всѣ изсѣкоша; а что Чернецъ упыхъ, и Чернищъ, и Поповъ, и Понадій, и Дьяконы, и жены ихъ, и дщери, и сыны ихъ, то все ведаша въ сѣны.» Въ *Русскомъ Врѣменикѣ*: «церкви и монастыри пожгоша;» пощю сохрани Господь Дѣвичъ монастырь Положеніе Ризы Богоматери, въ пемъ же иноческое божреніе прохожаше спрадално блаженнаа Θεодулія со своими съ поспницами, дщи Вел. Князя Михаила Черниговскаго и Мученика, нареченная въ иноческомъ чину Евфросинія. «Вѣримъ, что дочь Михайлова и супруга Василька Ростовскаго, по смерти его, скончала дни свои Инокинею въ семъ монастырѣ; по тогда Василько былъ еще живъ.

Далѣе въ *Ногогород. Лѣт.*: «и спригошася вси (Владимір. Вельможи) въ образъ, шаже въ Скиму» отъ *Владыки Митрофана*, Князь (Всеволодъ) и Княгыни, дщи и сноха (Георгіевы) и добріи мужи. «Въ *Церковной Исторіи Россійской* несправедливо сказано, что одни Новгородскіе Епископы назывались тогда *Владыками*. — Въ *Волын. Лѣт.*: «Увидѣвъ Кн. Всеволодъ, яко крѣпчае бранъ належитъ, убояся — бѣ бо младъ — и изыде изъ града съ маломъ дружины,

« несый дары многы, надѣяше бо ся опѣ него живощъ
 « приипи. Опѣ же (Башый) яко звѣрь свирѣпый пове-
 « лѣ предѣ собою зарѣзати и. » — Въ *Пушкин.*: « Въ
 « Субботу Мясопустную почаша наряжати льсы, и
 « пороки спавниша до вечера, а на ночь огорожиша
 « пыномъ около всего города. Въ *Недѣлю* мясопу-
 « стную по заупрени приступиша къ городу *Февраля*
 « въ *седьмой, на память* *Феодора Стратилата*, и
 « бысть плачь великъ въ градѣ. » Мясопустъ былъ
 « Февраля 7 въ 1238 году; а выше сказано, что Та-
 « шары обступили Владиміръ Февраля 3, во *Вторникъ*:
 « развѣ Февраля 2? »

Супруга Георгіева, Агаѣя, погребена въ Успенскомъ
 Соборѣ Владимірскомъ. Въ старыхъ рукописныхъ
 Святцахъ названы снохи ея Марією и Христіною
 (см. Главу *О Святыхъ града Владиміра*). Далѣе: Всѣ
 « иконы одраша; а иныя изсѣкоша, а иныя поимаша,
 « и кресты и сосуды (сосуды), и книги одраша, и пор-
 « ты блаженныхъ первыхъ Князей, еже бяху повѣща-
 « ли въ церквахъ на память собѣ... И ту убоиетъ
 « бысть Пахомій, Архимандритъ монастыря Рожде-
 « ства С. Богородицы, и Данило, Игуменъ Успенскій,
 « Феодосій Спаскій и прочіи... Всеволода съ бра-
 « томъ *внѣ града* убиша и проч.

(299) См. *Новгород. Лѣт.*

(300) См. *Пушкин.* — О супругѣ Василька см. вы-
 ше, примѣч. 298. *Никон. Лѣт.* называетъ ее Марією.

(301) Въ *Новгород. Лѣт.*

Далѣе: « гоняшася опѣ Торикку оли до Игнача креста,
 « за 100 верстѣ до Новгорода. » Надобно вспомнить,
 что старыя версты были вдвое болѣе нынѣшнихъ.

(302) Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что у Ми-
 хаила Черниговскаго былъ сынъ Мстиславъ Карачев-
 скій, у Мстислава сынъ Титъ, у Тита Иванъ, у Ива-
 на *Василій*, убитый Башыемъ въ Козельскѣ: возможно
 ли, чтобы Михаилъ въ сіе время имѣлъ уже прапра-
 внука, когда большой сынъ его, Ростиславъ, въ 1229
 или 1230 году былъ еще младенцемъ или опрочкомъ?

Подобныхъ извѣстностей довольно въ нашихъ Родослов-
 ныхъ Книгахъ. — Тапищевъ сказываетъ, что Князь
Василій прозывался *Козлѣ*.

(303) А не изъ Новгорода. (*Воскресен.*).

Предлагаемъ маловажные извѣстія Лѣтописцевъ
 сего времени. — Въ 1227 году, Марта 14, Ми-
 трофанъ Кирилъ, находясь тогда въ Влади-
 мѣрѣ съ чешырма Епископами, поставилъ Ми-
 трофана Игумена Богородицкаго въ санъ Святитель-
 скій, при Велик. Князѣ и дѣтяхъ его, братьяхъ Свя-
 тославѣ, Юаннѣ, Болрахѣ и народномъ множествѣ; въ
 числѣ зрителей былъ и самъ Лѣтописецъ Суздальскій.
 Маія 1 (въ другихъ спискахъ: Маія 11 и 13) сгорѣлъ
 городъ Владиміръ, 27 церквей и дворецъ Константи-
 новъ съ бывшею въ немъ церковію Св. Михаила.
 Въ 1228, Генв. 6, преставился Схимникомъ
 Князь Владиміръ - Димитрій Всеволодовичъ и по-
 ложенъ въ Соборной церкви Владимірской Бого-
 матери. На Святой недѣлѣ умеръ сынъ Давида
 Муромскаго и самъ Давидъ, принявъ Схиму (не
 сынъ ли сего Давида признанъ Святимъ подъ именемъ
 Петра, коего память бываетъ 15 Юня? см. *Прологъ*.
 Мощи сего Князя и супруги его Февроніи лежатъ въ
 Муромскомъ Соборѣ. Князь Святославъ Всеволодовичъ
 сплуснулъ опѣ себя жепу съ великимъ награжденіемъ,
 ибо она захотѣла быть Монахинею; сія дочь Муром-
 скаго Князя уѣхала въ Муромъ до Борисова дѣла и
 тамъ посприглась. Племянникъ Велик. Князя Георгія,
 Всеволодъ Константиновичъ, женился въ Переяславѣ
 на дочери Олега Святославича Курскаго. Сент. 21
 родилась у Велик. Князя Георгія дочь Феодора. — Въ
 1229, Генв. 5, сгорѣлъ въ Владиміръ Княжескій дво-
 рецъ и 2 церкви. Епископъ Ростовскій Кирилъ
 оставилъ Епископію. — Въ 1230 году Василько, Все-
 володъ и Володимеръ (Константиновичи) послаша къ
 « опѣцу своему Гюргію и къ Епископу Митрофану по
 « Кирила *Игумена* и *Архимандрита* монастыря Св.
 « Богородицы Рождества, дабы и пустили на Епископ-

ство Ростову, и отпусти. Изыдоша на сръшенъе
Кирилово Князи и Княгини, и Боларе, и вси мужи, и
введоша и въ Св. Зборную церковь. « Великій Князь
Георгій женилъ сына своего старѣйшаго, Всеволода,
на дочери Владиміра Рюриковича Кіевскаго. Въ *Нового-*
род. Лѣт.: «той же зимѣ введоша съ Хутиня опѣ Св.
Спаса Арсенія Игумена, мужа кропка, Князь Яро-
славъ, Владыка Спиридонъ и всѣ Новгородъ, и даша
ему Игуменство у Св. Георгія, а Саву лишиша, по-
садиша въ келіи, и разболѣся, лежавъ 6 недѣль, и
преставися Марта 15, въ Субботу предъ обѣденою...
А дай Богъ молишва его свѣпая всѣмъ Крестъ-
яномъ и мѣй грѣшному *Тилового Пономарю* (а въ
другомъ спискѣ, напечатанномъ въ *Продолженіи дрв.*
Висліовики: «Іоанну Попови»).— Въ 1231 году Февр.
2, по лѣтописи Кириловской (Синод. библ. № 351),
перенесены мощи Св. Леонтія Ростовскаго изъ цер-
кви Іоанна въ Соборную Св. Богоматери. Князь Ва-
силько послалъ избраннаго имъ Епископа Кирилла въ
Кіевъ. Митрополитъ и Епископы окрестные, Порфи-
рій Черниговскій, Олекса (Алексій) Полоцкій, Бѣлого-
родскій и Юрьевскій, съ Архимандритомъ Печер-
скимъ Акиндиномъ и съ Игуменами Михаиломъ Выду-
бецкимъ, Петромъ Спасскимъ, Симеономъ Андреев-
скимъ, Корнилиемъ Теодоровскимъ, Аванасіемъ Ва-
сильевскимъ, Симеономъ Воскресенскимъ, Климентомъ
Кириловскимъ, Іоанномъ Мученическимъ изъ Черни-
гова, посвящили Кирилла Апрѣля 6, при Князѣ Вла-
димірѣ Рюриковичѣ и тогдашнемъ Воеводѣ Кіевскомъ
Іоаннѣ Славновичѣ. «Блхупъ же и нѣи Князи Русіи
на сонмѣ въ Кіевѣ: Михаилъ Черниговскій, сынъ
его Ростиславъ, Мстиславъ Мстиславъ, *Ярославъ*,
Изяславъ (см. выше, примѣч. 283.) «Ростиславъ
Борисовичъ» (племянникъ Владиміра Рюриковича) и
нѣи мѣози Князи, «И бысть Намѣстникъ преждъ быв-
шихъ въ Роспѣ Леоніи Свѣаго, священнаго Епи-
скупа Ісаи и Нестера и всѣхъ, яже почиша. Не оспа-
ихъ ни чѣмъ, вслѣду правомъ ихъ и ученью; не пок-

мо бо словомъ уча, но и дѣла кажа... вся прихо-
дѣлая изъ окрестныхъ градъ въ Св. Зборную цер-
ковь, ово послушающе ученья его, ово же хопяще
видѣти украшенія церкви Владычицы нашея Бого-
родицы; бысть бо украшеніе ея чудно, акоже не
бысть у прѣбывшихъ Епископъ. Ученью же и
пищанью дивляся (самъ Лѣтописецъ) сего Кирилла, съ
страхомъ и покореньемъ, послушая въ узцѣ мѣсѣ
нѣкоемъ... — Іюля 24 родился у Князя Василька
сынъ Борисъ.— Въ 1232 году женился Князь Владиміръ
Константиновичъ (а Ташицевъ прибавляетъ: «взялъ
дочь Игоря Рязанскаго, Надежду»). Въ 1233 скон-
чался Митрополитъ Кириллъ.— Въ 1236 году родил-
ся у Василька сынъ Глебъ. Въ ту зиму Вел. Князь
Георгій женилъ сыновей своихъ Владиміра и Мстислава.
Въ 1237 году прибылъ лѣтомъ изъ Никенъ въ Кіевъ
Митрополитъ Іосифъ, родомъ Грекъ.

Конецъ Примѣчаній III Тома.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ІІІ ТОМА.

Г Л А В А І.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Стр.ц.

Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Габба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ опданъ Смоленскому Князю: Сайгапъ или пирофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки

1.

Г. 1169 — 1174.

Г Л А В А ІІ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЬ ІІ.

Вѣче въ Владимірѣ. Добродушіе Михаила. Гордость Ростовцевъ. Корыстолобіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобіе въ южной Россіи.

37.

Г. 1174 — 1176.

Томъ ІІІ.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III
ГЕОРГІЕВИЧЪ.

Стран.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славомлюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Уирски Всеволоду. Великодушіе Мономахова пошомства. Осада Торжка. Полипка Новогодцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Липовскій. Война съ Половцами. Огнеспрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиръ въ Кіевѣ. Миротлюбіе Духовенства. Гибель Романа. Битва въ Польшѣ. Мяшежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Полипка Всеволодова. Спирогость и веледушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себя Новгородъ. Слава и хищничество Романа. Опущеніе Кіева. Постриженіе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Описаніе Романа. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествія въ Галичѣ. Кон-

Стран.

стантинъ въ Новгородѣ. Сѣверскіе Князья господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермнаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хищность Всеволода. Жестокость Вел. Князя. Смылость Мстислава. Миръ съ Ольговичами. Мяшежи въ Галичѣ. Неповиновеніе Константина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Постриги. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятіе Царяграда. Нѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власть въ Новгородѣ 47.

Г. 1176 — 1212.

ГЛАВА IV.

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ,
КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мстислава. Спирогость Ярослава. Голодъ въ Новгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епископъ Симонъ 164.

Г. 1212 — 1216.

ГЛАВА V.

КОНСТАНТИНЪ, В. К. ВЛАДИМІРСКІЙ
и СУЗДАЛЬСКІЙ.

Добросердечіе Константина. Дѣла Ливонскія. Важное предпріятіе Мстислава. Пылкость юнаго

Даніила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убий-
ства въ Рязани. Смерть Константины . . . 183.
Г. 1216 — 1219.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Безпокойства въ Новгородѣ. Великодушіе По-
садника. Дѣла церковныя. Войны. Успѣхъ.
Новгородъ Нижній. Освобожденіе Галича. Не-
благодариміе Мстислава. Происшествія въ Ли-
воніи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Литвы.
Слухъ о Татарахъ 194.
Г. 1219 — 1224.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНІЕ РОССИИ съ XI до XIII ВѢКА.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе
сѣзды. Право наследственное. Враги вѣнныя.
Правленіе. Обряды и чины двора. Войско. Тор-
говля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги.
Художества. Науки. Поэзія. Нравы. Древнѣй-
шее путешествіе въ Россію. 222.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Происхожденіе Татаръ. Чингисханъ. Его завоева-
нія. Половцы бѣгутъ въ Россію. Митріа о Та-

Стрп.

парахъ. Совѣтъ Князей. Избѣженіе пословъ Та-
тарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Татаръ.
Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ.
Ужасныя предзнаменованія. Новыя междоусобія.
Набѣги Литовскіе. Походъ въ Финляндію. Хри-
стіанство въ землѣ Корельской. Новгородцы
жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу.
Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новгородцевъ.
Происшествія въ Южной Россіи. Льготныя
грамоты Вел. Ярослава. Землеприселеніе. За-
пѣныя солища. Мятежъ въ Новгородѣ. Голодъ
и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Криводушіе Михаила.
Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ
Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніи-
ловы. Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами.
Мученикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его
завѣщаніе. Новое нашествіе Татаръ или Мо-
головъ. Опѣвшіе Князей. Заразъ. Взятіе Ряза-
ни. Мужество Евпатія. Коломенская битва.
Сожженіе Москвы. Взятіе Владиміра. Опусти-
шеніе многихъ городовъ. Битва на Сини. Герой
Василько. Спасеніе Новгорода. Осада Козель-
ска. Опшество Батыево 258.
Г. 1224 — 1238.